Д°
142921
E145

В. ЕВГЕНЬЕВЪ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

Сборникъ статей и матеріаловъ.

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

до 6/III 87 – Борисенко

Пр. 2010

Пр. 1955 г.
8(с)Р(092)
Е145

В. ЕВГЕНЬЕВЪ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

142921

Сборникъ статей и матеріаловъ.

Уральский государственный университет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.
MCMXIV.

Печатано въ типографіи К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ.

ИЗЪ ЖИЗНИ
Н. А. НЕКРАСОВА.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемая вниманію читателей книга отнюдь не является всестороннимъ монографическимъ изслѣдованіемъ, посвященнымъ Некрасову. Это не болѣе, какъ „Сборникъ статей и матеріаловъ", часть которыхъ уже была опубликована на страницахъ „Завѣтовъ" „Русскаго Богатства", „Современника", „Голоса Минувшаго" и „Жизни для всѣхъ", другая же часть которыхъ появляется въ печати впервые. Тѣмъ не менѣе, „Сборникъ" не представляетъ собой конгломерата механически соединенныхъ случайныхъ элементовъ. При составленіи его авторъ преслѣдовалъ двѣ совершенно опредѣленныя цѣли: *во первыхъ*, освѣтить наиболѣе темные пункты біографіи Некрасова, каковыми, безъ сомнѣнія, являются вопросъ о предкахъ поэта, его пребываніе въ ярославской гимназіи и первые годы петербургской жизни, и, *во вторыхъ*, выяснить основы общественнаго міросозерцанія Некрасова въ связи съ его отношеніемъ къ тремъ главнымъ факторамъ русской жизни—народу, интеллигенціи и правительственной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить, какое отношеніе къ себѣ возбуждала поэзія Некрасова со стороны каждаго изъ этихъ факторовъ. Само собой разумѣется, что поставленныя авторомъ задачи не могли быть разрѣшены исчерпывающимъ образомъ уже потому, что „некрасовѣдѣнія", т. е. научнаго изученія жизни и творчества поэта, пока еще не существуетъ, и автору „Сборника" во всѣхъ почти главахъ его приходилось выступать въ роли піонера. Работа же піонера не можетъ претендовать ни на непогрѣшимость выводовъ, ни на исчерпывающую полноту освѣщенія. Въ этомъ ея неизбѣжная слабая сторона. Сознавая, что и его „Сборникъ" не свободенъ отъ подобнаго недостатка, авторъ все же не можетъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія не констатировать, что въ его трудѣ видное мѣсто удѣлено новому матеріалу, извлеченному изъ различныхъ, по преимуществу, частныхъ архивовъ. Соединивъ результаты своихъ изысканій въ „Сборникѣ", авторъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ воздать дань благодарности тѣмъ лицамъ, чье содѣйствіе облегчило ему его работу. Для

автора прямо-таки незамѣнимой оказалась помощь Анатолія Федоровича Кони и Разумника Васильевича Иванова. Съ глубокой признательностью авторъ вспоминаетъ также о сочувственномъ отношеніи къ своимъ работамъ Конст. Фед. Некрасова, Ал. Ип. Панаева, А. Н. Макарова, П. А. Плетнева, профес. С. А. Венгерова, М. К. Лемке, Б. Л. Моздалевскаго, В. И. Срезневскаго, директора ярославской гимназіи Н. А. Веригина, письмоводителя гимназіи П. Ф. Пѣтухова, В. С. Филагріевскаго, библіофила П. А. Картавова, Б. А. Марковича и нынѣ покойнаго крестьянина с. Грешнева С. С. Полянина. Работы автора по изученію жизни и творчества Некрасова далеки еще отъ своего окончанія, а потому онъ беретъ на себя смѣлость обратиться къ своимъ читателямъ съ усердной просьбой присылать ему или способствовать присылкѣ находящихся въ частныхъ рукахъ неизданныхъ произведеній и писемъ Некрасова, а также всякихъ документальныхъ данныхъ, характеризующихъ его личность и журнальную дѣятельность; съ другой стороны, для автора большой интересъ представляютъ воспоминанія о Некрасовѣ рѣшительно всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ личныя сношенія, начиная отъ его партнеровъ по карточной игрѣ въ Англійскомъ клубѣ и кончая простыми крестьянами—спутниками его охотничьихъ экскурсій; еще цѣннѣе, разумѣется, воспоминанія его сотоварищей по литературной дѣятельности. Матеріалы о Некрасовѣ авторъ покорнѣйше проситъ направлять по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, библіотека Императорской Академіи Наукъ, Рукописное отдѣленіе, Всеволоду Измайловичу Срезневскому, для В. Евгеньева.

Авторъ.

С.-П.-Б. 8/X, 1913 г.

I. ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ РОДА НЕКРАСОВЫХЪ.

Какъ будто отъ такихъ отцовъ
Герои гдѣ нибудь родятся?

Одно изъ самыхъ задушевныхъ, если не самое задушевное посвященіе Некрасова адресовано его сестрѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ. Заявляя въ немъ, что онъ «умѣлъ не бояться клеветъ», усыпавшихъ терніями его жизненный путь, поэтъ продолжаетъ:

„Но я зналъ, чье во мракѣ ночномъ
Надрывалося сердце съ печали,
И на чью онѣ грудь упадали свинцомъ,
И кому онѣ жизнь отравляли.
И пускай онѣ мимо прошли,
Надо мною ходившія грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрѣлу отвели"...

Изъ этихъ проникновенныхъ словъ можно видѣть, съ какой безграничною любовью и трогательной нѣжностью относилась А. А. Буткевичъ къ своему брату при его жизни. То же отношеніе она сохранила и послѣ его кончины.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что сестра поэта создала для себя настоящій культъ его памяти и служенію этому культу отдавала лучшія свои силы. Въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ хранится неизданная переписка А. А. Буткевичъ съ С. И. Пономаревымъ, редакторомъ перваго посмертнаго изданія стихотвореній Некрасова. Почти каждое изъ писемъ Буткевичъ вскрываетъ всю глубину ея привязанности къ брату, которую «средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ и всякой пошлости и прозы» нельзя не признать исключительно рѣдкой. Вотъ нѣсколько выписокъ, взятыхъ наудачу: «Пишите пожалуйста, какъ пойдетъ Ваша работа... *) —*этимъ я только теперь и живу*» (26 апрѣля

*) Редактированіе подготовляемаго къ печати изданія.

1878 г.); «меня можно еще задѣть только по отношенію къ брату— *все остальное для меня* не существуетъ» (12-го мая); «вы уже сколько разъ приглашали меня заглянуть въ 3-й томъ. Это не упрекъ, я и такъ *заглядываю съ любовью каждый день во всѣ тома*» (12-го іюля); «я написала нѣсколько предисловій но въ каждомъ изъ нихъ *слышится душевный стонъ*, отъ котораго никакъ не могу отдѣлаться. Я понимаю, что должна обратиться къ публикѣ съ серьезнымъ словомъ, а не со слезами—вѣдь она деревянная, а газеты совсѣмъ заклюютъ» (20-го окт.); «что вы такъ разохались надъ смѣтою по изданію... Смѣту разсматривала редакція *) и ничего не нашла въ ней необычайнаго. Сама же я нигдѣ не справлялась; *мнѣ какъ то дико даже подумать, что вотъ я бѣгаю по типографіямъ и торгуюсь, кто дешевле напечатаетъ душу моего брата.* Пусть берутъ, что хотятъ» (24-го ноября). И это при условіи, что денежныя средства Буткевичъ, по ея собственному признанію, были въ то время крайне скудны. Разсказывая о медленномъ мучительномъ умираніи поэта, Анна Алексѣевна пишетъ: «Вотъ какія минуты я пережила; знать, что все кончено, что нѣтъ спасенія и не дрогнувъ говорить ему о надеждѣ. *Но баста! или сойду съ ума!*» (13-го дек.).

До какой степени доходилъ піэтетъ Буткевичъ къ памяти Некрасова, обнаруживаетъ ея письмо отъ 24-го ноября 1878 г., въ которомъ она съ чисто женской страстностью изливаетъ Пономареву свое возмущеніе по поводу того, что «Отечественныя Записки» напечатали статью д-ра Бѣлоголовaго, обстоятельно, съ указаніемъ всѣхъ интересныхъ для медика, но иногда малоэстетическихъ симптомовъ, описывающую болѣзнь Некрасова: «Хотя вы, пишетъ Буткевичъ, очень тактично умалчиваете о статьѣ Бѣлоголовaго въ О. З., но я знаю, что она должна была произвести на васъ тяжелое впечатлѣніе. Подумайте, что я должна была вынести: у меня волосы становились дыбомъ отъ всѣхъ этихъ неумѣстныхъ подробностей, я думала, что сойду съ ума—мнѣ хотѣлось броситься и на доктора, и на редакторовъ и выцарапать имъ глаза. Впрочемъ я слышала, что Салтыковъ (который у меня за всю пишущую братью) горячился и доказывалъ неумѣстность подобной статьи въ литературномъ журналѣ, но или по слабости характера, или по недостатку любви къ брату, уступилъ, хотя, какъ редакторъ, имѣлъ право не принимать статью. Что всего стран-

*) Редакція журнала „Отечественныя Записки“.

нѣе, что меня хотятъ увѣрить, что памяти моего брата оказана такая честь, которой никто еще не удостанвался, вотъ вамъ и пониманіе вещей! Нѣтъ это не честь—это медвѣжья изъ медвѣжьихъ услугъ».

При всей неосновательности своей обиды, сестра поэта лишній разъ доказала здѣсь силу и искренность своей любви къ нему.

Вѣчно прикованная мыслью къ умершему брату, А. А. Буткевичъ смотрѣла на редактируемое Пономаревымъ изданіе только какъ на первый этапъ въ дѣлѣ увѣковѣченія памяти Некрасова. Она не переставала мечтать о новомъ, болѣе совершенномъ изданіи стихотвореній поэта. Надъ планомъ его она работала сама. «Дѣленіе на текстъ и приложенія, пишетъ она Пономареву отъ 12 іюля, не есть мое личное убѣжденіе, я составила планъ, какъ бы можно было издать сочиненія моего брата, и онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ вашимъ, ни съ тѣмъ, который я предложила вамъ и на которомъ я настаивала... Я работала для своего личнаго утѣшенія, но можетъ быть при будущемъ изданіи я рѣшусь заявить мою идею».

Независимо отъ изданія по новому плану, А. А. Буткевичъ лелѣетъ мечту и о научной біографіи Некрасова. Біографія, написанная Скабичевскимъ, отнюдь не удовлетворяетъ ее точно такъ же, какъ и Пономарева. Сестру поэта утѣшаетъ только соображеніе, что «едва ли можно было въ такое короткое время сдѣлать что нибудь серьезное». «Кто могъ бы сообщить, пишетъ она отъ 12 іюля, что нибудь—притаился. Я знаю, что у Пыпина есть кое-что, чѣмъ онъ могъ бы подѣлиться, но онъ, конечно бережетъ для себя—и хорошо дѣлаетъ. Подумайте—какіе дивные матеріалы онъ собралъ о Бѣлинскомъ, вѣдь, онъ воскресилъ его изъ мертвыхъ, онъ заставилъ его опять жить долго въ памяти людей, онъ показалъ намъ его душу. Боже мой, какая свѣтлая душа была у этого человѣка! Я зачитывалась, плакала и мысленно посылала тысячу благословеній на голову Пыпина за его услугу и Бѣлинскому и публикѣ. Не смѣю льстить себѣ надеждой, что и о моемъ братѣ со временемъ выйдетъ что нибудь подобное—братъ мой былъ болѣе сынъ своего вѣка но, среди увлеченій, отклоненій, онъ проявлялъ черты великой души, и если возьмется за дѣло такой человѣкъ, какъ Пыпинъ, то братъ мой предстанетъ передъ обществомъ съ своимъ лицомъ, а не намалеванный или нечестной, или неумѣлой рукой... Прощайте, больше не могу писать!».

Имѣя въ виду будущее изданіе и будущую біографію Некрасова, Анна Алексѣевна усердно собирала для нихъ матеріалы, тщательно сохраняя въ то же время все, что ей удалось найти въ бумагахъ брата. Въ результатѣ составился довольно обширный архивъ, съ частью котораго посчастливилось познакомиться и автору этихъ строкъ. Съ ссылками на архивъ Буткевичъ читатель встрѣтится на протяженіи почти всей этой книги. Въ настоящей же статьѣ сгруппированы извлеченія изъ него, непосредственно относящіяся къ семейной хроникѣ рода Некрасовыхъ.

Распространяться о томъ, почему свѣдѣніямъ изъ исторіи рода, къ которому принадлежалъ тотъ или иной выдающійся дѣятель, должно быть отведено нѣкоторое мѣсто въ его біографіи, нѣтъ надобности. Справедливость мнѣнія, утверждающаго, что психическій міръ всякаго человѣка есть комплексъ многихъ элементовъ, среди которыхъ видную роль играютъ унаслѣдованныя отъ предковъ предрасположенія, въ наши дни никѣмъ не оспаривается. Отсюда вытекаетъ необходимость знать, какого рода предрасположеніями могли надѣлить даннаго дѣятеля его предки, и для этого, хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомиться съ ними самими.

О предкахъ Некрасова до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно *). Восполнить этотъ пробѣлъ, думается, будетъ не лишнее. Къ сожалѣнію, тѣ источники, которыми мы располагаемъ по данному вопросу, не отличаются безусловной точностью. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія изъ семейной хроники рода Некрасовыхъ содержатся въ воспоминаніяхъ родной тетки поэта, писанныхъ съ ея словъ или подъ ея диктовку Анною Ал. Буткевичъ. Разсказчица въ моментъ сообщенія своихъ воспоминаній находилась въ томъ возрастѣ, когда память уже нѣсколько ослабѣваетъ. Этимъ и приходится объяснить наличность въ ея повѣствованіи нѣсколькихъ ошибокъ. Для примѣра сошлемся хотя бы на разсказъ ея о гибели старшихъ дядей поэта во время морского боя съ англичанами въ 1800 году. Въ 1800 году никакого морского боя съ англичанами не было, въ предыдущемъ же 1799 г. русскій десантный корпусъ генерала Германа, дѣйствуя въ союзѣ съ англичанами, велъ неудачныя операціи противъ французовъ въ Голландіи. Въ

*) Наши свѣдѣнія о нихъ въ теченіе долгаго времени ограничивались данными біографіи Скабичевскаго. Въ 1902 г. въ газетѣ „Сѣверный Край“ (№ 92) была напечатана не лишенная интереса выписка изъ дворянскихъ книгъ.

составъ этого корпуса входилъ и Павловскій полкъ. Однако, знакомясь съ его исторіей, намъ не удалось встрѣтить въ ней какихъ либо указаній на обстоятельства, напоминающія тѣ, о которыхъ разсказывала тетка поэта. А кромѣ того въ спискахъ офицеровъ полка за эти года братьевъ Некрасовыхъ не значится*). Отсюда видно, что тамъ, гдѣ дѣло касается хронологіи и историческихъ фактовъ, на свидѣтельство разсматриваемаго источника особенно полагаться не слѣдуетъ; зато несравненно болѣе довѣрія внушаютъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія собственно семейной хроники. Приводимъ его полностью:

«Прапрадѣдъ вашъ—Яковъ Иванычъ Некрасовъ, жена его Настасья Ивановна, помѣщикъ Рязанской губерніи Данковскаго уѣзда, жилъ въ Москвѣ, имѣлъ много своихъ домовъ, имѣлъ много серебра, золота и тому подобное былъ несмѣтно богатъ. Былъ долго воеводою въ Сибири, но не знаю въ какой губерніи. Вышелъ изъ воеводства потому, что съ нимъ случилось несчастье отъ строгости его жены. Поселился въ Москвѣ, но какъ дѣло строгости его жены было очень важное, то дѣло въ Москвѣ производилось. У Настасьи Ивановны въ то время племянникъ ея родной Архаровъ**) былъ полицеймейстеромъ въ Москвѣ, и дѣло это затушили, но на это ушло болѣе половины состоянія. Прапрадѣдъ вашъ былъ большой картежникъ, проигралъ много имѣній въ разныхъ губерніяхъ, и осталось у него только имѣніе Рязанской губ. Данковскаго уѣзда. Умерли они, это имѣніе поступило въ наслѣдство сыну Алексѣю Яковлевичу Некрасову, который женился на бабушкѣ моей и отца вашего тоже—Праск. Борисовнѣ Нероновой и взялъ за нею большое приданое. Имѣніе ярославское—это имѣніе нашей бабушки. Наконецъ, онъ умеръ, оставивъ ей три дочери и сына, вашего дѣда—Сергѣя Алексѣевича Некрасова. Бабушка Прасковья Борис., оставшись вдовою, чрезвычайно любила нашего отца и распорядилась такъ: купила себѣ домъ въ Москвѣ, а ему отдала все состояніе и обязала выдавать сестрамъ, а отецъ нашъ тоже имѣлъ свой домъ

*) Въ исторіи Павловскаго полка фамилія Некрасовыхъ упоминается только разъ. Въ спискѣ служившихъ въ полку офицеровъ подъ № 203 напечатано: „Некрасовъ, прапорщикъ, поступилъ въ полкъ въ январѣ 1808 г. 3-го числа. Изъ портупей-прапорщиковъ полка, состоя въ томъ же чинѣ, въ томъ же 1808 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ“ (а не убитымъ!).

**) Николай Петровичъ Архаровъ (1742—1814 г.г.) былъ оберъ-полиціймейстеромъ Москвы въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія.

въ Москвѣ и жилъ съ своимъ семействомъ. Онъ имѣлъ 6 сын. и 3 доч., одна изъ насъ, Варвара, 5-ти лѣтъ умерла. Старшіе ваши дяди Василій, Сергѣй и Павелъ, которые еще при жизни отца опредѣлились въ Петербургъ въ Павловскій Гренадерскій полкъ, были очень хорошо образованы,—тогда у отца еще было большое состояніе. Въ 1800 году, когда сдѣлалась воїна съ Англичанами, гвардейскій ихъ Павловскій Полкъ посадили на корабли и отправили. На этотъ корабль, гдѣ были братья, напали Англичане и совсѣмъ и корабль и полки потопили, и два ваши дяди, Василій и Павелъ, въ томъ числѣ потоплены, а третій изъ нихъ Александръ Сергѣевичъ былъ тутъ же раненъ и высаженъ съ корабля въ лазаретъ, въ городъ Митаву и по выздоровленіи его выпущенъ въ Бѣлостоцкой Пѣхотный полкъ, былъ адъютантомъ у генерала Камнина и служилъ при немъ до 12-го года. Когда сдѣлалась война съ французомъ, его потребовали въ дѣйствующую армію. Это уже было въ 15 году. Когда погнали французскую армію изъ Москвы, онъ былъ тогда въ Пруссіи, былъ въ шести сраженіяхъ благополучно, а въ 7-омъ ранили: одна пуля насквозь прошла, другая въ ногу, и пуля скатилась подъ чашку ноги. Ихъ вели раненыхъ 6 дней до Бреславля гдѣ онъ и умеръ отъ раны. При немъ служилъ Кондратій Андреевъ *); его отправили на родину съ платьемъ, часами, вещами, которыя остались послѣ брата.

Живши въ Москвѣ, отецъ нашъ любилъ играть въ карты и много проигрывалъ. Послѣдній проигрышъ былъ въ 8 т. ассигнаціями. На расплату заложилъ Ярославскую деревню Салтыкову, которому обязался платить проценты рубль на рубль и на срокъ. Въ скоромъ времени сравнялись проценты съ суммою. Салтыковъ подалъ закладную, и имѣніе все отъ отца отобрали. Владѣлъ уже имъ Салтыковъ,—жить стало нечѣмъ, имѣвши семейство въ 9 человѣкъ. Завелось дѣло, что Салтыковъ бралъ лихоимственные проценты съ Некрасова. Мать наша была очень умная, она отправилась въ Петербургъ, жила тамъ два года, хлопотала по дѣлу. Въ это время Государь Павелъ Петровичъ воцарился, и назначена была коронація въ Москвѣ, то мать наша переѣхала въ Москву, гдѣ имѣла хорошихъ знакомыхъ. Во время коронаціи весь дворъ и Царская фамилія пріѣхали въ Москву. Тогда

*) Кондратій Андреевъ—крѣпостный Некрасовыхъ; его хорошо помнятъ племянники поэта; о немъ будетъ сказано въ послѣдующей статьѣ.

знакомый отцу полицеймейстеръ разводилъ квартиры для придворныхъ, и просили его, чтобы домъ отца назначили для генерала Кушелева*), который былъ близокъ къ Государю. Когда Кушелевъ сталъ въ домѣ отца, то онъ и мать наша пришли къ нему и привели дѣтей 9 человѣкъ и со слезами ему объяснили все дѣло, какъ Салтыковъ за лихоимственные проценты все имѣніе у нихъ отнялъ. Кушелевъ сжалился надъ такимъ семействомъ, доложилъ Государю. Государь приказалъ разсмотрѣть сіе дѣло Некрасова съ Салтыковымъ, и нашли, что Некрасова дѣло правое, что Салтыковъ за проценты все имѣніе отнялъ и владѣлъ уже имъ два года, пользовался доходами. Сейчасъ приказано было отъ Салтыкова имѣніе отобрать и отдать Некрасову, а Салтыкова въ Сибирь сослать за лихоимственные проценты. Тѣмъ дѣло и кончилось. Отецъ и мать, поживши недолго въ Москвѣ, отправились въ Ярославскую деревню. Домъ въ Москвѣ продали, и насъ, большихъ и малыхъ дѣтей, перевезли въ деревню. Мать наша и году не прожила,—умерла. Я, несчастная, осталась у кормилицы на рукахъ.

Отецъ, поживши въ деревнѣ, заложилъ его Донскую деревню Боброву — 40 душъ и 400 дес. земли за двѣ тысячи ассигнаціями. Закладную просрочилъ, и тогда такой законъ существовалъ, что по просрочкѣ закладныя обращались въ купчую крѣпость. Такъ Бобровъ и сдѣлалъ. Бобровъ умеръ и перешла по наслѣдству эта деревня его племяннику Волкову. Въ это время отецъ нашъ умеръ, и Волковъ писалъ къ опекуну нашему, чтобы заплатили ему двѣ тысячи его, а деревню онъ возвратитъ наслѣдникамъ. Но опекунъ не обратилъ на это вниманіе, и безъ того осталось много долговъ послѣ нашего отца. Теперь, когда отецъ нашъ умеръ въ 1800 году, онъ еще при жизни избралъ душеприказчика, которому вручилъ всѣ его дѣла. Душеприказчикъ его былъ Ярославской Гражданской Палаты Совѣтникъ Яковъ Николаевичъ Андріяновъ. Когда умеръ нашъ отецъ, то онъ насъ всѣхъ забралъ къ себѣ. Онъ имѣлъ свой домъ въ Ярославлѣ. Сергѣя Сергѣевича, Дмитрія Сергѣевича и отца вашего, Алексѣя Сергѣевича, подержалъ у себя съ полгода и потомъ опредѣлилъ въ Тамбовскій Пѣхот. полкъ, который стоялъ тогда въ Костромѣ. Скоро полкъ ихъ ушелъ въ Польшу, и объ нихъ три года ни

*) Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о Григоріи Григорьевичѣ Кушелевѣ (ум. въ 1833 г.), любимцѣ Императора Павла I, бывшемъ вице-президентѣ адмиралтействъ-коллегіи.

слуху не было. Потомъ писали къ опекуну, чтобы онъ прислалъ имъ денегъ на обмундировку. Онъ послалъ имъ всѣмъ троимъ 150 рублей ассигнаціями. Служили они въ 28 Егерскомъ Полку *). Алексѣй Сергѣевичъ черезъ нѣсколько времени перешелъ въ 32 полкъ и былъ адъютантомъ у генерала Лидерса. Потомъ женился на вашей матери, прижилъ семейство и переѣхалъ жить въ Грешнево. А мы, несчастныя, съ сестрой Еленой все жили по опекунамъ. Потомъ вышли въ отставку Сергѣй и Дмитрій и завели дѣло съ сестрой Еленой, что она забрала все имѣніе, принадлежащее нашему крестьянину Василію Ѳедорову, доставшееся ему послѣ смерти сестры его Ѳедосьи, на которой за красоту ея женился богатѣйшій помѣщикъ Чирковъ. Сестра Елена была уже тогда замужемъ за Певницкимъ. Дѣло шло, наконецъ братья Серг. Сер. и Димитр. Серг. и я дали полную довѣренность вашему отцу на хожденіе по сему дѣлу, съ тѣмъ если выйдетъ въ нашу пользу, то заплатить ему расходы, и имѣніе подѣлить. Я уже была замужемъ и переселилась на жительство въ Орловскую губернію, и безъ меня дѣло кончилось, и за дальностью моего жительства мнѣ ничего не дали.

О дѣдѣ вашемъ еще прибавлю, что онъ вдовѣлъ 7 лѣтъ и вздумалъ жениться на мѣщанкѣ Приваловой, у которой останавливался въ домѣ, когда пріѣзжалъ въ Ярославль. Вотъ старикъ что сдѣлалъ! Потомъ съ ней кой-какъ прижилъ двухъ дѣтей,—сына и дочь,—но къ нашему счастью они умерли, а то бы мачеха, кромѣ своей седьмой части, взяла бы и части сына и дочери. Тогда у насъ осталось бы половина имѣнія—дѣлить на 8 человѣкъ.

Старшій братъ Василій Сергѣевичъ былъ хорошо образованъ. Когда отецъ и мать имѣли еще большое состояніе и жили въ Москвѣ, то онъ учился въ частномъ пансіонѣ. Онъ былъ характера тихаго и очень добрый».

Кромѣ приведеннаго разсказа тетки поэта, въ бумагахъ Ан. Ал. Буткевичъ сохранились и нѣкоторые другіе матеріалы, относящіеся къ исторіи рода Некрасовыхъ. Среди нихъ необходимо выдѣлить тѣ свѣдѣнія изъ семейной хроники, которыя незадолго

---

*) Изъ опубликованной г. Оберучевымъ въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1903 годъ метрической выписи о бракѣ родителей поэта явствуетъ, что въ 1817 году А. С. Некрасовъ, дѣйствительно, состоялъ поручикомъ этого полка.

до смерти Николая Алексѣевича были или продиктованы имъ самимъ близкимъ людямъ, или письменно изложены съ его словъ друзьями *). Въ основу этихъ свѣдѣній положены сохранившіяся въ памяти поэта разсказы его отца. Составленнымъ такимъ путемъ рукописнымъ замѣткамъ Некрасовъ придавалъ большое значеніе. Это видно изъ того, что онъ, несмотря на свое крайне болѣзненное состояніе, внимательно просматривалъ ихъ, исправляя и дополняя текстъ. Какъ образецъ такого рода собственноручно сдѣланныхъ дополненій приведемъ слѣдующій отрывокъ, касающійся женитьбы отца. «Во время службы (отецъ) находился въ разъѣздахъ; при разсказахъ, бывало, то и дѣло слышно—«я былъ тогда въ Кіевѣ, на контрактахъ, въ Одессѣ, въ Варшавѣ». Здѣсь онъ влюбился въ дочь Закревскаго—о согласіи родителей, игравшихъ тамъ видную роль,—нечего было и думать. Армейскій офицеръ, едва грамотный, и дочь богача (зачеркнуто: «богатаго пана»), красавица, образованная (зачеркнуто: «пѣвица съ удивительнымъ голосомъ, о чемъ рѣчь впереди»). Отецъ увезъ ее прямо съ бала—обвѣнчался по дорогѣ въ свой полкъ—и судьба его была рѣшена». Затѣмъ послѣ словъ, написанныхъ, вѣроятно, подъ диктовку поэта: «дослужившись до капитанскаго чина, отецъ вышелъ въ отставку майоромъ и поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Ярославской губерніи и уѣзда, въ сельцѣ Грешневѣ»,—рукою Некрасова вставлено: «куда привезъ, конечно, и молодую жену и насъ двухъ сыновей своихъ—Андрея и Николая». Мы, не безъ намѣренія, отмѣтили фактъ просмотра разбираемыхъ матеріаловъ самимъ Некрасовымъ, такъ какъ наличность такого просмотра увеличиваетъ ихъ достовѣрность, тѣмъ болѣе, что хорошая память являлась однимъ изъ главныхъ качествъ поэта, и онъ едва ли могъ ошибиться въ чемъ-нибудь особенно существенномъ. Познакомимся, однако, съ текстомъ матеріаловъ. Начнемъ съ отрывка, повѣствующаго о стародавнемъ богатствѣ и постепенномъ разореніи рода Некрасовыхъ.

«Я никогда не имѣлъ времени, да и терпѣнья перечитать кипу

*) Д-ръ Бѣлоголовый въ своей статьѣ „Болѣзнь Н. А. Некрасова“ разсказываетъ, что зимой 1877 года Некрасовъ „остановился на мысли составить свою біографію и лихорадочно приступилъ къ этому такимъ образомъ: частью онъ диктовалъ самъ, пользуясь всякимъ свободнымъ отъ боли часомъ, то брату Константину Алексѣевичу, то сестрѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, иногда даже ночью будилъ ихъ и заставлялъ писать подъ свою диктовку; частью же передавалъ устно тотъ или другой эпизодъ своей жизни кому-нибудь изъ друзей и просилъ его литературно обработать и написать“.

родословныхъ бумагъ, которыя хранились въ старомъ домѣ. Перебирая ихъ, я прочелъ только нѣсколько строкъ. На большомъ синеватомъ листѣ было написано: «Имѣніе у Салтыковыхъ отнять и Некрасовымъ отдать, Салтыкова въ Сибирь сослать.

Годъ 179... ПАВЕЛЪ».

Я пошелъ къ отцу съ вопросомъ, что это за документъ? Отецъ сказалъ: «Это подлинное, благодаря которому мы не умерли съ голоду и намъ что нибудь осталось.

Предки наши были богаты. Пра-прадѣдъ вашъ проигралъ семь тысячъ душъ, прадѣдъ двѣ, дѣдъ (мой отецъ) одну, я ничего, потому что нечего было проигрывать, но въ карточки поиграть тоже любилъ (тоже долженъ сказать и о себѣ).

— Какъ же у насъ что нибудь осталось?

— А вотъ какъ. Передъ смертью вашъ дѣдъ, а мой отецъ, жившій въ послѣднее время въ Москвѣ (штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ) проигралъ послѣднее свое имѣніе въ Рязанской и Ярославской губ. и умеръ, должно быть, не успѣвъ совершить законныхъ бумагъ.

Мы были тогда малы, а старшіе братья находились на службѣ, тѣмъ не менѣе въ одинъ прекрасный день имѣніе перешло къ Салтыкову. Бабка ваша, урожденная Неронова, забравъ насъ всѣхъ, поскакала въ Петербургъ. Въ Петербургѣ мать часто уѣзжала изъ дому, возвращалась съ заплаканными глазами, и однажды она сказала намъ: «дѣти, завтра я повезу васъ въ одинъ домъ; когда мы пріѣдемъ, стойте смирно и ждите, и лишь только выйдетъ дама, упадите на колѣни и плачьте». На другой день насъ привезли въ большой домъ. Мать оставила насъ однихъ въ огромной комнатѣ, и сама куда то ушла. Черезъ нѣсколько времени въ дверяхъ показалась красивая женщина,—помня приказаніе матери, мы упали на колѣни и стали громко плакать. Красивая женщина подошла къ намъ и, лаская насъ, сказала матери, что просьба ея будетъ исполнена. Вотъ ей то мы и обязаны возвращеніемъ намъ имѣнія отъ Салтыкова».

Въ другомъ отрывкѣ, извлеченномъ нами изъ текста тѣхъ самыхъ біографическихъ замѣтокъ, на поляхъ которыхъ имѣются цитированныя выше собственноручныя вставки поэта, разсказывается о судьбѣ старшихъ братьевъ Алексѣя Сергѣевича Некрасова и о веденной имъ тяжбѣ изъ-за имѣнія Чиркова.

«На всѣхъ семерыхъ братьевъ и двухъ сестеръ осталось 400 душъ, такъ что имъ досталось душъ по сорока, и еще меньше пришлось бы, если бы уцѣлѣли въ живыхъ старшіе братья, но трое были убиты подъ Бородинымъ въ одинъ день.

Наслѣдство моего отца не ограничивалось сорока душами; по жребію на часть его досталось крестьянское семейство, которое владѣло временно само тысячью душами, наслѣдованными отъ сестры, бывшей за дворяниномъ Чирковымъ. Разумѣется они должны были продать его въ шестимѣсячный срокъ.

Эта исторія очень интересна, но я не имѣю времени ее разсказать; упоминая о ней потому что она имѣла большое вліяніе на судьбу нашего семейства и, можетъ быть, и на мою. Крестьяне продали свое наслѣдство незаконнымъ образомъ, еще до раздѣла имѣнія, и отецъ мой рѣшилъ дѣло поднять. Вся жизнь его была посвящена этому процессу. Когда хлопоты увѣнчались успѣхомъ, онъ былъ уже сѣдъ, но получилъ тысячу разстроенныхъ до вступленія временнымъ владѣльцемъ душъ. Думаю (было бы лучше), если бъ онъ посвятилъ свою энергію хотя той же военной службѣ, которую началъ довольно счастливо. Товарищи его, между прочимъ, были Киселевъ и Лидерсъ, о чемъ онъ не безъ гордости часто упоминалъ. Однажды передъ нашей усадьбой остановился великолѣпный дормезъ. Прочитавъ на столбѣ фамилію Некрасовъ, Киселевъ забѣжалъ къ нему на минутку, ужъ будучи министромъ. А съ Лидерсомъ въ поручичьемъ чинѣ отецъ мой жилъ на одной квартирѣ. Онъ крестилъ одного изъ насъ (брата Константина). Это были любимыя воспоминанія нашего отца до послѣднихъ его дней. Онъ сошелъ въ могилу 74 лѣтъ, не выдержавъ освобожденія, захворавъ черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія «уставной грамоты».

Считая исторію съ Чирковымъ «очень интересной», Некрасовъ впослѣдствіи нашелъ время ее разсказать, и она составила содержаніе особаго отрывка, который мы и приводимъ:

«Имѣніе дѣда раздѣлено было между его сыновьями на четыре части, изъ которыхъ одна досталась по жребію моему отцу. Въ составъ его входила деревня Грешнево. Мнѣ живо представляется эпизодъ, характеризующій наши помѣщичьи нравы. Въ лѣтній праздничный день проѣзжалъ черезъ деревню запыленный тарантасъ.

Разодѣтыя бабы и дѣвки плясали въ хороводѣ. Тарантасъ

остановился, и въ немъ зашевелилась межъ перинъ и подушекъ заспанная, необыкновенно толстая фигура.

Впослѣдствіи оказалось, что это былъ помѣщикъ Владимірской губерніи Чирковъ. Пока перемѣняли лошадей, онъ засмотрѣлся на хороводъ, и особенно на отличавшуюся въ немъ румяную здоровую дѣвку Ѳедору.

«А не дурно было бы купить и увезти ее»,—мелькнуло въ головѣ Чиркова. «Кто же здѣсь помѣщикъ, и гдѣ онъ?». Оказалось, что помѣщикъ и всѣ его братья на войнѣ,—это происходило въ 1812 году,—а въ деревнѣ остались только ихъ сестры. Чирковъ къ нимъ, но старыя дѣвы не сговорчивы, да и не смѣютъ распоряжаться въ отсутствіе брата. Но любезность, ухаживанье и, наконецъ, просто деньги располагаютъ дѣвическія сердца. Чирковъ познаетъ Ѳедору, увозитъ ее и немедленно женится на ней. Спустя короткое время Чирковъ умираетъ, и Ѳедора по смерти его получаетъ въ наслѣдство тысячу душъ крестьянъ. Вслѣдъ за нимъ умираетъ Ѳедора, и оставляетъ ихъ въ наслѣдство своимъ родственникамъ въ дер. Грешнево. Крестьяне, превратившіеся было въ помѣщиковъ, не имѣя права владѣть населенными землями, должны были продать своихъ собратій въ 6-мѣсячный срокъ. Въ это время, еще въ отсутствіи отца, появился въ деревнѣ какой-то покупщикъ изъ «благородныхъ», и, воспользовавшись неопытностью крестьянъ и краткостью обязательнаго для нихъ срока, купилъ у нихъ за безцѣнокъ эту тысячу душъ съ землею. Отецъ мой узналъ объ этой продѣлкѣ лишь за нѣсколько дней до исполненія 10-лѣтней давности. Разумѣется началась тяжба, заботамъ о которой были посвящены нѣсколько лѣтъ, и хотя процессъ былъ выигранъ, но отецъ раззорился и бѣдствовалъ всю остальную жизнь».

Сравненіемъ воспоминаній тетки поэта съ только что приведенными отрывками, основанными на разсказахъ ея брата, возможно установить наиболѣе достовѣрные факты изъ семейной хроники рода Некрасовыхъ. Такими наиболѣе достовѣрными и заслуживающими вниманія фактами, по нашему мнѣнію, являются слѣдующіе:

1. Родъ Некрасовыхъ въ Екатерининское время былъ богатъ и относительно знатенъ.

2. Къ концу XVIII вѣка онъ раззорился и захудалъ.

3. Произошло это благодаря процессу, порожденному «стро-

гостью» Настасьи Ивановны Некрасовой, и чрезмѣрной приверженности къ картамъ представителей мужского поколѣнія.

4. Семейство дѣда поэта, Сергѣя Алексѣевича (штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ, а прапрадѣдъ былъ воевода!), состояло изъ дебяти человѣкъ дѣтей; изъ нихъ только старшіе братья отчасти помнили лучшія времена и получили образованіе.

5. Наслѣдство, оставленное отцомъ этихъ 9 человѣкъ, заключалось лишь въ ярославскомъ имѣніи, которое перешло въ родъ Некрасовыхъ по женской линіи.

6. Это ярославское имѣніе едва не было потеряно, и лишь вмѣшательство высшей власти, вызванное хлопотами «очень умной» бабки поэта, въ процессъ Некрасовыхъ съ Салтыковымъ, спасло некрасовскій родъ отъ обнищанія.

7. Судьба старшихъ и младшихъ братьевъ была неодинакова: старшіе погибли на войнѣ (гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ, въ опредѣленіи этого наши источники расходятся), младшіе же вышли въ отставку и поселились въ Грешневѣ.

8. Наиболѣе энергичнымъ среди оставшихся въ живыхъ дѣтей Сергѣя Алексѣевича Некрасова былъ, повидимому, отецъ поэта, такъ какъ на него именно палъ выборъ остальныхъ вести тяжбу изъ-за имѣнія Чиркова.

9. Тяжбу эту Некрасовы выиграли, но имѣніе Чиркова получили совершенно разореннымъ, а потому и не могли, надо думать, извлечь изъ него тѣхъ выгодъ, на которыя разсчитывали.

Наши выводы, касающіеся, само собой разумѣется, только важнѣйшихъ фактовъ семейной хроники рода Некрасовыхъ, позволяютъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ родѣ и его представителяхъ.

Передъ нами типичное «дворянское гнѣздо», одно изъ тѣхъ гнѣздъ, которыя созидались на почвѣ барской сибаритской культуры. Культура же эта всецѣло была построена на крѣпостничествѣ, дававшемъ возможность привилегированному классу жить въ свое удовольствіе, пользуясь даровымъ трудомъ и даровыми хлѣбами безправной и угнетенной крестьянской массы. Сознаніе, что можно и даже должно ничего не дѣлать, въ связи съ возможностью почти безконтрольно распоряжаться судьбами десятковъ, сотенъ, а то и тысячъ себѣ подобныхъ, вели къ развитію эгоистическаго самодурства, столь типичнаго для нашего помѣщичьяго сословія временъ крѣпостного права. Натуры грубыя это эгои-

стическое самодурство приводило сплошь да рядомъ къ жестокости и даже звѣрству, натуры чувственныя—къ необузданному разврату, натуры пылкія—къ страстному увлеченію всякими видами азарта, натуры мягкія и пассивныя—къ маниловскому прѣнію на корню и обломовскому байбачеству и т. д. Эгоистическое самодурство современнаго дворянства было не чуждо и семейству Некрасовыхъ. Глухой намекъ тетки поэта на «несчастье», происшедшее отъ «строгости» Настасьи Ивановны Некрасовой и имѣвшее своимъ слѣдствіемъ «очень важное дѣло», которое «въ Москвѣ производилось» и ликвидація котораго потребовала израсходованія «болѣе половины состоянія» и вмѣшательства такого вліятельнаго человѣка, какъ Архаровъ,—позволяетъ догадываться объ актѣ какого-то дикаго, а можетъ быть и кроваваго самоуправства. Женитьба дѣда поэта на мѣщанкѣ Приваловой («вотъ старикъ что сдѣлалъ») до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о необузданномъ темпераментѣ, который половую любовь сводитъ къ одному удовлетворенію животнаго инстинкта. Любовь къ картамъ,—одна изъ главныхъ, если не главная причина упадка рода Некрасовыхъ, доходившая до того, что Сергѣй Алексѣевичъ, отецъ многочисленнаго семейства, не задумался заложить послѣднее имѣніе, лишь бы удовлетворить своей жаждѣ азарта,—даетъ право говорить о пылкости и несдержанности, какъ родовыхъ чертахъ Некрасовыхъ.

Съ другой стороны, нельзя отрицать, что нѣкоторые изъ нихъ были одарены умомъ, настойчивостью и энергіей. Эти качества обнаружились, напримѣръ, въ хлопотахъ бабки поэта по дѣлу съ Салтыковымъ, а также въ Чирковскомъ процессѣ, который велъ его отецъ. Тѣмъ грустнѣе констатировать, что наши источники совершенно умалчиваютъ объ интересѣ предковъ Н. А. Некрасова къ какимъ бы то ни было вопросамъ высшаго, духовнаго порядка. Едва ли можно сомнѣваться, что большинство Некрасовыхъ, по образному выраженію юноши-Гоголя, «задавило корой своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка». Нѣкоторымъ исключеніемъ, повидимому, являлся старшій братъ Алексѣя Сергѣевича, Василій Сергѣевичъ, который, по словамъ тетки поэта, «былъ хорошо образованъ». Образованіе, по всей вѣроятности, смягчило его характеръ, который въ томъ же источникѣ опредѣляется, какъ «тихій и добрый». Здѣсь не лишнее будетъ добавить, что автору этихъ строкъ приходилось

слышать отъ Грешневскихъ старожиловъ благопріятные отзывы о Дмитріи Сергѣевичѣ Н—вѣ, тогда какъ о Сергѣѣ Сергѣевичѣ они отзывались такъ же отрицательно, какъ и объ Алексѣѣ Сергѣевичѣ.

Какія качества унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ Николай Алексѣевичъ? Попытка освѣтить этотъ вопросъ будетъ сдѣлана въ слѣдующей статьѣ, пока же констатируемъ только, что самый фактъ своей кровной связи съ дворянами крѣпостниками поэтъ не только не замалчивалъ, но выдвигалъ и подчеркивалъ. Сошлемся въ подтвержденіе на два его малоизвѣстныя стихотворенія. Первое изъ нихъ отъ 24 іюля 1867 года должно было увидѣть свѣтъ*) въ январскомъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1878 г., но было вырѣзано оттуда цензурой вмѣстѣ съ началомъ «Внутренняго обозрѣнія», въ которомъ описывались похороны Некрасова. Для насъ представляютъ интересъ первыя строки этого стихотворенія, которыя и приводимъ:

„Зачѣмъ меня на части рвете,
Клеймите именемъ раба?..
Я отъ костей твоихъ и плоти
Остервенѣлая толпа!
Гдѣ логика? Отцы—злодѣи,
Низкопоклонники, лакеи,
А въ дѣтяхъ, видя отпрыскъ свой,
И негодуютъ и дивятся,
Какъ будто на соснѣ простой
Каштаны гдѣ нибудь родятся?“

Въ находящемся у насъ автографѣ послѣднее четверостишіе имѣетъ не лишенный значенія варіантъ:

„А въ дѣтяхъ видя подлецовъ,
И негодуютъ и дивятся,
Какъ будто отъ такихъ отцовъ
Герои гдѣ нибудь родятся?“

Другое стихотвореніе «Сыны народнаго бича», напечатанное въ 1871 году въ «Отеч. Запискахъ» и помѣщаемое, обычно, въ приложеніяхъ, говоритъ о поколѣніи, къ которому принадлежалъ поэтъ, какъ о «сынахъ народнаго бича», которые «съ тѣхъ поръ, какъ... себя сознали», влачатъ жизнь изгнанниковъ, вдали отъ родины; всякая попытка ихъ отдохнуть подъ «домашнимъ кровомъ»

*) Впослѣдствіи это стихотвореніе напечаталъ Ч. Вѣтринскій въ своемъ сборникѣ „Н. А. Некрасовъ“ М. 1911 г.

кончается неудачей, потому что «грѣхи отцовъ отъ милыхъ мѣстъ нещадно» ихъ гонятъ; даже послѣ того, какъ «насталъ желанный часъ, свободу громко возвѣстившій», и «сынамъ народнаго бича показалось, что съ нихъ «проклятье снялъ народъ ожившій»,—примиреніе ихъ съ нимъ оказалось невозможнымъ: придя на родину, «гдѣ былъ весь родъ ихъ ненавидимъ», они нашли тамъ «все то же»—прежніе «мракъ и голодъ», въ которыхъ повинны были ихъ отцы.

Такимъ образомъ, кровная связь съ дворянами крѣпостниками, воздвигавшими зданіе своего благополучія на крови и потѣ народныхъ, съ людьми, лозунгомъ которыхъ были самодурство и лишенная какихъ бы то ни было умственныхъ интересовъ жизнь въ свое удовольствіе, имѣла для поэта, по его собственному признанію, двоякія послѣдствія. Во-первыхъ, она отразилась на его психическомъ складѣ, наградивъ его такими свойствами, которыя сдѣлали его неспособнымъ къ тому героизму, который основывается на самопожертвованіи и самоотреченіи («какъ будто отъ такихъ отцовъ герои гдѣ нибудь родятся?») Во-вторыхъ, она обусловила его принадлежность къ поколѣнію, отторгнутому народомъ, который видѣлъ въ его представителяхъ «сыновъ народнаго бича». Отторгнутость же отъ народа, тяжелымъ бременемъ ложившаяся на душу поэта, приводившая въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи къ мысли о винѣ, о неоплатномъ долгѣ передъ народомъ, въ свою очередь, оставила глубокіе слѣды въ психикѣ Некрасова. Если господствующей чертой душевной жизни поэта являлось скорбное сознаніе своей неспособности стать героемъ, смѣшанное съ жгучимъ раскаяніемъ въ своихъ паденіяхъ, въ своемъ эгоизмѣ и эпикуреизмѣ, то его народолюбивая поэзія, поскольку рѣчь идетъ объ ея главныхъ мотивахъ, вытекала изъ сознанія вины и долга передъ народомъ.

II. Н. А. НЕКРАСОВЪ И ЕГО ОТЕЦЪ.

Не золъ, но крутъ, дѣтей въ суровой школѣ
Держалъ старикъ, растилъ, какъ дикарей.

I.

Въ одной изъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ,— статьѣ г-на Кранихфельда («Міръ Божій», № 12, 1902 года) высказано довольно правдоподобное, на нашъ взглядъ, предположеніе, что вину той «загадочности» поэта, о которой твердятъ чуть ли не всѣ его біографы, надо искать въ психическомъ наслѣдствѣ, полученномъ имъ отъ своихъ родителей. «Стоявшіе на двухъ противоположныхъ полюсахъ этическаго отношенія къ міру, родители поэта, оба сильные и «упорные», передали своему сыну основныя черты своихъ различныхъ, чуждыхъ другъ другу характеровъ... Природа съ безпощадной суровостью наказала неразумный союзъ родителей въ ихъ сынѣ, соединивъ въ немъ непримиримыя противорѣчія трезвой положительности съ пламенною, страстною жаждою подвига». Поясняя свою мысль образнымъ примѣромъ, г-нъ Кранихфельдъ ссылается на описанную д-ромъ Синани душевную болѣзнь Глѣба Успенскаго, въ больномъ сознаніи котораго вели борьбу два противоположныя начала, двѣ враждебныя другъ другу личности, порожденныя его раздвоившимся «я». Нѣчто подобное происходило въ мозгу психически-здороваго, никакимъ бредовымъ явленіямъ и навязчивымъ идеямъ не подверженнаго Некрасова: «сынъ своей матери, *Николай* Некрасовъ, одушевленный пламеннымъ и искреннимъ желаніемъ «наполнить жизнь борьбою за идеалъ добра и красоты», долженъ былъ тратить массу энергіи и силъ, чтобы оградить созданный имъ міръ идеала отъ вторженія въ него Николая *Алексѣевича*, сына своего отца, придававшаго несоотвѣтственную цѣнность земнымъ благамъ. Это былъ *Николай* Некрасовъ, который стремился «итти къ униженнымъ, итти къ оби-

женнымъ, быть первымъ тамъ». Это былъ Николай *Алексѣевичъ*, который въ горькую минуту тяжелыхъ лишеній далъ себѣ клятву «не умереть на чердакѣ», который, сознательно подавляя свои идеальныя стремленія,—по собственному его признанію,—развивалъ въ себѣ «практическую жилку».

Быть-можетъ, приведенный взглядъ и не свободенъ отъ нѣкоторой доли преувеличенія, но отрицать важное, нерѣдко даже рѣшающее, значеніе въ установленіи психическаго склада и выработкѣ жизненнаго міросозерцанія за наслѣдственными привычками и предрасположеніями, какъ мы уже указывали въ предыдущей статьѣ, невозможно. Въ данномъ же случаѣ роль этихъ факторовъ тѣмъ несомнѣннѣе, что ее признавалъ самъ поэтъ. Вспомнимъ, съ какою проникновенной искренностью говорилъ Некрасовъ о матери и материнскомъ вліяніи въ своей юношеской бесѣдѣ—изліяніи съ Достоевскимъ. Утверждая, что Некрасовъ обрисовался тогда передъ нимъ «самой существенной и самой затаенной стороной своего духа», Достоевскій продолжалъ: «Онъ говорилъ мнѣ со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери, и та сила умиленія, съ которой вспоминалъ о ней, рождала и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его, и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись гдѣ-нибудь украдкой, чтобы не видали (какъ разсказывалъ онъ мнѣ) съ мученицею матерью, съ существомъ, столь любившимъ его» (см. «Дневникъ писателя», 1877 г., № 12).

Черезъ 30-ть съ лишнимъ лѣтъ къ умирающему Некрасову пришелъ одинъ изъ близкихъ къ нему людей П. Гайдебуровъ. Поэтъ захотѣлъ прочесть ему свое новое стихотвореніе «Мать», но чтенію счелъ нужнымъ предпослать разсказъ о жизни своей матери. «Разсказывая—пишетъ Гайдебуровъ—онъ вспоминалъ о матери съ такой любовью, съ такой трогательной нѣжностью, онъ приписывалъ ей такое громадное вліяніе на всю свою жизнь и рисовалъ ея образъ въ такомъ поэтическомъ ореолѣ, что для меня вполнѣ стала понятна восторженность, съ какою онъ вспоминалъ о матери въ прежнихъ своихъ стихотвореніяхъ... Но

вотъ онъ кончилъ и началъ читать стихотвореніе. Голосъ Некрасова всегда былъ нѣсколько глухой, и потому его пѣвучее чтеніе всегда дѣйствовало на меня какъ-то особенно. Но теперь, когда онъ былъ полутрупъ, этотъ голосъ звучалъ совсѣмъ замогильной нотой—и жутко отъ него становилось... Некрасовъ остановился и перевелъ духъ... Видимо, его самого подавлялъ этотъ образъ, который онъ вызывалъ изъ-за могилы. Видимо, онъ слышалъ на себѣ его дыханіе, чувствовалъ прикосновеніе его любящихъ устъ» («Недѣля», 1878 г. № 1).

Итакъ, восторженнымъ двадцати-четырехлѣтнимъ юношей и умирающимъ пятидесяти-шестлѣтнимъ старикомъ Некрасовъ одинаково боготворилъ свою мать. Это боготвореніе, помимо обычной сыновней привязанности, вытекало изъ сознанія благотворности материнскаго вліянія, сущность котораго поэтъ опредѣляетъ такъ: *)

„И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!“ (поэма „Мать“).

Что касается отцовскаго вліянія, то о немъ поэтъ почти не говоритъ въ своихъ произведеніяхъ прямо **), однако, характеризуетъ отца и ту домашнюю атмосферу, которая окружала его (см. стих-нія «Родина», «Несчастные», «Мать», «Затворница»), настолько опредѣленными и рѣзкими чертами, что вполнѣ яснымъ становится, кого онъ винилъ въ томъ, что съ дѣтства «научился терпѣть и ненавидѣть», «постыдно таить» эту ненависть и, под-

*) Впослѣдствіи въ статьѣ „Народолюбіе Некрасова и его источники“ намъ придется подробнѣе остановиться на характерѣ материнскаго вліянія на поэта, а потому теперь мы ограничиваемся лишь общими замѣчаніями

**) Нѣкоторое исключеніе составляютъ нижеслѣдующія выпущенныя при печатаніи и совсѣмъ недавно опубликованныя К. Чуковскимъ («Русское Слово», 11 дек., 1913 г.) строки изъ стих. «Уныніе»:

«Но первые шаги не въ нашей власти!
Отецъ мой былъ охотникъ и игрокъ.
И отъ него въ наслѣдство эти страсти
Я получилъ»..... и т. д.

давшись заразительному въ этихъ случаяхъ примѣру, «бывать иногда помѣщикомъ»...

При такихъ условіяхъ, однимъ изъ наиболѣе важныхъ въ біографіи Н. А. Некрасова вопросовъ долженъ явиться вопросъ объ интеллектуальныхъ и этическихъ свойствахъ его родителей.

Къ великому сожалѣнію, свѣдѣнія наши о матери поэта ограничиваются, по преимуществу, тѣми, хотя и въ высшей степени яркими, но по самому существу своему глубоко субъективными данными, которыя онъ самъ сообщаетъ о ней въ цѣломъ рядѣ своихъ стихотвореній. Въ распоряженіи изслѣдователя пока не имѣется ни одного ея письма; даже вопросъ объ ея имени возбуждалъ споры и до сего времени не можетъ считаться рѣшеннымъ. *) Иначе обстоитъ дѣло въ отношеніи отца поэта. Его личность можетъ быть освѣщена не только со словъ его сына, но и съ помощью вполнѣ объективнаго матеріала, каковымъ являются воспоминанія бывшихъ крѣпостныхъ Алексѣя Сергѣевича Некрасова и его письма. Обзоръ этихъ воспоминаній и анализъ писемъ и составляетъ главный предметъ настоящей статьи. Однако, прежде чѣмъ обратиться къ нимъ непосредственно, не лишнее будетъ вспомнить, какъ охарактеризовалъ своего отца самъ поэтъ.

Образъ А. С. впервые мелькаетъ въ стихотвореніи «Псовая охота», полную же обрисовку получаетъ въ «Родинѣ», «Несчастныхъ» и поэмѣ «Мать». Въ «Псовой охотѣ» и особенно въ «Несчастныхъ» изображена внѣшняя обстановка жизни Некрасова-отца. Его времяпровожденіе, какъ можно судить по этимъ стихотвореніямъ, распредѣлялось между охотой, во время которой, пользуясь отсутствіемъ барина, спѣшилъ «забыться рабъ довольный», и послѣохотенными, если можно такъ выразиться, попойками. Въ «Родинѣ» же и поэмѣ «Мать» дается общая оцѣнка его личности. «Угрюмый невѣжда» и «губитель» кроткой и прекрасной жены, развратникъ, обратившій свой домъ въ домъ «крѣпостныхъ лю-

*) Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1903 г. К. Обручевымъ была напечатана метрическая выписка о бракѣ родителей поэта, изъ которой явствуетъ, что мать Некрасова къ моменту вѣнчанія была православною и звали ее Еленой. Однако, въ нашемъ распоряженіи имѣется свидѣтельство полкового священника Іоанна Горянскаго, удостовѣренное его подписью и приложеніемъ печати 36-го Егерскаго полка, въ томъ, что „у служившаго въ 36-мъ егерскомъ полку *капитаномъ Алексѣя Сергѣева* сына *Некрасова* и *жены* его *Александры Андреевой* дочери *законноприжитая* дочь *Елизавета* дѣйствительно крещена... въ 1821 году, сентября 6-го числа подъ № 2-ымъ записана“. Свидѣтельство это помѣчено 29 апрѣля 1823 года.

бовницъ и псарей», насильникъ, который «всѣхъ собой давилъ» и могъ свободно дышать среди «гула подавленныхъ страданій», созданныхъ имъ же,—вотъ какимъ представленъ А. С. въ стих. «Родина». Въ поэмѣ «Мать» краски смягчены, и негодующее отношеніе сохранено лишь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «красивый дикарь», «умѣетъ ли онъ имя подписать?», семьянинъ, не чуждый девизу—«любить и бить», при чемъ всѣ эти выраженія вложены въ уста матери Елены Андр. Некрасовой, звавшей свою дочь возвратиться на родину. Отъ себя же поэтъ говоритъ объ отцѣ въ такихъ выраженіяхъ:

„Твой властелинъ наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ,
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ“...

«Мракъ» этотъ въ концѣ концовъ разсѣялся:

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты побѣдила,
У ногъ твоихъ—дѣтей твоихъ отецъ...

Однако, борьба продолжалась цѣлыхъ двадцать лѣтъ и въ такой мѣрѣ надломила физическія и нравственныя силы молодой женщины, что ей только и оставалось—«тихо умереть»...

Почти одновременно съ окончательной обработкой поэмы «Мать», Некрасовъ написалъ на тотъ же сюжетъ стих. «Затворница», въ которомъ никакихъ потокъ снисхожденія къ отцу не слышно. Вопросъ объ исходѣ борьбы между нимъ и матерью разрѣшается въ совершенно противоположномъ смыслѣ, чѣмъ въ поэмѣ «Мать». Мы читаемъ здѣсь слѣдующее:

Такъ пѣла ты, такъ плакала родная,
Въ своей тюрьмѣ, судьбѣ не уступая,
Чужимъ скорбямъ безсильная помочь,
А надъ тобой уже висѣла ночь.
И ничего судьба не уступила –
Ты деспота покорствомъ не смягчила...

Слово «деспотъ» здѣсь замѣняетъ гораздо больше рѣзкое «палачъ», какъ это видно изъ неизданнаго письма сестры поэта Анны Алексѣевны Буткевичъ къ библіографу Ст. Ив. Пономареву отъ 12-го мая 1878 года. Сообщая въ немъ нѣкоторыя подроб-

ности о стихотвореніи «Мать», Буткевичъ, между прочимъ, говоритъ: «Обратите вниманіе на противорѣчіе: въ «Затворницѣ» сказано: «Ты палача покорствомъ не смягчила». Въ большой поэмѣ—«У ногъ твоихъ—дѣтей твоихъ отецъ». Въ дѣйствительности первое ближе къ правдѣ, но, братъ, почему-то, измѣнилъ».

Слова Буткевичъ доказываютъ, что Некрасовъ къ концу своей жизни,—поэма «Мать» перерабатывалась и дополнялась въ 1877 году,—сознательно не хотѣлъ представлять отца въ столь черномъ свѣтѣ, какъ раньше. Очевидно, въ періодъ отъ 1846 г. (время написанія «Родины») до 1877 г. въ его отношеніи къ нему произошла какая-то эволюція. Объ этой послѣдней свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя другія данныя.

Въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ Елисѣя Колбасина, совсѣмъ недавно напечатанныхъ въ «Современникѣ» (1911 г. № 8), находимъ слѣдующій любопытный разсказъ, относящійся къ срединѣ 50-хъ годовъ: «Помню, какъ одинъ разъ Вульфъ (Карлъ Ивановичъ Вульфъ—старшій конторщикъ «Современника») принесъ съ почты вмѣстѣ съ другими посылками какой-то небольшой коробокъ, вскрылъ его и подалъ Николаю Алексѣевичу шитую шелками турецкую феску, въ которой лежало запечатанное письмо. Некрасовъ прочиталъ письмо и поблѣднѣлъ, какъ смерть. «Прочтите, это пишетъ виновникъ моей жизни»—произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, сунувъ мнѣ посланіе въ руки. Письмо это было написано слезнымъ и заискивающимъ тономъ. Отецъ, прокутившій большое родовое состояніе, просилъ у сына прислать ему нѣсколько рублей.

«Пошлите изъ конторы этому гнусному сластолюбцу пятьдесятъ рублей», произнесъ Некрасовъ, обращаясь къ Вульфу, «а феску отдайте, кому хотите, чтобы она не напоминала мнѣ о прежней грязи». Исполнительный Вульфъ схватилъ коробку съ феской и исчезъ за дверью. Весь этотъ день Некрасовъ былъ въ мучительно печальномъ настроеніи духа и разсказывалъ мнѣ многія главы изъ тяжелой и мрачной повѣсти своей прежней жизни»...

Такимъ образомъ, изъ разсказа Колбасина видно, что и черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ было сочинено стих. «Родина», эта, по выраженію того же автора, «задушевная скорбная исповѣдь, которая не чернилами, а кровью писалась... въ тотъ моментъ, когда поэтъ отъ горя и бѣдности хотѣлъ броситься

въ Неву»,—отношеніе Некрасова къ отцу оставалось попрежнему озлобленно-недоброжелательнымъ, но—характерная подробность!—Некрасовъ не давалъ ему проявиться въ чемъ либо осязательномъ: просимыя Ал. Серг-чемъ деньги все-таки были тотчасъ посланы.

Великая примирительница смерть—Алексѣй Сергѣевичъ умеръ 74 лѣтъ отъ роду, вскорѣ послѣ подписанія Уставной грамоты, «не выдержавъ, по выраженію его сына, освобожденія» *) крестьянъ,—смягчила, надо думать, непріязненное чувство поэта къ отцу. Онъ замолчалъ о немъ. Вынужденный же заговорить—сюжетъ поэмы «Мать» требовалъ упоминаній объ Ал. Серг.—нашелъ возможнымъ, какъ мы видѣли, не останавливаться съ прежней настойчивостью на отрицательныхъ сторонахъ его личности. Болѣе того, Некрасову въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, когда мучительный и неизлѣчимый недугъ не переставалъ напоминать ему о приближеніи смерти, стало казаться, что онъ былъ не вполнѣ правъ въ отношеніи отца, пригвождая его въ своихъ стихахъ къ позорному столбу. Результатомъ такихъ настроеній явилось нижеслѣдующее, до сихъ поръ неизвѣстное біографамъ, признаніе, записанное кѣмъ-то подъ его диктовку, очевидно, тогда, когда онъ самъ писать уже былъ не въ состояніи: «въ произведеніяхъ моей ранней молодости встрѣчаются стихи, въ которыхъ я желчно и рѣзко отозвался о моемъ отцѣ. Это было несправедливо, вытекало изъ юношескаго сознанія, что отецъ мой крѣпостникъ, а я либеральный поэтъ. Но чѣмъ же другимъ могъ быть тогда мой отецъ? Я побивалъ не крѣпостное право, а его лично, тогда какъ разница между нами была собственно во времени. Иное дѣло, личныя черты моего отца, его характеръ, его семейныя отношенія—тутъ я очень рано созналъ свое право, и не отказываюсь ни отъ чего, что мною напечатано въ этомъ отношеніи. Разница, повторяю, была между нами во времени,—онъ пользовался своимъ правомъ, которое признавалъ священнымъ,—

«Одинъ свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ».

Было бы совершенно ошибочно думать, что въ приведенномъ отрывкѣ содержится отказъ отъ всего сказаннаго Некрасовымъ объ отцѣ въ его стихотвореніяхъ. Нѣтъ, поэтъ видѣлъ несправедливость съ своей стороны въ томъ, что онъ нападалъ на отца за его крѣпостничество, не учитывая того, что Алексѣй Сергѣе-

*) См. предыдущую главу.

вичъ, какъ продуктъ извѣстной среды, какъ сынъ своего времени, не могъ не быть крѣпостникомъ. Нельзя было, хочетъ сказать Некрасовъ, ополчаться на отдѣльныя личности, которыя хотя и играли глубоко отрицательную роль въ общественной жизни страны, но не по своей винѣ, а по винѣ вскормившаго ихъ и воспитавшаго въ опредѣленныхъ привычкахъ соціальнаго зла, каковымъ въ данномъ случаѣ являлось крѣпостное право. Противъ подобной точки зрѣнія возражать, конечно, невозможно, однако не лишнее будетъ замѣтить, что образъ отца-крѣпостника пріобрѣтаетъ въ некрасовской поэзіи символическій характеръ, воплощая въ себѣ крѣпостничество вообще съ его безшабашнымъ разгуломъ, грубымъ деспотизмомъ, барскою спесью и т. д. Нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ, что въ сознаніи поэта мысль о крѣпостномъ правѣ слилась съ представленіемъ о помѣщикѣ-крѣпостникѣ, дававшемъ своимъ примѣромъ наглядныя иллюстраціи къ отрицательнымъ сторонамъ крѣпостничества. На этомъ основаніи нельзя не сдѣлать вывода, что признаніе въ «несправедливости» по отношенію къ отцу имѣетъ лишь относительное значеніе. Въ противоположность ему, вполнѣ безусловнымъ характеромъ отличается заявленіе поэта, что онъ ни отъ чего не отказывается изъ написаннаго имъ касательно личности отца и его роли въ жизни семьи. Всѣ эти соображенія позволяютъ заключить, что отмѣченная выше эволюція въ отзывахъ Некрасова объ отцѣ происходила не отъ измѣненія основного взгляда на него, а лишь благодаря постепенному переходу отъ чувства остраго озлобленія къ болѣе объективному, хотя, по существу своему, глубоко отрицательному отношенію, съ перемѣщеніемъ центра тяжести отъ недостатковъ, порожденныхъ соціальными причинами, на недостатки личнаго свойства.

Изъ воспоминаній объ А. С. Некрасовѣ его крѣпостныхъ значительный интересъ представляютъ воспоминанія бывшаго грешневскаго старосты Ераста Максимовича Торчина, записанныя сначала Ф. Смирновымъ (см. брошюру его: «Передъ некрасовскими днями», Ярославль, 1902 г.), а затѣмъ сотрудницею ярославской газеты «Сѣверный Край», г-жею П. Путиловой (см. Сѣверный Край», 1902 г., 25 дек.). Сущность разсказаннаго Торчинымъ этимъ лицамъ сводится къ слѣдующему: А. С. Некрасовъ былъ очень скупой и прижимистый помѣщикъ; съ крестьянами обходился сурово—часто посылалъ ихъ на «девятую половину

(грешневская метафора, означавшая порку); послѣ смерти жены, иногда укрощавшей его дикіе порывы, завелъ себѣ нѣсколько любовницъ («одна была коренная, другія въ пристяжкѣ»); постоянною страстью его являлась охота, невозможность охотиться огорчала и выводила его изъ себя («ахъ, чортъ возьми, опять нельзя на охоту ѣхать!»)

Автору настоящихъ строкъ лѣтомъ 1913 года удалось лично провѣрить справедливость разсказовъ Торчина *) бесѣдою съ другимъ грешневскимъ старожиломъ, Сергѣемъ Семеновичемъ Полянинымъ **). Сергѣй Семеновичъ, которому въ 1913 году было уже за семьдесятъ лѣтъ, попалъ въ Грешнево довольно случайно: его отецъ былъ не то проданъ, не то проигранъ въ карты Некрасову помѣщикомъ села Петропавловскаго Шушериным. Въ 1852 году девятилѣтняго Сергѣя (род. въ 1843 г.) взяли въ барскую дворню. Сравнительно хорошо грамотный, благодаря частому общенію съ Николаемъ Алексѣевичемъ Некрасовымъ значительно расширившій свой умственный кругозоръ, Полянинъ представлялъ собой далеко не заурядную фигуру въ крестьянской средѣ. Однако, самая его интеллигентность послужила ему скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу: она пробудила въ немъ чувство собственнаго достоинства; условія же, въ которыхъ пришлось провести Полянину свою молодость, были таковы, что это чувство постоянно оскорблялось и унижалось самымъ варварскимъ образомъ. Отсюда незаживающая рана въ душѣ Полянина, который, несмотря на пятидесятилѣтнюю давность, безъ слезъ не могъ вспоминать о тѣхъ надругательствахъ надъ его личностью, которымъ онъ подвергался въ домѣ А. С. Некрасова.

Нечѣмъ мнѣ барина хорошимъ помянуть,—говорилъ намъ только что исповѣдавшійся и причастившійся по случаю своей тяжкой болѣзни Сергѣй Семеновичъ.—Сколько битья-то этого мнѣ вытерпѣть пришлось. У васъ на головѣ не столько волосу, сколько у меня на тѣлѣ колосу отъ барскихъ побоевъ; вѣрите ли, мѣста живого нѣтъ! И за что билъ-то? Письма мнѣ диктовалъ, а я еще мальченкомъ былъ, грамотѣ не больно зналъ, напишу что-нибудь не такъ,—сейчасъ и примется гвоздить. А то разъ

*) Самого Эр. Макс. Торчина онъ уже не засталъ въ живыхъ.

**) Полянинъ, послѣдній изъ остававшихся въ живыхъ бывшихъ дворовыхъ „Некрасовщины“, скончался въ серединѣ октября этого года; 16-го октября его хоронили.

собакѣ его нечаянно ногу отдавилъ,—на конюшню послалъ; тамъ били меня такъ, что едва живъ поднялся. И считали еще, что со мною баринъ милостиво обошелся,—нуженъ вѣдь я ему былъ,—другого дворовaго за ту же вину въ солдаты отдалъ. Умирать стану—милостей его не забуду. Волосы-то на вискахъ—за виски онъ меня далъ что ни день—недавно выросли, да и то рѣдкіе такіе...»

Надо было видѣть, какъ все это говорилось: худое болѣзненное лицо старика мучительно подергивалось, глаза постоянно наполнялись слезами, руки дрожали... Чувствовалось, что неотразимое сознаніе старыхъ обидъ властно охватило его душу.

О пристрастіи А. С-ча къ женскому полу Полянинъ отзывался совершенно опредѣленно. Онъ даже припомнилъ слѣдующій фактъ. «Старый баринъ во время охоты замѣтилъ красивую дѣвушку, половшую картофель; она ему понравилась.

«Ефимъ, приведи»—распорядился онъ, не долго думая. Ну, Ефимъ и привелъ ее, какъ собаку на цѣпи. Аграфена это была изъ Кощевки. Сумѣла угодить барину—главной наложницей ее сдѣлалъ. А когда—все-таки и ей попадало».

Недѣли черезъ двѣ послѣ нашего разговора съ Полянинымъ, съ нимъ, а также съ восьмидесятилѣтней грешневской крестьянкой Татьяной Широковой, исполняя нашу просьбу, имѣлъ бесѣду сынъ мѣстнаго священника Вс. С. Филагріевскій. Ему Полянинъ, между прочимъ, сообщилъ, какъ производились экзекуціи надъ провинившимися «рабами» въ Грешневѣ: «пороли другъ друга по очереди; провинился кто нибудь,—мнѣ приказываютъ его пороть; на другой день онъ меня поретъ».

Татьяна Широкова на вопросъ объ А. С. Некрасовѣ ироническимъ тономъ замѣтила: «ну ужъ баринъ, какой баринъ!»—и принялась разсказывать о поборахъ, взимавшихся имъ съ крестьянъ своей вотчины: «10 аршинъ холста; баранокъ—сколько потребуютъ (на содержаніе дворни); двухъ пѣтуховъ; души иѣть (т. е. земли), такъ купи, да отдай; если дѣвка долго не вышла замужъ, то и съ нея брали то же самое». Объ отношеніи помѣщика къ крестьянской собственности Широкова припомнила слѣдующее: «изъ огорода овощи брали, не считая, любые кочни рубили»; о барщинѣ, существовавшей въ Грешневѣ, она отозвалась лаконически: «жали днемъ и ночью».

Кромѣ воспоминаній С. Полянина и Т. Широковой объ отцѣ

поэта, мы имѣемъ еще возможность огласить записанныя въ 1902 г. преподавателемъ Ярославской гимназіи П. И. Мизиновымъ воспоминанія о немъ его крѣпостного выжлятника 50-хъ годовъ Платона Александровича Прибылова. Къ кой чему въ этихъ воспоминаніяхъ надо относиться критически, напримѣръ, къ разсказу о четвертакахъ получаемыхъ отъ барина дворовыми за каждый вырванный сѣдой волосъ, но въ общемъ они заслуживаютъ довѣрія, тѣмъ болѣе, что не стоятъ въ противорѣчіи съ воспоминаніями другихъ крестьянъ.

«Старый баринъ, разсказывалъ Прибыловъ П. И. Мизинову, умеръ въ Ярославлѣ. Нанята была цѣлая рота солдатъ, и они поперемѣнно несли гробъ до самаго Абакумцева. Домъ Некрасова тогда былъ на Сѣнной площади, гдѣ теперь домъ Жаворонкова. Росту былъ баринъ огромнаго, точь-въ-точь эта печь (разсказчикъ указалъ на большую высокую печь въ палатѣ). Ѳедоръ Ал. похожъ на него по росту, но только этотъ сутуловатый и, кажется, ниже. А тотъ прямой былъ. Издали сразу замѣтишь. Въ Ярославлѣ иногда нужно было его сыскать. Гдѣ найти? Пойдешь на базаръ, гдѣ торгуютъ старымъ желѣзомъ. Сразу его въ толпѣ замѣтишь: скупаетъ для нашей кузницы какое-нибудь старое ломаное желѣзо, рессоры, напр., въ лавкѣ,—ну, и сыщешь его. Сѣдина въ тѣ годы уже пробивалась въ немъ. И вотъ, бывало, сидишь и серебряными щипцами выдергиваешь у него сѣдые волосы: выдернешь, положишь въ кучку по 10 волосъ и получишь по четвертаку за волосъ (?). Днемъ уходилъ онъ въ поле. Пойдетъ, осмотритъ работы, привяжется къ кому нибудь, раздерется и послѣ уйдетъ и сядетъ на канавѣ около дому. Побитый пользуется этимъ случаемъ: начнутъ свистѣть, пойдутъ къ канавѣ. «Чего ты ищешь?», спроситъ, бывало, Ал. Сер.—«Да вотъ щенокъ пропалъ, ищемъ». «Ну, вотъ что, я обидилъ васъ. На-те вамъ». И даетъ сколько-нибудь за то, что билъ. Вечернихъ пирушекъ у насъ не бывало, развѣ рѣдко только. Обыкновенно А. С. уѣзжалъ въ Ярославль и игралъ въ карты въ Дворянскомъ клубѣ, гдѣ теперь Іонафановское училище. Страстный охотникъ онъ былъ. Была у насъ псовая охота (22 охотника, самъ 23-й), охотились на дичь; рѣдко на волковъ и медвѣдей. Разъ, помню, затравили пару медвѣдей. У того мѣста затравили, гдѣ теперь Понизовники, у Овсянниковъ, у Николы-Бора. Бѣда, какъ любилъ охоту. Хлѣбомъ не корми, а устрой ему охоту. Бывало, съ вечера призоветъ меня къ себѣ, чтобы

рѣшить, куда ѣхать на охоту. Думаетъ, думаетъ, опять передумаетъ, а ты стоишь себѣ битые два часа. Хоть бы посадилъ, что ли, а то стоишь, стоишь. Рано утромъ всѣ и отправлялись. Ловчій выйдетъ на крыльцо и будитъ всѣхъ рогомъ. Встанетъ и играетъ:

Вы, охотники, вставайте!
Лошадей своихъ сѣдлайте,
Мы поѣдемъ въ тѣ мѣстечки,
Гдѣ есть озими, лужечки.
Тамъ бываютъ русачки.
Скидывай съ гончихъ смычки
Вдаль гляди. Ату, ату,
Ату, матерой русакъ!

Костюму охотничьяго сколько было. Кожаны были въ родѣ бурки, кивера съ лакированными козырьками, черные съ желѣзными петлицами поддевки.

Были кромѣ насъ, охотниковъ, музыканты—22 человѣка.

Строгъ былъ Алексѣй Сергѣевичъ. И мнѣ сколько щипковъ попало. «Платошка», скажетъ иногда—«видалъ Москву?»—«Видалъ, говорю, видалъ», отвѣчаю, чтобы только не поднялъ кверху. Крестьянъ часто сѣкъ, особенно за пьянство. Пріѣдетъ, бывало, въ Ярославль и сядетъ у окошка въ домѣ (Жаворонкова). Ѣдетъ мужикъ по площади съ соломой, пьянъ немного. Что онъ, трезвый или пьяный? спроситъ Ал. Сергѣевичъ и велитъ позвать мужика. Если мужикъ пьянъ, то велитъ онъ кучеру Ефиму выпрягать лошадь, а пьянаго съ запиской погонитъ въ полицію. Тамъ виновному и дадутъ 25 розогъ. Дома сѣкъ обыкновенно въ сараѣ, до смерти не досѣкалъ, но по 500 ударовъ давали. Поведутъ, бывало, сѣчь кого-либо, а барыня (жалостливая такая) духъ притаитъ, руки сложитъ и ждетъ съ замираніемъ криковъ. Былъ у насъ управляющій изъ крѣпостныхъ—Карпъ Матвѣевичъ. Женатый онъ былъ, а пошаливалъ съ женскимъ поломъ. Ну, извѣстно, языковъ много, слухи доходили и до барина. Былъ онъ въ Ярославлѣ со мной. Я скупалъ тогда лошадей. Привелъ ихъ штукъ 20 и говорю, что пора отправляться домой: «черезъ Волгу скоро ли переправлюсь, потомъ до Солей проѣду». Смотрю, пишетъ записку управляющему:

„Карпъ Матвѣичъ,
Пьете ли Ерофеичъ?
— Нѣтъ, сударь, это пустое:
Мы пьемъ простое,
Ѣдимъ оладьи да блины
Да бережемъ своей спины.“

Взялъ я записку. Пріѣхалъ домой въ 1 часъ ночи. На утро даю записку управляющему. Прочиталъ онъ, испугался. «Когда,— спрашиваетъ меня,—пріѣдетъ баринъ?» Я сказалъ. «Пойдемъ-ка,— говоритъ,—пока на охоту». Ну, и пошли, убили здороваго волчища, откормленнаго, и сберегли нарочно для подарка барину. Пріѣхалъ онъ, обрадовался волку и простилъ управляющаго. Я тоже помогъ тутъ Карпу Матвѣевичу и говорю Алексѣю Сергѣевичу: «а вы, баринъ, не всѣхъ слушайте. Мало ли чего наговорятъ на Карпа Матвѣевича. А вы спросите-ка дочку поварихи Прасковью Яковлевну. Она постоянно здѣсь и ничего не замѣчала». Ну, и простилъ, а работнику, который передавалъ слухъ, влетѣло пятьдесятъ розогъ. И на полѣ иногда баринъ сѣкъ. Ѣдемъ съ нимъ иногда, а какой-нибудь мужикъ ругнетъ барина. «Ну-те-ка,—скажетъ Ал. Серг.,—поѣзжайте, да дайте-ка ему». Поѣдемъ, да арапниками и отхлещемъ виноватаго (см. стих. «Псовая охота»).

Вотъ сводка того, что разсказывали объ А. С. Некрасовѣ его бывшіе крѣпостные крестьяне (Торчинъ, Широкова) и дворовые слуги (Полянинъ, Прибыловъ). Показанія ихъ, какъ показанія людей, испытавшихъ на самихъ себѣ «и барскій гнѣвъ, и барскую любовь», заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, полнаго довѣрія. Но кромѣ ихъ разсказовъ, въ Грешневѣ и окрестной округѣ объ Алексѣѣ Сергѣевичѣ, фигурѣ даже по тѣмъ суровымъ временамъ, къ которымъ относится его хозяйничанье въ своей вотчинѣ, незаурядной, ходятъ мрачныя преданія, такъ сказать, легендарнаго характера, причемъ, насколько намъ удалось установить, не все въ нихъ легендарно. Приводимъ одно изъ этихъ преданій, слышанныхъ нами въ Грешневѣ еще до бесѣды съ Полянинымъ:

«Жилъ тутъ у насъ въ Грешневѣ одинъ старичекъ древній, Эрастъ Максимовичъ Торчинъ, годовъ пять, какъ померъ. Любилъ онъ захаживать въ «Раздолье»*), ну, за стаканчикомъ чайку, бывало, разговорится, да про господъ и почнетъ разсказывать. Онъ, вѣдь, всю подноготную про нихъ зналъ, потому что Алексѣй Сергѣевичъ старостой его у себя сдѣлалъ. «Спжу вотъ я въ «Раздольѣ», да чаекъ попиваю,—говаривалъ Торчинъ,—и заботы мнѣ никакой нѣту, а въ старое время мимо усадьбы мы прохо-

*) Трактиръ, находящійся въ Грешневѣ на мѣстѣ барской усадьбы.

дить-то не смѣли, неровенъ часъ—увидитъ баринъ, да пошлетъ на конюшню. А на конюшню у него попасть ничего не стоило: шапку ли забудешь снять, наложницѣ ли барской,—три ихъ у него было,—чѣмъ не угодишь,—сейчасъ задастъ такого, что не дай Богъ! А хуже всѣхъ барынѣ доставалось. Вотъ изъ чего у нихъ ссора-то постоянная выходила: старшій-то сынъ, Коля, значитъ, больно любилъ съ крестьянскими ребятишками играть, отецъ не позволялъ, а мать покрывала; чуть услышитъ, что мужъ съ охоты возвращается, бѣжитъ въ садъ къ Колѣ, чтобы не засталъ его баринъ врасплохъ. Наши-то ребятишки сейчасъ за заборъ, да въ деревню, а Колю барыня въ домъ отведетъ. Ну, а въ барской дворнѣ наушники были,—сейчасъ же барину и доложатъ обо всемъ. Разъярится онъ и привяжетъ жену, въ наказаніе, къ липѣ, строго-настрого запретитъ давать ей пить, а самъ опять уѣдетъ на охоту. Колѣ-то жалко матери станетъ, по его же винѣ пострадала, придетъ къ ней, къ привязанной-то, принесетъ воды стаканъ. Не мало ему за это отъ отцовской плетки попадало». Вотъ, что Эрастъ Максимовичъ разсказывалъ. Правильный былъ старикъ, выдумывать бы не сталъ»,—такъ закончилъ нашъ собесѣдникъ.

Полянинъ на нашъ вопросъ, не слыхалъ ли онъ о томъ, что А. С. билъ свою жену, отвѣтилъ: «Слыхалъ отъ родителей». Мы задали другой вопросъ, не знаетъ ли онъ чего о привязываніи Елены Андреевны къ липѣ; Полянинъ задумался на минуту, а затѣмъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ: «Было, кажется, и это...» Татьяна Широкова отрицала возможность подобныхъ истязаній жены Ал. Сер—чемъ. Что касается Эр. Макс. Торчина, на свидѣтельство котораго ссылается преданіе, то онъ въ бесѣдѣ съ г-жею Путиловой разсказывалъ о запрещеніи дѣтямъ, исходившимъ отъ А. С—ча, сходиться съ деревенскими ребятами, о частыхъ нарушеніяхъ ими этого запрещенія съ вѣдома матери; самыя же отношенія между отцомъ и матерью поэта онъ охарактеризовалъ такъ: «въ хозяйство даже и домашнее не вступала потому, что никакъ не могла угодить мужу... Многихъ она избавляла отъ побоевъ—просила мужа за всѣхъ и иногда, вызывая этимъ гнѣвъ его, сама страдала». Выраженіе «сама страдала» отличается большою неопредѣленностью, но оно даетъ широкій просторъ для самыхъ грустныхъ догадокъ и предположеній... Во всякомъ случаѣ, трудно допустить, что у Н. А. Некрасова не было никакихъ осно-

ваній вложить въ уста своей бабки съ материнской стороны (см. стих. «Мать») такое обращеніе къ дочери:

„Твоей косы не станетъ на полгода,
Тамъ свой девизъ: „любить и бить“... прости“.

II

Письма А. С. Некрасова къ Ник. А—чу, о которыхъ мы уже упоминали, не только не стоятъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что говоритъ объ немъ въ своихъ стихахъ сынъ-поэтъ, и что разсказываютъ о немъ его бывшіе крѣпостные, но во многомъ подтверждаютъ данныя этихъ двухъ источниковъ. Вотъ, напримѣръ, небольшое письмо къ сыновьямъ (Николаю и Федору) отъ 18-го января 185? года, поразительная безграмотность котораго, дѣйствительно, могла дать основаніе для вопроса (см. стих. «Мать»): «умѣетъ ли онъ имя подписать»:

«Любезныя дѣти Генрихъ Станиславычь ѣдетъ въ Петербургъ, онъ вамъ роскажетъ про мое житье-бытье, довольно не завидное это болѣе отъ нездоровья, чемъ отъ другихъ причинъ, не давно у насъ начались дружескія сношенія, чемъ я очень доволенъ, надѣюсь, что вы Генриха и его брата примѣтѣ какъ истинно родныхъ, объ Анинькѣ я мало имѣю свѣденій, но хотѣлъ бы знать о ея здоровьи и, прочее, дайтѣ мнѣ совѣтъ, что дѣлать съ нашимъ Кавкаскимъ воиномъ, онъ мнѣ давно ни чего неписалъ Гдѣ теперь онъ можетъ вы знаетѣ, что съ нимъ дѣлается, ябы его рѣшился звать домой но Ей Богу непонимаю, что онъ здѣсь будетъ дѣлать— какъ вы о семъ думаетѣ, то же мнѣ напишитѣ, Благодарю васъ за Современникъ и северную пчелу, пришлите мнѣ журналъ общеполѣзныхъ свѣдѣній, деньги на это уроманова Григорья—къ Федору я писалъ кой о какихъ затѣяхъ отвѣту нетъ, Затѣмъ целую васъ сердечно, остаюсь много любящей васъ отѣцъ Алексѣй Некрасовъ».

Въ томъ же январѣ (отъ 23-го числа) Алексѣемъ Сергѣевичемъ было послано другое письмо, содержаніе котораго позволяетъ судить объ его умственномъ и нравственномъ уровнѣ. Приводимъ его полностью:

«Любезные друзья Николай Федоръ и Генрихъ Нетъ ли у васъ кого знакомого во 2-омъ Департаментѣ Сената? тамъ находится въ расмотреніи по частной жалобѣ моей дѣло онезаконномъ

духовномъ завѣщаніи, учиненномъ покойною невесткою моею Татьяною Ивановною Некрасовою по этому дѣлу нужно, что бы Сенатъ положилъ рѣзолюцыю согласно прошенію Моему и приказалъ бы какъ мне, такъ (за смертію невестки) крестьянамъ ей доставшимся платить долгъ Ярославскому Приказу за покойнаго брата моего, а ея мужа Титулярнаго Советника Сергея Некрасова, соразмѣрно наслѣдственной каждаго долѣ и согласно нашему раздѣльному Акту, который находиться нынѣ въ росмотреніи Сената Нашъ Председатель уголовной Палаты Мясоѣдовъ (общей увсехъ ходатай по дѣламъ) разумѣется изъ любви къ ближнему, склонилъ Жадовскаго не только на предоставленіе невесткинымъ крестьянамъ по незаконному завещанію свободы, но и присужденію платить долгъ приказу мнѣ одному. Будѣ вы не успѣете помочь такому горю, то въ теченіи 12-ти лѣтъ, я буду платить по 263 руб. серебромъ у Генриха есть во 2-мъ Департаменте знакомой Оберъ Секретарь Господинъ Барановскій, у васъ также нетли знакомыхъ. Просите и дасса вамъ, а что по Сенату узнаете пишите немедленно.—Теперь любезнійшіе друзья скажу вамъ, что подъ старость я получилъ страсть къ эстампамъ, я бы желалъ имѣть въ своемъ кабинете эстампы Господина Козлова I. Моленіе о чаше 2-е Вакханка 3-е Спасенное знамя (подвигъ унтеръ-офицера Сторичькова), 4-е подвигъ гренадера Кореннаго подъ лейбцыгомъ, 5-е, дѣло подполковника Суслова, или подвигъ Гребенскихъ казаковъ, 6-е подвигъ Архипа Осипова, рядоваго Кенгинскаго полка, естли это не ахти дорого будетъ стоить, то прошу прислать съ журналомъ общеполѣзныхъ сведѣній; я бы послалъ на это деньги но теперь уменя ихъ нетъ, всѣ они по чужимъ карманамъ, однакожъ скоро возвратяться, тогда я вамъ вышлю столько сколько вы на прихоти мои издѣржите. За Современникъ и Пчелку благодарю, что стоитъ книжка Альбомъ Борагура *) говорятъ, она презабавная, читая такую книшку, можетъ бы я расхохотался хоть разъ въ жизни. Одинъ мой знакомый проситъ купить памятную книшку, купите въ переплетѣ,—ну право я вамъ вышлю деньги, не только за это, но за все, чтобы вы не прислали—Сестрица Елена Сергѣевна вамъ усердно кланяется, домашняя сволочь бьетъ челомъ до земли и вопіетъ не забудьтѣ насъ. Затемъ остаюсь много любящей васъ родитель А. Некрасовъ.

*) Очевидно, имѣется въ виду слѣдующее изданіе: „Альбомъ Балагура. Собраніе забавныхъ повѣстей, разсказовъ, сатирическихъ очерковъ, комическихъ сценъ, анекдотовъ, остротъ и разныхъ курьезностей“ С.-П.-Б. 1851 г.

Когда вы всѣ соберетесь и составитѣ родственный кружокъ, то напишите мнѣ предлинное письмо, чтобы на весь вечеръ было что читать, да справтесь пожалуйста: Носятъ ли у васъ старики бобровые воротники? Помните какъ вы меня на смешили, когда мой воротникъ къ польту пришили?»

Выводы, которые мы вправѣ сдѣлать изъ содержанія этого письма, напрашиваются сами собою. Прежде всего, бросается въ глаза, что его писалъ крѣпостникъ, готовый рвать и метать по адресу чиновника, способствовавшаго полученію свободы нѣсколькими десятками крестьянъ, крѣпостникъ, для котораго дворовые люди не болѣе, какъ «домашняя сволочь», а ихъ отношеніе къ членамъ господской семьи формулируется словами: «бить челомъ до земли и вопіять: «не забудьте насъ грѣшныхъ». Далѣе, изъ приведеннаго письма видно, что А. С. принадлежалъ къ числу любителей судовъ и тяжбъ, обременявшихъ различныя судебныя инстанціи, вплоть до Сената, своими жалобами то на «незаконное духовное завѣщаніе, учиненное покойною невѣсткой», то на предсѣдателя Уголовной Палаты, осмѣлившагося крестьянскіе интересы поставить выше дворянскихъ и т. д. и т. п. Затѣмъ, процитированный документъ убѣждаетъ въ томъ, что безденежье А. С. вызывалось иногда не недостаткомъ средствъ, а какими-то операціями съ деньгами, вслѣдствіе которыхъ они то переходили временно въ чужіе карманы, то вновь возвращались къ своему владѣльцу. Для отношенія А. С. къ деньгамъ въ высшей степени характерно его повторное обѣщаніе вернуть истраченное дѣтьми на его «прихоти», при чемъ особенно любопытна вторичная формулировка этого обѣщанія: «ну, право, я вамъ вышлю деньги». Невольно создается впечатлѣніе, будто бы авторъ письма имѣлъ какія-то основанія думать, что дѣти ему могутъ и не повѣрить... Интеллектуальное развитіе, въ частности эстетическіе вкусы А. С. опредѣляются перечнемъ эстамповъ, которые онъ желалъ бы имѣть въ своемъ кабинетѣ. За исключеніемъ «Моленія о чашѣ», остальныя картины образуютъ специфическое сочетаніе изъ эротики и квасного патріотизма, столь характерное для дореформенной казармы, подъ гостепріимнымъ кровомъ которой А. С. провелъ свою молодость. Какъ отголосокъ казарменныхъ впечатлѣній, можно разсматривать и стремленіе къ модничанью, выразившееся въ нелѣпо стихотворной фразѣ:

Носятъ ли у васъ старики
Бобровые воротники?
Помните какъ вы меня на смешили,
Когда мой воротникъ къ польту пришили?

Наконецъ, чрезвычайно характерными представляются нижеслѣдующія строки письма А. С., какъ нельзя лучше подтверждающія справедливость эпитета «угрюмый», присоединеннаго Некрасовымъ къ отзыву объ отцѣ «невѣжда»: «что стоитъ книжка альбомъ Борагура; говорятъ, она презабавная? читая такую книшку, можетъ бы я расхохотался хоть разъ въ жизни».

Содержаніе остальныхъ 12-ти писемъ А. С. Некрасова къ сыну подтверждаетъ впечатлѣніе отъ первыхъ двухъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ 1853 года (отъ 24-го марта) ярко сказываются крѣпостническія замашки А. С. Отправляя къ сыну въ с. Алешунино Владимирской губерніи нѣсколько крѣпостныхъ охотниковъ, Некрасовъ-отецъ, между прочимъ, пишетъ: «Михайлу Антонова немедленно на крестьянской подводѣ возвратить ко мнѣ въ Ярославль; Сергѣя Петрова (по твоему усмотрѣнію) дремать при себѣ за кучера или отпустить въ домъ его, состоящій въ Софоновѣ, но пачпорту не давать. Гончихъ кормить, овсянкой и шкворой или одной овсянкой» и т. д. и т. п. Чувствуется, что для А. С. и Михайла Антоновъ и Сергѣй Петровъ, которому «пачпорту не давать»,—двуногіе звѣри, немногимъ отличающіеся отъ четвероногихъ. Въ письмѣ отъ 7 января 1857 года крѣпостническій душокъ такъ и сквозитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я недавно завлекся въ одну глупость, вообрази себѣ, что у насъ теперь 9-ть человѣкъ музыкантовъ, которыхъ обучаетъ довольно знающей музыку, отставной унтеръ офицеръ, инструменты изъ Парижа, *Сакса*, изобрѣтенныя недавно для французской гвардіи». Послѣднее обстоятельство, льстившее помѣщичьему самолюбію, было, надо думать, особенно пріятно для тщеславнаго А. С.

Въ письмѣ 5-го марта 1852 года А. С. вновь обрисовывается, какъ любитель тяжбъ: здѣсь онъ сообщаетъ о томъ, что имъ подана на Высочайшее имя жалоба на несправедливое рѣшеніе 8 Департамента Правит. Сената по дѣлу нѣкоего Василія Федорова съ дѣвицами Юрьевыми объ имѣніи въ Саратовской губерніи—и настойчиво проситъ сына похлопотать въ Комиссіи прошеній у штатъ-секретаря Танева, чтобы его «жалоба была принята въ уваженіе».

Однако, эта страсть Некрасова-отца къ тяжбамъ не была единственной. Красною нитью черезъ большинство его писемъ проходятъ охотничьи изліянія. Охота въ Грешневѣ, какъ мы знаемъ, поставлена была на широкую ногу, истребленіе дичи происходило въ грандіозныхъ размѣрахъ, о которыхъ можно судить хотя по слѣдующему отрывку изъ письма А. С. отъ 22-го ноября 1856 года: «сдесь все попрежнему; съ 1 августа началъ я охотиться; охота шла довольно хорошо, зайцевъ по 15-го ноября затравлено 634, лисицъ три, барсукъ—одинъ; теперь снѣгъ покрылъ зеленыя луга, морозъ оковалъ всю природу, охота почти кончилась, нападаетъ скука, завтра ѣду въ Ярославль». Нѣсколькими днями позже къ этому же письму была сдѣлана приписка: «на дняхъ простудилъ високъ, и болитъ горло. Пороши возобновились превосходные, небывалые давно, но ѣздить на охоту не могу, ѣздятъ Ефимъ съ Яковомъ—борзыхъ есть у насъ 20, гончихъ 24, тѣ и другія отличныя. Я иногда билъ изъ подъ гончихъ по 10 и 6-ти зайцевъ въ полѣ». Въ письмѣ отъ 7 января 1857 года находимъ новыя свѣдѣнія объ охотничьихъ трофеяхъ того же зимняго сезона: «Ефимъ постоянно ѣздитъ на охоту, въ 4 дня затравилъ 36 русаковъ, снегъ почти каждый день пребываетъ новый, это благопріятствуетъ охотѣ». Эти данныя позволяютъ, не рискуя впасть въ преувеличеніе, утверждать, что въ зимнее время зайцы въ мирныхъ грешневскихъ поляхъ погибали сотнями. По слѣамъ сестры поэта, его охотничьи вкусы отличались отъ отцовскихъ: отецъ предпочитаетъ охоту съ гончими, сынъ любилъ скитаться съ лягавой по полямъ и лѣсамъ не только въ поискахъ за дичью, но и за непосредственными впечатлѣніями народной жизни. Объ этой разницѣ вкусовъ можно отчасти судить хотя бы по нижеслѣдующей тирадѣ А. С. изъ письма отъ 29 марта 1853 года, писаннаго въ отвѣтъ на просьбу сына выслать людей и лошадей въ Алешунино: «Ябы совѣтовалъ такъ: людей со всеми упомянутыми вѣщами и собаками отправить въ послѣднихъ числахъ Апрѣля, что самое по стараюсь исполнить Затемъ надобно сказать (по извѣстности мнѣ мѣстнаго положенія), что въ Апрелѣ мѣсяцѣ въ Алешунинѣ и около Софонова удовольствія нащетъ охоты будетъ мало, ѣздить въ повозкѣ никуда будетъ невозможно, кругомъ подступитъ вода, и вы должны будитѣ только удить рыбу, а можетъ быть изредка застрелить какую утку. Въ мае только начинаетъ сбывать вода, тогда начнется лутчая охота для этихъ

и другихъ причинъ я бы совѣтовалъ Апрель пробыть у меня, гдѣ можно тоже охотиться съ пріятностью, особливо при тридцати хорошихъ гончихъ и лихихъ борзыхъ, въ протчемъ помимо искренняго моего желанія видѣть тебя, оставляю все это на твою волю».

О культѣ охоты, царившемъ въ Грешневской усадьбѣ и особенно усиливавшемся въ связи съ ожиданіемъ пріѣзда Николая Алексѣевича, характерныя данныя сообщаетъ та-же А. А. Буткевичъ въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ. Не лишнее будетъ съ ними познакомиться. «Съ 1844 г. по 1863 г., читаемъ мы здѣсь, пока братъ не купилъ себѣ имѣніе—Карабиху, онъ почти каждое лѣто проводилъ въ деревнѣ у отца въ сельцѣ Грешневѣ, въ 20 верстахъ отъ Ярославля. Если братъ извѣщалъ о днѣ пріѣзда,—отецъ высылалъ въ Ярославль тарантасъ, чаще же братъ нанималъ вольныхъ лошадей или просто телѣгу въ одну лошадь.—Задолго до пріѣзда брата въ домѣ поднималась суматоха. Домоправительница Аграфена Федоровна съ утра звенѣла ключами, вытаскивала изъ сундуковъ разныя ненужныя вещи—«можетъ понадобится», чистила мѣломъ серебро, перестанавливала мебель, вообще выказывала большое усердіе. Охотничьи собаки получали свободный доступъ въ комнаты, забирались на запрещенный диванъ и только вскидывали глазами, когда домоправительница торопливо проходитъ мимо нихъ.

Отецъ принималъ самое дѣятельное участіе въ снаряженіи разныхъ охотничьихъ принадлежностей; нѣсколько дворовыхъ мальчиковъ сносили въ столовую ружья, пороховницы, патронташи и проч. Всѣ это раскладывалось на большомъ обѣденномъ столѣ; выдвигался ящикъ съ отвертками всѣхъ величинъ и начиналась разборка ружей по частямъ.

Отецъ былъ веселъ, шутилъ съ мальчишками и только изрѣдка направлялъ ихъ дѣйствія легкимъ трясеніемъ за волосы.

При такихъ охотничьихъ приготовленіяхъ къ пріѣзду брата присутствовалъ обыкновенно немолодой уже мужикъ, извѣстный въ окрестности охотникъ, Ефимъ Орловскій (изъ деревни Орлова), за которымъ посылался нарочный съ наказомъ явиться немедленно: «Н. А. ѣдетъ».

Какъ теперь вижу всю эту картину: отецъ въ красной фланелевой куртки (обыкновенный его костюмъ въ деревнѣ; даже лѣтомъ) сидитъ за столомъ; вокругъ него мальчики усердно чистятъ и смазываютъ прованскимъ масломъ разныя части ружья. На концѣ стола графинчикъ водки и кусокъ чернаго хлѣба. Въ дверяхъ

изъ прихожей въ столовую стоитъ охотникъ Ефимъ Орловскій съ сыномъ Кузяхой, подросткомъ, тоже охотникомъ, который уже успѣлъ отстрѣлить себѣ палецъ.

Время отъ времени отецъ, обращаясь къ одному изъ мальчиковъ, говоритъ коротко: «Поднеси». Мальчикъ наливаетъ рюмку водки и подноситъ Ефиму. Разговоръ, между прочимъ, идетъ въ такомъ родѣ:

— Ну, такъ какъ же, говоритъ отецъ, въ какія мѣста думаете двинуться съ Ник. Ал.?

— А поначалу, Алексѣй Сергѣевичъ, Ярмольцы, поокружимъ, а потомъ, извѣстно, къ намъ на озеро: утокъ теперь у насъ такъ даже пестритъ на водѣ.

А самъ много билъ?

— Зачѣмъ бить, какъ можно! Мы для Николая Алексѣевича бережемъ. Да у меня и ружьишко не стрѣляетъ—совсѣмъ разстроилось. Вотъ хочу попросить Ник. Ал.

Отецъ улыбается.

— Попросить можно. Ну, а Тихменова водилъ на озеро?

(Тихменевъ—помѣщикъ сосѣдъ, тоже охотникъ).

Ефимъ переминается.

— Разъ какъ то пріѣзжалъ, да, вѣдь, какой онъ охотникъ, садитъ заряды въ пустое мѣсто, ему бы только стрѣлять: не лучше моего Кузяхи».

По мѣрѣ того, какъ съ возрастомъ здоровье А. С. слабѣло, и охота все чаще и чаще становилась для него недоступнымъ удовольствіемъ, въ его письма вторгается новый мотивъ,—горькія жалобы на свои немощи, старческое брюзжаніе на пользующихъ врачей. Сначала, впрочемъ, А. С. пытался не обращать вниманія на состояніе своего здоровья, какъ это видно, хотя бы, изъ слѣдующаго отрывка изъ письма отъ 29 янв. 1854 года:

«Сдоровье мое несовсемъ еще плохо, можно сказать, что въ настоящее время я ни болѣнъ ни сдоровъ, главная бѣда закрытый геморой мучитъ меня по временамъ невыносимо, и болѣе всего теперь нападаетъ на грудь и голову, лѣкарствъ я рѣшительно никакихъ не принимаю». Нежеланіе лѣчиться принесло свои результаты: черезъ три года здоровье А. С. настолько ухудшилось, что онъ писалъ сыну (отъ 7 янв. 1857 года), находившемуся въ то время за границей: «Годъ отъ году слабею, ревматизмъ и геморой меня мучатъ не выносимо, какъ ты мнѣ посовѣтуешь, а здѣшніе

доктора вѣлятъ мнѣ ѣхать за границу въ Карльзбадъ я рѣшаюсь ѣхать, получа 1-е твое письмо, въ которомъ ты назначь гдѣ мы можемъ съѣхаться и видѣтся, а можетъ и пожить въ местѣ, одна бѣда, что мнѣ до Штетина, не хочется ѣхать моремъ, я думаю на Варшаву, въ дилижансѣ, но есть ли изъ Варшавы, въ Прусію желѣзная дорога, еще не получилъ свѣденія».

Поѣздка А. С. за границу такъ и не состоялась, вмѣсто нея Некрасовъ-отецъ отправился въ Москву лѣчиться у Иноземцева; однако, знаменитый профессоръ пришелся ему не по нраву. Въ письмѣ безъ даты, очевидно, относящемся къ лѣту 1857 г., онъ пишетъ сыну: «Любезнейшій сынъ Николай. Предпріятіе наше не удалось. Лѣченіе мое у иноземцева вовсе неудачно, самъ онъ не ѣздитъ ко мнѣ, а посылаетъ Г. Сараджева, что ни пропишутъ все не въ попадъ—совѣтуютъ лѣчиться холодною водою, но я слабъ растерялся въ мысляхъ и рѣшиться на ето не могу». Въ письмѣ, писанномъ нѣсколькими недѣлями позднѣе (отъ 3 августа 1857 г.), сообщаются новыя свѣдѣнія о здоровьѣ А. С.: «Съ 17 іюля я нахожусь въ водолечебномъ заведеніи Крейзера по совѣту Иноземцева, лекарствъ никакихъ не принимаю, лучше мнѣ нисколько нетъ, но уверяютъ меня, что придальнейшемъ леченіи получу облегченіе, пробыть въ этомъ заведеніи думаю до 15-го августа и тогда уѣду домой, денегъ я поистратилъ не мало, жаль, что это безъ всякой пользы, очень бы хотѣлъ ѣхать вѣсною въ Карльзбатъ, но одинъ безъ родного, едвали рѣшусь и потому желалъ бы, что бы ты меня сопровождалъ хоть до Берлина или Карльзбата, одна надежда на тамошнія воды».

Въ болѣзни А. С., о которой онъ упоминаетъ и въ другихъ письмахъ, конечно, сомнѣваться не приходится. Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что онъ, какъ человѣкъ геркулесоваго тѣлосложенія, совсѣмъ не привыкшій болѣть, въ оцѣнкѣ своихъ немощей впадалъ въ нѣкоторыя преувеличенія. Быть-можетъ, кромѣ того, было у него тайное желаніе разжалобить сына, передъ которымъ онъ не могъ не чувствовать себя виновнымъ.

Полагая, что приведенныхъ цитатъ вполнѣ достаточно для характеристики личныхъ свойствъ А. С., его привычекъ и склонностей, перейдемъ къ вопросу о томъ, какъ проявилось въ разсматриваемой перепискѣ его отношеніе къ дѣтямъ вообще, въ частности къ старшему сыну. Въ большей части изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи писемъ содержатся просьбы самаго разнообраз-

наго свойства. Преобладаютъ сравнительно мелочныя, въ родѣ: «пришлите мнѣ журналъ общеполезныхъ свѣдѣній» (18-го янв. 1852 г.), или: «одинъ мой знакомый проситъ купить памятную книжку, купите въ переплетѣ» (23 янв. 1852 г.), или: «четыре экземпляра «Современника» мнѣ бы очень нужны, будѣ есть лишнія, прошу прислать» (5 марта 1852 г.), или: «въ Алешунинѣ Ефимъ Евсевьевъ строитъ балаганъ, по лѣности его и пьянству онъ не совсѣмъ готовъ, заставь же его поскорѣй кончить, именно къ маю мѣсяцу» (29 марта 1853 г.), или: «пиши почаще съ увѣдомленіемъ о чемъ нибудь новенькомъ, такъ какъ изъ Петербурга многіе роднымъ пишутъ о новостяхъ, ибо мы провинціалы сдѣсь ничего незнаемъ» (29 янв. 1854 г.) и т. д. Но въ иныхъ случаяхъ, особенно тогда, когда рѣчь шла о тяжбахъ, А. С. обращался къ сыну съ просьбами болѣе обременительнаго характера. Онъ настойчиво просилъ его похлопотать въ томъ или иномъ присутственномъ мѣстѣ, при чемъ нерѣдко указывалъ лицъ, ходатайство которыхъ могло имѣть значеніе, и съ которыми, по его свѣдѣніямъ, сынъ поддерживалъ дружескія отношенія. Такъ, въ письмѣ отъ 3-го марта 1852 года читаемъ: «будѣ у тебя есть такія знакомыя, которыя могли бы похлопотать, чтобы моя жалоба была принята во уваженіе, то это было бы весьма полезно, но естьли просьбу мою не уважутъ, дѣло щитать потеряннымъ навсегда, есть ли молодой Лонгиновъ (твой знакомый) поговорилъ про мою жалобу, своему родителю, успѣхъ, изъ этого не сомнѣнный, потому, что дѣло рѣшено совершенно противу законно. И такъ мой другъ Николай подумай объ этомъ моемъ предложеніи не медля ніодного дня».

Въ другой разъ А. С. вздумалось оказать протекцію въ полученіи мѣста инспектора Ярославской врачебной управы нѣкоему Андрею Ивановичу Подгаевскому, и онъ поспѣшилъ взвалить хлопоты по этому дѣлу на плечи сына: это,—писалъ А. С. о Подгаевскомъ (отъ 23 сент. 1852 г.),—«человѣкъ съ большимъ знаніемъ своего дѣла, который пользуетъ меня, и такъ много помогъ, что я обязанъ ему истинною благодарностью; за его человѣколюбивое о мнѣ попеченіе; по этимъ причинамъ, прошу тебя, какъ сына и друга, принять участія попросить Господина Кѣтчера, чтобъ Андрей Ивановичъ Подгаевскій, назначенъ былъ инспекторомъ Ярославской Врачебной Управы, увѣренъ остаюсь, что примешь мою просьбу вовниманіе, видя мое желаніе сдѣлать для ближняго доб-

рое дѣло, успехомъ въ которомъ поставишь меня въ такое положеніе, что я и твои ко мнѣ просьбы исполнять буду всегда съ большимъ радушіемъ».

Независимо отъ разнообразныхъ просьбъ, А. С. нерѣдко дѣлалъ своему сыну напоминанія о подаркахъ, которые ему было бы пріятно получить отъ него или отъ Федора Алексѣевича, при чемъ эти напоминанія иногда облекались въ наивно-дипломатическую форму, какъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 29-го марта 1853 г.: «есть ли вздумаешь что-либо прислать мнѣ изъ Москвы, то присылай полѣзное съ пріятнымъ». А вотъ еще болѣе яркій образецъ подобной, не лишенной комизма дипломатіи, относящейся на этотъ разъ къ младшему сыну: «Что касается до нашего любезнаго Федора, такъ всегда мною любимаго, вообрази, что онъ съ самаго отъ меня выѣзда, едва недавно написалъ мнѣ три строчки, заключающіеся въ извиненіяхъ, что ему нетъ времяни ко мнѣ писать, онъ обѣщалъ мнѣ кой-что прислать и ничего не выполнилъ, можетъ быть не приноравливаетъ ли это все исполнить къ 12 февраля, ко дню моихъ имянинъ, попеняй ты ему»... (29-го янв. 1854 г.). Нѣсколько иного рода подходъ содержится въ письмѣ отъ 22 ноября 1856 г.; А. С-чу, повидимому, очень хотѣлось получить въ подарокъ отъ сына, бывшаго за границей, вновь изобрѣтенное охотничье ружье, и онъ пишетъ ему: «приятно даже слышать о такомъ ружье, естьли ты гдѣ увидишъ, то мнѣ опиши удобно ли это ружье и какой его вѣсъ». Двумя строчками ниже старикъ признается, что тѣ ружья, которыми онъ до сихъ поръ пользовался, ему тяжелы, и онъ не прочь бы имѣть французское ружье.

Прямыя и косвенныя просьбы о подаркахъ тѣмъ характернѣе для А. С., что, судя по его же письмамъ, онъ располагалъ довольно значительными средствами. Такъ, въ письмѣ отъ 3-го августа 1852 г., сообщивъ о своей ссорѣ съ родственниками, Буткевичемъ и Долгово-Сабуровымъ, которымъ онъ отказалъ въ деньгахъ, Некрасовъ-отецъ продолжаетъ: «домашніе дѣла идутъ по старому, думали мы съ Федоромъ, какъ бы къ нашему скудному имѣнію, что либо прикупить, да неудалось, а притомъ и денегъ то у обеихъ маловато, десять тысячъ собрать не могли—покуда я живъ то хоть бы немного вамъ прикупить, а то и послѣдніе денжонки пойдутъ въ Аптеки да лекарямъ». Въ письмѣ начала 60-хъ годовъ А. С. разсказываетъ о покупкѣ имъ дома въ Яро-

славлѣ, который ему обошелся въ 6570 рублей. Сопоставивъ эти свѣдѣнія съ данными объ обширной псарнѣ, объ оркестрѣ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ, можно, не обинуясь, утверждать, что А. С. въ періодъ своей переписки съ сыномъ бѣдности, во всякомъ случаѣ, не зналъ и не только не испытывалъ какихъ-либо лишеній, но жилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе.

Только что приведенный документальный матеріалъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что Некрасовъ-отецъ не упускалъ случая использовать родственныя отношенія для цѣлей чисто практическаго характера. Вправѣ ли мы, основываясь на этомъ, думать, что онъ былъ закоренѣлымъ эгоистомъ, никого, кромѣ себя, не любившимъ? Думается, что подобный выводъ былъ бы поспѣшенъ и не вполнѣ справедливъ. Въ нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ письмахъ прорывается заботливое отношеніе его къ дѣтямъ, особенно къ ихъ здоровью. Письмо о болѣзни старшаго сына вызываетъ съ его стороны длинную, не лишенную искренности тираду (29 января 1854 года): «Нерадостное письмо твое, я получилъ 28 числа сего мѣсяца, болѣзнь твоя тронула меня до глубины души, двадцать разъ я принимался читать твое письмо, но все находилъ одну горесть, Богъ всемогущій одинъ есть свидѣтель моихъ къ тебѣ чувствъ. Что могу сказать въ утешеніе, одна надѣжда на святое провидѣніе. Не ужели оно тебя оставитъ, и лишитъ меня на старости послѣдняго утешенія, какія могутъ быть у меня ращеты въ теперешнемъ твоемъ положеніи, я все готовъ отдать сейчасъ, для помощи тебѣ по первому слову, не жалѣя ничего для средствъ тебѣ полѣзныхъ—ѣхать за границу я бы желалъ, но какъ къ этому приступить въ такія смутныя времена, вовсе не знаю, тамъ у Васъ все это лутше видно, прошу тебя о дѣйствіяхъ со стороны моей по этому предмѣту мнѣ написать, тогда я дамъ рѣшительный отвѣтъ».

Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что послѣдующее содержаніе письма, изъ котораго мы заимствовали приведенный отрывокъ, мало гармонируетъ съ послѣднимъ, такъ какъ состоитъ изъ воркотни на неаккуратность Федора, почти ничего не пишущаго-де отцу и не исполнившаго его порученій, въ просьбахъ сообщать петербургскія новости и т. д.

Весьма характерно, однако, что, утверждая въ письмѣ отъ 29 марта 1853 года, что извѣстіе о болѣзни «Феди» его «тронуло до глубины души», Некрасовъ-отецъ не торопится снабдить его день-

гами, въ которыхъ онъ очень нуждался, откладывая ихъ присылку до того времени, когда получитъ долгъ, хотя вопросъ шелъ только о 100 руб. А изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи писемъ Константина Алексѣевича Некрасова къ отцу и брату Николаю прямо-таки выносишь впечатлѣніе, что временами А. С. относился весьма и весьма безразлично къ участи своихъ дѣтей. Въ письмѣ отъ 12 декабря 1850 года къ отцу К. А. Некрасовъ, извѣщая о томъ, что подалъ въ отставку, проситъ на дорогу, «окопировку» и уплату долга выслать 200 рублей серебромъ. «Въ противномъ случаѣ,—говоритъ онъ,—долженъ буду вновь опредѣлиться хоть въ Гражданскую службу въ гор. Ставрополь, дабы черезъ это средство пріобрѣсти какой-либо капиталъ на проѣздъ и содержаніе, но сила вся въ томъ, что на Кавказѣ нетъ мнѣ счастія, слѣдовательно служить тамъ есть планъ безполезный; почему убѣдительнѣйше прошу Васъ Милой Батюшка пришлитѣ проснмое количество денегъ, ибо въ продолженіе 8-ми (лѣтъ служенія) на Кавказѣ, шляясь по горамъ, я потерялъ силу въ ногахъ и потому пѣшкомъ итти не могу».

Хотя положеніе К. А. было, повидимому, дѣйствительно отчаянное, отецъ особаго участія къ его судьбѣ не проявилъ, такъ что черезъ восемь мѣсяцевъ кавказскій неудачникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ старшему брату. Приводимъ его письмо къ Н. А. отъ 1-го августа 1851 года полностью:

«Любезный братъ Николай Батюшка пишетъ, что прибытіе мое домой нисколько не доставитъ ему удовольствія и что слабое его здоровье препятствуетъ отвѣчать на мои письма, вслѣдствіе чего совѣтуетъ имѣть переписку съ тобой, поэтому скажи пожалуйста, что я буду дѣлать, когда никто изъ родныхъ не хочетъ дать мнѣ не только должнаго совѣта, но даже вспомоществованія, необходимаго въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ болѣе трехъ мѣсяцевъ я нахожусь въ отставкѣ безъ мѣста а къ тому же боленъ и въ этомъ то жалкомъ положеніи не имѣю совершенно никакихъ средствъ платить ни за квартиру ни даже за самые лекарства, и если бы не доброй мой товарищъ нѣкто Константинъ Прутковскій, то можетъ быть давно лежалъ въ могилѣ,—отецъ хоть прислалъ не много денегъ, но кредиторы, какъ коршуны, расхватали всѣ и я остался опять въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Если Богъ дастъ и оправлюсь здоровьемъ, то намѣренъ переимѣноваться въ линейные казаки и остаться на всѣгда на Кавказѣ,

но и тутъ встрѣтиться много затрудненій. 1-ое, быть казакомъ нужно имѣть: домъ, лошадь, оружіе, одѣжду и все это въ приличномъ видѣ. 2-ое, навсегда проститься съ родиной, а ѣхать домой не имѣю средствъ, однимъ словомъ какъ на то, такъ и на другое нужны деньги, кто же мнѣ поможетъ, когда никто изъ родныхъ не хочутъ вникнуть въ мое затруднительное положеніе. И такъ любезный братъ остается одно, или надѣяться на благороднѣйшіе твои чувства, или слѣдовать влеченію судьбѣ,—прошу тебя какъ можно поспѣшнѣе увѣдомить меня о своемъ мнѣніи и ради Бога не лиши пособія, которымъ нуждаюсь по вышеописаннымъ обстоятельствамъ, за что заставишь питать къ тебѣ истинную преданность и уваженіе. Прощай любезный братъ писалъ бы болѣе, но вѣрь что начинаю ослабѣвать,—братъ твой К. Некрасовъ».

Письмо это является, конечно, серьезнымъ свидѣтелемъ не въ пользу А. С. Тѣмъ не менѣе, заключать, основываясь на немъ, о полной атрофіи родительскихъ чувствъ у Некрасова-отца мы бы не рѣшились. Привязанность его къ дѣтямъ едва ли была особенно глубока и сильна, но все-таки она существовала. Его, напримѣръ, тяготила разлука съ ними. Жалобы на скуку и одиночество временами прорываются въ письмахъ А. С., особенно послѣдняго десятилѣтія его жизни, когда, какъ мы знаемъ, здоровье Некрасова-отца пошатнулось, и въ связи съ этимъ многія удовольствія, поглощавшія его досуги въ болѣе ранніе годы, стали недоступными. Такъ, въ письмѣ къ сыну отъ 22 ноября 1856 года читаемъ: «будетъ ли когда это пріятное время, когда мы въ мѣстѣ поѣдемъ на охоту». Тотъ же мотивъ звучитъ въ письмѣ отъ 25 сентября 1861 г.: «Любезнѣйшій Николай. Письмо твое отъ 14-го сентября я получилъ 21-го благоразумно ты сдѣлалъ, что уѣхалъ въ Питеръ въ такое дурное время нельзя было рацитовать на то чтобы повеселится на охотѣ, здѣсь продолжаются дожди поэтому я сижу въ Грешневѣ, и выѣзжаю кой когда на часъ времяни поохотиться, однако привыкнувъ быть съ Вами мнѣ одному чрезвычайно скучно».

Еще болѣе грустнымъ настроеніемъ проникнуто послѣднее изъ имѣющихся у насъ писемъ, посланное съ нарочнымъ въ Карабиху и адресованное Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ*). Вотъ оно:

«Любезные дѣти! Никто меня бѣднаго старца и посетить не

*) Хотя это письмо и не датировано, но мы едва ли ошибемся, предположивъ, что оно писалось въ послѣдній годъ жизни Алексѣя Сергѣевича; недаромъ въ немъ содержится указаніе на внезапную и серьезную болѣзнь.

хочетъ, а я крайне нездоровъ болью въ груди и охриплостью, дѣнь ото дня все хуже докторъ мой уѣхалъ на мѣсяцъ, ѣздитъ к-нъ пирошковъ, но скупъ на визиты—посылаю Вамъ письмо съ нарочнымъ полагая, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оно Вамъ нужно—будьтѣ здоровы и не забывайте меня мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ, что мнѣ дѣлать въ такой болезни вдругъ меня постигшей. Любящей Васъ Алексѣй Некрасовъ. а погода дурная, кто плохъ здоровьемъ тотъ сиди дома».

Читая это письмо, конечно, нельзя не пожалѣть по человѣчеству одинокаго старика; тѣмъ не менѣе, причины его одиночества таковы, что въ нихъ приходится винить скорѣе его самого, чѣмъ дѣтей. Николай Алексѣевичъ, напримѣръ, насколько можно судить по разсматриваемой перепискѣ, старался быть внимательнымъ къ отцу. Упрекая часто Федора Алексѣевича въ томъ, что онъ неаккуратенъ въ отвѣтахъ на письма, Некрасовъ-отецъ почти не обращается съ таковымъ упрекомъ къ старшему сыну. Съ другой стороны, самый фактъ постоянныхъ просьбъ, обращаемыхъ къ старшему сыну, и частыхъ намековъ на желательность того, или другого подарка, свидѣтельствуетъ о томъ, что Н. А. много дѣлалъ для своего отца. Само собой разумѣется, что не все просимое отцомъ онъ могъ исполнить, не поступаясь своими убѣжденіями; въ такихъ случаяхъ онъ и не исполнялъ его просьбъ. Такъ, на письмо отъ 23 января 1852 года, въ которомъ выражалось настойчивое желаніе, чтобы сыновья поддержали жалобу А. С. на утвержденіе Уголовной Палатой яко-бы незаконнаго завѣщанія Татьяны Ив. Некрасовой, согласно которому долгъ Ярославскому Приказу пришлось платить не освобожденнымъ крестьянамъ, а Некрасову-отцу, и «немедленно» сообщили ему объ исходѣ своихъ хлопотъ,— вовсе не послѣдовало отвѣта. А. С., вѣроятно, почувствовалъ почему, и въ слѣдующемъ письмѣ объ этомъ дѣлѣ уже не заговаривалъ.

Зато изъ другихъ писемъ видно, что въ предѣлахъ для него возможнаго Н. А. не прочь былъ и побаловать старика; такъ, въ письмѣ Некрасова-отца отъ 3 августа 1857 года изъ Москвы, гдѣ тогда лѣчился А. С., онъ извѣщаетъ сына о полученіи письма и подарковъ (пальто и своры) и благодаритъ «за память».

III.

Истинно родственныя отношенія между дѣтьми и родителями, выражающіяся, само собой разумѣется, и въ обоюдной тоскѣ во

время разлуки, порождаются прежде всего общими умственными интересами. Объ отсутствіи послѣднихъ у Н. А. съ А. С. распространяться не приходится. Складъ жизни, характеръ дѣятельности, взгляды, убѣжденія—все это въ такой мѣрѣ было различно, что почвы для мало-мальски идейнаго общенія между ними не было и быть не могло.

Читая письма Некрасова-отца, прямо таки поражаешься полнѣйшимъ отсутствіемъ въ нихъ содержаніи чего бы то ни было такого, что напоминало бы, что они писаны къ одному изъ крупнѣйшихъ русскихъ поэтовъ и выдающихся журналистовъ. Впрочемъ, нѣтъ! оговариваемся. Въ первомъ изъ писемъ, отправленныхъ за границу (22 ноября 1856 г.), А. С. пишетъ, что не знаетъ, «каково идетъ подписка на «Современникъ», во второмъ письмѣ спѣшитъ сообщить сыну, что хотя Вульфъ ему ничего не пишетъ, но онъ знаетъ отъ другихъ, что дѣла и подписка на «Современникъ» идутъ довольно хорошо; въ письмѣ же начала 60-хъ г.г. содержится лаконическая благодарность за присылку стиховъ. Вотъ все, касающееся журнальной и поэтической дѣятельности Н. А. что мы могли извлечь изъ 14-ти писемъ его отца, занимающихъ въ общей сложности 43 страницы. Дважды старикъ проявилъ интересъ къ вопросу чисто практическому—«каково идетъ подписка на «Современникъ»,—одинъ-единственный разъ заговорилъ о стихахъ сына, выполняя чисто формальную обязанность,—благодаря за ихъ присылку. Но достаточно Н. А-чу было сообщить, что онъ намѣренъ провести лѣто во Владимирскомъ имѣніи, чтобы поохотиться тамъ, какъ отецъ пишетъ ему длиннѣйшее письмо (29 марта 1853 г.), въ которомъ обсуждаетъ всѣ подробности этого предпріятія. Опять таки достаточно Н. А-чу прислать бумаги, касающіяся вновь пріобрѣтаемаго имѣнія Карабихи, какъ Некрасовъ-отецъ преисполняется энергіей и дѣятельно начинаетъ распоряжаться. «Самъ я,—пишетъ онъ сыну отъ 12 декабря (годъ не указанъ),—будѣ поправлюсь отъ нападенія хворости то поѣду въ Карабиху, посмотрѣть, и къ этому времяни не худо бы было выслать опись, чтобы можно видѣть, то, что тебѣ принадлежитъ, на правой твоей сторонѣ есть водяная мельница, кажется она должна принадлежать тебѣ... что найдешь по корабихѣ пиши мнѣ»... Заключается письмо очень характернымъ для А. С., радѣвшаго о матеріальномъ благоденствіи рода Некрасова, а потому готоваго бить тревогу по поводу даже предполагаемыхъ потерей и убытковъ, вторичнымъ

упоминаніемъ о злосчастной мельницѣ: «да что въ контрактѣ не сказано про водяную мельницу?» Замѣтимъ, что все это писалось за какой-нибудь годъ до смерти, когда болѣзнь А. С-ча принимала уже, надо думать, угрожающій характеръ. Какъ въ теченіе всей своей жизни, такъ и передъ лицомъ смерти Некрасовъ-отецъ оставался человѣкомъ, всѣй душой преданнымъ чисто-земнымъ потребностямъ и интересамъ. Все, что «о не хлѣбѣ единомъ», для него не существовало. А потому не было и точекъ соприкосновенія съ той стороной жизни сына, въ которомъ наиболѣе полно отразилось умственное и нравственное существо этого послѣдняго. Помимо этого, между отцомъ и сыномъ глухою стѣною стояло крѣпостное право, заядлымъ сторонникомъ котораго былъ А. С., и бороться съ которымъ считалъ себя призваннымъ Н. А. Въ нашемъ распоряженіи имѣются два свидѣтельства, устанавливающія фактъ ссоръ и размолвокъ, происходившихъ между отцомъ и сыномъ на почвѣ діаметрально-противоположнаго отношенія къ крѣпостничеству и «рабамъ». С. С. Полянинъ, расхваливая Н. А. («такой былъ человѣкъ, что и не найдешь теперь скоро»), ссылался на его рѣдкостно хорошее отношеніе къ крѣпостнымъ: «со всякимъ поговоритъ, посовѣтуетъ что, узнаетъ нужду—поможетъ; съ человѣкомъ обходился не какъ со скотиной—вѣжливо, тихо и всегда съ шуточкой». Затѣмъ тотъ же Полянинъ, постоянно пребывавшій въ барскомъ домѣ, часто слышалъ, «какъ Н. А. спорилъ съ отцомъ за то, что нужно освободить крестьянъ, что нельзя въ неволѣ держать людей; А. С. при этомъ страшно сердился. И уѣхалъ Н. А., поссорившись съ шуточкой». Затѣмъ тотъ же Полянинъ, постоянно пребывавшій въ барскомъ домѣ, часто слышалъ», какъ Н. А. спорилъ съ отцомъ за то, что нужно освободить крестьянъ, что нельзя въ неволѣ держать людей; А. С. при этомъ страшно сердился. И уѣхалъ Н. А., поссорившись съ отцомъ. А. С. никогда не вспоминалъ Н. А., и они долго, года 3—4, не переписывались. Въ 56—57 году Н. А. первый разъ послѣ ссоры пріѣхалъ въ Грешнево, отецъ встрѣтилъ его со слезами и все послѣдующее время былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. А.» *).

Что касается хронологическихъ датъ, приводимыхъ въ разсказѣ Полянина, то онѣ, само-собой разумѣется, вполнѣ достовѣрными признаны быть не могутъ, хотя—любопытное совпаденіе!—

*) Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ статьи г-жи Путиловой. Почти то-же разсказывалъ Полянинъ и намъ.

среди писемъ А. С. къ сыну за 1854 годъ имѣется только одно письмо, да и то относящееся къ январю мѣсяцу, а за 1855 годъ нѣтъ ни одного.

Объ одной изъ ссоръ, возникшей на подобной же почвѣ между ея отцомъ и братомъ, разсказываетъ и А. А. Буткевичъ. Ея разсказъ, извлеченный нами изъ ея бумагъ, мы приводимъ полностью: «По поводу охоты вспоминаю такой случай: въ первые годы, проводя лѣто у отца въ деревнѣ, братъ иногда ѣздилъ съ нимъ на охоту съ борзыми и гончими собаками. Братъ не любилъ этой охоты, а отецъ очень любилъ и всегда радовался, когда ему удавалось увлечь съ собой брата. Въ одной изъ такихъ поѣздокъ, кто-то изъ охотниковъ—подъѣзжій или доѣзжій—сдѣлалъ большую ошибку, вслѣдствіе которой собаки упустили звѣря. Отецъ вышелъ изъ себя, въ порывѣ гнѣва наскочилъ на виноватаго и отдулъ его арапникомъ. Братъ, не говоря ни слова, поворотилъ лошадь и ускакалъ домой; вскорѣ воротился и отецъ, не въ духѣ и сердитый. Объясненій никакихъ не послѣдовало, но братъ сталъ избѣгать отца,—уходилъ съ ружьемъ и собакой и пропадалъ по нѣсколько дней, охотясь за дичью со своимъ сверстникомъ Кузьмой Орловскимъ и его отцомъ, отлично знавшимъ всѣ мѣста, и какую птицу гдѣ нужно искать. Отецъ, видимо, скучалъ,—на охоту не ѣздилъ. Однажды, когда братъ вернулся,—отецъ послалъ меня непремѣнно уговорить его, чтобы пришелъ обѣдать. Обѣдъ прошелъ довольно натянуто, но затѣмъ подано было шампанское, за которымъ и послѣдовало объясненіе. Отецъ горячился, оправдывался, что безъ драки съ этими «скотами» совсѣмъ нельзя, что тогда хоть всю охоту распускай, но тѣмъ не менѣе далъ слово, что при братѣ никогда драться не будетъ, и сдержалъ его».

Кромѣ духовной отчужденности вообще и различнаго отношенія къ крѣпостному праву въ частности, отца и сына разъединили воспоминанія прошлаго. Нельзя забывать, прежде всего, что болѣзненная страстная любовь Некрасова къ матери, которая не только не уменьшалась, но даже не тускнѣла въ теченіе всей его должна была постоянно поддерживать въ его душѣ чувство нѣкотораго недоброжелательства къ отцу, виновнику ея жизненныхъ страданій, страданій преждевременно раскрывшихъ передъ ней могилу. Воспоминаніе о матери, въ силу наиболѣе распространенныхъ психологическихъ ассоціацій—по смежности и по контра-

сту,—неизбѣжно рождало въ сознаніи Н. А-ча мысль объ отцѣ, и эта мысль полна была «печали и гнѣва»... Въ уже цитированныхъ нами воспоминаніяхъ Елисѣя Колбасина разсказывается, что на изліянія, касавшіяся, главнымъ образомъ, мученицы-матери, Некрасова натолкнуло полученіе отцовскихъ письма и подарка. «Въ разсказахъ того памятнаго мнѣ дня,—говоритъ Колбасинъ,—онъ изобразилъ ее такими яркими, чудесными красками, что она до сихъ поръ рисуется въ моемъ воображеніи, какъ живая. Я тогда же замѣтилъ ему, что онъ можетъ написать о ней цѣлую поэму».

Та роль злого генія, которую сыгралъ въ жизни своей жены А. С-чъ, была уже достаточной причиной для «священнаго озлобленія противъ домашняго тирана-крѣпостника» (выраженіе того же Колбасина) со стороны его сына, но, и помимо нея, у Некрасова были съ отцомъ свои собственные счеты. Общеизвѣстны разсказы о мытарствахъ, испытанныхъ Некрасовымъ въ теченіе первыхъ 2—3 лѣтъ его пребыванія въ Петербургѣ. Вотъ его собственныя слова объ этомъ изъ письма отъ 16 августа 1841 года къ редактору «Пантеона», Фед. Ал. Кони, поддержавшему будущаго знаменитаго поэта въ его первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ: «я помню, что я былъ назадъ два года, какъ я жилъ... я понимаю теперь, могъ ли бы выкарабкаться изъ сору и грязи безъ помощи Вашей. Я не стыжусь признаться, что всѣмъ обязанъ Вамъ». Спрашивается, кто же толкнулъ Некрасова въ «соръ и грязь», изъ которыхъ впослѣдствіи съ такимъ трудомъ ему пришлось выкарабкиваться, какъ не его отецъ, лишившій 16-тилѣтняго юношу всякой поддержки за то только, что онъ, не безъ вліянія матери *), предпочелъ университетъ Дворянскому Полку. Ужасы постояннаго недоѣданія, необходимость ютиться по «петербургскимъ угламъ», безъ всякаго сомнѣнія, бросили въ неокрѣпшій организмъ поэта сѣмена неизлѣчимой болѣзни, которая постоянно давала ему себя чувствовать и приблизила его кончину. Ощущенія физическихъ немощей, такимъ образомъ, опять-таки заставляли Некрасова вспоминать отеческое попеченіе А. С-ча, который былъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ столь же равнодушенъ къ судьбѣ старшаго сына, заброшеннаго на чужбину, какъ 15 годами позже былъ равнодушенъ къ «Кавказскому вопну»—Константину.

*) Въ „Замѣткахъ“ Чернышевскаго о Некрасовѣ содержится, между прочимъ, вполнѣ опредѣленное указаніе, что мысль о поступленіи въ университетъ внушена была Н-ву его матерью.

Изысканія въ архивѣ Ярославской гимназіи *) показываютъ, что и до отъѣзда Некрасова въ Петербургъ отецъ далъ ему весьма наглядный примѣръ своего нежеланія поступиться даже ничтожной суммой денегъ ради интересовъ сына. Изъ переписки его съ инспекторомъ гимназіи Величковскимъ явствуетъ, что онъ подъ предлогомъ, что «всякія съ дворянъ требованія производятся черезъ ихъ губернскаго предводителя», всячески старался избѣжать уплаты 48 руб. ас. за право ученія сыновей въ 1833—35 г.г.

Нѣтъ надобности распространяться, что въ этомъ случаѣ А. С. обнаружилъ наиболѣе несимпатичныя стороны свой натуры. Переписка его съ Величковскимъ позволяетъ говорить о полномъ забвеніи имъ своихъ родительскихъ обязанностей. Въ какое положеніе, въ самомъ дѣлѣ, онъ ставилъ своихъ сыновей, которымъ начальство «многократно» напоминало, что за нихъ не внесена плата, сопровождая, по всей вѣроятности, эти напоминанія угрозами скораго увольненія. Въ результатѣ, само собой разумѣется, страдало дѣтское самолюбіе, и создавалось для нихъ въ чемъ неповинныхъ мальчиковъ-гимназистовъ фальшивое положеніе какъ въ отношеніи начальства, такъ и въ отношеніи товарищей, далеко не всегда умѣющихъ быть деликатными и избѣгать щекотливыхъ вопросовъ.

Когда Некрасовъ-отецъ препятствовалъ своему сыну получить высшее образованіе, то это, конечно, было непохвально, но, быть-можетъ, не шло въ разрѣзъ съ воззрѣніями значительной части провинціально-помѣщичьяго круга; когда же онъ затруднялъ ему прохожденіе курса въ средне-учебномъ заведеніи—это уже являлось незаурядным нарушеніемъ отцовскаго долга даже малокультурной дворянской крѣпостнической среды 30-хъ годовъ.

Все вышеизложенное не только оправдываетъ въ полной мѣрѣ рѣзкіе отзывы Некрасова объ его отцѣ, извлеченные нами изъ его стиховъ, но и позволяетъ поставить ему скорѣе въ заслугу, чѣмъ въ вину, наружно корректное, хотя, безъ сомнѣнія, и лишенное внутренней теплоты отношеніе къ А. С-чу, которое мы констатировали, анализируя письма этого послѣдняго.

И тѣмъ не менѣе, приходится признать, что Некрасовъ, какъ плоть отъ плоти и кость отъ кости своего отца, не могъ не унаслѣдовать нѣкоторыхъ его свойствъ. Прежде всего, онъ унаслѣдо-

*) Результаты этихъ изысканій составляютъ главную тему послѣдующей главы о гимназическихъ годахъ Некрасова.

валъ его бурный, временами не знающій удержу темпераментъ. Въ стихотвореніи «Псовая охота» художественно представленъ если не самъ А. С., то, безъ сомнѣнія, очень близкій ему психологическій типъ, какъ разъ въ моментъ пробужденія темперамента. Вспомнимъ хотя бы строчки:

Ближе и лай, и порсканье и крикъ
Вылетѣлъ бойкій русакъ-материкъ!
Гикнулъ помѣщикъ и ринулся въ поле...
То-то раздолье помѣщичьей волѣ!
Черезъ ручьи, буераки и рвы
Бѣшено мчится: не жаль головы!
Въ бурныхъ движеньяхъ—величіе власти,
Голосъ проникнутъ могуществомъ страсти,
Очи горятъ благороднымъ огнемъ -
Чудное что-то свершилося въ немъ!
Здѣсь онъ не струситъ, онъ здѣсь не уступитъ,
Здѣсь его Крезъ за мильоны не купитъ!
Буйная удаль не знаетъ преградъ,
Смерть иль побѣда—ни шагу назадъ!
Смерть иль побѣда! Но гдѣ-жъ, какъ не въ бурѣ
И развернуться славянской натурѣ?

Но «славянская натура» А. С. развертывалась не только во время охоты. Мы уже цитировали (см. предыдущую главу) сдѣланное имъ сыну признаніе: «предки наши были богаты. Прапрадѣдъ вашъ проигралъ семь тысячъ душъ, прадѣдъ—двѣ, дѣдъ (мой отецъ)—одну, я—ничего, потому что нечего было проигрывать, но въ карточки поиграть тоже любилъ»... О страсти А. С-ча къ картамъ сохранились кой-какія воспоминанія и у младшаго его сына, Федора Алексѣевича, который объ одномъ изъ дворовыхъ людей ихъ семьи, Кондратіи Андреевѣ, передавалъ, что онъ во время походной жизни Н-ва-отца былъ мастеръ исполнять всевозможныя порученія: Некрасовъ его одѣвалъ въ свой костюмъ во время остановокъ въ какомъ-нибудь городкѣ (во время дневокъ), отправлялъ на службу, а самъ, остановившись гдѣ-либо въ гостинницѣ, знакомился съ проѣзжими и велъ съ ними карточную игру. Кондр. Андр. ловко выпутывался изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, благодаря своей сообразительности; единственную непріятность доставляли ему иногда обѣды, на которые его приглашали и на которыхъ ему приходилось сидѣть въ дамскомъ обществѣ. Само собой разумѣется, что, если бы этотъ маскарадъ былъ разоблаченъ,—а разоблачиться онъ, само собой разумѣется, могъ легко, несмотря на всю изворотливость Кондратія Андреева,—Алексѣю Сергѣевичу не поздоровилось бы отъ начальства. Онъ, конечно,

превосходно сознавалъ это, но преодолѣть свое влеченіе «поиграть въ карточки» былъ, очевидно, не въ силахъ.

На счетъ бурнаго темперамента А. С. приходится поставить его романтическую любовную исторію съ Закревской и, въ особенности, послѣдующія его похожденія въ родовой деревнѣ, которыя дали его сыну поводъ назвать отцовскій домъ «домомъ крѣпостныхъ любовницъ»...

Судя по тому, что Некрасову передались отъ отца и любовь къ охотѣ, и приверженность къ картамъ, и влеченіе къ женщинамъ, предположеніе наше о томъ, что онъ унаслѣдовалъ бурный темпераментъ А. С-ча, можно считать доказаннымъ. Однако, къ чести поэта служитъ то, что онъ умѣлъ во многомъ облагородить свои страсти.

Охота, напримѣръ, по справедливому замѣчанію его сестры, вполнѣ подтверждаемому разсказами крестьянъ, охотившихся съ поэтомъ, «была для него не одною забавою, но и средствомъ знакомиться съ народомъ... Онъ говорилъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствованія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за «*Коробейниковъ*», которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня—и явились «*Крестьянскія дѣти*». Орина, мать солдатская, сама ему разсказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ чтобы поговорить съ нею; а то боялся сфальшивить». Съ другой стороны, во время своихъ охотничьихъ странствій Н. А-чъ не упускалъ случая сдѣлать доброе дѣло. Однажды онъ съ егерями и загонщиками, числомъ до 80 чел, отстоялъ деревню отъ пожара, въ другой разъ отдалъ сторублеваго коня крестьянину, постоянному спутнику своему на охотѣ, при первомъ извѣстіи, что его лошадь околѣла и т. д. и т. п.

Что касается картъ, то объ ихъ роли въ жизни Некрасова писалось достаточно много. Насколько крупную игру велъ поэтъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ его, записаннымъ подъ его диктовку незадолго до его смерти: «Скажу еще объ Абазѣ. Этотъ симпатичный человѣкъ проигралъ мнѣ больше милліона франковъ по его счету, а по моему счету и больше. Одно время я былъ въ выигрышѣ до 600 тыс. Самый большой мой проигрышъ въ одинъ разъ былъ 83 т.». Притягивала Некра-

сова къ картамъ, конечно, «болѣзненная психологія человѣка, одержимаго страстью къ игрѣ, непреодолимо влекущею его на эту рискованную борьбу между счастьемъ и опытомъ, увлеченьемъ и выдержкой, запальчивостью и хладнокровіемъ, гдѣ главную роль играетъ не выигрышъ, не пріобрѣтеніе, а своеобразное сознаніе своей побѣды» (А. Ф. Кони «На жизненномъ пути», ч. II). Подобнаго рода психологія, само собой разумѣется, не лишена нѣкоторыхъ чисто патологическихъ чертъ; не даромъ А. Ф. Кони называетъ ее «болѣзненной»—а потому едва ли было бы въ данномъ случаѣ умѣстно винить за нее поэта, тѣмъ болѣе, что за употребленіе, которое нерѣдко давалось имъ наиграннымъ въ карты деньгамъ, онъ заслуживаетъ скорѣе похвалы. Карточные выигрыши сплошь да рядомъ тратились имъ на покрытіе долговъ «Современника», на оказаніе помощи больнымъ литераторамъ *).

Что касается отношеній Некрасова къ женщинамъ, то объ нихъ извѣстно сравнительно мало. Стихи, въ которыхъ нашла отраженіе эта сторона жизни поэта, если не считать знаменитыхъ «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», очень лиричны, но въ то-же время лишены какихъ-либо фактическихъ указаній. Единственное, о чемъ они позволяютъ судить, это о способности Некрасова глубоко и беззавѣтно отдаваться чувству любви. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ воспоминанія нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ его близко. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ по этому поводу Колбасинъ: «Такъ какъ зашла рѣчь о жгучей страстности натуры нашего поэта, къ которому ни въ какомъ случаѣ не могъ быть примѣненъ стихъ

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,

то разскажу слѣдующій эпизодъ его жизни.

Некрасовъ былъ долго и безнадежно влюбленъ въ одну очень хорошую женщину. Одинъ разъ, когда поэтъ переѣзжалъ съ ней черезъ Волгу въ довольно многолюдномъ обществѣ, она на страстныя нашептыванія поэта съ досадой отвѣчала: «Всѣ вы, господа, фразеры, на словахъ готовы на всѣ жертвы, а на самомъ дѣлѣ умѣете только разглагольствовать. Вотъ, вы Богъ знаетъ, что говорите, однако, не броситесь изъ-за меня въ воду». При послѣднихъ ея словахъ Некрасовъ со всего размаху бросился изъ лодки въ

*) См. ниже главу: „Н. А. Некрасовъ, какъ редакторъ-издатель „Современника“.

Волгу почти на срединѣ ея теченія и не умѣя плавать. Съ великимъ трудомъ удалось спасти утопавшаго поэта. Но эта недоступная женщина сумѣла оцѣнить Некрасова и наградила его продолжительной любовью, которая составляетъ самыя свѣтлыя страницы въ мрачной жизни нашего поэта».

Съ другой стороны, однако, приходится признать, что любовнымъ именно увлеченіямъ обязаны своимъ происхожденіемъ и нѣкоторыя наиболѣе темныя страницы ея. Разсказъ того же Колбасина объ отношеніяхъ Некрасова, когда ему было еще 19 лѣтъ отроду, къ одной гувернанткѣ убѣждаетъ насъ, что многое изъ того, о чемъ повѣствуется въ стихотвореніи «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», автору его пришлось пережить самому.

Кромѣ серьезныхъ любовныхъ отношеній, въ жизни Некрасова извѣстную роль играли кратковременныя связи, при ликвидаціи которыхъ онъ не останавливался передъ крупными матеріальными жертвами. Въ нашемъ распоряженіи имѣются документальныя доказательства этого.

Охотничьи поѣздки, картежные вечера, романическіе эпизоды ведутъ къ такому строю и образу жизни, при которомъ неизбѣжно возникаетъ потребность въ роскоши, въ комфортѣ. Роскошной, комфортабельной и была жизнь Некрасова въ періодъ 50—70-хъ г.г. Барская квартира, барская обстановка, барская ѣда—вотъ тѣ «минутныя блага», въ приверженности къ которымъ такъ горько каялся поэтъ въ своемъ стихотвореніи-исповѣди «Къ неизвѣстному другу»... Но какъ ни властно сковывали они, вмѣстѣ со всѣмъ отцовскимъ наслѣдіемъ, идеалистическіе порывы души Некрасова, все же не въ силахъ были помѣшать ему «наполнить жизнь борьбою за идеалъ добра и красоты». Свободолюбивая поэзія *Николая* Некрасова, «печальника горя народнаго», останется надолго живымъ воплощеніемъ этой борьбы, въ то время какъ память объ *Алексѣевичѣ*, его слабостяхъ и увлеченіяхъ пройдетъ и разсѣется безслѣдно

III. ГИМНАЗИЧЕСКІЕ ГОДЫ НЕКРАСОВА.

...Вспомнилъ я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, въ классъ
И знаешь: сѣчь начнутъ сейчасъ.

I.

О гимназическихъ годахъ Н. А. Некрасова извѣстно до сихъ поръ чрезвычайно мало. Большинство біографовъ поэта, вслѣдъ за г. Скабичевскимъ, повторяетъ, что Некрасовъ учился въ Ярославской гимназіи 6 лѣтъ, дотянулъ кое-какъ до V класса, вышелъ же изъ гимназіи не по своей волѣ, а по настоянію начальства, недовольнаго имъ за его «шуточныя и скабрезныя сатиры» на учителей и товарищей.

Съ такого рода принятымъ на вѣру разсказомъ мы встрѣчаемся въ статьяхъ и очеркахъ Г. В. Александровскаго («Н. А. Некрасовъ и его поэзія», Кіевъ, 1900 г.), Вл. Кранихфельда («Современный міръ», 1902 г. № 12), М. Филиппова («Научное обозрѣніе», 1903 г. №1), Ч. Вѣтринскаго («Н. А. Некрасовъ М. 1911 г.) и многихъ др. А между тѣмъ, кромѣ біографіи Скабичевскаго, пользовавшагося указаніями сестры поэта, однимъ изъ первоисточниковъ нашихъ свѣдѣній о раннихъ годахъ жизни Н. А. Некрасова является краткій біографическій очеркъ, напечатанный въ VII выпускѣ «Русской библіотеки» (Спб. 1877 г.) и просмотрѣнный самимъ поэтомъ въ цѣляхъ фактической его провѣрки. Въ этомъ очеркѣ интересующее насъ событіе излагается совершенно иначе, чѣмъ у Скабичевскаго. «Отецъ Некрасова,— читаемъ мы здѣсь,—всегда желалъ, чтобы его сынъ наслѣдовалъ его званіе и поступилъ на военную службу. Вслѣдствіе того молодой Некрасовъ долженъ былъ рано оставить гимназію и... отправился въ Петербургъ для опредѣленія въ тогдашній Дворянскій полкъ».

Никакихъ указаній на послѣдующее увольненіе Некрасова

по требованію начальства не содержится и въ его разсказѣ о жизни въ Ярославлѣ передъ поступленіемъ въ гимназію, воспроизведенномъ г-жею Панаевой-Головачевой («Русскіе писатели и артисты» Спб. 1890 г. стр. 415.) А между тѣмъ, такъ естественно былъ законченъ этотъ разсказъ упоминаніемъ объ увольненіи, поставивъ его въ связь съ распущенной жизнью на квартирѣ, если бы это увольненіе, дѣйствительно, имѣло мѣсто. Напоминаемъ читателю содержаніе соотвѣтствующаго отрывка изъ книги Головачевой, интереснаго своими бытовыми подробностями: «Рѣшетниковъ... за обѣдомъ... улыбался, слушая разсказъ Некрасова, какъ его мальчикомъ съ братомъ привезли въ Ярославль готовиться къ поступленію въ гимназію и поселили на квартирѣ съ крѣпостнымъ ментором, который обязанъ былъ присматривать за ними, чтобы они аккуратно ходили въ классъ къ учителю, и готовить имъ обѣдъ. Но крѣпостному ментору, послѣ деревни, представлялось столько соблазновъ въ Ярославлѣ, что онъ, не желая возиться съ стряпней, выдавалъ мальчикамъ на руки тридцать копѣекъ, оставляя на ихъ произволъ продовольствовать себя. Мальчики очень были довольны своимъ ментором и въ свою очередь нашли лучшимъ, вмѣсто ученья, съ утра отправляться на загородныя прогулки, запасаясь хлѣбомъ и колбасой, и до вечера не являлись домой. Но привольная жизнь крѣпостного ментора и его питомцевъ продолжалась недолго. Разъ, вернувшись вечеромъ съ прогулки, мальчики пришли въ ужасъ: ихъ встрѣтилъ отецъ, до котораго дошли слухи о ихъ привольной жизни. У крѣпостного ментора обѣ скулы были сильно припухши, и онъ былъ отправленъ въ деревню, а къ мальчикамъ былъ приставленъ другой менторъ тоже крѣпостной, но болѣе строгій и старый. Они очень скоро подмѣтили, что этотъ строгій менторъ, уложивъ ихъ спать, дозволялъ себѣ, послѣ дневныхъ трудовъ, выпить. Некрасовъ съ братомъ вылѣзали изъ окна и отправлялись въ трактиръ, гдѣ маркеромъ былъ также крѣпостной ихъ отца, отпущенный по оброку, и практиковались въ игрѣ на билліардѣ, быстро пріобрѣтали большія познанія въ ней, но за то въ наукахъ успѣхи ихъ были очень плохіе».

Сопоставленіе этихъ чрезвычайно скудныхъ данныхъ о гимназическихъ годахъ Некрасова привело Л. Мельшина (П. Ф. Якубовича) въ его популярной брошюрѣ о жизни и дѣятельности поэта (см. «Н. А. Некрасовъ» СПБ. 1907 г. изд. Біографической

библіотеки Ф. Павленкова, см. стр. 23.) къ такимъ выводамъ: современный біографъ Некрасова волей-неволей долженъ проходить «мимо гимназическаго періода его жизни, такъ какъ въ литературѣ имѣются пока лишь глухія, отрывочныя и часто противорѣчивыя свѣдѣнія объ этихъ годахъ. Каковы были его учителя, товарищи? Какой уровень знаній и нравственнаго развитія давала тогдашняя ярославская гимназія своимъ ученикамъ? Какъ жили, что дѣлали и читали эти послѣдніе внѣ стѣнъ учебнаго заведенія? Возстановить полную картину этихъ лѣтъ жизни Некрасова врядъ ли уже удастся. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что пребываніе въ гимназіи въ значительной степени сняло съ Некрасова гнетущія путы отцовскаго деспотизма и рано развило въ его характерѣ черту самостоятельности... Существуетъ указаніе (опирающееся, кажется, на разсказъ сестры поэта), будто Некрасовъ-гимназистъ злоупотреблялъ этой свободой, участвуя въ товарищескихъ пирушкахъ и другихъ нездоровыхъ развлеченіяхъ, учась плохо и къ гимназическому начальству относясь непочтительно (между прочимъ, онъ писалъ сатирическіе стихи на учителей—обстоятельство, повліявшее, будто бы, и на невольное удаленіе его изъ четвертаго или пятаго класса)...

Семейное преданіе это не слѣдуетъ, однако, принимать съ абсолютнымъ довѣріемъ».

Л. Мельшину, какъ видитъ читатель, казалось, что возстановить картину гимназической жизни Некрасова «врядъ ли уже удастся». Было-бы очень грустно, если бы это предсказаніе оправдалось, такъ какъ отсутствіе свѣдѣній о годахъ, проведенныхъ въ гимназіи, составило бы очень существенный пробѣлъ въ біографіи поэта, тѣмъ болѣе существенный, что именно въ средней школѣ юноша обычно получаетъ впечатлѣнія, опредѣляющія его послѣдующее міросозерцаніе.

Мы счастливы, имѣя возможность, если не вполнѣ, то хоть отчасти, восполнить этотъ пробѣлъ. Лѣтомъ 1913 года нами были произведены не безрезультатныя изысканія въ архивѣ Ярославской гимназіи. Кромѣ того, въ нашемъ распоряженіи находятся относящіяся къ 1902 году воспоминанія о Некрасовѣ его гимназическаго товарища М. Н. Горошкова. Справедливость требуетъ отмѣтить, что мы въ своихъ архивныхъ изысканіяхъ шли по стопамъ покойнаго преподавателя Ярославской гимназіи П. И. Мизинова, хотя въ конечномъ результатѣ намъ и

удалось найти нѣкоторыя документальныя данныя, оставшіяся ему неизвѣстными. Воспоминанія Горошкова, въ свою очередь, были записаны Мизиновымъ и вошли въ его интересный докладъ «Блѣдная страничка изъ біографіи Некрасова», посвященный какъ разъ его гимназическимъ годамъ, который до сихъ поръ остается почему-то не напечатаннымъ.

Благодаря архивнымъ изысканіямъ, мы, прежде всего, получили возможность точно установить время поступленія Н. А. Некрасова въ гимназію. Въ архивномъ дѣлѣ 1832 года: «Подписки родителей и родственниковъ учащихся въ ярославской гимназіи, удостовѣряющія о ихъ происхожденіи и о числѣ лѣтъ» (№ 38) значится, между прочимъ, слѣдующее: «1832 года августа дня, я, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что представляемые мною для обученія въ ярославскую гимназію *Андрей* и *Николай* дѣйствительно мои дѣти; отъ роду имѣетъ 1-й 12-ть, а 2-й 11-ти лѣтъ. Въ чемъ и подписуюсь—уволенный отъ службы маіоръ Алексѣй Сергѣевъ, сынъ Некрасовъ». Эта «подписка» находится между другими, изъ которыхъ предыдущая помѣчена 24-мъ августа, а послѣдующая 1-мъ сентября 1832 г. Слѣдовательно, поступленіе Некрасова въ гимназію относится къ концу августа 1832 г.

Поступилъ будущій поэтъ, надо думать, въ первый классъ. О томъ, какъ учился Некрасовъ въ первый годъ своего гимназическаго пребыванія, никакихъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, не сохранилось.

Въ слѣдующемъ, 1833 году, въ Ярославской гимназіи были введены новые уставъ и штаты: изъ четырехклассной гимназіи она была преобразована въ семиклассную. Реформа эта осуществлялась не постепенно, а сразу. Такъ какъ курсъ прежнихъ четырехъ гимназическихъ классовъ, до нѣкоторой степени, соотвѣтствовалъ курсу высшихъ классовъ гимназіи новаго типа, то воспитанники, обучавшіеся до реформы въ I классѣ, были переведены въ IV кл., обучавшіеся во II—въ V классъ и т. д. Младшіе же классы (1, 2 и 3) составились изъ учениковъ уѣзднаго училища. Эта фактическая справка необходима для пониманія того, почему въ 1833/4 учеб. году братья Некрасовы находятся въ спискахъ уже IV класса. Учились они въ этомъ классѣ неодинаково. Вотъ отмѣтки Николая Некрасова за первый учебный мѣсяцъ, сентябрь (не забудемъ, что въ то время

примѣнялась четырехбальная система, при которой двойка была еще переводнымъ балломъ): Законъ Божій—4; латинскій яз.—2; низшая часть математики—3; высшая часть математики—3; словесность—3; географія—3; исторія и статистика—3; нѣмецкій яз.—2; французскій—3; черченіе и рисованіе—1. (См. табл. № 1).

Отмѣтки Андрея Некрасова были значительно хуже: въ сентябрьскихъ вѣдомостяхъ у него нѣтъ ни одной четверки, очень мало троекъ, зато двоекъ и единицъ—изобиліе.

Что касается поведенія, то Николай былъ записанъ за лѣность всего 2 раза, Андрей же 10 разъ; въ шалостяхъ Николай, отличавшійся болѣе живымъ характеромъ, попался 4 раза, Андрей—2. Николай пропустилъ 81 урокъ, Андрей вдвое больше. Неудивительно, поэтому, что переходные экзамены въ V кл. удалось выдержать, хотя и очень неблестяще, лишь Николаю, Андрей же получилъ на нихъ пять единицъ и, понятно, остался на второй годъ въ IV классѣ.

Школьныя неудачи сыновей, въ особенности старшаго, побудили Алексѣя Сергѣевича Некрасова взять для нихъ на лѣтніе мѣсяцы репетитора, каковой и былъ найденъ въ лицѣ ученика Ярославской же гимназіи Федора Успенскаго. Пребываніе въ Грешневѣ сдѣлалось, однако, для бѣднаго юноши роковымъ. 11-го августа 1834 года директоръ Демидовскаго лицея и губернской гимназіи Клименко получилъ изъ Ярославскаго земскаго суда (арх. дѣло 1834 г., № 5) слѣдующее печальное извѣщеніе: «Ярославской губернской гимназіи ученикъ, Федоръ Успенскій, по случаю Вокаціальнаго времени, находясь у ярославскаго помѣщика майора Алексѣя Сергѣева Некрасова для обученія дѣтей его, 21-го минувшаго іюля, былъ вмѣстѣ съ нимъ, Некрасовымъ, на Ивановскомъ озерѣ для стрѣлянія дичи, застрѣливъ утку, поплылъ за ней, но, заплывъ по неосторожности въ глубокое мѣсто озера, выбившись изъ силъ, утонулъ».

Слѣдующій 1834—35 учебный годъ сложился для переведеннаго въ V классъ Николая Некрасова очень неблагопріятно. Начать съ того, что болѣе трехъ мѣсяцевъ (декабрь, январь, февраль и часть апрѣля) онъ не посѣщалъ гимназіи по болѣзни, какъ значится въ найденныхъ нами вѣдомостяхъ (см. таблицу № 2-ой).

Затѣмъ пребываніе его въ учебномъ заведеніи, несомнѣнно, было омрачено упорнымъ нежеланіемъ его отца внести за него и его брата Андрея плату за право ученія, слѣдствіемъ котораго

явились постоянныя и, само собой разумѣется, очень обидныя для дѣтскаго самолюбія напоминанія, а, можетъ быть, и угрозы со стороны гимназическаго начальства. Свѣдѣнія объ этомъ мы почерпнули изъ официальной переписки, также хранящейся въ гимназическомъ архивѣ (арх. дѣло 1835 г., № 58). Въ рапортѣ на имя Клименко отъ 8 марта 1835 года инспекторъ гимназіи, Величковскій, сообщаетъ: «Исполняя возложенное на меня вами порученіе касательно сбора съ учениковъ гимназіи платы за ученіе и находя напрасными многократныя мои словесныя напоминанія нѣкоторымъ изъ нихъ о сообщеніи ихъ родителямъ или родственникамъ требованій по сему предмету гимназическаго начальства, я долженъ былъ войти отъ своего лица въ письменныя сношенія съ ихъ родителями. Отнесясь, такимъ образомъ, къ г. Некрасову, другой годъ не вносящему за двухъ дѣтей своихъ платы за ученіе, я получилъ отъ него въ отвѣтъ письмо, которое представляя при семъ въ подлинникѣ, покорнѣйше прошу, согласно собственному желанію г. Некрасова, снестись съ губернскимъ предводителемъ, дабы онъ распорядился взысканіемъ съ него и доставленіемъ въ гимназію слѣдующей за двухъ дѣтей его двухгодичной платы за ученіе ассигновать 48 руб.»

Небезынтересно для характеристики отца поэта и то письмо его, на которое ссылается Величковскій. Приводимъ его полностью: «Милостивый государь, Порфирій Ивановичъ, на письмо ваше касательно требуемыхъ сорокъ осьми рублей денегъ за обучающихся въ Ярославской гимназіи дѣтей моихъ Андрея и Николая, честь имѣю отвѣтить, что по обыкновенному порядку всякія съ дворянъ требованія производятся черезъ ихъ губернскаго предводителя, безъ разрѣшенія коего, яко попечителя Ярославской гимназіи, я самъ собою и при всемъ желаніи моемъ уплатить помянутыхъ денегъ теперь не могу. Съ непремѣннымъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга, Алексѣй Некрасовъ. Марта 7-го дня, 1835 года».

Вслѣдствіе рапорта Величковскаго, директоръ гимназіи обратился къ губернскому предводителю дворянства Селифонтову со слѣдующей бумагой, за № 161:

«Въ подвѣдомой управленію моему гимназіи обучаются двое сыновей дворянина Ярославской губерніи маіора Алексѣя Некрасова. На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 1 день февраля 1819 года Положенія Комитета Министровъ и согласно

распоряженія Высшаго учебнаго начальства, съ обучающихся въ гимназіи вообще наложенъ извѣстный ежегодный сборъ подъ именемъ платы за ученіе, который въ Ярославской гимназіи назначенъ съ каждаго ученика по 12 рублей. Исполненіе сего положенія поручено мною г. инспектору гимназіи, который при тщетности многократныхъ словесныхъ напоминаній ученикамъ гимназіи о сообщеніи родителямъ или родственникамъ ихъ означеннаго Высочайше утвержденнаго Положенія о сборѣ платы за ученіе, долженъ былъ войти съ нѣкоторыми родителями въ письменныя сношенія. Относясь главнымъ образомъ къ Г. Некрасову, другой годъ не вносящему за дѣтей своихъ платы за ученіе, онъ получилъ отъ него отвѣтъ письмо, въ коемъ Г-нъ Некрасовъ между прочимъ пишетъ слѣдующее: «По обыкновенному порядку всякія съ дворянъ требованія производятся чрезъ Губернскаго предводителя, безъ распоряженія коего, какъ Попечителя Гимназіи Ярославской, самъ собою и при всемъ желаніи моемъ уплатить помянутыхъ денегъ теперь не могу». По поводу такого отвѣта Г-на Некрасова, относясь къ вашему сіятельству, какъ исправляющему должность Губернскаго предводителя, съ просьбой объ учиненіи съ вашей стороны надлежащаго распоряженія къ взысканію слѣдующихъ съ него за двухъ дѣтей его ас. 48 рублей и доставленіи сихъ денегъ въ гимназію. Вмѣстѣ съ тѣмъ для избѣжанія въ будущее время совершенно лишней по сему предмету переписки покорно прошу сообщить Г-ну Некрасову, чтобы подобныя требованія гимназическаго начальства, какъ дѣлаемыя касательно обучающихся въ гимназіи дѣтей его или вслѣдствіи распоряженій Высшаго учебнаго начальства, или на основаніи постановленій устава Гимназіи, или наконецъ согласно назначенію Высочайшей волѣ, были удовлетворяемы имъ непосредственно, безъ затрудненія напрасною перепискою ни гимназіи, ни того вѣдомства, къ которому принадлежитъ онъ самъ, тѣмъ болѣе, что въ подобномъ случаѣ требованіе, хотя и денежное, касается не собственно его лица, а дѣтей его—какъ учениковъ гимназіи, при опредѣленіи которыхъ онъ, имѣя личное сношеніе съ начальствомъ оной, лишь долженъ посему исполнять и всѣ законныя требованія, особливо, если сіи послѣднія основаніемъ своимъ имѣютъ назначеніе Высочайшей воли».

Если принять во вниманіе, о какой ничтожной суммѣ велся споръ—плата за право ученія равнялась въ то время 12 рублямъ ассигнаціями въ годъ,—то нельзя не придти къ выводу, что А. С.

Некрасовъ не платилъ въ гимназію денегъ вовсе не потому, что не имѣлъ матеріальной возможности уплатить; очевидно, ему, какъ человѣку скупому и прижимистому, просто хотѣлось, такъ или иначе, уклониться отъ уплаты, въ худшемъ случаѣ, оттянуть ее на возможно болѣе продолжительный срокъ. Что отъ подобнаго образа дѣйствій пострадаютъ интересы дѣтей, и къ нимъ легко можетъ установиться со стороны гимназическаго начальства недоброжелательное отношеніе, объ этомъ отецъ-Некрасовъ, какъ видно, совершенно не заботился.

Съ другой стороны, самый фактъ письменныхъ сношеній гимназическаго начальства по данному вопросу какъ съ А. С. Некрасовымъ, такъ и съ губернскимъ предводителемъ дворянства доказываетъ, что оно очень считалось съ тѣмъ сравнительно видным положеніемъ, которое занималъ въ Ярославлѣ владѣлецъ Грешнева, и не рѣшалось поступить съ его сыновьями такъ, какъ, собственно говоря, имѣло формальное основаніе поступить,—не исключало ихъ «за невзносъ платы за право ученія» (употребляемъ современный терминъ). Не даромъ въ найденномъ нами спискѣ «почетныхъ лицъ», приглашавшихся на гимназическій актъ въ августѣ 1836 г., значится и «майоръ А. С. Некрасовъ».

Пропускъ значительнаго числа уроковъ и ненормальное положеніе учениковъ, за которыхъ не платятъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма плачевно отразились на успѣхахъ братьевъ Некрасовыхъ въ 1834—35 учебномъ году.

Николай Некрасовъ на экзаменахъ изъ V въ VI классъ получилъ слѣдующія отмѣтки: по З. Божьему—2; по словесности—3; по логикѣ—2; по математикѣ—1; по исторіи—1; по латыни—3; по географіи—2; по нѣмецки—2; по французски—2; и, конечно, былъ оставленъ на второй годъ въ V классѣ. (См. таблицу № 2).

Такъ же неудачно сошли экзамены его брата Андрея: ему и на этотъ разъ не удалось перебраться въ V классъ.

Оставленіе на второй годъ, если не въ большинствѣ случаевъ, то очень часто даетъ въ педагогическомъ смыслѣ совершенно отрицательные результаты. «Второгодники» сплошь да рядомъ представляютъ самый лѣнивый и распущенный элементъ въ классѣ. Не принесло пользы оставленіе на второй годъ и Некрасову. Правда, нѣсколько измѣнилось къ лучшему его поведеніе: въ вѣдомостяхъ 1835—6 года (см. таблицу № 3) оно за всѣ мѣсяцы опредѣлено, какъ «хорошее», тогда какъ въ предыдущіе 1833—4

и 1834—5 г.г. преобладала отмѣтка—«изрядное», но учился Некрасовъ, по-прежнему, плохо; особенно ухудшились его дѣла весною; такъ, въ маѣ онъ имѣлъ единицы: по математикѣ, матем. географіи и французскому языку; іюнь—послѣдній учебный мѣсяцъ—въ свою очередь, не принесъ особеннаго улучшенія въ его успѣхахъ. Увѣренности, при такихъ условіяхъ, въ выраженіи экзаменовъ быть не могло, и Некрасовъ предпочелъ не держать ихъ вовсе: въ его вѣдомостяхъ за 1835—6 г. въ экзаменаціонной графѣ и графѣ средняго вывода никакихъ отмѣтокъ нѣтъ. Это обстоятельство въ связи съ отсутствіемъ имени Некрасова въ спискѣ переведенныхъ въ VI классъ учениковъ и какихъ бы то ни было упоминаній о немъ въ архивныхъ дѣлахъ слѣдующаго года позволяетъ утверждать, что или въ концѣ лѣта, или осенью 1836 года Николай Алексѣевичъ покинулъ Ярославскую гимназію, пробывъ въ ней, такимъ образомъ, ровно 4 года.

Какими причинами былъ вызванъ этотъ шагъ? Скабичевскій, какъ мы видѣли, думалъ, что уходъ Некрасова изъ гимназіи состоялся по винѣ учебнаго начальства, раздраженнаго сатирическими упражненіями юнаго поэта. Въ томъ, что подобныя упражненія имѣли мѣсто, сомнѣваться не приходится. Вѣдь, влеченіе Некрасова къ сатирѣ проявилось съ самаго дѣтства. Въ писаныхъ подъ диктовку поэта, до сихъ поръ еще не напечатанныхъ цѣликомъ біографическихъ замѣткахъ, между прочимъ, сказано: «Одиннадцати лѣтъ я написалъ сатиру на брата Андрея, который любилъ франтить:

Намазалъ брови саломъ
И, сдѣлавшись чудакомъ,
Набѣлилъ лицо крахмаломъ,
Чиститъ зубы табакомъ...

Въ гимназіи... писалъ сатиры на товарищей. Одинъ изъ нихъ Златоустовскій сильно отдулъ меня за слѣдующее:

Хоть все кричи ты: «Луку, луку!»
Таскай корзину и крехти-
Продажи нѣтъ, и только руку
Такъ жметъ, что силы нѣтъ нести».

Однако, отъ факта писанія сатиръ до исключенія за нихъ изъ гимназіи еще очень далеко. Едва-ли, вообще, можно предполагать, что такое исключеніе имѣло мѣсто. Въ упомянутыхъ біографическихъ замѣткахъ, меньше всего отличающихся желаніемъ за-

молчивать жизненныя неудачи поэта, несомнѣнно, было бы объ этомъ фактѣ разсказано, случись онъ на самомъ дѣлѣ. Едва-ли умолчалъ бы о немъ и гимназическій товарищъ Некрасова Горошковъ, такъ какъ исключеніе, эта высшая мѣра наказанія, къ кому бы она ни была примѣнена, производитъ большое впечатлѣніе и даже своего рода сенсацію среди учащихся товарищей караемаго. Но Горошковъ, какъ увидитъ читатель, объ яко-бы имѣвшемъ мѣсто увольненіи Некрасова ничего не говоритъ.

Все происходило, очевидно, гораздо проще: мальчикъ учился плохо, на переходъ его въ слѣдующій классъ разсчитывать было нельзя, съ учебнымъ начальствомъ отношенія испортились изъ-за неуплаты денегъ за право ученія; естественно, при такихъ условіяхъ, что Некрасовъ-отецъ вспомнилъ о своемъ давнившемъ намѣреніи отдать сына своего на военную службу и съ этою цѣлью взялъ его изъ гимназіи. Текстъ единственной печатной біографіи поэта, просмотрѣнной, повторяемъ, имъ самимъ (см. «Русская библіотека», вып. VII, СПБ., 1877 г.), находится въ полномъ согласіи съ нашими предположеніями.

Николай Алексѣевичъ не протестовалъ, надо думать, противъ отцовскаго образа дѣйствій, такъ какъ путешествіе въ Петербургъ ему очень улыбалось. Вотъ, что говорятъ объ этомъ находящіяся въ нашемъ распоряженіи неизданныя біографическія замѣтки: «Къ 15-ти годамъ (у меня) составилась цѣлая тетрадь (стиховъ), которая сильно подмывала меня ѣхать въ Петербургъ. Надувъ отца притворнымъ согласіемъ поступить въ Дворянскій полкъ, я туда поѣхалъ». Эта цитата вполнѣ подтверждаетъ общеизвѣстное стихотворное признаніе поэта: «За славой я въ столицу торопился». И не только за славой. Чернышевскій въ своихъ «Замѣткахъ о Некрасовѣ» утверждаетъ, со словъ самого Николая Алексѣевича, что «его мать хотѣла, чтобы онъ былъ образованнымъ человѣкомъ, и говорила ему, что онъ долженъ поступить въ университетъ... Но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ... Спорить было безполезно, мать замолчала. Отецъ послалъ Некрасова для поступленія въ кадетскій корпусъ... Но онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ поступить не въ кадетскій корпусъ, а въ университетъ...» Такимъ образомъ, при разставаніи съ Ярославской гимназіей передъ Некрасовымъ маячила надежда не только быть увѣнчаннымъ лаврами аполлонова жреца, но и отвѣдать въ университетскихъ стѣнахъ истинной науки взамѣнъ того сурро-

гата ея, который преподносился въ гимназіяхъ 30-хъ годовъ.

Чтобы вполнѣ исчерпать документальный матеріалъ, относящійся непосредственно къ пребыванію Некрасова въ ярославской гимназіи, приводимъ 3 таблицы съ отмѣтками его за 1833—34, 1834—35 и 1835—36 учебные года.

II.

Если архивныя изысканія дали намъ возможность установить время пребыванія Некрасова въ Ярославской гимназіи, выяснить его отмѣтки за цѣлое трехлѣтіе и доказать необоснованность легендъ объ его увольненіи изъ нея за «шуточныя и скабрезныя» стихотворенія, то воспоминанія Горошкова помогутъ намъ познакомиться съ бытовой стороной жизни ярославскихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и Некрасова, въ 30-ые годы. Горошковъ, судя по архивнымъ даннымъ, сначала былъ старше классомъ Некрасова (въ 1833—34 г. онъ былъ уже въ V классѣ, тогда какъ Некрасовъ былъ въ IV-омъ), но въ концѣ 1833—34 учебнаго года онъ не перешелъ въ слѣдующій классъ, VI-ой, и Некрасовъ его догналъ. Въ 1834—35 году мальчики, такимъ образомъ, учились вмѣстѣ, но въ 1835—36 году Горошковъ, перешедшій въ VI классѣ, обогналъ Некрасова, оставшагося въ V-омъ. Въ 1837/38 году Горошковъ уже значился въ спискахъ VII класса, къ январю же 1838 года онъ кончаетъ гимназію, получивъ свидѣтельство за № 25 отъ 11 января 38 года. Завершилъ свое образованіе Горошковъ въ Демидовскомъ лицеѣ; въ теченіе своей долгой жизни былъ мировымъ судьей, служилъ при многихъ губернаторахъ, въ 90-хъ годахъ былъ нотаріусомъ въ Ярославлѣ. Въ 1902 году, когда къ нему обратился П. И. Мизиновъ съ просьбой подѣлиться воспоминаніями объ Ярославской гимназіи, Горошкову было уже 80 съ лишнимъ лѣтъ, но, несмотря на столь почтенный возрастъ, онъ сохранилъ ясность и трезвость мысли. Его воспоминанія настолько интересны, что мы приводимъ ихъ полностью. Первая часть ихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ Некрасову и его гимназическому житью-бытью.

«Въ Гимназію я поступилъ,—разсказывалъ Горошковъ,—еще до преобразованія ея изъ IV-классной въ VII-классную, т. е. до 1833 года. Тутъ и встрѣтился я съ двумя Некрасовыми, Николаемъ и Андреемъ. Оба они учились въ одномъ классѣ, первомъ. Пробылъ я съ ними года два. Въ обоихъ братьяхъ сразу бросалась въ глаза большая разница. Характера Андрей былъ вялаго; часто казался онъ почти больнымъ, учился по всѣмъ предметамъ плохо. Бывало, учитель россійской словесности и логики, Туношенскій, спроситъ его заданный урокъ, онъ отвѣчаетъ: «училъ я да не выучилъ»... Что касается до другого брата Ни-

колая, то тотъ наоборотъ учился хорошо и часто сидѣлъ на первыхъ партахъ. Ученики въ то время ежемѣсячно разсаживались по успѣхамъ: кто успѣшнѣе, того сажали въ первые ряды, и Некрасовъ Николай, я помню, сидѣлъ иногда около меня, то на первой, то на второй лавкѣ. Николая мы всѣ очень любили за его характеръ и особенно за его разсказы; все, бывало, разсказываетъ онъ намъ про эпизоды изъ деревенской жизни. Послѣ, съ годами Некрасова называли народнымъ поэтомъ; народомъ его разсказы проникнуты были еще на школьной скамьѣ. Ѣздилъ я, помню, нѣсколько разъ съ Николаемъ въ его деревню на охоту. Охотникъ я былъ страстный. Сговоримся, бывало, ѣхать на почтовыхъ и поѣдемъ оба. Охотились съ ружьями за утками, около Тимохина, у Туношенскаго острова. Разъ, помню, устроили охоту на волка. Крестьяне около Тимохина сказали намъ, что видѣли за деревней волка. Не помню я только названіе деревни.

Хорошо помню только, что была она у самой большой дороги... И пустились мы за деревню за волкомъ. Поле шло тамъ, а волка увидали шагахъ въ сотнѣ отъ насъ. Было съ нами собакъ немного... Волкъ, какъ теперь вижу, перебѣжалъ все поле и прямо къ огороду и перепрыгнулъ черезъ него по направленію къ лѣсу. Гнались мы за нимъ недолго и вернулись назадъ съ пустымъ... У Некрасовыхъ въ домѣ я ночевалъ. Отца и матери поэта я не помню; знаю только, что отецъ его былъ исправникомъ и, кромѣ того, держалъ еще почтовую станцію по Костромской дорогѣ,—лошадей было много у него. Вернемся, бывало, съ Николаемъ съ охоты и вмѣстѣ уснемъ въ его комнатѣ. Комната была небольшая, на лѣвой рукѣ отъ входа въ домъ. Помню и домъ: небольшой онъ былъ, невзрачный, въ одинъ этажъ.

Въ классахъ Некрасовъ, бывало, все сидитъ и читаетъ, а въ перемѣны что нибудь разсказываетъ изъ деревенской жизни. Не прочь онъ былъ и пошалить, но шалости не были выходящими изъ ряда другихъ. Постоянно, помню, носилъ онъ въ лѣвомъ карманѣ тавлинку съ Чубаковскимъ табакомъ. Маленькая такая, вродѣ эллипсиса, и ремешекъ въ серединѣ придѣланъ. Въ классѣ, бывало, вынетъ эту тавлинку и начнетъ нюхать табакъ и другихъ угощать. Въ 5 классѣ былъ, помню, урокъ Петра Павловича Туношенскаго. Ходитъ Туношенскій по классу, подходитъ къ Некрасову, а тотъ читаетъ книгу да изъ тавлинки понюхиваетъ... «Что, ты, Николка, дѣлаешь?»—закричитъ Петръ Павловичъ. «Ню-

хаю, Петръ Павловичъ», отвѣчаетъ Некрасовъ.—«Ахъ, ты негодный какой!»,—кричитъ Туношенскій, выхватываетъ тавлинку и топчетъ ее сапогомъ... Некрасовъ хохочетъ: «Ничего—говоритъ—завтра новая будетъ». На другой день, смотримъ, опять у Николая тавлинка такая же, какъ и прежде... «Да откуда ты достаешь ихъ», спрашиваемъ мы.—«Откуда? Да я сколько хочешь, хоть 20 ихъ надѣлаю». И новую тавлинку опять какъ нибудь отниметъ тотъ же Петръ Павловичъ Туношенскій. Помню, разъ изъ шалости одной чуть не разыгралась цѣлая непріятная исторія. Въ ней замѣшанъ былъ и Некрасовъ.

Дѣло было въ первомъ классѣ. Ходилъ къ намъ въ гимназію учитель нѣмецкаго языка Иванъ Миронычъ Ѳедоровъ. Собрались мы въ гимназію часамъ къ 8. Соберемся, читаемъ молитву въ классѣ. Иванъ Миронычъ сдѣлалъ уже перекличку по журналу. Длинная книга была, помню, этотъ журналъ... Началось спрашиванье урока. «Знаешь ли ты урокъ?», обращается Иванъ Миронычъ къ кому нибудь изъ насъ. Ну, когда знаешь, разсказываешь и получишь бумажку-нотату. Иванъ Миронычъ, помню, стоялъ у доски въ этотъ урокъ и писалъ буквы нѣмецкія. Около него кто-то стоялъ изъ учениковъ и, воспользовавшись случаемъ, смастерилъ линейку изъ бумажки и подвѣсилъ ее къ пуговицѣ сюртука Ивана Мироныча. А на линейкѣ были стихи:

У Мирона на плѣши
Разыгралися три вши;
Одна скачетъ, друга пляшетъ,
Третья пѣсенки поетъ.
А четвертый тараканъ
По всей плѣши проскакалъ.

Иванъ Миронычъ не замѣтилъ, какъ злополучная линейка со стихами была прицѣплена къ его сюртуку... Всѣ мы сидимъ, хохочемъ а учитель важно расхаживаетъ по классу съ бумажкой. Наконецъ, какъ то догадался онъ, весь изъ себя вышелъ, пожаловался послѣ директору Абатурову и насъ многихъ хотѣли уже высѣчь. Къ счастью, дѣло какъ то обошлось благополучно. Иванъ Миронычъ Ѳедоровъ былъ уволенъ въ 1836 году послѣ 22-лѣтней службы, съ 1813 г., съ пенсіей 600 рублей.*) Хотя не часто тогда, но сѣкли, помню. Если вина не важная, высѣкутъ тутъ

*) Свѣдѣнія о службѣ и увольненіи Ѳедорова, повидимому, внесены въ воспоминанія Горошкова II. Мизиновымъ.

же на мѣстѣ въ классѣ. Позовутъ сторожа Алексѣя, придетъ онъ, станетъ въ дверяхъ съ розгами и, по приказу, начнетъ непріятную операцію. Но это еще не важное наказаніе: дадутъ два, три удара и кончено все. Ну, а поважнѣе дѣло, такъ операція производилась на заднемъ крыльцѣ у колокольчика, въ который давали всегда звонокъ. Туда попасть было уже гораздо непріятнѣе, потому что сѣкли «по счету».

И такія проказы бывали нерѣдко, нерѣдко и стихи писались на учителей. Некрасовъ, должно быть, принималъ участіе тутъ. Разъ въ 5-мъ классѣ былъ написанъ *пасквиль* на того же Туношенскаго. Онъ преподавалъ риторику и логику; по первому предмету было руководство «Риторика» Кошанскаго, по второму—были письменныя замѣтки. На эти то замѣтки, кстати говоря, довольно трудныя и были написаны стихи приблизительно, помню такіе:

Туношенскаго наука,
Учить ее скука...
Лучше въ . . . . сидѣть
И на сибирское золото глядѣть
Лучше внизъ туда свалиться,
Чѣмъ Туношенскаго логикѣ учиться .

Некрасовъ участвовалъ съ другими гимназистами и въ общихъ прогулкахъ. Большею частью гуляли мы въ Полушкиной рощѣ. Соберутся, бывало, своекоштные ученики, воспитанники Дома призрѣнья ближняго со своимъ надзирателемъ и отправлялись всѣ. Бѣгаемъ въ рощѣ, въ лапту играемъ, играемъ въ городки. Когда подходишь къ рощѣ отъ Ярославля, влѣво будетъ она сама, а по правую сторону площадка, гдѣ мы и играли. Пониже площадки была сосна, которая долго стояла невредима до самаго послѣдняго времени. Соберемся, бывало, къ этой соснѣ, захвативши предварительно пистолеты, и стрѣляемъ въ нее. И теперь въ ней сидитъ вѣроятно, не мало нашихъ пуль. Гуляли и въ осиновой рощѣ у берега Волги. Теперь у Полушкиной рощи осиновой заросли пѣтъ, вся уже она вырублена, и мѣсто расчищено; въ наше время она еще была... Ѣздили въ рощу и на лодкахъ и пѣшкомъ ходили. Пѣсни бывало, пѣвали во время поѣздки въ лодкѣ. Была у насъ любимая пѣсня:

„Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетитъ,
И все въ поднебесной
Измѣной грозитъ.
Лети стрѣлой,
Нашъ вѣкъ младой!
Какъ сладкій сонъ,
Минуетъ онъ!
Лови, лови, часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови!
Какъ май ароматный,
Веселье весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны,
Такъ юность дней—
Вся радость въ ней!
Друзья, скорѣй
Все въ жертву ей!
Затмится тоскою
Нашъ младости пиръ,
Увянетъ мечтою
Украшенный міръ...

Пѣли всѣ, кто хотѣлъ и кто могъ пѣть. На обратной дорогѣ изъ рощи затягивалось обыкновенно, «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Во время прогулокъ въ рощу, нерѣдко переѣзжали всѣ мы и на противоположный островъ. Теперь видъ его нѣсколько другой: тутъ теперь лѣсопильный заводъ, бревна, доски; тогда тамъ росли дубки. Переѣдемъ, бывало, на островъ и займемся окармливаньемъ рыбы. Изъ за островка молока достанемъ, рыбы наловимъ, теплинку разведемъ...

Сядемъ около, разговариваемъ, кричимъ, и воображаемъ себя «братьями разбойниками». Кипитъ и жарится, бывало, на сковородѣ рыба, вдругъ одинъ встанетъ: «надо посолить ее», кричитъ и въ ту же минуту горсть песку летитъ на сковороду. Рыбу, конечно, выбрасываемъ сейчасъ же вонъ и начинаемъ жарить новую.

Домами съ Некрасовымъ я не былъ знакомъ и поэтому едва-ли вѣрно скажу, что жилъ онъ во время ученья въ гимназіи гдѣ-то на Воскресенской улицѣ, вблизи самаго гимназическаго дома, который въ то время помѣщался, какъ извѣстно, на мѣстѣ нынѣшнихъ Спасскихъ казармъ. Наружность его помню до сихъ поръ хорошо; какъ живой стоитъ онъ передо мной: коренастый, небольшого роста, красивый по наружности, остриженный, въ своемъ—форменномъ однобортномъ съ свѣтлыми бѣлыми пуговицами и краснымъ воротникомъ форменномъ сюртукѣ. Впрочемъ,

форма введена была у насъ только съ 1833 года, съ тѣхъ поръ, какъ преобразована была гимназія; раньше Некрасовъ ходилъ въ обыкновенномъ черномъ сюртукѣ.

Года два пробылъ я вмѣстѣ съ Некрасовымъ. Помню, переведенъ былъ я въ 6-й классъ, въ Петровки мы разъѣхались всѣ... Кончилось вакаціонное время, снова собрались мы, но Некрасова уже не было. Куда дѣвался онъ, отчего прекратилось его ученье, я не знаю... Никакихъ слуховъ о причинахъ его исчезновенія между нами не было. Послѣ я уже не встрѣчалъ Николая Алексѣевича. Помню, стали появляться въ печати его стихотворенія, и мнѣ казалось все страннымъ, что авторъ ихъ знакомый мой школьный товарищъ. Слыхалъ я и про его пріѣздъ въ Карабиху, но увидать его мнѣ уже не удалось. Братъ его, учившійся съ нимъ вмѣстѣ въ гимназіи, Андрей, умеръ еще гимназистомъ, но, должно быть, не въ Ярославлѣ, потому что иначе эта смерть едва ли прошла бы для насъ, товарищей, незамѣченной, и объ ней сохранились бы какія нибудь воспоминанія. Я хорошо помню, что у Некрасова была еще сестра, должно быть, учившаяся гдѣ-нибудь въ одномъ изъ ярославскихъ пансіоновъ... Помню печальныя похороны ея въ Воскресенской церкви, помню какъ живую, и ее въ гробу... Я былъ въ это время въ V классѣ и присутствовалъ самъ въ лѣтнюю пору при ея отпѣваніи».

Здѣсь кончается первая часть воспоминаній Горошкова, во второй ихъ части имя Некрасова почти не упоминается, а сообщаются лишь свѣдѣнія, характеризующія гимназическій бытъ вообще.

«Ярославская гимназія, говорилъ Горошковъ, въ ту пору, когда въ ней учился Некрасовъ, представляла собой типъ учебнаго заведенія добраго стараго времени. Порядки ея, нравы учителей, шутки и проказы гимназистовъ, способы преподаванія, все это давно уже отошло въ область преданій. Въ классахъ въ то время сѣкли; учителя иногда дрались. Былъ у насъ учитель французскаго языка Турне, Карлъ Карловичъ. Помню, читали мы «Телемака», было въ классѣ lecture generale. Всѣ ученики должны были имѣть предъ собой книгу, одинъ читалъ какой нибудь отрывокъ, другой долженъ былъ продолжать; чтеніе шло по очереди. Былъ среди насъ ученикъ Рейбургъ. Было чтенье, Турне вызывалъ читать одного за другимъ. Рейбургъ въ это время о чемъ то замѣчтался. «Рейбургъ, продолжай», обратился къ нему Турне. Ученикъ мялся. Турне подбѣжалъ къ нему съ линейкой въ одной

рукѣ и тонко очиненнымъ карандашемъ въ другой и какъ-то ткнулъ ученику послѣднимъ въ руку.—Потекла кровь. «Карлъ Карловичъ, вы меня прокололи, вотъ кровь», говорилъ Рейбургъ. «Ну, ну, молчи», успокаивалъ его Турне.—«Да какъ же молчать? Вотъ кишки изъ руки лѣзутъ». «Ну, ну, молчи, ничего, пройдетъ», успокаивалъ Рейбурга Турне. Преподаваніе всѣхъ почти предметовъ велось по системѣ «отъ сихъ и до сихъ». Вотъ является въ классъ отецъ Алексѣй, старичокъ священникъ отъ Воздвиженской церкви, спроситъ заданное и вновь задастъ отъ такого-то мѣста до такого-то; ни бесѣдъ, ни разсказовъ въ классѣ никогда ничего не было... Послѣ, когда я былъ уже въ 6 классѣ, вмѣсто отца Алексѣя, къ намъ поступилъ о. Иларіонъ отъ Воскресенья. Ну, тотъ былъ лучше, и разсказываетъ и объясняетъ. Учителемъ россійской словесности и логики въ то время былъ Туношенскій. Особенно тяжелой на его урокахъ была нарочно составленная имъ для насъ логика; всѣ мы должны были записывать ее въ тетради. Требовалъ Туношенскій отъ насъ иногда и хорошей декламаціи стихотвореній. Помню, ему очень правилась моя декламація стиховъ Жуковскаго «Надежда, кроткая посланница небесъ», и онъ просилъ меня продекламировать это стихотвореніе на одномъ изъ торжественныхъ гимназическихъ актовъ, которые бывали у насъ ежегодно послѣ экзаменовъ, иногда въ концѣ академическаго года, а иногда въ началѣ. Туношенскій задавалъ намъ писать на домъ, составлять періоды по логикѣ разныхъ видовъ. Кто-то, помню, изъ воспитанниковъ Дома призрѣнія ближняго (Сиротскій домъ по обычному выраженію) явился въ классъ и на сравнительный періодъ написалъ слѣдующій примѣръ: «какъ кучеръ управляетъ лошадьми, такъ Богъ управляетъ вселенной». Туношенскій прочиталъ этотъ примѣръ, одобрилъ его въ логическомъ отношеніи, но въ то же время нашелъ неприличнымъ его по содержанію. Нѣкоторыми сочиненіями Туношевскій восторгался. Помню, дѣло было въ V классѣ. Приходитъ Туношенскій, вынимаетъ изъ кармана тетрадку и начинаетъ читать, не помню, кажется, описаніе весны. «Вотъ это сочиненіе, восторгался онъ:—это не слова, а брильянты». Это была работа одного изъ моихъ товарищей по гимназіи, извѣстнаго впослѣдствіи Аѳанасья Ѳедоровича Бычкова... Бычковъ особенно отличался вообще по словесности, и часто его можно было слышать на нашихъ тогдашнихъ гимназическихъ актахъ.

Исторію преподавалъ у насъ въ то время Раменскій. Все преподаваніе заключалось въ томъ, что задавался урокъ отъ одной страницы до другой, этотъ урокъ прослушивался и задавалось дальше. Преподаваніе иностранныхъ языковъ было не особенно хорошимъ, и часто мы, гимназисты, на этихъ урокахъ французскаго и нѣмецкаго языковъ дозволяли себѣ обманы: придешь, бывало, въ классъ, на ладони напишешь чернилами слова и, когда тебя вызовутъ, начнешь рукой тереть голову и читать все написанное. Этотъ пріемъ употреблялся и на урокахъ латинскаго языка, по которому въ старшихъ классахъ мы читали Саллюстія, Цицерона и Федра. Греческій языкъ въ мое время сталъ преподаваться только въ старшихъ классахъ и, оканчивая курсъ, я и мои товарищи умѣли почти только читать, а переводили очень плохо. Я былъ помню, въ VI классѣ, когда намъ объявили что кто будетъ изучать греческій языкъ, то получитъ чинъ XIV класса; но изучали мы его плохо. Отчасти въ этомъ, должно быть, виноватъ былъ и нашъ греческій учитель Миляевъ: часто онъ являлся въ классъ нетрезвымъ и, понятно, ученье шло плохо. Физику преподавалъ у насъ Лебедевъ. Самъ онъ плохо зналъ предметъ и преподаванье велось по руководству Павлова. Опытовъ физическихъ мы никогда не дѣлали, физическій кабинетъ знали всѣ только по слухамъ; а иногда только въ классъ приносилась электрическая машина. Зоологія, ботаника также преподавались безъ всякихъ живыхъ наглядныхъ примѣровъ, и единственнымъ пособіемъ намъ служили только картинки. Сравнительно лучше обставлены были уроки рисованія, производившіеся на верху гимназическаго зданія въ особой комнатѣ: мы увеличивали по квадратикамъ рисунки, изображали руки, головы, ноги и т. д.; изучали и древне-классическіе ордена (дорическій, коринѳскій, іоническій). Рисунки лучшихъ учениковъ выставлялись на показъ публикѣ и во время актовъ. Помню, я рисовалъ самъ для акта голову Мадонны; тутъ же была карандашомъ сдѣлана картина «Смерть Германика». Въ рисованіи въ наше время особенно выдавался ученикъ Поповъ, который даже справлялся съ картинами большого объема.

Помню я изъ гимназической жизни и двухъ директоровъ, которые были въ мое время—Абатуровъ и Клименко. Абатуровъ и жилъ въ гимназіи и ходъ въ его квартиру былъ по корридору отъ перваго класса. Не часто бывалъ онъ въ классахъ; приходилъ,

наблюдалъ, разговаривалъ съ учителями, но классовъ никогда не посѣщалъ и за уроками не слѣдилъ. Мнѣ разъ лично пришлось имѣть дѣло съ нимъ. Былъ къ намъ въ гимназію, помню, сдѣланъ запросъ изъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ насъ занять тамъ учительскую должность. Я жилъ тогда у родственника своего Нечаева, сортировщика почтовой конторы, и тотъ уговорилъ меня вызваться охотникомъ поступить на предлагаемое мѣсто. Абатуровъ призвалъ меня къ себѣ, посмотрѣлъ на мой маленькій ростъ (мнѣ былъ годъ 15-й) и удивленно спросилъ: «этого въ учителя?» И я не былъ назначенъ на мѣсто, а отправили туда одного изъ товарищей Ѳеофана Богданова. Послѣ Абатурова директоромъ гимназіи былъ Клименко, который былъ и директоромъ Лицея. Жилъ онъ уже не въ гимназіи, а въ Лицейскомъ зданіи, квартиру же Абатурова занялъ вновь назначенный тогда инспекторъ—Порфирій Ивановичъ Величковскій. Красавецъ былъ этотъ Величковскій: высокаго роста, кудрявые волосы. Приходилъ онъ и въ классы иногда, когда не было какого нибудь учителя; придетъ и читаетъ что-нибудь. Всѣ гимназисты любили его за деликатное, благородное обращеніе съ нами.

Въ гимназію мы являлись рано, часовъ въ 8; уроки продолжались часовъ до двухъ. Между уроками бывали маленькія перемѣны, во время которыхъ одинъ учитель поспѣвалъ только смѣнять собой другого; обыкновенья гулять въ перемѣну на дворѣ въ наше время не было. Въ классахъ сидѣли мы за большими партами, которыя шли въ два ряда, при чемъ на каждой партѣ сидѣло человѣкъ по шести. За шалости ставили насъ иногда у доски, иногда въ углу на колѣняхъ; изрѣдка даже и сѣкли или въ классѣ или у «колокольчика». Между уроками поспѣвали мы и завтракать: воспитанники Сиротскаго дома завтракали принесеннымъ съ собою ситнымъ, а мы, своекоштные, бѣгали черезъ дорогу въ саешный рядъ и покупали себѣ сайки.

Помню еще я изъ времени своего пребыванія въ гимназіи два событія. Одно изъ нихъ случайное—это пріѣздъ наслѣдника Александра Николаевича въ 1837 году. Онъ пріѣхалъ въ Ярославль весной въ маѣ мѣсяцѣ. Сначала, по обыкновенію, побывалъ онъ въ соборѣ, принималъ въ Губернаторскомъ домѣ чиновниковъ, навѣстилъ Лицей и его пансіонъ при чемъ побывалъ въ студенческой столовой, больницѣ и спальняхъ. Къ намъ въ гимназію онъ про-

ѣхалъ изъ Лицея, осматривалъ классы, пансіонъ, больницу. Сопровождалъ его всюду Ярославскій военный губернаторъ Полторецкій и поэтъ Жуковскій, его воспитатель. Помню, я видѣлъ Жуковскаго: полный старикъ лѣтъ 50. Изъ гимназіи наслѣдникъ проѣхалъ въ Сиротскій домъ, а мы гимназисты, бѣжали съ крикомъ «ура» за его коляской. По случаю этого посѣщенія сыномъ смотрителя Сиротскаго дома, Ивановымъ, въ то время были написаны стихи, начинавшіеся такъ:

Наслѣдникъ доблести и славы,
Наслѣдникъ русскаго царя,
Наслѣдникъ русскія державы
И Мономахова семья.

Этотъ пріѣздъ, памятный мнѣ, былъ, конечно, явленіемъ случайнымъ, рѣдкимъ въ гимназической жизни. Но помню я изъ этой жизни нѣчто другое, что бывало на первыхъ порахъ моего пребыванія въ гимназіи нерѣдко—это знаменитые въ свое время кулачные бои гимназистовъ съ семинаристами. Сходились предъ началомъ боя у Спасскаго монастыря, около церкви Михаила Архангела. Сойдутся, заспорятъ, начнется драка. Приказчики изъ лавокъ по сосѣдству принимаютъ нашу сторону, къ семинаристамъ на помощь подходятъ изъ закоторсльной части мастеровые, рабочіе. Свалка, начавшаяся у церкви, заканчивается внизу набережной, на Михайловскомъ полѣ. Бой ведется при этомъ съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ рыцарскихъ правилъ: «лежачаго не бить», мѣдными пятаками или чѣмъ нибудь подобнымъ не драться и т. д. Я помню, чуть не заколотили до смерти одного мужика, у котораго оказался старый мѣдный пятакъ. Никакой полиціи во время свалки не бывало, да и вообще она тогда мало извѣстна была въ городѣ. Эти бои были только тогда, когда я учился еще въ первомъ классѣ; послѣ ихъ уже почему то не стало.

Помню еще заключительный эпизодъ нашей гимназической жизни. Намъ, семиклассникамъ, по обыкновенію въ началѣ академическаго года, въ августѣ или сентябрѣ, должны были дать аттестаты, съ которыми нѣсколько человѣкъ изъ насъ, въ томъ числѣ и я, намѣревались поступить въ Демидовскій Лицей. Но такъ какъ занятія въ Лицеѣ начинались только съ января, то бывшій тогда директоръ Клименко аттестатовъ намъ не выдалъ, а заставилъ насъ опять посѣщать до наступленія занятій въ Лицеѣ уроки седьмого класса гимназіи. Съ неохотой исполняли

мы это распоряженіе и постоянно маникировали уроками, что, наконецъ, вывело изъ терпѣнія нашего директора: «не приму васъ въ Лицей»,—говорилъ онъ, разсерженный, намъ: «идите, куда хотите». Дѣлать было нечего: пришлось примириться съ судьбой, и мы начали исправно посѣщать классы, только бы не лишиться права попасть въ Лицей. Въ январѣ мы были уже «студентами».

III.

Выводы, вытекающіе изъ той части воспоминаній Горошкова, которая относится непосредственно къ Некрасову, представляютъ довольно значительный интересъ. Оказывается, что Некрасовъ, будучи живымъ и общительнымъ мальчикомъ, сумѣлъ завоевать симпатію своихъ гимназическихъ товарищей. Въ особенности они его любили за разсказы изъ деревенской жизни—«народомъ его разсказы были проникнуты еще на школьной скамейкѣ». Эти разсказы въ устахъ будущаго поэта-народолюбца не являлись, конечно, случайными: они, безъ сомнѣнія, проистекали отъ рано пробудившагося интереса къ народу и его быту. Далѣе, нельзя не отмѣтить того, что въ отношеніи учителей, а также, по всей вѣроятности, гимназическаго начальства вообще, Некрасовъ проявлялъ значительную независимость. Эпизодъ съ Туношенскимъ и тавлинкой убѣждаетъ въ томъ, что ярославскимъ «педагогамъ» (какіе это были педагоги—объ этомъ будетъ рѣчь ниже!) не такъ-то было легко подчинить своему авторитету умненькаго и самостоятельнаго мальчугана: несмотря на угрозы Туношенскаго, Некрасовъ продолжалъ носить тавлинки въ классъ, выражая, надо думать, такимъ образомъ своеобразный протестъ противъ принижающей личность школьной муштровки.

Заслуживаетъ вниманія указаніе Горошкова и на то, что Некрасовъ хорошо учился. Оно хотя и противорѣчитъ официальнымъ даннымъ (см. выше приведенныя таблицы), но, во всякомъ случаѣ, позволяетъ предполагать, что Некрасовъ производилъ на своихъ товарищей впечатлѣніе мальчика очень способнаго, который *могъ бы* хорошо учиться.

Констатированная Горошковымъ исключительная любовь Некрасова къ чтенію («бывало все сидитъ и читаетъ») свидѣтельствуетъ о томъ, что въ юномъ гимназистѣ уже пробудились умственные запросы, а такъ какъ школьная учеба удовлетворять ихъ не могла, то, естественно, Некрасовъ взялся за книги.

Однако, любовь къ чтенію и логическое слѣдствіе ея—начитанность—не привили, повидимому, Некрасову ни малѣйшей доли педантизма: онъ не прочь былъ и пошалить, не прочь былъ и принять участіе въ общихъ прогулкахъ въ Полушкину рощу, не прочь былъ подтянуть товарищамъ, воспѣвавшимъ «вѣкъ юный, прелестный»...

Давала себя чувствовать, по словамъ Горошкова, не оставившая поэта и въ зрѣлые годы наслѣдственная страсть къ охотѣ.

Не меньшее значеніе имѣетъ та часть воспоминаній М. Н. Горошкова, которая посвящена характеристикѣ гимназическаго быта вообще.

Едва-ли можно говорить даже о мало-мальски благотворномъ вліяніи учебнаго заведенія, въ стѣнахъ котораго главнымъ способомъ воздѣйствія на дѣтскую душу признавали розгу. «Въ классахъ сѣкли... учителя дрались»—мало словъ, но кто знаетъ, къ изуродованію сколькихъ дѣтскихъ душъ привелъ основанный на физическихъ наказаніяхъ школьный режимъ. Печальнѣе всего было то, что убѣжденіе въ необходимости тѣлесныхъ каръ въ такой мѣрѣ вкоренилось, что малѣйшія попытки протестовать противъ нихъ разсматривались высшимъ учебнымъ начальствомъ, какъ проявленія злокозненности и нетерпимаго вольнодумства. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодъ изъ жизни Ярославской гимназіи, относящійся къ началу 1842 года. Одинъ изъ родителей вздумалъ пожаловаться попечителю учебнаго округа, гр. Строганову, на инспектора гимназіи, продержавшаго его сына цѣлыхъ $1^1/_2$ часа на колѣняхъ. Каковъ же былъ результатъ этой жалобы? Въ февралѣ мѣсяцѣ (отъ 21 февраля 1842 г.) на имя директора поступила бумага отъ попечителя классическаго, можно сказать, содержанія. Цитируемъ ее по «Исторической запискѣ о ярославской гимназіи», составленной И. М. Звонниковымъ (г. Ярославль, 1881 г.):

«Г. медико-хирургъ, надворный совѣтникъ Александръ Николаевскій вошелъ ко мнѣ съ жалобою на инспектора ввѣренной вамъ гимназіи, Голубкова, за то, что сей послѣдній наказалъ за шалость его сына, обучающагося въ ярославской гимназіи, заставивъ простоять его на колѣняхъ $1^1/_2$ часа.

Не видя въ этомъ наказаніи ни жестокости, ни несправедливости, на которыя г. Николаевскій жалуется, я признаю просьбу его неосновательною и даже вредною, по желанію его, безъ

всякого основанія, безславить начальство учебнаго заведенія, и потому, препровождая у сего означенное прошеніе, покорнѣйше прошу васъ, м. г., объявить г. Николаевскому сдѣланную на немъ мною отмѣтку».

Отмѣтка же была такая: «*видѣлъ не огорченный отецъ, но злой и ехидный доносщикъ*».

И это происходило въ 1842 году, тогда какъ тридцатью годами раньше уже существовало учебное заведеніе, гдѣ тѣлесныя наказанія абсолютно не примѣнялись. Мы имѣемъ въ виду Царскосельскій Лицей, alma mater Пушкина...

Если, такимъ образомъ, и рѣчи быть не можетъ о какой-либо благотворности воспитательныхъ воздѣйствій Ярославской гимназіи, то, быть можетъ, она давала своимъ питомцамъ серьезное образованіе? На этотъ вопросъ также приходится отвѣтить отрицательно. Горошковъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ велось преподаваніе З. Божія (законоучитель—о. Алексѣй Соколовъ, священникъ Воздвиженской церкви), россійской словесности и логики (Петръ Павловичъ Туношенскій), исторіи (Раменскій), физики (Лебедевъ) и иностранныхъ языковъ (Иванъ Мироновичъ Федоровъ—«нѣмецъ», Карлъ Ивановичъ Турне—«французъ»).

Процвѣтала система «отселева-доселева», объясненій заданнаго урока обыкновенно не полагалось, преподаватели знали свои предметы съ грѣхомъ пополамъ (напр. Лебедевъ), дисциплины, которая, прежде всего, зависитъ отъ того, насколько заинтересованы ученики предметомъ, поддержать не умѣли (напр. шалости на урокахъ нѣмецкаго языка). Весьма знаменательно, что разсказанное Горошковымъ относится, главнымъ образомъ, къ тѣмъ преподавателямъ, которые особенно были взысканы милостью начальства, т. е. считались способнѣйшими служаками. Такъ, Туношенскій, получившій лишь семинарское образованіе, успѣшно двигался по службѣ, и въ 1836 году былъ назначенъ инспекторомъ Костромской гимназіи. Лебедеву же и Раменскому, какъ разъ въ годъ поступленія Некрасова въ гимназію, было объявлено «монаршее благоволеніе», и они трактовались въ официальной перепискѣ какъ «достойнѣйшіе наставники» (см. арх. дѣло 1832 г. № 27). Тотъ же Раменскій годомъ раньше удостоился одобрительнаго отзыва профессора Московскаго университета Перевощикова, на просмотръ котораго была представлена его рѣчь. Слѣдствіемъ этого одобрительнаго

отзыва явилось «изъявленіе ему признательности» Училищнымъ Комитетомъ Московскаго университета «за отлично хорошее изложеніе предмета» (см. арх. дѣло 1831 г. № 14).

Разъ «достойнѣйшіе наставники» вели дѣло такъ, что гимназисты слагали по поводу ихъ преподаванія стихи, въ которыхъ говорилось, напр., что «Туношенскаго наука-учить ее скука; лучше въ... сидѣть и на сибирское золото глядѣть»,—то можно представить себѣ, каковы были менѣе достойные. Объ одномъ изъ этихъ менѣе достойныхъ, учителѣ греческаго языка Миляевѣ, въ архивахъ Ярославской гимназіи сохранилось интересное дѣло (за 1836 г. № 15). Изъ него явствуетъ, что лѣтомъ 1836 г. во второмъ часу ночи Миляевъ былъ приведенъ дозоромъ полиціи къ директору гимназіи Клименко, при чемъ выяснилось, что его задержали «за нѣкоторыя грубости, которыя, вѣроятно, произошли отъ того, что онъ находился не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ». Клименко не ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ Миляеву «строжайшее замѣчаніе о таковомъ его, не соотвѣтствующемъ его званію поступкѣ», онъ сообщилъ о происшедшемъ Попечителю учебнаго округа, который и распорядился уволить Миляева.

О томъ, что преподаваніе въ Ярославской гимназіи, какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа, было не на высотѣ, можно судить и по другимъ даннымъ.

Въ 1833 году Училищный Комитетъ Московскаго Университета, учитывая неудачные результаты экзаменаціонныхъ испытаній бывшихъ воспитанниковъ гимназій, производимыхъ при ихъ поступленіи въ университетъ, разослалъ грозную бумагу директорамъ гимназій, предписывая въ ней, чтобы они «обратили особенное вниманіе на тѣ предметы, въ коихъ ученики оказываются наиболѣе слабыми и подтвердили преподавателямъ оныхъ, что если они неупотреблятъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ приведенію классовъ своихъ въ лучшее состояніе, то непремѣнно подвергнутся, какъ нерадивые или неспособные, удаленію отъ мѣстъ и должностей своихъ и что успѣхи учащихся суть единственный путь къ награжденіямъ и отличію по службѣ для тѣхъ, коихъ попеченію они ввѣрены правительствомъ и родителями», (см. арх. дѣло 1833 г. за № 3: О принятіи дѣятельныхъ мѣръ къ приведенію учащихся въ лучшее состояніе по познаніямъ учебныхъ предметовъ»).

Сотвѣтственно съ этимъ, въ иныхъ случаяхъ и сами педагогическіе совѣты гимназій принуждены были обращать вниманіе

на печальное состояніе преподаванія. Такъ въ журналахъ засѣданій педагогическаго совѣта Ярославской гимназіи за 1835 (арх. дѣло № 45) намъ пришлось встрѣтиться съ такимъ постановленіемъ: «По поводу замѣченной неуспѣшности нѣкоторыхъ учениковъ преимущественно въ низшихъ классахъ разсуждаемо было вообще о необходимости принять общимъ и постояннымъ правиломъ, чтобы способъ преподаванія въ начальныхъ классахъ по всѣмъ предметамъ былъ наивозможно облегченъ, упрощенъ и приноровленъ къ лѣтамъ учащихся, при чемъ въ особенности предложено было обратить на сей предметъ вниманіе г.г. учителямъ Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, россійской грамматики и Географіи, равномѣрно замѣчено и учителю греческаго языка, чтобы онъ въ способѣ преподаванія старался сообразоваться съ силами и средствами учениковъ».

Такова общая картина; въ частности, въ Ярославской гимназіи не слишкомъ благополучно обстояло съ преподаваніемъ россійской словесности,—предмета, который, при нормальныхъ условіяхъ, болѣе всего долженъ былъ бы заинтересовать Некрасова. На недостатки въ постановкѣ этого предмета опредѣленно указываетъ уже Горшковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ его мнѣнія является отзывъ профессора Надеждина, ревизовавшаго въ 1834 году нѣсколько гимназій Московскаго учебнаго округа. «Касательно россійской словесности, такъ излагаетъ Надеждинъ свои впечатлѣнія, оказывается важнымъ недостаткомъ то, что, при исключительномъ занятіи только правилами риторики и піитики, весьма мало обращается вниманія на изученіе и разборъ лучшихъ отечественныхъ писателей въ ихъ образцовыхъ произведеніяхъ, которыхъ ученики, по большей части, знаютъ только имена».

Насколько отзывъ Надеждина правильно оцѣнивалъ дѣйствительное положеніе вещей, можно судить по нижеслѣдующей подписанной Туношенскимъ программѣ пройденнаго по классу словесности въ 1831—32 учебномъ году (см. арх. дѣло 1832 г. № 28):

Въ первомъ классѣ Гимназіи изъ логики:
1) Предварительныя понятія, служащія введеніемъ въ науку.
2) О понятіи и словахъ.
3) О сужденіи и предложеніяхъ.
4) Объ умствованіи и силлогизмахъ правильныхъ и неправильныхъ.
Во второмъ классѣ изъ Риторики:
5) Объ источникахъ изобрѣтенія.
6) О распространеніи логическаго предложенія.

7) О періодахъ.
Въ третьемъ классѣ изъ Риторики:
Объ источникахъ изобрѣтенія.
8) О большихъ риторическихъ сочиненіяхъ вообще.
9) О тропахъ и фигурахъ.
Въ четвертомъ классѣ изъ поэзіи:
10) О стихосложеніи и разныхъ мѣрахъ стиховъ, нынѣ употребляемыхъ.
11) О старинныхъ русскихъ стихахъ.
12) О подраженіи размѣрамъ древнихъ.
13) О мелкихъ стихотвореніяхъ.
14) О лирическомъ стихотвореніи.
15) О повѣствовательномъ стихотвореніи.
16) О драматическомъ стихотвореніи.

Нѣтъ надобности распространяться, насколько схоластическій характеръ имѣетъ эта программа, и какъ мало умственной пищи она могла давать, при условіи, что отдѣльныя положенія ея недостаточно разнообразились «разборомъ лучшихъ отечественныхъ писателей», на что какъ разъ и указывалъ Надеждинъ.

Каковы были результаты всей постановки учебной части въ Ярославской гимназіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, выясняющихъ количество успѣвающихъ воспитанниковъ въ классахъ. Въ 1833—4 учебномъ году въ IV классѣ, въ которомъ учился Некрасовъ, было 33 ученика, при чемъ въ слѣдующій классъ перешло всего 13 (Бѣлогостицкій, Брянчаниновъ, Глушицкій, Егоровъ, Некрасовъ Ник., Нелидовъ, Рудневъ, Снегиревъ, Угрюмовъ Вас., Угрюмовъ Дм., Хабаровъ, Шипиловскій, Черевинъ), что составляетъ 39, 3% ; въ 1834—5 году въ V классѣ было 23 ученика, изъ которыхъ въ слѣдующій классъ перешло только 11 человѣкъ (Бѣлогостицкій, Вознесенскій, Горошковъ, Глушицкій, Маринъ, Нелидовъ, Розовъ, Соколовъ, Тихомировъ, Усчанскій, Шипиловскій), что составляетъ 47,8%. Нельзя не отмѣтить, что изъ 13-ти благополучно перешедшихъ въ V-й классъ въ слѣдующемъ году осталось на второй годъ 8-мь человѣкъ (въ томъ числѣ и Некрасовъ), перешло же въ VI кл. лишь 4 (Бѣлогостицкій, Глушицкій, Нелидовъ, Шипиловскій). Доказывать педагогическую аксіому, гласящую, что въ массовомъ неуспѣхѣ учениковъ виноваты никакъ не они, а общая постановка учебнаго дѣла, мы не будемъ. Что же касается приведенныхъ нами цифръ, то онѣ съ достаточной опредѣленностью сами говорятъ за себя: немногаго стоитъ то учебное заведеніе, въ которомъ не успѣваетъ большая половина учениковъ.

Система официальнаго лицемѣрія, царившая въ 30—40 годы

повсюду, давала себя чувствовать и въ Ярославской гимназіи. Истинное и, какъ мы видѣли, весьма и весьма печальное положеніе дѣлъ искусно маскировалось. Съ цѣлью «товаръ лицомъ показать» устраивались торжественные акты, съ программами которыхъ небезынтересно познакомиться, т. к. онѣ даютъ понятіе объ «общемъ духѣ», царившемъ въ Ярославской гимназіи.

Вотъ двѣ такія программы:

I. Порядокъ торжественнаго акта въ Ярославской Губернской Гимназіи 1832 года Іюня 24-го дня.

1. Хоръ музыки.
2. Старшій учитель Г. Раменскій читаетъ разсужденія о тѣхъ препятствіяхъ, которыя удерживали Россію на пути гражданскаго образованія, просвѣщенія и политической важности до временъ Петра Великаго.
3. Предложено будетъ о экзаменѣ.
4. Ученикъ 4-го класса Николай Розовъ читаетъ стихи: Торжественная пѣснь Левитская передъ кивотомъ Завѣта Господня.
5. Ученикъ 1-го класса Дмитрій Абатуровъ читаетъ французскіе стихи.
6. Ученикъ 4-го класса Болеславъ Ясковъ читаетъ преложеніе въ стихахъ Псалма 103: Величество Божіе въ твореніи.
7. Музыка.
8. Ученикъ 4-го класса Федоръ Красильниковъ читаетъ разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ „о пользѣ воспитанія".
9. Ученикъ 4-го класса Николай Федоровъ читаетъ преложеніе въ стихахъ псалма 59 и 100.
10. Читается отчетъ за текущій Академическій годъ, раздаются награды отличившимся ученикамъ, а окончившимъ курсъ выдаются аттестаты.
11. Ученикъ 3-го класса Василій Потаповъ читаетъ благодарственную рѣчь на французскомъ языкѣ.
12. Ученикъ 4-го класса Алексѣй Шемякинъ читаетъ оду: Величіе Россіи.
13. Въ заключеніе всего музыка. (см. арх. дѣло 1832 г. № 28).

II. Порядокъ Торжественнаго акта 1834 г. Сентября 2-го дня

Отдѣленіе первое

1. Музыка.
2. Г. Старшій Учитель Милославовъ прочитаетъ собственнаго сочиненія Рѣчь о связи успѣховъ въ Латинской Словесности съ Успѣхами въ прочихъ необходимыхъ для образованія наукахъ.

Отдѣленіе второе

1. Музыка.
2. Ученикъ 5-го класса Бычковъ прочтетъ отрывокъ изъ рѣчи профессора Имп. Моск. Унив. Погодина объ ученомъ сословіи.

3. Ученикъ 6-го класса Щербатовъ прочитаетъ своего сочиненія Русскіе стихи на тему: Освобожденіе Греціи.

4. Ученикъ 5-го класса Розовъ произнеесетъ краткую латинскую рѣчъ собственнаго сочиненія.

5. Ученикъ 7-го класса Всесвятскій произнесетъ на Нѣмецкомъ языкѣ своего сочиненія разсужденіе на тему: Von dem Nützen der Erziehung.

6. Ученикъ 6-го класса Срѣтенскій прочтетъ на французскомъ языкѣ собственнаго сочиненія краткое разсужденіе.

Отдѣленіе третье.

1. Музыка.

2. Г. Старшій Учитель Лебедевъ прочтетъ краткую историческую записку о состояніи Ярославской Гимназіи и училищъ за истекшій Академическій годъ. Вмѣстѣ съ симъ прочтено будетъ объявленіе объ удостоенныхъ перевода въ высшій классъ и наградъ за отличіе, а изъ окончившихъ курсъ объ удостоенныхъ выдачи Аттестатовъ.

3. Благодарственная рѣчь на Русскомъ языкѣ сочиненія ученика 7-го класса гимназіи Шипина.

4. Музыка (см. арх. дѣло 1834 г. № 27).

На актѣ 1836 года, состоявшемся 30 августа, была произнесена, между прочимъ, рѣчь Туношенскаго: «Планъ народной русской поэмы изъ событій Отечественной войны 1812 года».

Торжественные акты были, надо думать, истиннымъ праздникомъ для гимназическаго начальства, демонстрировавшаго то внѣшнее благополучіе, которое, яко-бы, царило въ гимназіи благодаря его неусыпнымъ трудамъ. Какое удовольствіе, напримѣръ, начальническому слуху должна была доставить рѣчь Шипина! На этомъ яркомъ образчикѣ заказного, но не одинъ разъ, безъ сомнѣнія, проредактированнаго начальствомъ дифирамба стоитъ остановиться.

Значительную часть его занимаютъ высокопарныя изъявленія благодарности «почтеннѣйшимъ посѣтителямъ» за ихъ присутствіе на «настоящемъ нашемъ торжествѣ».

Затѣмъ ораторъ переходитъ къ наставникамъ:

«А Вы, Почтеннѣйшіе Наставники, съ мудрою дѣятельностью и заботливою попечительностью, отечески старавшіеся о благѣ нашемъ. Вы въ сердцѣ вашемъ твердо рѣшившіеся содѣлать насъ просвѣщенными и добрыми, на пользу отечества,—примите чистѣйшую жертву сыновней нашей признательности къ великимъ неоцѣненнымъ благодѣяніямъ вашимъ. Вѣчная молитва о Васъ будетъ возсылаема къ Богу изъ глубины благодарныхъ сердецъ нашихъ.

Любезные Товарищи! Кто изъ насъ не знаетъ, сколь полезны

и сколь необходимы для будущей нашей жизни тѣ мудрыя наставленія, кои мы получили въ семъ мѣстѣ нашего воспитанія? Оканчивая нынѣ ученіе наше, въ присутствіи сего почтеннаго собранія, дадимъ же торжественный обѣтъ проводить жизнь по спасительнымъ совѣтамъ Наставниковъ, къ радости и утѣшенію любезныхъ родителей нашихъ; дадимъ и другой, важнѣйшій перваго, обѣтъ посвятить себя самихъ—всѣ наши силы и знанія пользѣ и славѣ Великаго Государя и Любезнаго Отечества нашего».

Какова истинная цѣна подобнаго рода славословіямъ, мы знаемъ. Они, какъ и вся вообще постановка учебнаго дѣла въ гимназіи, подтверждаютъ справедливость Валуевскаго изрѣченія «сверху—блескъ, а снизу—гниль», которое, поистинѣ, можетъ быть примѣнено ко всѣмъ отраслямъ государственной жизни николаевскаго времени, а въ томъ числѣ и къ дѣятельности тогдашнихъ среднеучебныхъ заведеній.

Вышеприведенныя программы интересны еще въ томъ отношеніи, что позволяютъ судить о сильномъ, внѣ всякаго сомнѣнія, намѣренномъ нажимѣ на религіозно-патріотическія темы. Не случайно само собой разумѣется, происходило, что ученики подвизались на актахъ то въ роли перелагателей псалмовъ, то въ роли авторовъ патріотическихъ одъ (напр. ода «Величіе Россіи»). Не даромъ, какъ это разсказываетъ Горошковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, преподаватель Россійской Словесности Туношенскій культивировалъ Жуковскаго, этого барда романтическаго направленія на религіозно-патріотической основѣ. Отсюда вытекаетъ возможность предположить, что религіозно-романтическая струя юношескаго сборника стиховъ Некрасова «Мечты и звуки» обязана, до нѣкоторой степени, своимъ происхожденіемъ гимназическимъ вліяніямъ. Выспренность содержанія, напыщенность языка, являющіяся отличительными чертами многихъ стихотвореній «Мечтаній и звуковъ», въ свою очередь могутъ быть разсматриваемы, какъ наслѣдіе «Риторики» Кошанскаго, принятой въ качествѣ учебника въ Ярославской гимназіи.

Только что высказанныя догадки отнюдь не подрываютъ справедливости вывода, что Ярославская гимназія мало давала умственной пищи своимъ питомцамъ. Наиболѣе способные и пытливые изъ нихъ искали, подобно Некрасову, удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ въ чтеніи книгъ. Какія же это были книги? Архивныя данныя удостовѣряютъ, что въ 30-хъ годахъ въ Ярослав-

ской гимназіи уже существовали двѣ библіотеки: «подвижная» и фундаментальная; въ послѣдней, въ 1833 году, было книгъ: по философіи, россійской и иностранной словесности—392; по исторіи, географіи и статистикѣ—144; естественной исторіи, физикѣ—89; по математикѣ—50.

Изъ журналовъ и газетъ въ фундаментальную библіотеку выписывались:—«Ученыя Записки Московскаго Университета», «Педагогическій Журналъ», «Журналъ М. Н. Пр.», «Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній», «Библіотека для Чтенія», «Московскія Вѣдомости», «Христіанское Чтеніе», «Дѣтскій Журналъ», (Очкина), «Живописное Обозрѣніе» (изданіе московскаго книгопродавца Августа Семенова), «Телескопъ», «Московскій Наблюдатель». Такимъ образомъ, матеріала для чтенія ярославскіе гимназисты, а въ томъ числѣ и Некрасовъ, имѣли достаточно.

Чѣмъ болѣе всего интересовался будущій поэтъ при выборѣ книгъ для чтенія? Отвѣтить вполнѣ опредѣленно на этотъ вопросъ мы не имѣемъ возможности за отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ. Однако, для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній у насъ есть кой какія основанія.

Въ бумагахъ сестры поэта намъ удалось найти небольшую замѣтку, написанную рукою Некрасова, подъ заголовкомъ «О моихъ стихахъ». Здѣсь, между прочимъ, поэтъ перечисляетъ нѣсколько литературныхъ произведеній и книгъ, очевидно, изъ числа тѣхъ, которыя произвели на его наибольшее впечатлѣніе. Это—«Корсаръ» въ переводѣ Олина, «Свобода» и «Онѣгинъ» Пушкина, «Библіотека для Чтенія» (противъ этого названія стоятъ слова: «въ гимн.»), «Телеграфъ» и «Телескопъ» (противъ стоитъ: «отъ учит. Топорскаго»).

Кромѣ того, въ бумагахъ Буткевичъ мы нашли другой листокъ, написанный кѣмъ-то подъ диктовку поэта:

«У насъ въ библіотекѣ нашелъ я два стихотворныя произведенія: Байрона «Корсаръ», переводъ Одина, и оду «Свобода» Пушкина:

„Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сверкаетъ,
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ“ и т. д.

Въ гимназіи я ударился во фразерство, начавъ почитывать журналы; въ то же время писалъ сатиры на товарищей».

Думается, что приведенныя данныя не оставляютъ никакихъ сомнѣній, въ какомъ направленіи шло юношеское чтеніе Некрасова. Съ одной стороны, онъ увлекался свободолюбивыми мотивами поэзіи Пушкина и Байрона, съ другой—зачитывался модными въ то время журналами. Что касается «Библіотеки для Чтенія», то она, дѣйствительно, могла способствовать развитію «фразерства». Къ ея вдохновителю Сенковскому названіе «фразера» подходитъ болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому; «фазерами» въ духѣ напыщеннаго, стремившагося къ внѣшнимъ эффектамъ романтизма, было и большинство сотрудниковъ «Библіотеки». Что касается «Телеграфа» и «Телескопа», которые Некрасовъ получалъ отъ Топорскаго, то они являлись, какъ извѣстно, лучшими журналами первой половины 30-хъ годовъ, хотя и въ нихъ романтическая струя сказывалась довольно замѣтно. Возникаетъ, правда, вопросъ, насколько по плечу были многія ихъ статьи Некрасову въ возрастѣ 14—15 лѣтъ? Однако, самый выборъ этихъ журналовъ, въ качествѣ матеріала для чтенія, дѣлаетъ честь литературному вкусу юнаго ярославскаго гимназиста.

Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія будущаго поэта чтеніе сыграло несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ уроки Туношенскаго и К⁰. Оно, быть можетъ, и способствовало «фразерскому» направленію нѣкоторыхъ изъ его юношескихъ стиховъ, но въ то-же время укрѣпило его идеалистическое настроеніе, сказавшееся въ лучшихъ изъ этихъ стиховъ и не оставлявшее поэта и впослѣдствіи. Въ частности, не малое вліяніе на Некрасова должны были оказать Байронъ и особенно ода «Вольность», поселивъ, надо думать, въ его душѣ критическое отношеніе къ тому государственному порядку, при которомъ Пушкинъ имѣлъ основаніе скорбно воскликнуть:

„Увы! куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы!“...

Наконецъ, нельзя забывать и того, что чтеніе, даже не особенно разборчивое, увеличиваетъ запасъ свѣдѣній въ разнообразнѣйшихъ, иной разъ чисто спеціальныхъ, областяхъ. Этотъ запасъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія, очень пригодился поэту, когда онъ былъ «захлеснутъ невскою волной» и въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба на-

сущнаго принужденъ былъ браться за всевозможные виды литературнаго труда, вплоть до исправленія рукописей, трактовавшихъ объ уходѣ за пчелами.

IV. НЕКРАСОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ 40-хъ ГОДОВЪ.

Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда.

I.

Едва-ли найдется изъ числа выдающихся представителей нашей литературы другой, чья біографія была бы такъ мало разработана, какъ біографія Н. А. Некрасова. Біографическіе потемки, если можно такъ выразиться, окутываютъ цѣлые періоды жизни знаменитаго поэта. Въ особенности темными въ біографическомъ отношеніи представляются первыя 8—9 лѣтъ пребыванія Некрасова въ Петербургѣ, а, между тѣмъ, они падаютъ какъ разъ на тотъ возрастъ, когда опредѣляются взгляды и убѣжденія, устанавливаются привычки и вкусы, однимъ словомъ, формируется человѣкъ. Хотя до сихъ поръ еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ вопросъ, въ какомъ году пріѣхалъ Некрасовъ въ Петербургъ *), тѣмъ не менѣе едва-ли можно сомнѣваться, что въ 16—17 лѣтъ отъ роду онъ уже покинулъ ярославскія палестины. Вотъ эта-то какъ разъ полоса его жизни, отъ 16—17 до 24—25 лѣтъ, и представляется наименѣе изученной, если вообще допустимо говорить объ изученіи біографіи Некрасова, не вызвавшей, строго говоря, со времени весьма посредственной работы Скабичевскаго, ни одного спеціальнаго изслѣдованія. Талантливо написанную книжечку Мельшина-Якубовича, изданную біографической библіотекой Павленкова, само собой разумѣется, нельзя считать, какъ не считалъ ее и самъ авторъ, за научную біографію. Съ другой стороны, не подходятъ подъ это понятіе ни трудъ Пыпина «Н. А. Некрасовъ» (СПБ. 1905), представляющій въ значительной

*) Въ разговорахъ со знакомыми поэтъ называлъ 1837 годъ—годъ смерти Пушкина. Сестра Некрасова совершенно опредѣленно указываетъ на 1838 г.; наконецъ, въ его біографіи, помѣщенной въ VII выпускѣ „Русской библіотеки“ и провѣренной имъ самимъ, стоитъ 1839 г.

своей части сборникъ не разработанныхъ, хотя и высоко-интересныхъ матеріаловъ, каковы, напр., письма Некрасова къ Тургеневу, ни біографическая хрестоматія Вѣтринскаго, въ которую авторъ умѣло включилъ наиболѣе важное и существенное изъ писемъ Некрасова и мемуаровъ о немъ.

Само собой разумѣется, если бы «печальникъ горя народнаго» нашелъ для себя біографа, видѣвшаго въ изученіи его жизни главную свою задачу, намъ по истеченіи 35-ти съ лишнимъ лѣтъ послѣ смерти поэта не пришлось бы указывать на полную почти необслѣдованность одного изъ важнѣйшихъ періодовъ его жизни.

Эта необслѣдованность приводитъ къ противорѣчивымъ сужденіямъ даже по вопросамъ первостепеннаго значенія. Такъ, напр., исходной точкой при объясненіяхъ того перелома, который изъ автора романтическихъ стиховъ сдѣлалъ гнѣвнаго сатирика и обличителя общественныхъ золъ, служатъ, обычно, ссылки на крайнюю матеріальную необезпеченность Некрасова въ юности, заставившую его путемъ собственнаго горькаго опыта изучить ужасы «петербургскихъ угловъ» и испытать ощущенія постояннаго недоѣданія, а то и форменнаго голода. Не такъ давно однимъ изъ quasi ученыхъ ненавистниковъ поэта была сдѣлана попытка представить его матеріальное положеніе въ совершенно иномъ видѣ. Вотъ характерная страничка изъ статьи г. Гутьяра въ «Русской Старинѣ» (№ 1, 1903 г.): «Къ числу фактовъ, сильно привлекавшихъ къ Некрасову всегда чуткаго и отзывчиваго Тургенева, надо отнести и разсказы Николая Алексѣевича о матеріальныхъ невзгодахъ своей студенческой жизни, неизмѣнно начинавшіеся словами: «ровно три года я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ». Разсказы эти вообще сослужили великую службу Некрасову, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти. Упрекнутъ ли его въ черствости, нравственной нечистоплотности,—сейчасъ на выручку: «ровно три года я чувствовалъ себя голоднымъ». Являлась ли необходимость тяжелыя послѣдствія ненормальной жизни издателя «Современника» объяснить болѣе возвышенными причинами,—поможетъ все тотъ же спасительный разсказъ о голодовкѣ, и т. д. Разсказъ этотъ въ біографіяхъ Некрасова составляетъ чуть ли не центральный пунктъ всѣхъ восхваленій по адресу Николая Алексѣевича. И всѣ біографы, приводя его, тутъ же сообщаютъ, что пресловутое голоданье Некрасова началось въ 1839 году и кончилось въ 1840 г., причемъ, по ихъ же словамъ, въ 1839 году

у него передъ началомъ голодовки было въ карманѣ 150 рублей, т. е. рублей 300 по теперешнимъ условіямъ жизни, да если прибавить къ этому грошовые уроки и черный трудъ журналиста, то выйдетъ матеріальное положеніе, которому позавидовала бы значительная часть нынѣшняго студенчества. Не удивительно поэтому, что въ 1840 году Некрасовъ могъ издать на собственный счетъ книжку своихъ стихотвореній».

Въ этихъ словахъ ярко отразилось «злопыхательство»,—употребимъ прекрасное выраженіе Салтыкова, ихъ автора,—но подобнымъ образомъ злопыхательствовать по адресу поэта можно только при отсутствіи его біографіи. Имѣя эту послѣднюю въ рукахъ, даже рядовой читатель могъ бы очень легко изобличить г. Гутьяра, который благоразумно умалчиваетъ, что свѣдѣнія о столичныхъ мытарствахъ юноши Некрасова основаны не только на его собственныхъ показаніяхъ, но и на цѣломъ рядѣ объективныхъ свидѣтельствъ другихъ лицъ. Объ этомъ достаточно опредѣленно говорятъ и соредакторъ Некрасова Ив. Ив. Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», и его жена Авд. Яковл. Панаева-Головачева въ книгѣ «Русскіе писатели и артисты», и Вал. Алекс. Панаевъ, весной 40-го года посѣтившій сожителя Некрасова, художника Даненберга, и имѣвшій случай лично наблюдать ихъ нищенское житье-бытье (см. его «Воспоминанія» въ «Русской Старинѣ» за 1893 годъ). Мало того, указанія на крайнюю бѣдность Некрасова встрѣчаются въ «Воспоминаніяхъ» актера Алексѣева, съ которымъ поэтъ почти не разлучался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ того же 40-го года; объ этомъ же свидѣтельствуетъ и Лорисъ-Меликовъ, разсказывавшій д-ру Бѣлоголовому, какъ круто приходилось ему и сожительствовавшему съ нимъ Некрасову въ началѣ 40-хъ годовъ: молодые люди терпѣли отъ холода и голода, а однажды, чтобы согрѣться, принуждены были растапливать печь однимъ изъ стульевъ своей убогой меблировки (см. «Воспоминанія» д-ра Бѣлоголоваго). По словамъ Куликова, бывшаго въ 40-е годы режиссеромъ Императорскихъ театровъ, «Некрасовъ въ сильный морозъ являлся къ нему, какъ бы весь застывшій отъ холода, безъ верхняго пальто, безъ галошъ, безъ всякихъ признаковъ верхняго бѣлья, съ шарфомъ на шеѣ («Воспоминанія о Некрасовѣ М. И. Писарева» «Новости», 25 дек. 1902 г.). Даже очень неблаговолившій къ Некрасову П. М. Ковалевскій, который не пожалѣлъ темныхъ красокъ для

характеристики личности поэта, разсказываетъ, что онъ встрѣтилъ Некрасова впервые «на Невскомъ проспектѣ, дрогнущаго въ глубокую осень въ легкомъ пальто и ненадежныхъ сапогахъ, помнится, даже въ соломенной шляпѣ съ толкучаго рынка»; есть у Ковалевскаго упоминаніе и о голоданіи Некрасова.

Число этихъ ссылокъ можно было бы значительно увеличить, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы судить о матеріальныхъ условіяхъ жизни Некрасова въ первое время его пребыванія въ Петербургѣ. Конечно, не только можно, но и должно допустить, что иногда, подъ вліяніемъ нѣсколько улучшившихся обстоятельствъ, Некрасову удавалось высвободиться изъ цѣпкихъ объятій нужды, но впослѣдствіи онъ снова подпадалъ ея власти. О такихъ перемѣнахъ въ жизни Некрасова нѣкоторое понятіе даютъ «Воспоминанія» Григоровича. Начало знакомства этихъ писателей относится къ 1839 году, по всей вѣроятности, къ концу его. Григоровичъ, бывшій въ то время юнкеромъ инженернаго училища, услышалъ о Некрасовѣ, какъ о молодомъ поэтѣ, авторѣ сборника «Мечты и звуки», отъ дежурнаго офицера Фермора и пожелалъ съ нимъ познакомиться. Онъ засталъ Некрасова въ комнатѣ, «довольно просторной и свѣтлой», дверь ему отворилъ слуга, «довольно чисто одѣтый». Однако, двумя или тремя (Григоровичъ указываетъ предположительно на 1842 и 1843 гг.) годами позже Григоровичъ, снова случайно встрѣтившись съ Некрасовымъ и будучи приглашенъ имъ «къ себѣ на дачу», засталъ его въ обыкновенной избѣ на Парголовской дорогѣ. Вскорѣ выяснилось, что «денежныя обстоятельства Некрасова» были тогда «весьма незавидны», и ему приходилось корпѣть надъ исправленіемъ языка сухихъ и неинтересныхъ рукописей, трактовавшихъ объ уходѣ за пчелами, полученныхъ имъ отъ какого-то старика. Не забудемъ при оцѣнкѣ этого факта, что Некрасовъ къ 1842 году былъ уже авторъ цѣлаго ряда стихотвореній, повѣстей, водевилей, сотрудничалъ въ нѣсколькихъ журналахъ, а потому безъ крайней нужды не принялся бы за такую работу. Естественно предположить, что ранѣе ему приходилось не брезговать и другими, еще болѣе унизительными для его писательскаго самолюбія, заработками. Трудно усомниться въ справедливости того, что передаетъ со словъ поэта Елисѣй Колбасинъ объ одномъ изъ практиковавшихся имъ способовъ снискивать себѣ пропитаніе: «Бывали тогда такіе тяжелые для него мѣсяцы, что онъ ежедневно отпра-

влялся на Сѣнную площадь и тамъ за 5 копеекъ или за кусокъ бѣлаго хлѣба писалъ крестьянамъ письма, прошенія, а, въ случаѣ неудачи на площади, отправлялся въ казначейство, чтобы расписываться за неграмотныхъ и получать за это нѣсколько копѣекъ».

Такимъ образомъ, нельзя не признать, что наиболѣе характерными чертами разсматриваемаго періода въ жизни Некрасова являлась борьба съ гнетущей бѣдностью, борьба за существованіе въ буквальномъ значеніи этого слова и, какъ слѣдствіе ея, упорный трудъ ремесленно-литературнаго, а иногда даже писарскаго характера. Этотъ выводъ, конечно, не новый даже для тѣхъ, кто ограничилъ свое знакомство съ біографіей поэта статьей Скабичевскаго или выдержками изъ нея, приложенными къ нынѣшнимъ изданіямъ сочиненій Некрасова, мы имѣемъ возможность иллюстрировать нѣкоторыми новыми матеріалами. Незадолго до своей смерти Некрасовъ, какъ мы знаемъ, началъ диктовать свою біографію. Цѣликомъ продиктовать ее онъ не успѣлъ, но отрывки ея, на которыхъ кой-гдѣ сдѣланы вставки рукою самого поэта, сохранились. Есть въ этихъ отрывкахъ кой-какія свѣдѣнія, относящіеся къ самому началу литературной дѣятельности Некрасова. Послѣ общеизвѣстнаго разсказа объ изданіи сборника «Мечты и звуки», о роли въ этомъ предпріятіи Бенецкаго, о посѣщеніи сомнѣвавшимся поэтомъ Жуковскаго,—Некрасовымъ было продиктовано слѣдующее: «Меня обругали (за «Мечты и звуки») въ какой-то газетѣ, я написалъ отвѣтъ, и это былъ единственный случай, что я заступился за себя и свое произведеніе. Отвѣтъ—былъ глупый, глупѣе самой книги. Все это произошло въ 1840 году. Бѣлинскій тоже обругалъ мою книгу, я роздалъ на комиссію экземпляры,—ни одного не продалось. Это былъ лучшій урокъ. Я пересталъ писать серьезные стихи, и сталъ писать эгоистически». Послѣдними словами Некрасовъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ сказать, что послѣ рѣшительнаго провала его сборника, провала не только у авторитетнѣйшаго критика, но и у публики, онъ сталъ смотрѣть на свой литературный трудъ исключительно съ точки зрѣнія столь необходимаго ему заработка.

Далѣе въ нашемъ источникѣ говорится о колоссальномъ количествѣ выполненной Некрасовымъ за это время работы: «уму непостижимо, сколько я работалъ!», причемъ противъ этого мѣста слабою и дрожащею рукою умиравшаго поэта вставлены слова: «Господи, сколько я работалъ!». Для характеристики того, какъ

производилась эта работа и насколько она была лишена всякаго «творчества» разсказанъ слѣдующій эпизодъ: «Пріятель мой, офицеръ Н. Ф. Ферморъ, помогалъ мнѣ въ работѣ. Уѣзжая въ Севастополь, онъ оставилъ мнѣ кипу своихъ бумагъ—я пользовался ими для своихъ повѣстей, но тамъ былъ списанъ отрывокъ изъ печатнаго. Думая, что это собственная замѣтка Фермора, я вклеилъ эти страницы въ одну свою повѣсть. Жаль, что никто изъ моихъ доброжелателей не доискался до этого факта—вотъ бы случай обозвать меня литературнымъ воромъ».

Временами Феоклисту Онуфріевичу Бобу («первый мой псевдонимъ») и Перепельскому («второй для прозы и водевилей») приходилось въ погонѣ за кускомъ хлѣба насущнаго спускаться въ самыя низины литературы и вступать въ близкія отношенія съ невѣжественными и корыстными книгоиздателями-маклаками... «Былъ я,—говорится въ томъ же источникѣ,—поставщикомъ у тогдашняго книгопродавца Полякова, писалъ азбуки, сказки, по его заказу. Въ заглавіе сказки «Баба яга, костяная нога» онъ прибавилъ: «ж... жиленая». Я замаралъ въ корректурѣ; увидавъ меня, онъ изъявилъ удивленіе и просилъ выставить первыя буквы. Не знаю, пропустила ли ему цензура. Лѣтъ черезъ тридцать по какому-то невѣдомому мнѣ праву выпустилъ эту книгу г. Печаткинъ. «Жиленой ж...» тамъ не было, но за то было мое имя, *чего не было въ Поляковскихъ изданіяхъ*» (подчеркнутыя слова вписаны рукою самого поэта).

Кромѣ «Бабы яги», Некрасовъ написалъ для Полякова нѣсколько другихъ произведеній, но не все изъ сочиненной Некрасовымъ литературной макулатуры увидѣло свѣтъ. Библіофилу П. А. Картавову посчастливилось (см. изданный имъ «Литературный архивъ», 1902 г., стр. 17) среди пріобрѣтенныхъ имъ въ антикварномъ магазинѣ Соловьева бумагъ Полякова разыскать слѣдующія сочиненія Некрасова: драматическую фантазію «Юность Ломоносова», два дѣтскихъ водевиля—«Великодушный поступокъ», «Федя и Володя»,—и стихотворную «Сказку о царевнѣ Ясносвѣтѣ» (а не «Ясноцвѣтѣ», какъ ошибочно напечаталъ П. А. Картавовъ въ «Литературномъ архивѣ»). Послѣднія три произведенія представляютъ собою автографы. «Юность Ломоносова» же сохранилась и въ автографѣ, и въ корректурномъ экземплярѣ первыхъ 12-ти стр., исправленномъ и подписанномъ къ печати самимъ Некрасовымъ. Относительно водевилей и «Сказки о царевнѣ Ясно-

свѣтѣ» можно сказать съ увѣренностью, что они такъ и остались не напечатанными; по всей вѣроятности, не была напечатана и «Юность Ломоносова» (книжки подъ этимъ заглавіемъ ни намъ, ни г-ну Картавову разыскать не удалось) до 1902 г., когда она появилась въ «Литературномъ архивѣ». О «Юности Ломоносова читатель найдетъ свѣдѣнія въ книгѣ Вл. Максимова «Литературные дебюты Некрасова»; поэтому, не касаясь ея, мы остановимся здѣсь только на водевиляхъ и «Сказкѣ». По всей вѣроятности, и первые, и вторая относятся къ 1840 г., хотя годъ этотъ стоитъ на заглавномъ листѣ лишь одного водевиля «Федя и Володя». Надо думать также, что надпись, помѣщенная подъ заглавіемъ этого же водевиля: «передаю право въ вѣчное и потомственное владѣніе книгопродавцу В. Петрову Полякову», касалась и остальныхъ произведеній. Характерно, что ни одно изъ нихъ не подписано настоящей фамиліей автора; для водевиля «Великодушный поступокъ Некрасовъ придумалъ ставшій потомъ обычнымъ псевдонимъ «Н. Перепельскій»; для «Сказки» онъ видоизмѣнилъ его въ П-р-п-с-кій; подъ водевилемъ же «Федя и Володя» стоятъ буквы Н. Н., передѣланныя затѣмъ въ буквы М. М. Отсюда видно, что 19-лѣтній поэтъ хорошо понималъ, что новыя вдохновенія не столько его музы, сколько его желудка, не могутъ вплести лавровъ въ его вѣнокъ, и предпочиталъ не снимать съ своего литературнаго лица забрала *).

Насколько былъ правъ въ этомъ отношеніи Некрасовъ, не трудно убѣдиться изъ бѣглаго обзора содержанія разсматриваемыхъ произведеній.

«Федя и Володя» или «Влюбленный Феденька»—это водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, написанный для дѣтскаго театра. Дѣйствующихъ лицъ въ немъ пять: двѣнадцатилѣтній мальчикъ Федя, его товарищъ—тринадцатилѣтній Володя, отецъ Феди—помѣщикъ Видовскій, гувернеръ Дальвиль и слуга Иванъ. Изъ перваго дѣйствія выясняется, что Феденька влюбленъ въ дѣвочку Сонюшку, но успѣха у нея не имѣетъ, такъ какъ плохо танцуетъ. Чтобы не ударить лицомъ въ грязь на предстоящемъ дѣтскомъ балу, Феденька съ ранняго утра принимается разучивать особенно трудное для него па. Онъ теперь надѣется превзойти затмевавшаго

*) Не забудемъ, что разоблаченіе псевдонима „Перепельскій“ сотрудникомъ „Сѣв. Пчелы“ Л. Л. (Межевичемъ), вызвавшее энергичный отпоръ во многихъ изданіяхъ, произошло значительно позднѣе, уже въ 1841 году.

его до сихъ поръ въ танцахъ Володю и радостно поетъ слѣдующіе куплеты:

„Въ кругу стройныхъ паръ
Теперь Вольдемаръ
Не будетъ ужъ лучшимъ танцоромъ;
Начну танцовать
И всѣхъ чаровать
Мельканьемъ воздушнымъ и скорымъ;
Не скажутъ теперь,
Что Феденька звѣрь
Неловкій, степной и упрямый.
„Вотъ, вотъ кавалеръ,
Для всѣхъ онъ примѣръ!“
Воскликнутъ прекрасныя дамы“... и т. д.

Отецъ Феденьки и гувернеръ Дальвиль знаютъ объ его увлеченіи, но занимаютъ пока выжидательное положеніе, ограничиваясь длинными разговорами съ мальчикомъ о томъ, что всегда нужно говорить правду, что разбалтывать прислугѣ о своихъ тайнахъ не слѣдуетъ, что ревность—порокъ, который никогда не бываетъ извинителенъ, и т. д.

Во второмъ дѣйствіи передъ нами картина дѣтскаго бала. Надежды Феденьки не исполнились: Сонюшка по прежнему отдаетъ предпочтеніе Володѣ; она даже идетъ танцовать съ нимъ, будучи ангажирована Феденькой. Послѣдній взбѣшенъ и рѣшается вымѣстить зло на Володѣ. Онъ уводитъ его изъ залы и въ уединенной комнатѣ предлагаетъ рѣшить ихъ счеты поединкомъ на шпагахъ. Володя не принимаетъ вызова, такъ какъ разница въ лѣтахъ дѣлаетъ шансы противниковъ слишкомъ неравными. «Я старше и сильнѣе тебя, говоритъ онъ Феденькѣ, ты предо мною ребенокъ». Но Феденька «въ гнѣвѣ» восклицаетъ:

Я ребенокъ! нѣтъ,—не числю
Я себя въ кругу дѣтей,
Я ужъ чувствую и мыслю,
Понимаю цѣль вещей!
Я ребенокъ! Нѣтъ,—не плачу
Я надъ сломаннымъ конькомъ,
Разныхъ лакомствъ я не прячу,
Чтобъ ихъ послѣ съѣсть тайкомъ.
Я ребенокъ! нѣтъ,—сознаньемъ
Ужъ забилась грудь моя,
Ужъ волнуюсь то мечтаньемъ,
То безвѣстнымъ чѣмъ-то я.
Я ребенокъ! нѣтъ,—игрушки
Ужъ не радуютъ меня,
Не боюсь я грома пушки,

Не бѣгу я отъ огня.
Я ребенокъ! нѣтъ,—я знаю,
Для чего свинецъ и мечъ,
И обиду понимаю,
Точно такъ, какъ ласки рѣчь.
И ни другу, ни злодѣю
Той обиды не прощу;
А что смыть ее умѣю,
Становись—я отомщу!—(машетъ шпагой).

Мало того, онъ упрекаетъ Володю въ трусости, послѣ чего тотъ самъ уже горитъ желаніемъ съ нимъ драться. Однако, въ рѣшительную минуту являются Видовскій и Дальвиль. Видовскій принимаетъ на себя роль посредника и всю вину возлагаетъ на сына. Раскаявшійся Феденька проситъ прощенія у Володи; онъ твердо рѣшилъ исправиться, о чемъ и говоритъ въ заключительныхъ куплетахъ:

Я буду хорошо учиться
И хорошо себя вести;
Лишь стану съ умными дружиться,
А шалунамъ скажу: прости.
Сперва обдумывать я стану
То, что я сдѣлать захочу,
И ужъ ни Климу, ни Ивану
Своихъ я тайнъ не сообщу;
А побѣгу, папа̀, къ вамъ прямо,
Все откровенно разскажу,
И безъ надменности упрямой,
Какъ поступить, я васъ спрошу.
И поступлю, какъ вы велите,
И благороднѣй, какъ могу.
Вы обѣщаніе примите,
Папа̀, повѣрьте, я не лгу.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, насколько слабымъ является этотъ водевиль. Главный его недостатокъ заключается въ совершенно фальшивомъ изображеніи дѣтской психологіи: и Федя, и Володя напоминаютъ по ходульности своихъ рѣчей и образа дѣйствій скорѣе героевъ Дюма, напр., знаменитыхъ «мушкатеровъ», чѣмъ обыкновенныхъ дѣтей. Впрочемъ, едва-ли можно смотрѣть на Некрасова, какъ на самостоятельнаго автора «Феди и Володи». По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ передѣлкой какой-нибудь французской пьесы.

Нѣсколько реальнѣе по своему содержанію другой дѣтскій водевиль Некрасова «Великодушный поступокъ», посвященный «десятилѣтнему мальчику Владиміру Федоровичу Фермору». Сюжетъ этой одноактной пьески взятъ изъ школьной жизни, дѣйствую-

щими же лицами являются содержатель мужского пансіона Миллеръ, учитель нѣмецкаго языка Шпринкъ и пансіонеры Ваня 14-ти и Митя 12-ти лѣтъ; дѣйствіе происходитъ въ «учебной комнатѣ». Ваня, раздраженный тѣмъ, что Шпринкъ оставилъ его наканунѣ «безъ обѣда», забирается пораньше въ классъ и придумываетъ, какъ бы отомстить своему врагу. «Нѣтъ, г-нъ Шпринкъ,—говоритъ онъ,—вы увидите, что оставить меня безъ обѣда не кого другого; нѣтъ! я этого такъ не оставлю... Не буду учить уроковъ, буду шалить, топать, пѣть въ классѣ;—что вы мнѣ сдѣлаете? А васъ, между тѣмъ, это такъ разозлитъ, что волосы на дрянномъ паричишкѣ вашемъ станутъ дыбомъ...

Нѣтъ, за себя я постою
И отомщу, повѣрьте, славно,
У васъ я въ классѣ запою,
То замяукаю забавно,
То все за вами повторять
Такимъ же буду жалкимъ тономъ,
Съ нѣмецкимъ русское мѣшать;
Надъ вашимъ хохотать поклономъ,
Поступки ваши осуждать,
Смотрѣть на васъ, какъ на барана,
И докажу, что понимать
Обиду мнѣ уже не рано!

«Если бы всѣ наши учителишки вздумали такъ дѣлать, то это просто бѣда, хоть вытти изъ пансіона; а, впрочемъ, что за бѣда, пожалуй, я и выйду; вотъ завтра праздникъ: скажу маменькѣ, можетъ, и позволитъ; но прежде все-таки нужно досадить Шпринку».

Въ концѣ концовъ Ваня останавливается на слѣдующемъ планѣ мести: онъ рѣшается крѣпкій стулъ для учителя замѣнить сломаннымъ, сѣвъ на который, Шпринкъ неминуемо долженъ упасть,—и, довольный своей находчивостью, поетъ:

Онъ придетъ, его обычай
Я давно уже смекнулъ,
Безъ поклоновъ и приличій
Прямо сядетъ онъ на стулъ,
Лобъ его или затылокъ
Съ поломъ чокнется какъ разъ.
Онъ сердитъ, горячъ и пылокъ,
Закричитъ тогда на насъ...
Станетъ спрашивать, кто штучку
Съ нимъ такую отпустилъ,
И боюсь, чтобы трясучку
Онъ со злости не схватилъ!

Замыселъ Вани, какъ нельзя лучше, удается. Шпринкъ отправляется съ жалобой къ содержателю пансіона, который послѣ тщет-

ныхъ попытокъ уговорить виновнаго въ продѣлкѣ съ Шпринкомъ сознаться, объявляетъ, что ни одного изъ пансіонеровъ не отпуститъ на завтрашній праздникъ домой. По уходѣ Миллера Шпринкъ продолжаетъ урокъ, но Ваня не перестаетъ его изводить:

«*Ваня.* Гу! Гу! ш! ш! ш! (онъ всячески старается увеличить шумъ въ комнатѣ).

Шпринкъ (съ гнѣвомъ). Что это значитъ? Вамъ мало этого наказанія! Тише! (топаетъ ногой, Ваня тоже топаетъ). Кто это? (всѣ молчатъ). Нѣтъ, съ вами нельзя поступать, какъ съ добрыми дѣтьми! Тише! Г. К. говорите урокъ!

Одинъ изъ уч. (захлебывается отъ слезъ). Я не могу отвѣтить моего урока, потому что у меня вчерась книга пропала...

Шпринкъ (сердится). Хорошо, я запишу, что вы не знаете. (Къ другому). Говорите вы!

Друг. уч. У меня въ книгѣ та страница, на которой нынѣшній урокъ, залита чернилами...

Шпринкъ (бѣсится; бьетъ звонокъ, онъ беретъ шляпу; уходитъ). Нѣтъ, это вамъ не пройдетъ даромъ. Я настою на томъ, чтобы васъ не пустили домой...»

Между тѣмъ, учениками овладѣваетъ грустное настроеніе, такъ какъ перспектива лишиться праздничнаго отпуска никому не улыбается; хоръ учениковъ поетъ:

За что мы страдаемъ, за что мы страдаемъ?
Одинъ кто-нибудь напроказилъ изъ насъ,
А всѣ наказанье его раздѣляемъ,
И падаютъ слезы невольно изъ глазъ.
Что маменька скажетъ, сестрицы что скажутъ,
Когда не придемъ мы на праздникъ домой.
На наши гостинцы съ насмѣшкой укажутъ,
И ихъ уберутъ—до субботы другой!
За что насъ постигло такое несчастье?
Мы думали праздникъ роскошно провесть
Межъ дружбы привѣта и ласки участья,
А намъ не дадутъ здѣсь, пожалуй, и ѣсть!
Нѣтъ, это ни на что совсѣмъ не похоже!
Кому же мы обязаны этой бѣдой?
Что все это значитъ! О, Боже, о, Боже!..
За что не пойдемъ мы на завтра домой?..

Слышится плачъ. Примѣрный мальчикъ Митя отъ души жалѣетъ товарищей. Онъ подозрѣваетъ, что виновникъ происшедшаго Ваня, и убѣждаетъ его сознаться; Ваня и слышать объ этомъ не хочетъ. Тогда Митя рѣшается на самопожертвованіе: онъ заявляетъ Миллеру, что подшутилъ надъ Шпринкомъ онъ.

Этотъ великодушный поступокъ Мити производитъ сильное впечатлѣніе на Ваню. Не желая допустить, чтобы изъ-за него пострадалъ невинный, онъ сознается въ своей винѣ и говоритъ Миллеру:

„Повѣрьте мнѣ, не допущу,
Чтобъ потерпѣлъ за грѣхъ мой Митя,
Я самъ наказанъ быть хочу,
Его домой вы отпустите!
Укоры совѣсти моей
Хочу раскаяньемъ исправить!
И не хочу къ винѣ моей
Другой вины еще прибавить!“

А затѣмъ, обращаясь къ Митѣ, продолжаетъ:

„Прости меня, мой Митя милый,
Великодушьемъ ты своимъ,
Какъ бы какой волшебной силой,
Всѣмъ сердцемъ завладѣлъ моимъ...
Полюбитъ, какъ родного, Митя,
Теперь тебя душа моя...“

Митя (Миллеру):

„Теперь и вы его простите
Такъ точно, какъ прощаю я!“

(заключаетъ Ваню въ объятія)».

Растроганный этой сценой Миллеръ соглашается на просьбы Мити и прощаетъ Ваню, который восклицаетъ: «О, какъ хорошо быть добрымъ»! Эти слова служатъ Миллеру поводомъ для нравоученія. «И какъ легко,—говоритъ онъ:—стоитъ только положить себѣ правиломъ въ жизни идти прямо и дѣйствовать открыто: честному человѣку нечего стыдиться своихъ поступковъ... (обращаясь къ ученикамъ): Ну, теперь вы всѣ свободны, благодарите добраго Митю... Научитесь изъ этого примѣра быть добрыми, откровенными и незлопамятными... Играйте теперь и будьте спокойны!»

Заканчивается водевиль хоромъ учениковъ на тему, что «въ проказахъ нѣтъ пути».

Сравнительная реальность нѣкоторыхъ сценокъ этого водевиля дѣлаетъ допустимымъ предположеніе, что въ основу его легло воспоминаніе о какомъ-то фактѣ гимназической жизни поэта *), хотя,

*) Не лишнее будетъ отмѣтить, что въ воспоминаніяхъ Горошкова говорится о проказахъ ярославскихъ гимназистовъ именно на урокахъ нѣмецкаго языка.

съ другой стороны, возможно, что «Великодушный поступокъ», подобно «Федѣ и Володѣ», не болѣе, какъ передѣлка какой-либо иностранной пьески. Тѣ отдающія прописной моралью нравоученія, которыя исходятъ изъ устъ «образцоваго педагога» г-на Миллера, едва-ли измышлены самимъ Некрасовымъ,—вѣрнѣе, что они откуда-то имъ заимствованы.

Несравненно большею оригинальностью, чѣмъ оба дѣтскіе водевиля, отличается также написанная для дѣтей «Сказка о царевнѣ Ясносвѣтѣ». По типу она вполнѣ соотвѣтствуетъ изданной въ 1840 году сказкѣ «Баба-яга», о которой мы уже упоминали. Это фантастическая поэма, разбавленная сильной струею комизма, содержаніе которой навѣяно отчасти образцами народной поэзіи, отчасти чтеніемъ сказокъ Жуковскаго, Пушкина, въ особенности «Конька-горбунка» Ершова и т. п. произведеній.

Бойко, въ чисто лубочномъ, однако, стилѣ, написанъ Некрасовымъ приступъ-прибаутка:

„Цыпъ, цыпъ, цыпъ! ко мнѣ, малютки,
Слушать сказки, прибаутки!
Ужъ чего мнѣ на вѣку
Не случалось, старику?
Дай Богъ памяти! Гисторій
Слышалъ пропасть! Какъ Егорій
Съ волкомъ дрался, какъ солдатъ
Вдругъ попалъ ни въ рай, ни въ адъ,
Какъ Русланъ съ Бовой сражался,
Какъ на чертѣ Карпъ катался,
Какъ, не для ради чего,
Чертъ взялъ душу у него!
Какъ Егору да Вавилѣ
Вѣдьмы ребра изломили;
Какъ пятокъ богатыревъ
Полонили сто полковъ;
Какъ Ягу прибилъ Данилычъ;
Сатана Сатанаилычъ
Какъ на землю нисходилъ,
Души добрыя мутилъ...
Какъ Иванъ коня-горбатку
Заставлялъ плясать въ присядку,
Какъ безстрашный царь Макаръ
Полонить ходилъ татаръ...
Какъ пощучьему велѣнью,
По Иванову прошенью
Ведры на гору взошли,
На потѣху всей земли...
Какъ онъ ѣздилъ на лежанкѣ,
Какъ держалъ колдунью въ банкѣ
Чернокнижникъ Змеуланъ,
Страхъ для всѣхъ окольныхъ странъ!!.“

Далѣе начинается самое повѣствованіе.

Царь Елисѣй мудро управлялъ своей страной, пользуясь любовью подданныхъ, для которыхъ устраивалъ постоянные пиры и праздненства. У него было нѣсколько дѣтей «умныхъ и добрыхъ, залихватскихъ, проживавшихъ въ чувствахъ брацкихъ»; старшаго сына, наслѣдника престола, звали Романомъ. Царь задумалъ его женить и для того, чтобы посовѣтоваться о невѣстѣ, собралъ «всѣ сословья». Никто изъ приглашенныхъ не могъ, однако, подать надлежащаго совѣта. Тогда всталъ нѣкій сѣдой мудрецъ и заявилъ, что у царя Ходинамеля проживаетъ царевна Ясносвѣта; она не простая смертная дѣвушка, а подлинная луна, сошедшая съ неба; «вотъ невѣста для Романа». Царь и царевичъ въ восторгѣ отъ открывшейся передъ ними перспективы породниться съ луной. Романъ на «пречудовой свиньюшкѣ», подаренной ему мудрецомъ, немедленно отправляется въ путь и благополучно добываетъ Ясносвѣту.

Вмѣстѣ съ нею онъ возвращается домой и застаетъ отца, окруженнаго многочисленными гостями, участниками предстоящаго брачнаго пира. Среди нихъ находится и «царь Пантелей, пожилой, не политичный, съ Елисеемъ закадычный», который никакъ не хочетъ повѣрить, что Ясносвѣта—подлинная луна. Елисѣй однако его не слушаетъ: «чтобъ скорѣй окончить дѣло и кутить опосля смѣло, въ честь счастливому концу, молодыхъ ведутъ къ вѣнцу... Обвѣнчали по порядку... Чуть не пляшетъ царь въ присядку, такъ онъ счастью сына радъ!» Каково же его разочарованіе, когда вечеромъ, въ разгарѣ брачнаго пира, «на небо выплываетъ миловидна и красна, словно прежняя, луна». Въ бѣшенствѣ царь призываетъ мудреца и съ «большимъ свирѣпствомъ» ругаетъ его волшебную науку. Не сдобровать бы и Ясносвѣтѣ, еслибы случайно не выяснилось, что она—дочь царя Пантелея, плѣненная въ былыя времена Ходинамелемъ. Это открытіе успокоило разгнѣваннаго Елисѣя:

„Всѣ четыре обнялися,
Быть вѣкъ въ мирѣ поклялися,
Безобидно проживать
Да деньжонки наживать.
Снова кубки заблистали,
Пить прилежнѣй вдвое стали
И пошелъ такой тутъ пиръ,
Что не зналъ подобныхъ міръ.
Я тамъ былъ три сряду ночи,
Ахъ, что было только мочи,
За стаканомъ пилъ стаканъ
И все не былъ сытъ и пьянъ“...

Въ этой сказкѣ цензоромъ Ольдекопомъ были сдѣланы нѣкоторыя купюры. Но цензоръ просмотрѣлъ или не сумѣлъ вытравить тотъ непочтительный, перемѣшанный съ издѣвкой тонъ, въ которомъ Некрасовъ говоритъ объ особахъ царственнаго происхожденія. И первый любовникъ сказки, Романъ, и царь Елисѣй въ изображеніи автора—плаксы и дурни. Такъ, Романъ, о которомъ было сказано ранѣе, что онъ «съ виду былъ другой Полканъ» и ходилъ «настоящимъ проемъ», услышавъ отъ отца о намѣреніи женить его,—«потупилъ очи

И заплакалъ, что есть мочи,
Такъ, что сердце у царя
Сжалось въ видѣ сухаря...“

Въ другой разъ Романъ также безпричинно заревѣлъ въ началѣ своего разговора съ Ходинамелемъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на этого послѣдняго, опредѣляется словами: «глупъ, какъ пѣшка!» Не случайно, съ другой стороны, авторъ заставляетъ Романа гарцовать вмѣсто коня на «пречудовой свинюшкѣ, ростомъ съ сдобную ватрушку»,—онъ, очевидно, усматриваетъ какую-то гармонію между ней и ея всадникомъ.

Елисѣй не уступаетъ въ плаксивости сыну. Тронутый разсказомъ Пантелея о пропавшей дочери, «Елисей великодушный заревѣлъ, какъ малодушный». Его глупость выражается въ плоскихъ «прибауткахъ», о которыхъ авторъ говоритъ: «хоть и нѣту въ нихъ пути! ну, да Богъ ему прости», а главнымъ образомъ въ легковѣріи, проявившемся хотя бы въ томъ, что онъ искренно былъ убѣжденъ, что Ясносвѣта—луна, и всерьезъ собирался «пугнуть солнце». Не даромъ, когда заблужденіе его было разоблачено, Пантелей съ хохотомъ сталъ такъ «порочить Елесю»: «Ну, братъ, сдѣлалъ ты чуху, уморишь всѣхъ со смѣху».

Каррикатурны также и имя, и обстановка жизни царя Ходинамеля. Вотъ что произошло при пріѣздѣ къ нему Романа:

„Нутка, царь Ходинамель,
Оставляй твою постель!
(Закричалъ дуракъ Емеля
И толкнулъ Ходинамеля).
Къ намъ царевичъ изъ чарморя
Прикатилъ размыкать горе,
Угощенья припаси,
Да садиться попроси!
Не разслышавъ хорошенько,
Разсердился царь маленько
И, вспыливъ на дурака,
Далъ въ загривокъ тумака...“

При взглядѣ на дочерей Ходинамеля Романъ, еще не замѣтившій Ясносвѣты, подумалъ:

„Знать, мудрецъ меня надулъ,
Или я теперь въ угарѣ,
Тутъ такія инда хари,
Что за чертовыхъ сестеръ
Ихъ признать, такъ не позоръ!“

Число подобныхъ цитатъ можно было бы значительно увеличить, но и приведенныхъ достаточно, чтобы иллюстрировать наше указаніе на вольнодумный душокъ разсматриваемаго произведенія. Разумѣется, здѣсь возможно говорить только объ очень относительномъ вольнодумствѣ, которое возможно усмотрѣть, лишь становясь на точку зрѣнія Николаевской цензуры. Во всякомъ случаѣ, наличность замѣтной сатирической струи въ «сказкѣ о царевнѣ Ясносвѣтѣ»—внѣ всякаго сомнѣнія. Стремленіе Некрасова къ сатирѣ проявлялось еще въ дѣтствѣ; сказалось оно, какъ мы знаемъ, и во время пребыванія его въ гимназіи.

Но въ гимназіи же Некрасовъ, по его собственному признанію, началъ читать романтиковъ и всему, что ни прочитывалъ, подражалъ. Вотъ почему первый сборникъ его стиховъ («Мечты и звуки») всецѣло проникнутъ романтизмомъ. Рѣзко-отрицательное отношеніе къ этому сборнику Бѣлинскаго и полное равнодушіе публики заставили поэта снова дать волю сатирическимъ элементамъ своего дарованія. Эти элементы проявились не только въ «Сказкѣ о Ясносвѣтѣ», но и въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, относящихся къ тому же 1840 году, напр., въ куплетахъ «Провинціальный подъячій въ Петербургѣ». Усиливаясь годъ отъ году, они въ концѣ концовъ заставили Некрасова окончательно порвать съ романтическими тенденціями и вывели его дарованіе на истинную дорогу, пріучивъ его съ гнѣвной насмѣшкой относиться къ явленіямъ окружающей жизни и сообщивъ его поэтическому глазу должную зоркость и наблюдательность. Изъ нижеслѣдующаго автографа Некрасова, представляющаго собой планъ ненаписанной автобіографіи, видно, что таковъ же былъ его собственный взглядъ на роль сатирическихъ и юмористическихъ стиховъ въ его поэтическомъ развитіи: «Началъ писать съ семи лѣтъ. Первые опыты сумбурны; вторые—подражательность бездушная... Юмор. стихи, съ признаками толку. Поворотъ къ правдѣ, явившійся отчасти отъ писанія прозой, крит. статей Бѣлинскаго, Боткина, Анненкова и др.».

Согласно этой классификаціи, которую можно не ограничивать стихами, а распространить и на другіе виды некрасовскаго творчества, водевиль «Федя и Володя» опредѣляется словами «подражательность бездушная»; несвободенъ отъ нея и водевиль «Великодушный поступокъ», хотя нѣкоторыя сценки его предвозвѣщаютъ грядущій «поворотъ къ правдѣ»; что же касается «Сказки о царевнѣ Ясносвѣтѣ», то она приближается къ типу «юмористическихъ стихотвореній, съ признаками толку». Конечно, дѣлая эти выводы, нельзя забывать, что разсматриваемыя произведенія едвали могутъ быть вполнѣ отнесены къ «свободному творчеству», такъ какъ писались исключительно ради хлѣба насущнаго.

II.

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о томъ, какъ складывалась и въ какой обстановкѣ протекала жизнь Некрасова въ началѣ 40-хъ годовъ. Тѣ біографическія данныя, которыя приводились въ началѣ статьи, относятся, преимущественно, къ предыдущему періоду, т. е. къ 1838—1840 годамъ... Благодаря любезности А. Ф. Кони, предоставившаго въ наше распоряженіе 4 неизданныхъ письма Некрасова къ его отцу Федору Алексѣевичу Кони, мы можемъ кое-что отвѣтить на этотъ вопросъ. Знакомство Некрасова съ Ф. Кони произошло, безъ сомнѣнія, благодаря Бенецкому, товарищу Кони по преподаванію въ дворянскомъ полку. В. Горленко, пользовавшійся авторитетными указаніями самого Кони, въ своей статьѣ «Литературные дебюты Некрасова» («Отеч. Зап.», 1878 г., № 12) разсказываетъ, что Кони, «услышавъ отъ Бенецкаго отзывъ о Некрасовѣ, какъ о юношѣ очень даровитомъ и начинающемъ поэтѣ, просилъ Бенецкаго познакомить его съ нимъ, что тотъ и исполнилъ». Кони пригласилъ Некрасова сотрудничать въ «Пантеонѣ»; это сотрудничество дало возможность ему бросить уроки, которыми онъ жилъ раньше, но обезпечивало его, повидимому, довольно слабо, иначе Некрасовъ не сталъ бы входить въ сношенія съ малокультурнымъ издателемъ «Пантеона», книгопродавцемъ Поляковымъ, и поставлять ему наспѣхъ сочиненныя пьесы и сказки.

Изъ писемъ Некрасова къ Кони, являющихся болѣе ранними хронологически, чѣмъ вся опубликованная до сихъ поръ переписка поэта, если не считать одного письма его къ сестрѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Звягиной отъ 9 ноября 1840 г., мы считаемъ нужнымъ привести подробныя выписки.

Первое письмо, писанное, по нашимъ разсчетамъ, въ срединѣ іюля 1841 года, интересно, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о близости, существовавшей тогда между Некрасовымъ и Кони. Вотъ оно:

«Почтеннѣйшій Федоръ Алексѣевичъ. Межъ тѣмъ, какъ Вы ежеминутно пьете наслажденія радости, счастья, любви, дружбы—я... тяжело болитъ сердце мое и угрожаетъ мнѣ еще тягостнѣйшими болями; грудь моя едва дышетъ подъ бременемъ лѣниваго бездѣйствія, изъ подъ вліянія котораго я только что на-дняхъ началъ нѣсколько выходить. Пишу къ вамъ потому, что, желая нетерпѣливо уѣхать изъ Петербурга, хочу знать, скоро ли вы воротитесь. Увѣдомьте меня навѣрное; мнѣ долго еще оставаться здѣсь нельзя. Разныя семейныя дѣла призываютъ меня въ Ярославль. Что касается до «Пантеона», то увѣдомляю Васъ, что первыя и третьи корректуры я читаю со всевозможной аккуратностью, 4-го іюля всѣ первыя корректуры для «Пантеона» были мной кончены и отосланы въ типографію, о чемъ можете вы сами удостовѣриться по пріѣздѣ. Однако же, не смотря на это, 4-ый № «Пантеона» еще не вышелъ и выйдетъ только въ понедѣльникъ, т. е. 14-го іюля. Это ужъ не моя вина. Вы хотѣли прислать корректуру Уголино: она теперь нужна. 17 и 50 лист. печатаются. Всѣ прочія статьи для 5 № мною заготовлены.

«Прощайте, командиръ, желаю вамъ веселиться и радоваться, какъ можно больше. Пожалуйста не забудьте увидѣть моего брата и дайте ему рублей сорокъ.

Остаюсь Вашъ настоящій, прошедшій и будущій
Н. Некрасовъ.

«P. S. Собака Ваша здорова. Межевичъ по прежнему дѣлаетъ пакости».

Слѣдующія два письма, отъ 16 августа и 25-го ноября 1841 г., были посланы Некрасовымъ изъ Ярославля, куда поэтъ выѣхалъ при извѣстіи о серьезной болѣзни матери, которую ему такъ и не удалось застать въ живыхъ. Поводомъ для этихъ писемъ послужила, съ одной стороны, сплетня, распущенная кѣмъ-то изъ общихъ знакомыхъ Некрасова и Кони и имѣвшая цѣлью поссорить ихъ между собою, а съ другой—желаніе выяснить на будущее время свою роль въ редакціяхъ «Пантеона» и «Литературной Газеты». Упомянутая сплетня, повидимому, основывалась

на четырехъ пунктахъ: 1) на жалобахъ Некрасова на неплатежъ ему денегъ Кони; 2) на недовольствѣ поэта тѣмъ, что Кони въ полемическую статью его противъ Межевича, позволившаго себѣ печатно разоблачить его псевдонимъ «Перепельскій», вставилъ много своего; 3) на яко-бы имѣвшихъ мѣсто переговорахъ Некрасова съ Булгаринымъ, заклятымъ врагомъ Кони, и 4) на критическомъ отношеніи его къ содержанію руководимой Кони «Литературной Газеты».

Нѣсколько раньше тотъ же, повидимому, сплетникъ распускалъ обидные для самолюбія Кони слухи о томъ, что Некрасовъ фактическій редакторъ «Пантеона», что онъ пишетъ за Кони статьи и исправляетъ написанное имъ.

Некрасовъ чувствовалъ себя многимъ обязаннымъ Кони; этотъ послѣдній былъ, надо думать, ему глубоко симпатиченъ, такъ какъ, отличаясь безконечною добротою, привѣтливостью, услужливостью, готовностью помочь всякому молодому таланту (отзывъ Арнольда изъ его воспоминаній), способенъ былъ внушить горячую симпатію; наконецъ, поэтъ еще не въ такой мѣрѣ упрочился на литературномъ поприщѣ, чтобы пренебрегать «покровительствомъ» авторитетнаго, имѣвшаго свой печатный органъ литератора *).

Вотъ основанія, по которымъ Некрасовъ, увидѣвшій изъ письма Кони, что навѣты ихъ общихъ недоброжелателей произвели на послѣдняго нѣкоторое впечатлѣніе, съ величайшею горячностью возсталъ противъ нихъ.

Считаю излишнимъ, почтеннѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, пи-

*) Слово покровительство не безъ намѣренія взято вами въ кавычки. Его употребилъ театральный рецензентъ „Сѣверной Пчелы“ (1841 г. № 108), который, расхваливъ водевиль Перепельскаго „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, сдѣлалъ попытку вооружить автора его противъ Кони. „Г. Некрасовъ—писалъ рецензентъ—вступилъ на драматическое поприще скромно, такъ скромно, что съ какимъ-то подобострастіемъ написалъ въ своемъ водевилѣ комплиментъ г. Кони... Смѣлѣе, г. Некрасовъ! идите своею дорогою! Зачѣмъ вамъ покровительство людей, которые сдва-ли сами не нуждаются въ вашемъ покровительствѣ, въ вашемъ талантѣ“. На этотъ выпадъ Некрасовъ въ своемъ большомъ письмѣ къ редактору „Литературной Газеты“ („Лит. Газ.“ № 66, 1841 г.) отвѣтилъ такимъ образомъ: „Между обвиненіями, вымышленными въ противоположность всякой истинѣ нашими недоброжелателями и повторяемыми г. Л. Л. въ сотый разъ совершенно не кстати, замѣтно желаніе показать, что вы мнѣ покровительствуете, и вооружить насъ другъ противъ друга. Если г. Л. Л. подъ словомъ покровительство разумѣетъ добрые совѣты и указанія начинающему заниматься литературою, я священнымъ для себя долгомъ поставляю въ удовольствіе сознаться, что вы мнѣ, дѣйствительно, покровительствуете“. Отсюда видно, что первая попытка поссорить Некрасова и Кони, предпринятая булгаринскими молодцами, потерпѣла полную неудачу.

салъ онъ 16 августа 1841 г., оправдываться передъ вами въ тѣхъ клеветахъ, которыя, какъ я догадываюсь, сообщены вамъ обо мнѣ однимъ моимъ хорошимъ пріятелемъ. Человѣкъ, которому Богъ не далъ ни ума, ни таланта и который нечаянно попалъ въ кругъ, гдѣ эти вещи необходимы,—по необходимости избралъ средство, которымъ держится покуда въ этомъ кругу. Смекнувъ сначала изъ того, что я хотѣлъ имѣть корректуру «Л. Г.», что я могу быть ему вреденъ, онъ всячески старался подружиться со мной... я тогда понялъ цѣль этой дружбы... Онъ же старался вооружить меня всячески противъ васъ, а васъ противъ меня. Для этого онъ избралъ самое хитрое средство. Еще въ прошломъ году онъ распускалъ нелѣпые слухи, что редакторъ «Пантеона» *я*, а не *вы*, что я пишу вамъ статьи и поправляю ваши... Разсчетъ его былъ самый вѣрный: еслибъ эти слухи дошли до васъ, то, разумѣется, вы бы подумали, что распустилъ ихъ я, а этого только ему и нужно было, чтобы вооружить васъ противъ меня. Много подобныхъ вещей дѣлалъ онъ... Я все понялъ, все видѣлъ и молчалъ до времени... Еслибы вы знали исторію съ запиской на Валенкампа и то, въ какомъ смыслѣ послѣдствія ея были распущены по городу, вы бы, можетъ быть, нѣсколько поняли, что это за человѣкъ и что говоритъ онъ объ васъ за глаза. Напрасно вы думаете, что я кричалъ по городу и жаловался на васъ касательно неплатежа денегъ. Необходимость заставила меня, по совѣту К. Е. Вельсберга, прибѣгнуть къ А. А. Краевскому, у котораго я и былъ на дачѣ. Ему я дѣйствительно сказалъ, что вы остались мнѣ должны и дали записку—больше ничего, увѣряю васъ. Неполученіе отъ васъ отвѣта, болѣзнь моей матери и другія семейныя обстоятельства заставили меня вторично прибѣгнуть къ Андрею Александровичу. Тогда я разсказалъ ему мое затруднительное положеніе, а касательно нашихъ отношеній съ вами только, что вы меня даже не удостоили отвѣта на письмо, въ которомъ я просилъ денегъ... Человѣкъ—не Богъ. Досада, огорченія и вообще обстоятельства, въ которыхъ я тогда находился, можетъ быть, дѣйствительно заставили меня сказать что-нибудь противъ васъ нашимъ общимъ знакомымъ, въ чемъ я и прошу у васъ прощенія. Но клянусь Богомъ и честью, что все, что я говорилъ, касалось только личныхъ нашихъ отношеній и нисколько не касалось, какъ вамъ внушили, вашего добраго имени. Я хочу объяснить вамъ все откровенно... Одинъ только разъ въ жизни сказалъ я объ

васъ нѣсколько рѣзкихъ словъ, но и ими, еслибы вы ихъ слышали, могла бы оскорбиться ваша гордость; ваше доброе имя, ваше благородство—очень хорошо мнѣ извѣстны; я всегда считалъ священною обязанностью защищать ихъ, а не унижать, потому что никогда не забывалъ, какъ много вамъ обязанъ... Да и для чего, скажите, сталъ бы я скрывать передъ вами... Еслибы я желалъ вамъ зла, я могъ бы дѣйствовать открыто. Но самыя эти строки доказываютъ, что я не врагъ вамъ. А на языкъ я, кажется, не до такой степени невоздержанъ, чтобы изъ одной страсти къ болтовству сталъ говорить гдѣ только можно дурное... и о комъ же?.. Неужели вы почитаете меня до такой степени испорченнымъ и низкимъ: я помню, что я былъ назадъ два года, какъ я жилъ... я понимаю теперь, могъ ли бы я выкарабкаться изъ сору и грязи безъ помощи вашей. Я не стыжусь признаться, что всѣмъ обязанъ вамъ: иначе я не писалъ бы этихъ строкъ, которыя навсегда могли бы остаться для меня уликою. Постараюсь объяснить вамъ еще нѣсколько данныхъ (т. е. моихъ словъ и поступковъ), къ которымъ, какъ я догадываюсь, привязались клевета и злословіе, чтобы очернить меня передъ вами. Я не скрывалъ и передъ вами нѣкотораго неудовольствія и нерѣшительности касательно письма моего противъ Межевича; это происходило оттого, что я въ этомъ дѣлѣ руководствовался не самимъ собой, а внушеніями другихъ. Я былъ подъ вліяніемъ этихъ внушеній, когда до меня дошли слухи о извѣстной вамъ *ошибочной ссылкѣ*, и на вопросъ А. А. Краевскаго, какъ это случилось, сказалъ ему, что *большую часть этого письма писали вы сами и что авторъ не можетъ отвѣчать за то, что заблагоразсудится вставить въ его статью редактору*. Не знаю, какъ это передали вамъ, но догадываюсь, что съ помощью сплетней изъ этого можно было сдѣлать многое. Вотъ еще данная. Зная страсть моего пріятеля К. Е. къ сплетнямъ, я шутя разсказалъ ему и другимъ, что былъ у Булгарина, рядился съ нимъ и проч. Ничего этого не было, увѣряю васъ честнымъ словомъ, но всему этому повѣрили и я увѣренъ, что все это передали вамъ съ большими прибавленіями. Еще былъ у насъ разговоръ съ Анд. Ал. о «Литературной Газетѣ», который заключался въ томъ, что «Л. Г.» и при васъ съ нѣкотораго времени нѣсколько страдала отъ переводныхъ статей и что теперь безъ васъ она совершенно сдѣлалась *иностранной газетой на русскомъ языкѣ*. Тутъ былъ третій: изъ этого также много

можно было сдѣлать искусному сплетнику. Я не считалъ нужнымъ таить этого мнѣнія: иначе я не написалъ бы его въ письмѣ къ вамъ...

«Совѣсть моя спокойна: я разсказалъ вамъ все, какъ было... Выводите заключенія, какія вамъ будетъ угодно...

«Я не буду до той поры спокоенъ, пока не получу отвѣта на это письмо; я надѣюсь, что оно хотя немного оправдаетъ меня въ глазáхъ вашихъ, чего я душевно желаю, потому что искренно уважаю васъ и боюсь, если вы будете обо мнѣ дурного мнѣнія. Кой въ чемъ я виноватъ, но, клянусь честью, я не сдѣлалъ ничего такого, что бъ могло повредить вамъ или чувствительно оскорбить васъ. Пусть Богъ судитъ *того или тѣхъ*, кто такъ удружилъ мнѣ. При томъ вы, кажется, достаточно знаете мой характеръ... ну неужели я могъ дойти до того, какимъ вамъ меня представили!.. Ради Бога, отвѣтьте мнѣ... Нужды нѣтъ, еслибы это было и послѣднее сношеніе между нами. Хоть ругайте, да отвѣчайте! Извините еще, что я оставилъ вамъ тогда нѣсколько грубое письмо: право, я думалъ, что вправѣ на васъ сердиться».

Приведенные отрывки содержатъ въ себѣ лишь ту часть письма, въ которой Некрасовъ оправдывается передъ Кони и говоритъ о своемъ отношеніи къ нему. Въ другой части его поэтъ приводитъ въ ясность, не будучи, повидимому, увѣренъ въ оборотѣ, какой приметъ весь этотъ инцидентъ въ дальнѣйшемъ теченіи, свои литературныя обязательства съ Кони и въ то же время, очевидно, на случай полной ликвидаціи происшедшихъ недоразумѣній касается вопроса объ условіяхъ своего дальнѣйшаго сотрудничества въ его изданіяхъ. Этотъ вопросъ возбуждался имъ уже ранѣе въ особомъ письмѣ, не сохранившемся, къ сожалѣнію, въ архивѣ редактора «Пантеона» и «Литературной Газеты», и теперь Некрасовъ лишь продолжаетъ его обсуждать.

«Не корысть была—пишетъ онъ—причиной этихъ условій, а, повѣрьте, желаніе быть, сколько я могу, полезнымъ «Л. Г.»; условія, на которыхъ до того я работалъ у васъ, были мнѣ гораздо выгоднѣе... я могъ писать, сколько хочу, и при томъ, когда хочу, *а не когда нужно газетѣ* Что хочу, *а не то, въ чемъ болье есть нужды.* Чего бы для меня лучше? но я видѣлъ, что отъ этого я не столько полезенъ газетѣ, сколько бы могъ, и добросовѣстно рѣшился связать самого себя условіями: вы поняли мое предложеніе въ другомъ смыслѣ... что дѣлать! Въ

«Пантеонъ» я обязался писать 12 листовъ въ годъ и исполнилъ бы обѣщаніе, еслибы занимался цѣлый годъ. Денегъ, по моему разсчету, за вышедшія книжки я не взялъ ни гроша больше слѣдующихъ по условію. За то, что вмѣсто 4-хъ листовъ я написалъ 3, я прочелъ 43 листа корректуры, тогда какъ треть изданія должна ограничиться 30-ю по условію; при томъ я ходилъ въ бенефисъ на свои деньги. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ готовъ отдать въ «Пантеонъ» эти водевили и такъ, если по возвращеніи моемъ въ Петербургъ должность при «Пантеонѣ» будетъ возвращена мнѣ на прежнихъ условіяхъ и если въ видѣ займа вы дадите А. М. Наумову 150 р. на выкупъ извѣстной вамъ вещи моей. Денегъ я рѣшительно не имѣю, а за эти полтораста рублей въ непродолжительномъ времени пришлю вамъ два печатныхъ листа для «Л. Г.», если вы еще удостоите принять мой трудъ въ свою газету... Это послѣднее одолженіе, котораго я осмѣливаюсь просить у васъ, это послѣдній разсчетъ мой съ вами, если мое искреннее добросовѣстное изложеніе дѣла и признаніе во всѣхъ грѣсѣхъ моихъ не побѣдитъ въ васъ неудовольствіе ко мнѣ и если вы по прежнему будете вѣрить сплетнямъ и клеветамъ, распускаемымъ обо мнѣ моими пріятелями. Не думайте также, что какіе-нибудь разсчеты побудили меня къ этому письму. Положеніе мое теперь таково, что мнѣ собственно для себя не зачѣмъ торопиться въ Петербургъ; присутствіе мое дома гораздо нужнѣе. Моя мать умерла за три дня до моего пріѣзда; отецъ мой постоянно боленъ; братья еще малы; все это могло бы удержать меня здѣсь надолго, но дѣло въ томъ, что здѣсь мнѣ скучно и я готовъ возвратиться въ Петербургъ при первой видимой возможности существовать тамъ безбѣдно. Теперь о *Звонарѣ*. По совѣту вашему я съ помощью одного моего пріятеля передѣлалъ весьма плохой переводъ этой драмы. Желая получить какое-нибудь вознагражденіе за свой трудъ, я продалъ эту драму на бенефисъ Толченова за двѣсти рублей, предоставляя мою передѣлку «Пантеону» безденежно. Но я слышалъ, что вы этимъ недовольны, а потому вмѣстѣ съ симъ же письмомъ я пишу къ Толченову, что вы, имѣя болѣе моего правъ на эту драму, не желаете, чтобы она была дана, а потому прошу его передѣлку мою уничтожить и пріискать себѣ для бенефиса что-нибудь другое, что онъ и сдѣлаетъ, потому что денегъ я еще не получилъ. Этимъ я надѣюсь успокоить васъ касательно «*Звонаря*». Кстати о Толче-

новѣ. Въ его же бенефисъ пойдетъ мой водевиль въ 2-хъ актахъ (*«Рыжій человѣкъ»*), который я обѣщалъ ему написать за двѣсти рублей, и получилъ пятьдесятъ рублей задатку. Я его скоро пришлю; если онъ вамъ понравится, то я тотчасъ съ удовольствіемъ уступлю его «Пантеону». Рукописи ваши всѣ, какія только у меня были, я приказалъ отнести къ вамъ... Книги, о которыхъ вы упоминаете, будутъ къ вамъ доставлены Наумовымъ. Если вы раздумаете меня лишить двухъ сотъ рублей (изъ которыхъ, пожалуй, половину я готовъ принять въ плату моихъ будущихъ трудовъ), то увѣдомьте объ этомъ Толченова, котораго сынъ, вѣроятно, и самъ зайдетъ къ вамъ».

Отвѣтъ Кони лишь до нѣкоторой степени оправдалъ надежды Некрасова: исторію со сплетней Кони, повидимому, охотно предалъ забвенію, но на предложеніе Ник. А—ча считать его «постояннымъ сотрудникомъ» своихъ изданій не согласился. Поэтому въ новомъ письмѣ Некрасова, наряду съ искреннею радостью по поводу ликвидаціи непріятнаго для него инцидента, чувствуется нѣкоторая обида—естественное слѣдствіе оскорбленнаго отказомъ Кони самолюбія.

«Любезнѣйшій и добрѣйшій Федоръ Алексѣевичъ!—такъ начинаетъ онъ свое посланіе.—Благодарю васъ за ваше письмо. Оно меня порадовало хоть въ томъ отношеніи, что я увидѣлъ, съ какимъ добрымъ и благороднымъ человѣкомъ имѣю дѣло. Дѣйствительно, еслибы другому на вашемъ мѣстѣ было наклеветано на меня столько, то едва ли бы онъ сильно не поколебался во мнѣніи обо мнѣ, не смотря на работу мою, которую я сознаю въ душѣ моей. Впрочемъ, я не знаю еще, было ли ваше письмо слѣдствіемъ тщательнаго разсмотрѣнія дѣла и выгодныхъ для меня результатовъ или, можетъ быть, оно есть только слѣдствіе законовъ приличія и снисходительности... Касательно другихъ пунктовъ письма... что сказать о нихъ? И тутъ я долженъ начать съ благодарностью за объясненіе всего *напрямикъ*. Сколько могъ я понять—въ постоянные сотрудники я вамъ не гожусь, я могу писать, когда вздумается, то есть, другими словами, мои отношенія съ вашей газетой могутъ быть только такія, какъ и со всякимъ другимъ журналомъ: написавъ что-нибудь, я могу отослать, въ который мнѣ угодно журналъ, пожалуй, и въ «Л. Г.» Вотъ какое вы даете мнѣ право. Въ исчисленіи достоинствъ вашего будущаго сотрудника вы намекаете мнѣ, что во мнѣ не достаетъ аккуратности, дѣятельно-

сти, постоянной любви къ труду, и мало еще чего, даже и таланта, какъ, кажется, намекаютъ нѣкоторыя слова письма. Согласенъ со всѣмъ, но спрашиваю, найдете ли вы человѣка, который имѣлъ бы всѣ такія качества... Не знаю... О себѣ скажу, что могу быть лучше, гораздо, смѣю сказать, того, какимъ былъ въ нынѣшнемъ году, но такимъ, какого вы нарисовали, быть во всѣхъ отношеніяхъ не ручаюсь. По тому, какъ я доселѣ работалъ у васъ, обо мнѣ не судите. Это дѣло другое. Вспомните, что я ни къ чему *не обязывался*, а поступалъ по произволу. При томъ, не имѣя ничего вѣрнаго, я метался изъ стороны въ сторону, притомъ еще... Вы на меня смотрѣли, какъ на работника, и я служилъ вамъ, какъ работникъ... Скажу, что если бы я далъ кому слово быть аккуратнымъ, дѣятельнымъ, постоянно вѣрнымъ его пользамъ, то собственная выгода и уваженіе къ самому себѣ были бы достаточными побужденіями къ исполненію обѣщанія по мѣрѣ силъ и возможности. Въ разсужденіи средствъ своихъ скажу, что если мнѣ Богъ далъ хоть искру таланта, то возможные плоды его были бы посвящены на пользу такого человѣка».

Къ вопросу о несостоявшемся «постоянномъ сотрудничествѣ» своемъ въ изданіяхъ Кони, Некрасовъ возвращается и въ самомъ концѣ письма.

«Прощайте—до свиданія скораго, добрый Федоръ Алексѣевичъ—пишетъ онъ здѣсь.—Желаю вамъ здоровья, успѣха въ дѣлахъ, душевнаго спокойствія и такого сотрудника, идеалъ котораго вы изобразили въ вашемъ письмѣ. Или, можетъ быть, вы нашли его въ Сорокинѣ... Не знаю, только скажу откровенно, что онъ мнѣ не нравился сильно еще и тогда, когда не былъ вашимъ сотрудникомъ. Съ глубокимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью остаюсь истинно любящій васъ и уважающій

Н. Некрасовъ».

Цитируемое письмо (отъ 25 ноября 1841 г.) интересно еще и въ другомъ отношеніи. Въ немъ Некрасовъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своихъ литературныхъ замыслахъ и касается обвиненія въ плагіатѣ *), предъявленнаго къ нему «Сѣверной Пчелой», въ

*) Когда окончательно выяснилось, что поссорить Некрасова съ Кони не удается, отношеніе къ нему рыцарей „Сѣверной Пчелы“ рѣзко измѣнилось: первоначально булгаринская газета расхваливала „неподдѣльное дарованіе“ молодого автора („Сѣв. Пч.“ 1841 г., № 108, рецензія о вод. „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“), а затѣмъ обвинила его въ плагіатѣ. Въ рецензіи объ „Актерѣ“ говорится: „Онъ (т. е. Некрасовъ), также передѣлавъ французскій

рецензіи на только что поставленный на сценѣ его водевиль «Актеръ».

«Хотѣлъ я вамъ послать нѣсколько статеекъ, но всѣ онѣ не дописаны, не переписаны, а заняться теперь ими некогда, потому что теперь послѣднее время порошъ и я съ утра до вечера на полѣ,—травлю и бью зайцевъ... Это моя страсть, въ этомъ занятіи я провелъ все время пребыванія здѣсь; въ городѣ былъ не больше трехъ дней... Есть у меня готовая повѣсть *Антонъ*, но она слишкомъ велика—листовъ пять печатныхъ... развѣ въ будущій годъ годится. Написалъ драму въ четырехъ актахъ, да кажется неудачно... Водевиль въ трехъ актахъ давно началъ, да все еще не соберусь кончить. Потерявъ надежду на постоянную работу, я тороплюсь наготовить разныхъ произведеній, которыя можно было бы продать пошгучно, для выручки денегъ на содержаніе своей особы. На дняхъ здѣсь откроютъ театръ, вновь выстроенный, идетъ «Синичкинъ», пришлю статью, также и о концертѣ, что былъ здѣсь вчера... Собралъ также нѣсколько уморительныхъ книженокъ, напечатанныхъ въ Ярославлѣ,—пишу о нихъ статью подъ заглавіемъ—*Яр. литература*; все пришлю скоро, если не привезу самъ. Собираюсь въ началѣ декабря выѣхать непремѣнно. На Глинку, какъ на порядочнаго человѣка, положился я и оставилъ на его попеченіе мебель и разныхъ вещей, по крайности, на 150 рублей, а онъ, говорятъ, все заложилъ... Пріѣду въ Петербургъ—ни кола, ни двора, ни пристанища... Если вы все еще думаете перемѣнить квартиру, то не случится ли при ней пары лишнихъ комнатъ для меня, буду благодаренъ. П. И. Григорьева успокойте тѣмъ, что я по пріѣздѣ сейчасъ же расплачусь съ портнымъ... Да тамъ есть два водевиля мои, которые оба, кажется, имѣли успѣхъ; неужели за нихъ Песоцкій не дастъ и 100 руб. Скажите объ этомъ Григорьеву. Я послалъ Краевскому «*Опыта. Женщину*», и денегъ за нее просить совѣщусь, потому что предварительно объ этомъ не говорилъ... Не знаю, какъ онъ объ этомъ думаетъ. «Лит. Газету» я здѣсь наконецъ досталъ и нѣкоторыя статьи читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Хорошо, ей Богу,

---

водевиль извѣстнаго автора, актера и живописца Монье „La famille improvisée“, назвалъ его оригинальнымъ водевилемъ“ (см. „Сѣв. Пч.“, 1841, № 246). Въ этой же рецензіи Межевичъ, разсказывая о томъ, какъ Некрасовъ являлся къ нему съ книжкой своихъ стиховъ—„Мечты и звуки“, дастъ понять читателю, что Некрасовъ будто бы просилъ у него благожелательнаго отзыва для своей книжки.

хорошо отдѣланъ Булгаринъ за пеесу, и Нес. В. не хуже. Вотъ, я думаю, озвѣрились они, сердечные. Вчера только я прочелъ въ «Пчелѣ» брань своему *Актеру*. Мерзавецъ Межевичъ опять кругомъ навралъ и можетъ быть уличенъ. Съ стихами на поклонъ не только къ нему, но и къ другимъ журналамъ я не ходилъ: ходилъ я только съ книгой своей къ одному редактору Пол. Газеты, г. Межевичу, для того, чтобы онъ опубликовалъ о моей книгѣ въ газетѣ (за что и заплатилъ 2 р. 40 к.), а не для прошенія совѣтовъ и защиты, въ которыхъ я не нуждаюсь. Франц. Вод. я въ глаза не видалъ, да и наз. онъ *оригин.* не мной, а Самойловымъ, на произволъ котораго я оставилъ пьесу, уѣхавъ изъ Петербурга, и мало ли можно найти еще опроверженій... Можетъ быть, пришлю статейку».

Приведенные отрывки, обнимающіе почти цѣликомъ содержаніе этихъ двухъ писемъ Некрасова къ Кони, представляются намъ весьма важными для характеристики какъ внѣшнихъ условій жизни, такъ и міросозерцанія ихъ двадцатилѣтняго автора. Они убѣждаютъ, прежде всего, въ томъ, что борьба за существованіе, борьба за кусокъ хлѣба, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, поглощала всю энергію молодого Некрасова, несмотря на то, что, благодаря поддержкѣ, оказанной ему Кони, обстоятельства все же нѣсколько улучшились, и онъ уже «выкарабкался изъ сору и грязи». Выкарабкался, но принужденъ былъ употреблять героическія усилія, чтобы не попасть туда вновь. Иначе не пришлось бы ему принимать такъ близко къ сердцу неаккуратную уплату гонорара Кони, что, какъ мы видѣли, едва не испортило ихъ отношеній. Иначе ему не пришлось бы отдавать въ залогъ свои вещи, а затѣмъ, «рѣшительно не имѣя денегъ», выпрашивать 150 рублей у того же Кони, выпрашивать ихъ въ моментъ размолвки съ нимъ, обѣщая выплатить долгъ двумя печатными листами для «Литер. Газеты», если Кони «удостоитъ» принять его трудъ въ свои изданія. Иначе ему не пришлось бы переводную пьесу, на которую Кони имѣлъ, по его собственному сознанію, большія права, чѣмъ онъ, продавать для бенефиса александринскому актеру, а потомъ, въ виду протеста Кони, требовать ее отъ покупателя обратно. Не пришлось бы ему также, сводя литературное творчество на степень чуть ли не механическаго ремесла, «торопиться наготовить разныхъ произведеній, которыя можно было бы продать поштучно, для выручки денегъ

на-содержаніе своей особы». Гдѣ ужъ тутъ до свободнаго вдохновенія, когда то или другое произведеніе молодого писателя волей-неволей разсматривалось имъ съ той точки зрѣнія, дастъ или не дастъ Песоцкій за него, а то и за пару ихъ,—100 р., которые необходимы, чтобы расплатиться съ портнымъ. Вращаться въ это время Некрасову приходилось среди литературныхъ подонковъ и имѣть «пріятелями» людей, которые способны были заложить не принадлежащее имъ имущество или прибѣгнуть къ сплетнѣ, какъ къ средству устранить возможнаго конкурента.

Семейныя обстоятельства юнаго писателя сложились такимъ образомъ, что ему «собственно для себя не зачѣмъ было торопиться въ Петербургъ», его «присутствіе дома», вслѣдствіе смерти матери, плохого здоровья отца, молодости братьевъ, представлялось весьма нужнымъ. Въ родовой же деревнѣ Некрасовъ могъ жить бариномъ, проводя цѣлые дни на охотѣ, любовь къ которой онъ опредѣляетъ, какъ «страсть». Но тѣмъ не менѣе Некрасова неудержимо влечетъ обратно въ Петербургъ, гдѣ онъ еще такъ недавно велъ почти что бродяжническую жизнь; ему «скучно» въ деревнѣ, и онъ ждетъ «первой видимой возможности», чтобы проститься съ отцовской усадьбой. Что же въ данномъ случаѣ могло руководить Некрасовымъ? Для насъ отвѣтъ ясенъ—глубокая и искренняя любовь къ литературѣ. Занятіе ею для недостигшаго совершеннолѣтія юноши было уже «благороднымъ занятіемъ» (см. письмо Некрасова къ Кони въ «Литер. Газетѣ», № 66), причемъ достойно носить званіе писателя могъ, по его мнѣнію, лишь человѣкъ съ «постояннымъ мнѣніемъ, какъ слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія». Подобный взглядъ на литературу, далеко не общераспространенный въ глухое лихолѣтіе николаевскаго царствованія, позволяетъ видѣть въ Некрасовѣ прирожденнаго литератора, находившаго въ «благородномъ занятіи литературой» исходъ высшимъ потребностямъ своей духовной природы. Къ чести начинающаго писателя служитъ и вполнѣ сознательное отношеніе его къ своимъ собственнымъ литературнымъ трудамъ. Не даромъ онъ проситъ Кони не судить о немъ по тому, какъ онъ «доселѣ работалъ»,—ему вѣдь, «не имѣя ничего вѣрнаго», приходилось «метаться изъ стороны въ сторону», а, кромѣ того, его угнетала мысль, что на него смотрятъ «какъ на работника». «О себѣ скажу,—восклицаетъ Некрасовъ съ глубокимъ убѣжденіемъ—что могу быть лучше, гораздо, смѣю сказать, того, какимъ былъ въ нынѣшнемъ году!»

Но для того, чтобы стать лучше, ему необходимъ былъ хоть небольшой, но опредѣленный заработокъ, и отсюда-то и проистекало его настойчивое желаніе попасть въ постоянные сотрудники къ Кони, осуществленіе котораго, упрочивъ хоть до нѣкоторой степени его матеріальное положеніе, избавило бы его отъ унизительнаго лавированія между Кони и Краевскимъ, а главное, развязало бы ему руки уже не для поштучной, а для настоящей литературной работы. Едва-ли можно сомнѣваться, что Некрасовъ, несмотря на свой юный возрастъ, обладалъ уже достаточными для такой работы данными. Нѣкоторые изъ его водевилей (напр. «Шила въ мѣшкѣ не утаишь» и, въ особенности, «Актеръ»), съ нашей точки зрѣнія, произведенія вполнѣ заурядныя, имѣли въ свое время такой успѣхъ, что Некрасовъ не могъ не пользоваться въ среднихъ литературныхъ кругахъ репутаціей талантливаго, во всякомъ случаѣ, подающаго надежды писателя. Затѣмъ нельзя не поставить въ заслугу Некрасову и того, что онъ, не получивъ болѣе или менѣе солиднаго и систематическаго образованія, будучи съ 16-ти лѣтъ заброшенъ въ атмосферу «петербургскихъ угловъ», сумѣлъ, однако, выработать себѣ опредѣленное литературно-общественное credo. Съ нѣкоторыми изъ его взглядовъ мы только что познакомились, ссылаясь на его печатное письмо къ Кони. Не менѣе характерно для Некрасова начала 40-хъ годовъ и отрицательное отношеніе къ Булгарину и «Нес. В.» (т. е. Нестору Васильевичу Кукольнику), общепризнаннымъ бардамъ партіи «оффиціальной народности», лицемѣрно патріотическіе выклики которыхъ не могли не возбуждать брезгливаго чувства среди всѣхъ мало-мальски разбирающихся въ вопросахъ современной общественности людей. Къ числу послѣднихъ, безспорно, принадлежалъ и Некрасовъ, радостно привѣтствовавшій неблагопріятный отзывъ «Лит. Газеты» объ этихъ писателяхъ.

Что касается личныхъ свойствъ Ник. А—ча въ разсматриваемый періодъ его жизни, то они во всякомъ случаѣ не были таковы, чтобы служить препятствіемъ для его постояннаго сотрудничества у Кони. Такъ, напр., если даже допустить, что юношеская экспансивность Некрасова и приводила его иногда къ излишнему «болтовству», то письма его къ Кони показываютъ, что онъ умѣлъ чистосердечно сознаваться въ своей винѣ. Съ другой стороны, при поверхностномъ просмотрѣ этихъ писемъ, можетъ показаться, что Некрасовъ, слишкомъ часто обращаясь къ денежнымъ разсче-

тамъ, не проявляетъ въ нихъ должнаго безкорыстія. Думается, что такое заключеніе было бы глубоко ошибочнымъ. Какъ легко, напримѣръ, онъ соглашается уничтожить свою сдѣлку насчетъ драмы «Звонарь», за которую ему предстояло получить 200 руб.,— очень крупную сумму для его тогдашняго бюджета,—по первому же слуху о недовольствѣ Кони этой сдѣлкой. Еще болѣе рекомендуетъ денежную щепетильность бѣдняка-Некрасова то, что онъ совѣстился просить у Краевскаго денегъ за свою повѣсть «Опытная женщина», помѣщенную въ «Отеч. Запискахъ» (1841 г., XVIII, стр. 311), только потому, что «предварительно объ этомъ не говорилъ»... Если Некрасовъ, тѣмъ не менѣе, нѣтъ-нѣтъ, да и возвращался къ вопросу о деньгахъ, то это, безъ сомнѣнія, вызывалось ихъ «рѣшительнымъ» отсутствіемъ», причемъ мы имѣемъ основаніе утверждать, что ему пришлось немало перестрадать, пока онъ пріобрѣлъ привычку, не отставая отъ другихъ, «хлопотать» и «торговаться на рынкѣ свѣта». Это выраженіе заимствовано нами изъ письма Некрасова къ его сестрѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, по мужу Звягиной, отъ 9 ноября 1840 г., которое является самымъ раннимъ изъ всѣхъ опубликованныхъ писемъ поэта. Этотъ въ высшей степени интересный біографическій документъ, появившійся на страницахъ спеціальнаго журнала («Русская Старина», 1899 г., № 2), ярко отражаетъ ту душевную борьбу, которую пришлось пережить Некрасову, прежде чѣмъ онъ отрѣшился отъ юношескаго романтизма и перешелъ къ прозаическому взгляду на жизнь, разсыпавшую на его пути очень мало розъ и очень много терній. Описывая овладѣвшія имъ скуку и грусть, подъ вліяніемъ которыхъ ему «опротивѣли его занятія», и «всѣ предположенія показались жалкими», Некрасовъ продолжаетъ: «я сожалѣлъ, досадовалъ, что такъ сильно увлекся пустою суетностью, я писалъ:

Грустно... совсѣмъ въ суетѣ утонулъ я,
Бѣдному сердцу простора я не далъ...
Тяжко... за что самъ себя обманулъ я...
Самъ себя мрачнымъ терзаніямъ предалъ?

«Все мнѣ кажется мелкимъ, ничтожнымъ... Я вмѣшался въ пеструю толпу людей, у которыхъ не моя цѣль, я увлекся общимъ потокомъ и не отстаю отъ другихъ, хлопочу, торгуюсь на рынкѣ свѣта.

А дни летятъ... Слой пыли гуще, шире
День ото дня на позабытой лирѣ...

Порой возьму: по струнамъ пробѣгу,
Но ужъ ни пѣть, ни плакать не могу,
Ни забывать душевной тяжкой муки;
Твердятъ укоръ разорванные звуки,
И я отъ лиры прочь бѣгу!
Бѣгу... Куда? Въ торгъ суетности шумной,
Чтобъ заглушить тоску души безумной...
Бѣгу туда, гдѣ плачетъ нищета,
Гдѣ свѣтелъ ликъ богатаго шута...
Бѣгу затѣмъ, чтобъ дать душѣ уроки,
Пренебрегать правдивые упреки,
Когда желаетъ быть сыта!

Тяжела борьба души съ тѣломъ, тяжела борьба человѣка съ самимъ собою. Нѣтъ, не буду больше думать объ этомъ, пойду, опять брошусь въ общій потокъ... Несите меня, несите, волны суетности, къ вашей глупой цѣли... я опять вашъ... опять.

Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа для мысли, для мечты...
Зачѣмъ? На что? Безъ цѣли, безъ охоты!
Лишь боль въ костяхъ отъ суетной работы,
Да въ сердцѣ бездна пустоты!

Но что нужды! За то я не буду имѣть права жаловаться на жизнь, не буду глупцомъ въ глазахъ другихъ. Иногда, какъ теперь, я оглянусь назадъ, загляну въ тайникъ души и, вѣрно, ужаснусь, заплачу... Мнѣ будетъ стыдно самого себя, но что дѣлать»... и т. д., и т. п.

Такъ тяжело давалось автору романтическихъ стиховъ сборника «Мечты и звуки» перевоплощеніе въ куплетиста Феоктиста Онуфріевича Боба и водевилиста Перепельскаго.

Къ тому времени, къ которому относятся вышеприведенныя письма къ Кони, боль отъ раны, нанесенной этимъ перевоплощеніемъ, утихла,—тѣмъ болѣе, что Некрасовъ и въ новой роли сохранилъ *) свой взглядъ на литературу, какъ на «занятіе благородное». Если что его и продолжало мучить, такъ это сознаніе, что внѣшнія обстоятельства препятствуютъ развитію его литературнаго дарованія, мѣшая ему «стать лучше». Но и эти обстоятельства начали мало-по-малу мѣняться въ благопріятную для поэта сторону. Послѣднее изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи и относящееся уже къ 1842 году письмо Некрасова къ тому же Кони убѣждаетъ, что всякая тѣнь отъ размолвки, создан-

*) Мы говоримъ „сохранилъ“, такъ какъ въ сборникѣ „Мечты и звуки“ есть нѣсколько стихотвореній, превозносящихъ назначеніе поэзіи и ея жрецовъ.

ной пріятельскими сплетнями, черезъ какіе-нибудь полгода совершенно исчезла и Некрасовъ занялъ въ редакціяхъ «Пантеона» и «Литературной Газеты» такое положеніе, которое позволяло Кони на время своихъ отлучекъ изъ Петербурга ему, а не кому бы то ни было другому, довѣрять отвѣтственныя функціи своего замѣстителя. Тонъ и содержаніе этого письма отличаются теплотою и сердечностью. Въ немъ поднимаются такіе вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о совмѣстномъ сочинительствѣ 4-актной комедіи «Столбиковъ», самая постановка которыхъ возможна лишь между людьми, другъ другу довѣряющими и отлично между собой спѣвшимися. Приводимъ его полностью:

«Почтеннѣйшій Федоръ Алексѣевичъ! Вотъ къ вамъ еще весьма важная просьба. Мы начали съ П. И. Григорьевымъ для его бенефиса комедію-водевиль въ 4-хъ актахъ подъ названіемъ *Столбиковъ*, въ полной увѣренности, что вы не откажетесь также написать актъ или хоть сценки двѣ-три. Такое соединеніе именъ, еще небывалое на русской афишкѣ, можетъ принести существенную пользу бенефиціанту. Вотъ мы писали и поджидали васъ, но между тѣмъ васъ нѣтъ и, можетъ быть, вы еще нескоро будете, а время уходитъ, бенефисъ 4-го мая. У насъ просто руки опустились и, чтобы не терять долго времени, прибѣгаемъ къ вамъ съ усерднѣйшею просьбою. Напишите въ Столбикова сколько вамъ позволитъ время и пришлите къ намъ. Пьеса дѣлается не наскоро и не кое-какъ, а потому будетъ, кажется, не дурна, особенно если вы приложите къ ней руку на нѣсколько страницъ прозы и куплетовъ. Будьте же столь великодушны. Вы и Григорьеву обѣщали водевиль, такъ ужъ не откажите въ нашей просьбѣ. Прошу васъ отъ имени бенефиціанта и отъ своего, которое безъ вашего на афишѣ будетъ сиротствовать. Пришлите намъ поскорѣе отвѣтъ, не мучьте неизвѣстностью.

«Я съ своей стороны прилагаю и буду прилагать свои старанія относительно «Лит. Газ.», сколько хватитъ силъ моихъ. Въ посланномъ вчера письмѣ я просилъ васъ прислать мнѣ денегъ; оную просьбу повторяю, ибо оныхъ денегъ у меня нѣтъ. Также прошу васъ разрѣшить нѣкоторыя недоразумѣнія касательно «Пантеона», изложенныя въ томъ письмѣ. Да вотъ еще что: у насъ уже давно очень не было картинки модъ при газетѣ. Къ Краевскому хожу каждую недѣлю на совѣтъ о составленіи нумеровъ «Лит. Газ.»; онъ свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе. Пришлите денегъ бѣс-

нующемуся Вельсбергу; онъ грозитъ бросить корректуру. Остаюсь весь Вашъ Н. Некрасовъ.

2 апрѣля 1842 г.

Изъ этого письма видно, что молодой писатель попалъ, наконецъ, въ колею не случайной, а постоянной и систематической журнальной работы. Онъ чувствовалъ себя въ своей стихіи, ибо былъ прирожденнымъ журналистомъ, и всѣй своей послѣдующей жизнью доказалъ, насколько правильно поступилъ, не поддавшись искушенію сытаго и разгульнаго, но лишеннаго серьезнаго внутренняго содержанія житья-бытья въ отцовской деревнѣ. Уже незадолго до смерти, озирая пройденный имъ «оный путь—журнальный путь», Некрасовъ хотя и сознавался, что на этомъ пути «шагу мы не ступимъ безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей», но въ то же время крѣпко вѣрилъ, что на немъ «мы снисхожденье купимъ трудомъ у мыслящихъ людей,

Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да! будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасному бездѣлью
Остатокъ жизни отдавать."

Приведенныя нами письма Некрасова къ Коши свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ держался этого мнѣнія не только подъ старость, будучи знаменитымъ поэтомъ, стихами котораго зачитывалась вся культурная Россія, и общепризнаннымъ главою русской прогрессивной журналистики,—но и въ юные годы, когда ни полуголодное существованіе литературнаго пролетарія, ни тяжелыя впечатлѣнія окружающей среды, ни «клевета ядовитая» друзей, ни травля враговъ не могли, какъ мы видѣли, увлечь его въ сторону «безопаснаго бездѣлья».

Н. А. НЕКРАСОВЪ ВЪ РОЛИ РЕДАКТОРА-ИЗДАТЕЛЯ „СОВРЕМЕННИКА“.

Не тужи! Какъ умремъ,
Кто-нибудь и объ насъ проболтается
Добрымъ словцомъ...

Сотрудничество Некрасова въ журналахъ началось, какъ извѣстно, съ конца 30-хъ годовъ. Первоначально оно имѣло чисто случайный характеръ, выражаясь въ помѣщеніи небольшихъ, по-преимуществу стихотворныхъ, произведеній въ такихъ изданіяхъ, какъ «Сынъ Отечества», «Литературная Газета», «Прибавленіе къ Инвалиду»; но года черезъ два-три послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, Некрасовъ, какъ мы знаемъ, уже дѣлается постояннымъ сотрудникомъ довольно солиднаго органа «Пантеона русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ». Однако, «Пантеонъ» съ его тяготѣніемъ къ вопросамъ искусства, въ частности театра, представлялъ собою слишкомъ узкое поприще для Некрасова, котораго въ серединѣ 40-хъ годовъ, не безъ вліянія, надо думать, его новаго знакомца Бѣлинскаго, стало неудержимо тянуть какъ къ публицистическому обсужденію, такъ и художественному отображенію вопросовъ современной общественности. Небезынтересны въ этомъ отношеніи изданные Некрасовымъ, въ періодъ отъ 1843 по 1846 годъ, четыре альманаха. Въ первомъ изъ нихъ («Статейки въ стихахъ безъ картинокъ»), сравнительно слабо, а въ остальныхъ («Физіологія Петербурга», «Первое апрѣля», «Петербургскій Сборникъ») уже довольно замѣтно звучитъ опредѣленная общественная нота. Недаромъ издатель альманаховъ сумѣлъ привлечь къ участію въ нихъ такихъ ярко-выраженныхъ писателей-общественниковъ, какъ Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Герценъ и Григоровичъ, не даромъ онъ самъ помѣщалъ въ нихъ и ѣдкія стихотворныя сатиры противъ литературныхъ реакціонеровъ («Онъ у насъ осьмое чудо»), и рѣзкія антикрѣпостническія стихотворе-

нія («Въ дорогѣ»), и талантливые очерки изъ жизни столичнаго пролетаріата (разсказъ «Петербургскіе углы»).

Изданіе альманаховъ явилось какъ бы подготовкой къ несравненно болѣе важному и трудному издательскому предпріятію, каковымъ явилось пріобрѣтеніе права у П. А. Плетнева на «Современникъ», «основанный,—какъ говорится въ договорѣ Плетнева съ Некрасовымъ и Панаевымъ,—покойнымъ Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеромъ Александромъ Сергѣевымъ Пушкинымъ».

О дѣятельности Некрасова, какъ издателя и редактора «Современника», писалось достаточно много. Съ несомнѣнностью выяснено, что своимъ огромнымъ вліяніемъ на общество «Современникъ» обязанъ именно Некрасову, обладавшему огромнымъ организаторскимъ талантомъ, умѣвшему объединять вокругъ себя наиболѣе талантливыхъ и наиболѣе прогрессивныхъ писателей своего времени. «Некрасовъ былъ идеальнымъ редакторомъ-издателемъ и довелъ свой журналъ «Современникъ» до почти идеальнаго совершенства»—такъ оцѣниваетъ журнальную дѣятельность поэта когда-то ссорившійся и полемизировавшій съ нимъ человѣкъ—М. А. Антоновичъ. Особою заслугой Некрасова этотъ послѣдній считаетъ привлеченіе къ сотрудничеству въ его журналѣ Чернышевскаго и Добролюбова, которымъ суждено было сдѣлаться властителями думъ поколѣнія 50—60 г.г. и отцами создавшагося тогда могучаго общественнаго теченія—народничества. «Куда бы дѣлись Чернышевскій и Добролюбовъ, если бы первые шаги ихъ на литературномъ поприщѣ не были поддержаны Некрасовымъ?»—нѣсколько разъ повторилъ въ бесѣдѣ съ нами М. А. Антоновичъ И въ самомъ дѣлѣ, въ поддержкѣ, оказанной Некрасовымъ этимъ двумъ выдающимся литературнымъ дѣятелямъ, нельзя не видѣть его крупной заслуги передъ обществомъ. Если, пріобрѣтая въ свое время для «Современника» сотрудничество Бѣлинскаго, Некрасовъ лишь слѣдовалъ общему голосу, уже съ начала 40-хъ г.г признававшему въ Бѣлинскомъ авторитетнѣйшаго представителя русской критики, то угадать перворазрядные таланты въ авторѣ провалившейся диссертаціи и только что выпущенномъ студентѣ Педагогическаго Института могъ только человѣкъ съ незаурядным чутьемъ и рѣдкою проницательностью.

Безспорный успѣхъ «Современника», который въ 50 и 60 г.г. пріобрѣлъ значеніе крупнаго общественнаго фактора, являлся свѣт-

лой стороной журнальной дѣятельности Некрасова. Къ сожалѣнію, на своемъ пути журналиста онъ встрѣчалъ немало и терній. Наибольшее количество ихъ доставляла ему цензура. О притѣсненіяхъ, непрестанно чинимыхъ ею «Современнику», о тѣхъ, часто унизительныхъ, компромиссахъ, на которые долженъ былъ нерѣдко идти Некрасовъ для смягченія черезчуръ ретивыхъ ея представителей, нѣтъ надобности распространяться: цензурныя мытарства редактора «Современника» общеизвѣстны.

Неменьше тяжелыхъ минутъ приносили Некрасову зависть и, какъ выражался Салтыковъ, «злопыхательство», благодаря которымъ дружно подхватывался и широко распространялся всякій оскорбительный для чести поэта слухъ. Само собой разумѣется, что не стой Некрасовъ, какъ редакторъ наиболѣе популярнаго и вліятельнаго журнала, на виду у всѣхъ,—о немъ говорили бы значительно меньше. Вѣдь по журнальнымъ именно дѣламъ ему приходилось вести разнообразнѣйшія сношенія со множествомъ людей, главнымъ образомъ, съ литераторами; среди же рядовой литературной братіи всегда и повсюду встрѣчается не мало изломанныхъ характеровъ, больныхъ самолюбій, склонныхъ къ повышенной оцѣнкѣ своихъ произведеній и органически не переваривающихъ иной критики, чѣмъ дифирамбической. Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что у самаго осторожнаго и снисходительнаго редактора бываетъ достаточное количество ожесточенныхъ недоброжелателей. Были они и у Некрасова. «Злопыхательные» толки пріобрѣтали въ ихъ устахъ тѣмъ большее значеніе, что Некрасовъ, будучи «человѣкомъ средняго нравственнаго уровня» (выраженіе Елисѣева), не всегда жилъ, употребляя его собственный стихъ, «согласно съ строгою моралью». Здѣсь мы переходимъ къ вопросу о такъ-называемыхъ «паденіяхъ» Некрасова. Реабилитація или обвиненіе Некрасова, какъ личности, станутъ возможными лишь тогда, когда будутъ опубликованы соотвѣтствующіе біографическіе матеріалы. Однако, и теперь уже съ несомнѣнностью выясняется преувеличенность, а иногда и просто неосновательность многихъ «винъ» поэта. Такъ, несомнѣннымъ преувеличеніемъ страдаютъ, на нашъ взглядъ, столь тѣсно связанныя съ журнальной дѣятельностью Некрасова обвиненія его въ своекорыстіи, жадности къ деньгамъ, эксплоатаціи сотрудниковъ. Упорное и настойчивое повтореніе этихъ обвиненій оказывало вліяніе даже на людей, въ общемъ относившихся къ Некрасову благожелательно. Къ числу

ихъ, безспорно, принадлежалъ Ф. М. Достоевскій, а между тѣмъ именно имъ пущено въ оборотъ крылатое словцо: «милліонъ— вотъ демонъ Некрасова»... Въ нашемъ распоряженіи имѣются нѣкоторые неизданные до сихъ поръ матеріалы, проливающіе свѣтъ на истинное отношеніе Некрасова къ деньгамъ. Съ ними мы постараемся возможно подробнѣе познакомить нашихъ читателей.

П. А. Плетневъ, внукъ П. А. Плетнева, о которомъ было упомянуто выше, разрѣшилъ намъ использовать очень интересное письмо поэта къ его дѣду. Приводимъ его полностью.

19-го декабря, 1865 г.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь

Петръ Александровичъ,

лѣтомъ этого года писалъ я Вамъ письмо по адресу, данному мнѣ свящ. Бачаровымъ въ бытность мою въ Парижѣ весной 1864 года. Не получивъ отвѣта, думаю, что письма этого Вы не получили, и повторяю его содержаніе.

Въ нашемъ контрактѣ есть пунктъ: если журналъ будетъ запрещенъ вслѣдствіе явнаго нарушенія нами постановленій цензуры, то мы платимъ Вамъ 30 т. руб. асс. Такъ какъ обстоятельства измѣнились, то я прошу Васъ этотъ пунктъ уничтожить. Теперь, собственно, у насъ цензуры нѣтъ, но запретить журналъ могутъ всякій разъ, какъ это вздумается Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Я, собственно, полагаю, что въ случаѣ подобнаго намѣренія г. Министра запретятъ не журналъ, ибо онъ не моя собственность, а Ваша, а запретятъ мнѣ изданіе и редакцію его; но все-таки не желаю находиться подъ сомнѣніемъ, имѣя въ перспективѣ, въ случаѣ дурного оборота дѣла, потерю еще 30 т. асс. Поэтому прошу Васъ объ отмѣнѣ этого пункта, къ настоящему положенію дѣлъ не идущаго; если же Вы на это не будете согласны, то прошу Васъ назначить лицъ для третейскаго суда по этому дѣлу съ своей стороны и списаться съ ними, ибо этотъ судъ, назначенный въ нашемъ контрактѣ въ случаѣ споровъ и недоразумѣній между нами, есть единственное средство уяснить дѣло и установить его на дальнѣйшее время.

Еще прошу Васъ, Петръ Александровичъ, оставить на дальнѣйшее время ту же ренту съ «Современника», какую Вы полу-

чали въ послѣдніе годы, т. е. двѣ тысячи, а не три въ годъ; ибо съ тѣхъ поръ положеніе журнала не улучшилось, а ухудшилось; онъ имѣетъ только 4000 подписчиковъ, расходы увеличились по взносу залога, на штрафы, рискъ изданія спряженъ съ опасностью для личности редактора.

Петръ Александровичъ! Прошу Васъ принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства. Панаевъ умеръ, оставивъ долгу на своей половинѣ «Современника» до 17 т. руб. сер.—Два наши сотрудника—одинъ смертью, другой ссылкою лишены были возможности возмѣстить своею работою значительную сумму, которую редакція выдала имъ впередъ; для погашенія этихъ-то долговъ издавалъ я «Современникъ» въ послѣдніе годы; сверхъ того, послѣ Панаева осталась мать, старуха 75 лѣтъ, безъ куска хлѣба; сынъ 4 лѣтъ—тоже; послѣ Чернышевскаго—жена и двое малолѣтнихъ дѣтей; послѣ Добролюбова двое малолѣтнихъ братьевъ; всѣмъ этимъ лицамъ дается кусокъ хлѣба и инымъ и средства къ воспитанію изъ средствъ «Современника», который съ каждымъ годомъ приноситъ менѣе. Чтобы выдавать Вамъ полную ренту, я долженъ сжимать этихъ бѣдныхъ людей, долгъ тоже почти не убываетъ. Неужели Вы будете меня тѣснить, и мои вышеизложенныя просьбы, вполнѣ законныя и умѣренныя, не получатъ отвѣта утвердительнаго?

Уже болѣе двѣнадцати лѣтъ книги «Современника» ведутся на строго коммерческомъ основаніи, не мною, а лицомъ, Вамъ извѣстнымъ, имѣющимъ довѣренность отъ меня и имѣвшимъ ее отъ г. Панаева; по этимъ книгамъ можно прослѣдить и доказать (ибо на всякій грошъ, выданный изъ редакціи и конторы, сохраняются росписки), что все сказанное мною здѣсь о положеніи «Современника» и о моей роли въ немъ справедливо; я лично тутъ не пользуюсь, а напротивъ, теряю мое время и трудъ. Моя цѣль, избавить «Современникъ» отъ долга и поддержать, покуда возможно, бѣдныхъ сиротъ, завѣщанныхъ «Современнику» людьми, бывшими ему полезными. Не становитесь мнѣ поперекъ дороги къ этой цѣли. Это будетъ дѣло недостойное Васъ. Было время, «Современникъ» давалъ намъ средства жить и давалъ Вамъ доходъ, который въ сложности за девятнадцать лѣтъ составляетъ сумму, превосходящую 50 т. сер.

Теперь, по крайней мѣрѣ, при моемъ участіи, дѣло это долго итти не будутъ. Чтобы покрыть долгъ, мнѣ нужно два или три

года, и тогда я оставлю это дѣло, т. е. передамъ «Современникъ» Вамъ, или кому Вы назначите, теперь же, повторяю, не тѣсните меня, или не вынуждайте къ крайнимъ мѣрамъ. Не забывайте и того, что по контракту я передъ Вами отвѣтчикъ, собственно, только въ половинной долѣ. Если не получу отвѣта удовлетворительнаго, буду искать третейскаго суда, дабы насъ разобралъ по этимъ вопросамъ, и для этого представлю наши книги и цифры; надѣюсь, онѣ будутъ говорить въ мою пользу; въ крайнемъ случаѣ цифры эти опубликую, чтобы, по крайней мѣрѣ, публика знала, какъ я велъ свое дѣло. Чтобы успокоить меня, вамъ довольно прислать мнѣ за вашею подписью такую бумагу.

«Вслѣдствіе измѣнившихся цензурныхъ обстоятельствъ, пунктъ X условія, заключеннаго мною по «Современнику» съ покойнымъ И. И. Панаевымъ и Н. А. Некрасовымъ, начиная отъ словъ «буде отъ неосторожности редакціи» и до конца, согласенъ считать недѣйствительнымъ, т. е. для г. Некрасова, нынѣшняго издателя и редактора «Современника», необязательнымъ; сверхъ того, соглашаюсь, вмѣсто ежегодной арендной платы за журналъ трехъ тысячъ, получать отнынѣ, т. е. съ 1866 года включительно, по двѣ тысячи рубл. сер. въ годъ».

Я объяснился откровенно и просто, считая этотъ путь вообще лучшимъ, а съ Вами тѣмъ болѣе; знаю Васъ за человѣка справедливаго и думаю, что если Вы только не усомнитесь въ представленномъ мною положеніи дѣла, то согласитесь на мои просьбы. А что положеніе дѣла именно таково, за это отвѣчаю (такъ какъ по отсутствію вашему Вы не можете просмотрѣть наши книги) *моимъ честнымъ словомъ*.

Жду вашего отвѣта. Теперь скажу нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи «Современника». Онъ получилъ два предостереженія (впрочемъ, не думайте, что предостереженія получены однимъ только «Современникомъ»,—у насъ для начала на нихъ довольно щедры). Послѣ третьяго предостереженія, журналъ, по закону, закрывается временно отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, а потомъ предостереженія снимаются впередъ до новыхъ. Я, однако же, надѣюсь избѣжать въ слѣдующемъ году 3-го предостереженія, для чего принялъ свои мѣры и имѣлъ объясненія съ начальствомъ. Насчетъ запрещенія журнала мнѣ положительно заявлено, что подобнаго намѣренія нѣтъ у правительства; я ставилъ вопросъ прямо, предлагая, что самъ лучше закрою журналъ, если

имѣется подобное намѣреніе.—Самое худшее тутъ то, что два предостереженія публика наша, по новости закона, приняла за близкіе предвѣстники смерти журнала, и подписка на 1866 годъ остановилась. Теперь я хлопочу, чтобы разсѣять это предубѣжденіе, и съ этою цѣлью написалъ объясненіе, которое я пущу въ публику, показавъ предварительно Министру. Итакъ, вотъ наши дѣла съ внѣшней стороны. Что касается до существа реформы, то покуда не легче и почти не лучше, но, кажется, дѣло удержится, а это главное.

Будьте здоровы! Посильный Вашъ работникъ *Н. Некрасовъ*.

Вчитываясь въ содержаніе этого письма, нельзя не прійти къ заключенію, что оно написано человѣкомъ, легко разбирающимся въ такъ называемыхъ практическихъ вопросахъ, умѣющимъ убѣдительно и краснорѣчиво отстаивать матеріальные интересы руководимаго имъ дѣла. Но «практичность» Некрасова, сказавшаяся здѣсь, не имѣетъ никакого отношенія къ наживѣ или пріобрѣтательству въ духѣ Павла Ивановича Чичикова. Прежде всего, обращаясь къ Плетневу со своей просьбой-требованіемъ, Некрасовъ былъ совершенно правъ по существу, такъ какъ отечественные журналисты со введеніемъ новаго цензурнаго устава, несмотря на то, что онъ не лишенъ былъ нѣкоторыхъ преимуществъ по сравненію со старымъ, не имѣли основаній особенно радоваться. Событія недалекаго будущаго должны были показать имъ, что журналы въ родѣ того же «Современника», благополучно лавировавшіе между Сциллой и Харибдой дореформенной цензуры, задохлись въ тискахъ цензуры реформированной. Некрасовъ, выразившій въ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ» глубокое недовѣріе къ совершившемуся преобразованію, не могъ не опасаться за участь своего журнала, и поэтому его обращеніе къ Плетневу, въ которомъ онъ напираетъ на то, что «обстоятельства измѣнились», представляется вполнѣ естественнымъ. Такъ поступилъ бы любой практическій дѣятель, не опасаясь упрековъ въ корысти и желаніи всякими правдами и неправдами освободиться отъ стѣснительнаго денежнаго обязательства.

Затѣмъ, при оцѣнкѣ разсматриваемаго поступка издателя «Современника», необходимо имѣть въ виду тѣ побужденія, которыя имъ въ данномъ случаѣ руководили. Некрасовъ хлопоталъ не о себѣ, а о «бѣдныхъ сиротахъ, завѣщанныхъ «Современнику»

людьми, бывшими ему полезными». Эти люди, правда, остались должны журналу значительную сумму, что формально развязывало руки Некрасову, дѣлало для него совершенно необязательной поддержку ихъ семействъ. Но, очевидно, для него нравственныя обязательства несравненно больше значили, чѣмъ формальныя, и онъ, этотъ «ловкій дѣлецъ», демономъ котораго явился милліонъ, тратилъ «время и трудъ», чтобы помочь «бѣднымъ сиротамъ». Всякій мало-мальски объективный человѣкъ признаетъ, что въ данномъ случаѣ Некрасовъ дѣйствовалъ съ рѣдкимъ благородствомъ и безкорыстіемъ.

И вотъ еще любопытная черточка: руководствуясь, безъ всякаго сомнѣнія, въ отношеніи семействъ Чернышевскаго и Добролюбова, чувствомъ искренняго расположенія,—какъ близокъ былъ издатель «Современника» Чернышевскому и Добролюбову, объ этомъ мы недавно читали въ статьяхъ гг. Русанова («Русское Богатство», 1910 г. № 4) и Ляцкаго («Современный Міръ», 1911 г. №№ 9, 10 и 11),—Некрасовъ не пожелалъ внести въ свое письмо эмоціональнаго элемента и сохранилъ въ немъ, отъ начала до конца его, строго дѣловой тонъ. Одно только выраженіе: «бѣдныя сироты, завѣщанныя «Современнику» людьми, бывшими ему полезными», пріоткрываетъ нѣсколько завѣсу надъ душой замкнутаго, сосредоточеннаго въ себѣ, ненавидѣвшаго всякую сентиментальность поэта. «Современникъ», въ изданіе котораго Некрасовъ влагалъ всю свою душу, являлся для него живымъ организмомъ, объединявшимъ своихъ сотрудниковъ въ тѣсную и дружную семью. Ея внутренняя спайка, достигавшаяся идейнымъ единомыслiемъ, общимъ стремленіемъ быть полезными журналу и тому дѣлу, которое онъ отстаивалъ, оказывалась способной выдержать даже удары, наносимые силой непреоборимыхъ обстоятельствъ. Заточенъ Чернышевскій, умеръ Добролюбовъ, но ихъ семьи не остались одинокими: они завѣщаны журналу, и журналъ отъ нихъ не откажется...

Скептически настроенному читателю наши разсужденія могутъ показаться неубѣдительными и голословными на томъ основаніи, что они основываются на письмѣ Некрасова, явно заинтересованнаго въ томъ, чтобы Плетневъ согласился на его просьбу. Правда, поэтъ ссылается на книги «Современника», по которымъ-де можно прослѣдить и доказать, что все сказанное имъ о положеніи журнала и его роли въ немъ справедливо. Однако, послѣдо-

вательный скептикъ возразитъ на это, что Некрасову очень хорошо извѣстно было,—о чемъ онъ и упоминаетъ въ своемъ письмѣ,—что Плетневъ, находясь въ отсутствіи, ознакомиться съ книгами все равно не можетъ...

Чтобы подкрѣпить свой взглядъ на вопросъ, мы имѣемъ возможность сослаться на свидѣтельство лица—о немъ тоже есть упоминаніе въ письмѣ—которое вело отчетность журнала, на основаніи довѣренности, выданной ему Некрасовымъ. Это лицо—Ипполитъ Александровичъ Панаевъ, извѣстный какъ по своей близкой прикосновенности къ кружку «Современника», такъ и по многочисленнымъ философскимъ работамъ, издававшимся имъ съ 70-хъ вплоть до 90-хъ г.г. Ип. А. Панаевъ выступалъ однажды въ печати въ защиту Некрасова. Это было въ 1889 году (см. «Новое Время», 18 января), послѣ появленія въ бульварномъ журнальчикѣ «Развлеченіе» оскорбительныхъ для памяти поэта воспоминаній Н. В. Успенскаго (см. «Развлеченіе» 1888 г. №№ 20—21; «Изъ прошлаго»). Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. В. Успенскій, котораго полуголодная жизнь литературнаго пролетарія довела до полнаго нравственнаго паденія, обвиняетъ Некрасова въ чисто мошенническихъ продѣлкахъ съ такою же легкостью, съ какою утверждаетъ («Развлеченіе» №№ 26—27), что Толстой дралъ за вихи учениковъ Яснополянской школы.

Опровергая измышленія Н. В. Успенскаго, Ип. Ал. Панаевъ приводитъ въ своей статьѣ цѣлый рядъ цифръ изъ конторскихъ книгъ «Современника», съ неоспоримостью устанавливающихъ, что Успенскій не только не былъ обсчитанъ редакторомъ «Современника», какъ онъ утверждалъ это въ «Развлеченіи», но остался долженъ ему значительную сумму.

Наряду съ выясненіемъ фактической стороны дѣла въ замѣткѣ Панаева содержатся и общія, крайне благожелательныя сужденія о Некрасовѣ, а также нѣкоторыя свѣдѣнія объ его журнальной дѣятельности; такъ, по словамъ Панаева,—«всего менѣе Некрасовъ былъ «дѣльцомъ, т. е. человѣкомъ, умѣющимъ обдѣлывать въ свою пользу дѣлишки», вслѣдствіе чего «по прекращеніи изданія журнала за многими сотрудниками «Современника» осталось столько денегъ, должныхъ редакціи, что изъ нихъ могъ бы составиться порядочный капиталъ».

Съ несравненно большей полнотою И. А. Панаевъ характеризуетъ Некрасова и какъ нравственную личность, и какъ журна-

листа въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ о немъ. Автору этихъ строкъ удалось ознакомиться съ ихъ содержаніемъ по бѣловому списку, доставшемуся ему отъ покойнаго С. Н. Кривенко, который получилъ его отъ самого И. А. Панаева, и по черновику—нѣсколько болѣе подробному—хранящемуся у сына покойнаго И. А. Панаева, Алекс. Ип. Панаева.

Въ началѣ своихъ воспоминаній И. А. Панаевъ указываетъ, что однимъ изъ мотивовъ, побудившимъ его ихъ написать, являлись постоянные вопросы о Некрасовѣ, съ которыми многіе обращались къ нему, какъ къ человѣку, въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ лично знакомому съ поэтомъ. Эти вопросы, «въ которыхъ, иногда, звучала какъ бы нота ироніи, и проглядывало нѣкоторое злорадство», задѣвали И. А. за живое, тѣмъ болѣе, что, хорошо зная Некрасова, онъ «никогда не сомнѣвался въ добрыхъ и достойныхъ уваженія качествахъ его сердца».

«Для публики,—продолжаетъ Панаевъ,—важно знать, существовало ли противорѣчіе между всѣмъ прекраснымъ и добрымъ, наполнявшимъ его произведенія, и нравственными качествами того, кто такъ хорошо выражалъ это прекрасное и доброе. Существовалъ ли разладъ между добрымъ чувствомъ, выраженнымъ прекраснымъ стихомъ, и чувствомъ, живущимъ въ сердцѣ поэта?

На это я, твердо и не колеблясь, отвѣчу: никакого разлада не было. Некрасовъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, вовсе не противорѣчилъ тому образу, который рисовало воображеніе многихъ почитателей его таланта, не знавшихъ его.

Это былъ человѣкъ мягкій, добрый, независтливый, щедрый, гостепріимный и совершенно,—какъ говорится,—простой. Но достаточной твердостью характера онъ не обладалъ.—Обстоятельства сложились такъ, что ему почти всю жизнь пришлось проводить въ полуофиціальныхъ кружкахъ. Это не была его естественная среда, потому что въ ней онъ не могъ чувствовать себя свободнымъ: внутреннія движенія были связаны, женированы; сердце сжато. Вслѣдствіе этого, несмотря на врожденныя мягкость, снисходительность и простосердечіе, внѣшніе пріемы казались, иногда, сухими, угловатыми, и отъ нихъ какъ бы вѣяло холодомъ...

Приходя къ Некрасову въ такія недобрыя минуты, бывало, сидишь у него, нѣсколько времени, молча... А потомъ, вскорѣ, снѣгъ растаетъ, и растаетъ непремѣнно... Чувствовать обиду, какъ бы наносимую холодностью пріема, тому, кто зналъ характеръ Не-

красова, было невозможно.—Но не всѣ были ему близки, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе судили о немъ, какъ о человѣкѣ непривѣтливомъ и холодномъ. Не знали многіе и того, что Н. А. никогда не пользовался полнымъ здоровьемъ и долго думалъ о себѣ такъ, какъ когда-то выразился:

Цвѣтутъ, растутъ колосья наливные,
А я чуть живъ...

Нервы его были сильно расшатаны; особыя обстоятельства его грустной молодости, извѣстныя его близкимъ, не могли не отзываться на настроеніи духа.

Да, повторяю еще разъ: это, въ сущности, былъ простодушный человѣкъ,—человѣкъ съ настоящею примитивною русской натурою,—веселый и грустный, способный увлекаться, не разсчитывающій на завтрашній день и живущій этимъ русскимъ «*авось*», на которое мы часто негодуемъ, но въ глубокій смыслъ котораго никогда не вникаемъ».

Не останавливаясь на оцѣнкѣ этого сужденія о личности Некрасова, перейдемъ къ той части воспоминаній Панаева, гдѣ онъ касается, по-преимуществу, журнальной дѣятельности Некрасова.

«Вопросы постороннихъ лицъ,—пишетъ И. А. Панаевъ,—о нравственной личности Некрасова скоро сходили и сходятся къ вопросамъ объ отношеніяхъ его, какъ издателя и редактора журнала, къ другимъ литераторамъ.

Если кто-либо усомнится въ компетентности моего суда о личности Некрасова вообще, то ужъ въ отвѣтѣ на послѣдніе вопросы усомнившійся долженъ будетъ признать вполнѣ мою компетентность, когда узнаетъ, что, въ періодъ существованія журнала «Современникъ», издаваемаго Н. А. Некрасовымъ, совмѣстно съ двоюроднымъ братомъ моимъ Иваномъ Ивановичемъ Панаевымъ, я, въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1856 года по 1866 годъ) завѣдывалъ хозяйственной частью журнала и при жизни Панаева, и послѣ его смерти. Всѣ распоряженія по расчетамъ съ сотрудниками мнѣ были извѣстны, и уплата производилась черезъ мои руки. До сихъ поръ у меня цѣлы приходо-расходныя книги съ расчетами и росписками получателей. Сохранилъ я все это для того, чтобы имѣть, на всякій случай, доказательства для опроверженія взводимыхъ на Н. А. клеветъ *).

*) Этотъ отзывъ о немъ написанъ мною вскорѣ послѣ его смерти, и я хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ напечатанъ непремѣнно, по крайней мѣрѣ, послѣ моей смерти.

Я могъ бы заговорить ранѣе, и при его жизни, и много разъ хотѣлъ это сдѣлать, но Н. А. не допускалъ меня привести въ исполненіе мое намѣреніе, говоря, что это можно сдѣлать когда-нибудь послѣ... тогда, когда его не будетъ. И въ этомъ случаѣ онъ думалъ такъ, какъ написалъ:

Что ты, сердце мое, расходилося?...
Постыдись! Ужъ про насъ не впервой
Снѣжнымъ комомъ прошла, прокатилася
Клевета по Руси, по родной.
Не тужи! Пусть растетъ, пусть катается,
Не тужи! Какъ умремъ,
Кто-нибудь и о насъ проболтается
Добрымъ словцомъ...

Замѣчаніе мое о томъ, что я могу умереть прежде, Н. А. оставлялъ, обыкновенно, безъ отвѣта и оканчивалъ какою-нибудь добродушною шуткою. Въ памяти моей (могущей, впрочемъ, всегда быть провѣренной упоминаемыми выше книгами) осталось яснымъ, что расчеты съ участвующими въ «Современникѣ» постоянными и случайными сотрудниками, по распоряженіямъ какъ Н. А. Некрасова, такъ и И. И. Панаева, производились самымъ широкимъ образомъ,—производились такъ широко и нерасчетливо, что для текущихъ и необходимыхъ расходовъ по изданію не разъ встрѣчались затрудненія, вынуждавшія прибѣгать къ займамъ.

Затрудненія устранялись, иногда, только благодаря субсидіямъ, даваемымъ Некрасовымъ изъ его собственныхъ денегъ, полученныхъ имъ изъ источниковъ, постороннихъ журналу, и о которыхъ я скажу ниже.

При этомъ надо замѣтить, что Н. А. Некрасовъ и И. И. Панаевъ, въ денежномъ отношеніи, пользовались выгодами, доставляемыми журналомъ, весьма умѣренно, и иногда получали менѣе, чѣмъ тотъ или другой изъ постоянныхъ сотрудниковъ. Не говоря уже о послѣднихъ, нѣсколько литераторовъ, едва выступавшихъ на литературное поприще, кромѣ значительной полистной платы, получали ежемѣсячное содержаніе, что, по мнѣнію Н. А. и И. И. Панаева, было необходимо для того, чтобы поддержать начинающихъ и дать возможность развиться замѣченнымъ въ нихъ признакамъ таланта. Безъ всякаго соображенія съ финансовымъ состояніемъ журнала, многимъ деньги выдавались впередъ, въ счетъ будущихъ работъ, на неопредѣленное время. На замѣчанія мои, что деньги расходуются несвоевременно и ставятъ изданіе въ затрудненіе,

Некрасовъ часто говорилъ, что, если денегъ у журнала не хватитъ, то для необходимыхъ потребностей изданія онъ дастъ свои собственныя деньги, что неоднократно и дѣлалъ.

Приходившіе ко мнѣ за полученіемъ слѣдующихъ денегъ часто заявляли мнѣ, что отъ Некрасова уже прежде получена ими такая или другая сумма, тогда какъ я объ этомъ ничего не зналъ. Такія выдачи изъ своихъ денегъ Н. А. производилъ безпрестанно, но, несмотря на весьма частыя свиданія со мною, забывалъ говорить о выданныхъ деньгахъ. Я просилъ его много разъ выдачи записывать, далъ ему для записыванія большую графленую книгу, а человѣкъ его *) купилъ ему большой карандашъ, въ палецъ толщины и чуть ли не въ аршинъ длиною (карандашъ для черченія шаблоновъ), такъ какъ Н. А. увѣрялъ, что не записываетъ оттого, что не находитъ во-время карандаша, «зарывающагося» вѣчно подъ корректурными листами, газетами, рукописями и другими бумагами. Но ничего не помогало: книга осталась совершенно чистою, и я насилу могъ добиваться, раза два или три въ годъ, чтобы онъ удѣлилъ часокъ на припоминаніе сдѣланныхъ имъ выдачъ. Припоминаніе происходило въ моемъ присутствіи: Н. А. бралъ, наконецъ, листокъ бумаги, и записывалъ (обыкновенно лежа) то, что могъ вспомнить. Разумѣется, при этомъ немало сдѣланныхъ выдачъ не было записано: онъ или дѣйствительно не припоминалъ ихъ, или не хотѣлъ вспоминать, и я имѣю основаніе думать, что не одна тысяча рублей осталась не записанною.

Много талантовъ Н. А. предугадалъ, и многимъ своевременнымъ пособіемъ въ трудное время далъ возможность развиваться. Имена такихъ лицъ извѣстны не мнѣ одному. Выдачи впередъ, постоянныя ежемѣсячныя содержанія многимъ лицамъ производились несмотря на то, что интересы издателей сильно страдали. Почти всякому обращавшемуся къ нимъ писателю деньги выдавались впередъ. Некрасовъ, распоряжавшійся выдачами, съ согласія И. И. Панаева, никакъ не могъ рѣшиться отказать, совсѣмъ, въ выдачѣ просившему. Одному деньги выдавались по случаю болѣзни; другому по случаю поѣздки за границу; третьему—по случаю выѣзда изъ Петербурга въ провинцію или пріѣзда изъ

*) Человѣкъ этотъ имѣетъ домъ въ г. Павловскѣ. Онъ получалъ отъ Некрасова не малый пансіонъ и продолжаетъ получать его и послѣ смерти Н. А. Некрасова.

Ип. П.

провинціи. На средства «Современника» поддерживались семьи бывшихъ сотрудниковъ, воспитывались малолѣтніе братья умершаго сотрудника, и т. п.

Помню одинъ случай. Разъ, когда касса журнала была почти пуста, я пріѣхалъ къ Некрасову, поставилъ ему на видъ всѣ обстоятельства дѣла, и онъ убѣдился, что выдачъ впередъ, въ томъ году, рѣшительно невозможно дѣлать, потому что предстояли, по изданію, разныя необходимыя крупныя уплаты, а на приходъ могли поступить лишь ничтожныя суммы. «Не буду выдавать рѣшительно—нечего дѣлать!»—сказалъ онъ.—Только что кончили мы нашъ разговоръ и пришли къ твердому рѣшенію, какъ явился одинъ изъ молодыхъ писателей и нашъ же должникъ, объявилъ Н. А., что онъ хочетъ ѣхать въ деревню, и просилъ у него денегъ впередъ. Подъ вліяніемъ только лишь оконченнаго разговора, Н. А. сказалъ: «Денегъ то у насъ нѣтъ... да вы, кажется, и нашъ должникъ».... «Да,—отвѣчалъ пришедшій,—но здѣсь положительно ничего не могу дѣлать... А вотъ въ деревню... Тамъ на свободѣ... вы, конечно, понимаете это... буду работать хорошо и пришлю вамъ работу».—Некрасовъ молчалъ... потомъ, не глядя на меня, потянулся за бумагой и написалъ записочку о выдачѣ изъ конторы денегъ. Когда упоминаемый господинъ ушелъ, мы оба разсмѣялись. «Нельзя, другъ,—говорилъ Н. А. шутя:—что дѣлать! всякому нужны деньги». Подобныя слова онъ повторялъ неоднократно, отвѣчая на замѣчанія мои о чрезмѣрныхъ расходахъ, стѣсняющихъ дѣло.

Вообще, выдачи денегъ изъ кассы «Современника» дѣлались въ такихъ размѣрахъ, что у издателей ничего, къ концу года, не оставалось.—Послѣ смерти И. И. Панаева не осталось ни гроша. Если бы у Некрасова не было денегъ, независимо отъ журнала, то онъ, самъ, конечно, тоже былъ бы безъ гроша, когда дѣло продолжалось бы все такимъ же образомъ.

Резюмируя все, что сказано мною касательно денежныхъ отношеній къ литераторамъ «Современника», я скажу, что, по сохранившимся у меня книгамъ и роспискамъ, всякій сомнѣвающійся можетъ увидѣть, что такихъ лицъ, изъ помѣщавшихъ свои работы въ журналѣ, которыя не остались бы должными «Современнику», очень мало, и что общая сумма долговъ представляетъ крупную сумму.

А между тѣмъ, въ продолженіе изданія, несмотря на затрудни-

тельное, порою, положеніе кассы и на свои собственныя нужды, ни Некрасовъ, ни Панаевъ, никогда не напоминали о долгахъ должникамъ и не допускали того, чтобы контора дѣлала имъ либо прямыя или косвенныя напоминанія.

Вскорѣ, по прекращеніи журнала, лѣтъ за 12 до кончины Н. А., я уѣхалъ изъ Петербурга, и мои дѣловыя отношенія съ Некрасовымъ кончились; но дружескія его отношенія со мною и моими братьями не прекращались. Въ теченіе этихъ 12 лѣтъ, возвратившись разъ изъ-за границы, я ему разсказалъ, что распускаемыя клеветы проникли даже въ Вѣнскій Университетъ и напомнилъ ему, что у меня хранятся всѣ документы, могущіе блестящимъ образомъ изобличить клеветниковъ. «Это хорошо,—отвѣчалъ онъ:—можетъ быть, когда-нибудь понадобится»... и не прибавилъ болѣе ни слова».

Въ черновомъ экземплярѣ воспоминаній Панаева здѣсь была обширная вставка, выясняющая денежныя отношенія между Некрасовымъ и, повидимому, болѣе другихъ повиннымъ въ стремленіи набросить тѣнь на доброе имя редактора «Современника», Н. Успенскимъ.

Эту вставку мы приводимъ полностью.

«Былъ еще одинъ случай, объ которомъ я и до сихъ поръ не могу вспомнить равнодушно.

Къ Некрасову явился разъ одинъ молодой человѣкъ [обозначимъ имя его знакомъ (*)] безъ всякихъ средствъ и принесъ ему маленькія статейки. Онѣ были написаны интересно, и въ авторѣ Некрасовъ находилъ зародыши таланта. Такъ какъ молодой человѣкъ, какъ я уже упомянулъ, былъ безъ всякихъ средствъ, Н. А. распорядился о выдачѣ ему ежемѣсячно по 75 рублей, и, кромѣ того, объ уплатѣ за помѣщаемыя коротенькія статейки, сколько мнѣ помнится, тоже по 75 рублей съ листа. «Надо поддержать молодого человѣка; изъ него выйдетъ писатель».

Выдачи производились не короткое время. Имѣя въ виду, безспорно, благую цѣль издателей, расходъ этотъ я дѣлалъ охотно. Молодой человѣкъ часто приходилъ ко мнѣ за деньгами, и мнѣ очень пріятно было видѣть, какъ онъ становился на ноги. Разъ, тогда, когда уже за нимъ числилась значительная сумма, онъ, придя ко мнѣ, объявилъ, что рѣшилъ ѣхать за границу, и что Некрасовъ даетъ ему средства на это. О выдачѣ денегъ онъ принесъ отъ Н. А. записку. Деньги на путешествіе были выданы, и молодой

человѣкъ уѣхалъ. Но мѣсяца черезъ два или три, вѣроятно, соскучившись за границей (иностранныхъ языковъ онъ не зналъ), написалъ, что желаетъ возвратиться въ Россію и просилъ о высылкѣ ему на возвращеніе денегъ. Это было лѣтомъ, и Н. А. случайно тогда пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Въ кассѣ денегъ было очень мало, и я потому сказалъ Некрасову, что Г. (*) дѣйствуетъ ужъ слишкомъ безцеремонно, и что денегъ, въ настоящее время, послать не изъ чего. Н. А. согласился со мною, но на этотъ предметъ далъ свои деньги и написалъ молодому человѣку письмо, которое, прочитавъ, я послалъ съ деньгами.

Въ письмѣ этомъ Некрасовъ говорилъ, что желаніе возвратиться пришло Г. (*), вѣроятно, потому, что онъ совѣстится: расходовать «Современниковскія» деньги, вспоминая, что онъ уже и безъ того долженъ, что совѣститься не для чего, такъ какъ Г. (*) молодъ и успѣетъ разсчитаться съ нимъ работою. Пусть же онъ, Г. (*), продолжаетъ свое путешествіе, сколько это будетъ нужно, или для его здоровья или для его удовольствія, а о долгѣ своемъ броситъ безпокоиться.

Письмо было полно самой добродушной и деликатной веселости, самыхъ искреннихъ и ободряющихъ выраженій...

Черезъ нѣсколько времени Г. (*) вернулся, снова сталъ получать помѣсячныя деньги—потомъ вдругъ прервалъ всякія сношенія съ «Современникомъ», разумѣется, не разсчитавшись съ нимъ и распустивъ про Некрасова самую возмутительную клевету касательно денежныхъ съ нимъ отношеній, основываясь на нелѣпѣйшемъ предположеніи о мнимыхъ выгодахъ, которыя Н. А. могъ извлечь отъ изданія имъ, Некрасовымъ, на свой собственный счетъ собранія статеекъ Г. (*), помѣщенныхъ въ «Современникѣ», отдѣльной книжкой; тогда какъ сумма, которая могла бы выручиться отъ продажи экземпляровъ, не могла бы выручить и $^1/_4$ должной Г—омъ (*) «Современнику» суммы. Н. А. такъ мало заботился объ изданіи, что напечатанные листы для книги лежали въ типографіи нѣсколько мѣсяцевъ, и лежали въ такомъ видѣ и тогда, когда Г. (*) сталъ распускать свою клевету.

Когда мнѣ передали о послѣдней, я не хотѣлъ вѣрить, но, убѣдившись, отправился къ Некрасову и разсказалъ ему объ этомъ. Н. А. не вознегодовалъ, какъ я имѣлъ право ожидать. «Ничего нѣтъ удивительнаго, сказалъ онъ, не первый разъ... Напрасно ты такъ волнуешься. Онъ еще вчера взялъ у меня деньги (сколько

мнѣ помнится, 500 руб. сер.)». Я предлагалъ Н. А. тотчасъ же изобличить Г. (*)... У меня въ рукахъ, для этого, были всѣ средства. Я хотѣлъ вывѣсить на стѣнѣ конторы журнала, бывшей при книжномъ магазинѣ, счетъ Г. (*). На одной сторонѣ было бы указано число напечатанныхъ листовъ въ «Современникѣ», на другой всѣ сдѣланныя Г. (*) выдачи съ подлинными росписками его въ полученіи денегъ. Изъ счета было бы ясно видно, какъ поддерживался и какъ разсчитывался за работу Г. (*). Некрасовъ не согласился на мое предложеніе, несмотря на то, что я сильно настаивалъ: «Къ чему, говорилъ онъ:—когда-нибудь узнаютъ, что все это вздоръ... Вотъ я его позову и вымою ему голову». Дѣйствительно, Некрасовъ позвалъ Г. (*) къ себѣ... но дѣло кончилось тѣмъ, что Некрасовъ его не похвалилъ».

Въ дальнѣйшемъ И. А. Панаевъ переходитъ къ вопросу объ источникахъ тѣхъ личныхъ средствъ, которыми располагалъ Некрасовъ, и которыя давали ему, какъ мы видѣли, возможность поддерживать «Современникъ» въ трудные моменты его существованія.

«Н. А. получалъ не малыя суммы отъ продажи своихъ сочиненій и игралъ въ карты, и одно время весьма счастливо. Хорошо ли играть въ карты?—это уже другой вопросъ. Много почитаемыхъ и уважаемыхъ людей играютъ въ карты, и это не мѣшаетъ имъ быть почитаемыми и уважаемыми въ обществѣ. Клевета не касается ихъ имени. По крайней мѣрѣ, деньги, выигранныя Некрасовымъ у людей, которымъ не много стоило и проиграть, были употребляемы уже гораздо лучше, чѣмъ деньги, выигранныя многими другими. На деньги Некрасова немало поддерживалось неимущихъ людей, много развилось талантовъ, много бѣдняковъ выходили изъ затруднительнаго положенія.

Не будемъ же строго укорять поэта за эту, свойственную многимъ натурамъ, и натурамъ недюжиннымъ, слабость, тѣмъ болѣе, что у Н. А. это было скорѣе средство для развлеченія или для отвлеченія отъ тягостныхъ и мрачныхъ думъ. Развилась эта слабость въ ту пору, когда онъ былъ боленъ, хандрилъ, собирался умирать, и натура его жаждала сильныхъ ощущеній, могущихъ отрывать его отъ обычно его грустныхъ мыслей...

Охоту Н. А. любилъ гораздо болѣе, чѣмъ карты, и лѣтомъ, въ деревнѣ, конечно, забывалъ о картахъ. Въ Петербургѣ же искусственная жизнь создала и искуственныя привычки.

Отчего клевета не обходила его? Не потому ли, что, выражая

такъ хорошо и такъ горячо скорбь о разныхъ людскихъ бѣдствіяхъ, онъ жилъ, между тѣмъ, самъ жизнью достаточнаго человѣка, не испытывая матеріальныхъ лишеній?

Но тогда негодовать на насъ всѣхъ надо. Всѣ мы искренно скорбимъ о людскихъ бѣдствіяхъ, а живемъ, между тѣмъ, такъ, какъ живутъ люди съ достаткомъ. Неужели слѣдуетъ объяснять негодованіе нижеслѣдующимъ мотивомъ: «онъ имѣлъ громадный талантъ, и, кромѣ этого, во вторую половину жизни, деньги. Какъ, и то и другое?»... Многіе, къ сожалѣнію, не могутъ переносить этого. Имъ какъ будто обидно,—точно талантъ или деньги отняты у нихъ... и они, многіе, негодуютъ на такое совмѣщеніе благъ. Почему негодуютъ—не хочется понять. Скорѣе бы радоваться, вспомнивъ о томъ, какъ неприглядны были раннія дни жизни поэта. Онъ испытывалъ немало бѣдствій, и крайнюю бѣдность и совершенную изолированность въ тѣ самые годы, когда люди начинаютъ развиваться и нуждаются въ нравственной и матеріальной помощи. А затѣмъ сколько лѣтъ трудовой, можно сказать — труженической жизни»...

Трогательно заключительное сужденіе И. А. Панаева о Некрасовѣ: «Въ заключеніе, всѣмъ, интересующимся личностью Некрасова, я считаю обязанностью сказать: бросьте свои сомнѣнія: перестаньте слушать разныя небылицы и клеветы, и вѣрьте, что вашъ поэтъ былъ тѣмъ, чѣмъ рисуетъ ваше воображеніе, и что подсказываетъ вамъ о немъ сердце. Тѣ именно чувства, которыя онъ возбуждалъ или пробуждалъ въ немъ своими стихами, онъ ощущалъ самъ, ощущалъ, несомнѣнно, въ тѣ минуты, когда эти чувства передавалъ бумагѣ. Это былъ поэтъ искренній, человѣкъ простодушный, добрый, и,—что встрѣчается весьма рѣдко,—человѣкъ, не заботящійся о завтрашнемъ днѣ, когда сегодня надо помочь другому».

Мы не беремся пока утверждать, что взглядъ И. А. Панаева на общія свойства личности Некрасова безошибочно вѣренъ. И. А. Панаевъ принадлежалъ къ числу очень близкихъ покойному поэту людей, а потому онъ легко и незамѣтно для самого себя могъ погрѣшить противъ требованій строгаго безпристрастія. Иное дѣло его сужденія о журнальной дѣятельности Н. А. Некрасова. Здѣсь И. А. Панаевъ находился въ области хорошо извѣстныхъ ему фактовъ, и каждое его слово имѣетъ несомнѣнное значеніе. Картина, рисуемая Панаевымъ, до мелочей соотвѣтствуетъ той, ко-

торая возникаетъ въ нашемъ представленіи по прочтеніи письма Некрасова къ Плетневу. Оба использованные нами источника указываютъ на удивительно безкорыстное отношеніе Некрасова къ журналу, ради котораго ему было не жаль ни времени, ни даже личныхъ средствъ, на его искреннюю пріязнь съ сотрудникамъ «Современника», наконецъ, на его глубокую вѣру въ правоту и чистоту своего образа дѣйствій въ дѣлахъ редакціонно-издательскихъ, которыя позволяли ему настаивать на третейскомъ судѣ съ Плетневымъ, въ случаѣ несогласія этого послѣдняго на его предложеніе, которыя заставляли его пренебрегать распускаемыми на его счетъ клеветами, вмѣсто того, чтобы опровергнуть ихъ съ фактами въ рукахъ, какъ этого хотѣлось Панаеву.

Характерно, что и Чернышевскій, воспоминанія котораго о Некрасовѣ недавно напечатаны въ «Современномъ Мірѣ» (1911 г., № 9), въ подобномъ же свѣтѣ изображаетъ его, какъ редактора-издателя журнала. «Самъ я,—говорилъ Некрасовъ Чернышевскому въ первое же свиданіе съ нимъ,—не въ тягость кассѣ журнала... Не скажу вамъ, что вовсе не беру никакой доли изъ его доходовъ, въ вознагражденіе себѣ за редакціонный трудъ. Но думаю, что это меньше, чѣмъ тѣ деньги, которыя расходую на журнальныя надобности изъ моихъ собственныхъ денегъ».

Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій, сдѣлавшись близкимъ сотрудникомъ журнала, лично ознакомился съ его денежными дѣлами и имѣлъ возможность убѣдиться, что Некрасовъ говорилъ ему «само собой разумѣется, чистѣйшую правду безъ всякой утрировки». Надо замѣтить, что приведенный разговоръ происходилъ осенью 1853 г., когда матеріальное благосостояніе поэта далеко не было столь прочнымъ, какъ въ періодъ завѣдыванія конторой «Современника» И. А. Панаевымъ. Прямота, прямодушіе и несомнѣнное безкорыстіе, проявленныя Некрасовымъ при началѣ его сношеній съ Чернышевскимъ, произвели на этого послѣдняго глубокое впечатлѣніе и опредѣлили разъ навсегда ихъ личныя отношенія въ духѣ взаимнаго уваженія и благожелательства. И въ послѣдующіе годы Чернышевскій не имѣлъ случая сомнѣваться въ упомянутыхъ качествахъ редактора «Современника». «Во все продолженіе моихъ дѣловыхъ отношеній къ Некрасову, пишетъ Чернышевскій, не было ни одного денежнаго вопроса между нами, въ которомъ онъ не согласился бы принять мое рѣшеніе». Только однажды между ними возникъ продолжительный денежный споръ.

Хотя Чернышевскій и «считалъ себя неправымъ въ своемъ требованіи», но продолжалъ упорно стоять на своемъ и «не принималъ никакихъ резоновъ». И что же? Некрасовъ, разсказываетъ Чернышевскій, «скрѣпя сердце, пожертвовалъ мнѣ интересами—не своими: свои онъ съ перваго слова отдалъ на мой произволъ,—но интересами посторонняго спору, беззащитнаго, при покинутости Некрасовымъ, безпомощнаго и безотвѣтнаго Панаева».

Не лишнее оговорить, что Чернышевскій въ данномъ случаѣ шелъ на сознательно несправедливыя требованія не ради какихъ-либо личныхъ выгодъ, а исключительно изъ «желанія успокоить болѣзненную мнительность Добролюбова», бывшаго тогда за границей.

Было бы, однако, ошибочно на основаніи этого эпизода предполагать, что Некрасовъ былъ недостаточно внимателенъ къ Добролюбову. Наоборотъ, съ самаго начала ихъ знакомства поэтъ обнаруживалъ трогательную, чисто отеческую заботливость о немъ. Побывавъ, однажды, на квартирѣ Добролюбова и найдя ее сырой, Некрасовъ разразился упреками по адресу Чернышевскаго, почему онъ не предупредилъ его объ этомъ заранѣе, и тотчасъ отрядилъ своего брата Федора Алексѣевича и камердинера Василія искать по городу подходящее для Добролюбова помѣщеніе. Когда поиски эти кончились неудачей, то Некрасовъ, жившій на одной квартирѣ съ Панаевымъ, предоставилъ Добролюбову двѣ комнаты, прилегавшія къ его квартирѣ и стоявшія до того времени пустыми. Здѣсь Добролюбовъ устроился очень уютно, тѣмъ болѣе, что, обѣдая вмѣстѣ съ Панаевыми и Некрасовымъ, онъ былъ избавленъ отъ мелочныхъ заботъ о столѣ. Не менѣе ярко проявилось доброе отношеніе Некрасова къ Добролюбову во время болѣзни этого послѣдняго. Въ подтвержденіе приведемъ отрывокъ изъ письма Некрасова къ Добролюбову отъ 18 іюля 1860 года, въ которомъ онъ опять-таки показалъ себя на рѣдкость безкорыстнымъ человѣкомъ. «Теперь»,—пишетъ Некрасовъ,—«о дѣлѣ, которое васъ особенно устрашаетъ, о деньгахъ. Я если-бы васъ меньше зналъ, то могъ бы даже разсердиться. За кого же вы насъ принимаете: я уже самъ не разъ говорилъ, что ваше вступленіе въ «Современникъ» принесло ему столько пользы (доказанной цифрою подписчиковъ въ послѣдніе годы), что намъ трудно и сосчитаться, и, во всякомъ случаѣ, мы у васъ въ долгу, а не вы у насъ. Счеты пойдутъ тогда, когда почему-нибудь наши дѣла упадутъ:

тогда, конечно, вы будете получать меньше, хоть работать и больше. Какія же иныя могутъ быть между нами условія и отношенія? Итакъ, единственная мѣра въ настоящемъ случаѣ *возможность*, а я уже вамъ сказалъ, что вы можете въ нынѣшнемъ году получить до 6 т. р. Что до *необходимаго*, то и говорить нечего—да, наконецъ, чтобы успокоить васъ по этой части, скажу вамъ, что въ нынѣшнемъ году я выигралъ до 60 тысячъ, изъ коихъ наличными 35 и на заемныя письма 25. Изъ наличныхъ у меня до 25 т. въ рукахъ сію минуту. Куда вамъ прислать денегъ и кому здѣсь дать. Пишите! Ну! надоѣла эта матерія!..» (см. «Современный Міръ» 1911 г., № 11). Добролюбовъ, въ свою очередь, платилъ Некрасову нѣжнѣйшимъ расположеніемъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма его къ Чернышевскому: «А письмо его (Некрасова къ Добролюбову) недоброе (увѣдомляло о болѣзни съ предчувствіемъ смерти)... Не дай Богъ никому получать такія записочки заграницей отъ близкихъ людей. Успокаиваетъ меня только то, что Вы ничего не говорите объ его болѣзни. Но, пожалуйста, напишите мнѣ въ Одессу, что онъ и какъ. Вѣдь, кромѣ Васъ да его, у меня нѣтъ теперь въ Петербургѣ никого. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже ближе ко мнѣ» (ст. М. А. Антоновича о Некрасовѣ, «Журналъ для всѣхъ» 1903 г., № 2).

Таковы были отношенія Н. А. съ крупнѣйшими представителями редакціоннаго кружка «Современника» 60-хъ гг. Нравственная высота духовнаго облика, какъ Добролюбова, такъ, въ особенности, Чернышевскаго—общеизвѣстна. Поэтому самый фактъ ихъ интимной дружбы съ Некрасовымъ не можетъ не свидѣтельствовать въ его пользу. Окончательный приговоръ надъ личностью Некрасова, какъ было указано выше,—дѣло будущаго, но уже въ настоящее время имѣются серьезныя основанія думать, что этотъ приговоръ будетъ благопріятнымъ для Некрасова. Образъ дѣйствій Некрасова, какъ редактора-издателя «Современника», его отношеніе къ сотрудникамъ, вообще его роль въ редакціонной семьѣ журнала таковы, что за нихъ должны проститься многія «вины» поэта, въ которыхъ онъ такъ горько каялся въ своихъ стихахъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

I. НАРОДОЛЮБІЕ НЕКРАСОВА И ЕГО ИСТОЧНИКИ.

Вѣрь, что во мнѣ необъятно безсмѣнная
Крылась къ народу любовь.

I.

Въ представленіи русскаго интеллигентнаго читателя имя Некрасова неразрывно связано съ проповѣдью народническихъ идеаловъ, съ яркимъ изображеніемъ народнаго быта, преимущественно, народныхъ страданій. Поэтъ-народолюбецъ, печальникъ горя народнаго—вотъ тѣ эпитеты, которые обычно прилагаются къ Некрасову широкими кругами русской читающей публики. Въ критической литературѣ, съ легкой руки величайшаго изъ современниковъ поэта, Ѳ. М. Достоевскаго, въ свою очередь, сложилось на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе.

Въ 1877 году, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Некрасова, Достоевскій записалъ о немъ въ своемъ «Дневникѣ» слѣдующія проникновенныя слова: «У него была своя, своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда,—это истинная, страстная, а, главное, непосредственная любовь къ народу. Онъ боялъ о страданіяхъ его всей душой, но видѣлъ въ немъ не одинъ лишь униженный рабствомъ образъ, звѣрское подобіе, но смогъ силой любви своей постичь почти безсознательно и красоту народную, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость его и даже частью увѣровать въ будущее предназначеніе его»...

Позднѣйшій критикъ С. А. Андреевскій склонялся даже къ мысли, что не только поэтическое творчество Некрасова, но и всю жизнь его слѣдуетъ разсматривать подъ угломъ присущаго ему, все существо его проникающаго народолюбія. Любовь къ народу,—говоритъ г. Андреевскій,—«течетъ у Некрасова лавою по всѣмъ его произведеніямъ», принимая самые разнообразные оттѣнки: то раздирающей душу скорби, то смѣлой защиты передъ

сильными міра, то доброй ласки отца, то горячей заботы публициста, то вдохновеннаго увлеченія поэта. Некрасовъ «чувствовалъ себя хозяиномъ скорбящаго народнаго царства»... Хотя «народъ и безмолствовалъ», внимая «музѣ мести и печали», «но это придавало еще болѣе трагическій оттѣнокъ пѣснямъ Некрасова. Онъ увлекался своею миссіей, облагораживался въ ней... Въ теченіе многихъ лѣтъ на глазахъ цѣлой Россіи развертывался этотъ романъ Некрасова съ народомъ. Поэзія была уже не только въ томъ, что онъ писалъ, но въ самой его роли, въ этой исторіи нераздѣленной, болѣзненной любви Некрасова къ народу».

Само-собой разумѣется, что подобный взглядъ на поэзію Некрасова въ основѣ своей справедливъ. Онъ находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ самого поэта. «Я призванъ былъ воспѣть твои страданья, терпѣньемъ изумляющій народъ» (стих. «Элегія»)—вотъ въ чемъ видѣлъ Некрасовъ свое поэтическое предназначеніе. Соотвѣтственно съ этимъ, вдохновляющая поэта Муза рисовалась ему въ образѣ «печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ». Ея мѣстопребываніемъ была «убогая хижина»; здѣсь «предъ дымною лучиной, согбенная трудомъ, убитая кручиной», она пѣвала свои пѣсни. Безотрадныя картины народной жизни, постоянно разстилавшіяся передъ ея глазами, надломили ея душу, сдѣлали ее «плачущей, скорбящей и болящей» Музою. Страждущій народъ, страждущая Муза—эти два образа какъ бы сливались въ одинъ въ сознаніи поэта. Въ яркомъ и красочномъ «Отрывкѣ» *), почему-то упорно не включаемомъ въ «Полное (?!) собраніе стихотвореній» Некрасова, онъ дѣлаетъ такое выразительное сопоставленіе:

„Вчерашній день, часу въ шестомъ
Зашелъ я на Сѣнную,
Тамъ били дѣвушку кнутомъ—
Крестьянку молодую.
Ни звука изъ ея груди,
Лишь бичъ свисталъ играя...
И Музѣ я сказалъ: Гляди!
Сестра твоя родная...

Такимъ образомъ, общераспространенное мнѣніе, подтверждаемое и отзывами критики, и поэтическими свидѣтельствами самого Некрасова, о томъ, что любовь къ народу наиболѣе характер-

*) Сборникъ „Голодному на хлѣбъ“. СПБ. 1892 г.

ная черта его поэзіи, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Тѣмъ интереснѣе остановиться на источникахъ некрасовскаго народолюбія и прослѣдить его постепенное развитіе.

Несмотря на неразработанность біографіи Некрасова, все же она даетъ нѣсколько фактовъ, неопровержимо свидѣтельствующихъ о томъ, что первыя сѣмена любви къ народу были брошены въ его сердце еще въ дѣтскіе годы.

Родители Некрасова принадлежали, какъ извѣстно, къ мелкопомѣстному дворянству, а потому въ укладѣ и обстановкѣ ихъ жизни не могло быть той кастовой замкнутости, которая нерѣдко царила въ усадьбахъ болѣе состоятельныхъ помѣщиковъ. По воспоминаніямъ сестры поэта, непосредственно за барскимъ садомъ начинались крестьянскія избы; достаточно было перелѣзть черезъ садовую рѣшетку, чтобы очутиться въ обществѣ крестьянскихъ ребятишекъ, притягивавшихъ маленькаго Некрасова, «какъ магнитъ». Для большаго удобства своихъ сношеній съ ними, онъ продѣлалъ въ рѣшеткѣ особую лазейку, и «при каждомъ удобномъ случаѣ» присоединялся къ нимъ и принималъ участіе въ ихъ играхъ. Свидѣтельство сестры поэта подтвердилъ также и одинъ изъ старожиловъ «Некрасовщины», крестьянинъ Ерастъ Максимовичъ Торчинъ, бывшій въ имѣніи Некрасовыхъ старостой впредь до самаго объявленія воли и, очевидно, хорошо освѣдомленный въ обиходѣ усадебной жизни *).

Любопытна подробность, сообщаемая Торчинымъ, объ отношеніи къ деревенскимъ знакомствамъ Некрасова его родителей: отецъ не позволялъ своимъ дѣтямъ сходиться съ крестьянскими ребятишками, «мать же часто отпускала ихъ въ деревню, когда отецъ уѣзжалъ; но только заслышитъ рогъ охотниковъ, какъ уже посылаетъ дѣвушку, чтобы скорѣе шли дѣти; если жъ долго не идутъ, а рогъ уже слышенъ близко, то бѣжала встрѣчать дѣтей сама».

Эти свѣдѣнія о дѣтскихъ годахъ Некрасова соотвѣтствуютъ той картинѣ, которую рисуетъ самъ поэтъ въ общеизвѣстномъ стихотвореніи «Крестьянскія дѣти», разсказывая о грибныхъ набѣгахъ и другихъ деревенскихъ развлеченіяхъ, въ которыхъ онъ

*) Воспоминанія Торчина и другихъ крестьянъ Некрасовщины, почему-то не обратившія на себя должнаго вниманія критики, были опубликованы въ ярославской газетѣ „Сѣверный Край“ (1902 года 27 декабря) и въ брошюрѣ г. Смирнова „Передъ Некрасовскими днями“ (Ярославль, 1902 г.).

принималъ участіе вмѣстѣ со своими пріятелями—крестьянскими ребятишками. Въ этомъ же стихотвореніи содержится упоминаніе, о томъ, что авторъ и его товарищи, пользуясь тѣмъ, что по близости проходила большая дорога (с. Грешнево, дѣйствительно, стоитъ на большой дорогѣ, между Ярославлемъ и Костромой), вступали въ разговоръ съ прохожими «людьми рабочаго званія», отъ которыхъ иной разъ слышали много для себя интереснаго:

„Иной подгуляетъ, такъ только держися,
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ.
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса.
И сказкой потѣшитъ и притчу ввернетъ...
Случалось тутъ цѣлые дни пролетали,
Что новый прохожій, то новый разсказъ."

Само собой разумѣется, что и эти дорожныя впечатлѣнія, и, тѣмъ болѣе, близкое и постоянное общеніе съ крестьянскими дѣтьми должны были дать Некрасову всестороннее знаніе народной жизни, которое такъ ярко сказывается въ его поэтическомъ творчествѣ.

Знакомясь съ русской деревней, будущій поэтъ привыкалъ относиться къ ея безправнымъ обитателямъ тепло и участливо. Здѣсь рѣшающую роль, безспорно, приходится отвести материнскому примѣру. Слова поэта въ стихотвореніи «Мать» о тѣхъ «неуловимыхъ глазомъ» дѣлахъ милосердія, съ помощью которыхъ его мать облегчала жизнь «тысячамъ сердецъ, чей идеалъ—убавленное горе», ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть названы поэтической вольностью: они основаны на дѣйствительныхъ фактахъ. Уже извѣстный намъ Торчинъ разсказывалъ, что Елена Андреевна Некрасова «просила мужа за всѣхъ и, иногда вызывая гнѣвъ его, сама страдала». Почти столѣтняя крестьянка дер. Кощеевки—Ѳеоктиста Сорокина, съ своей стороны, характеризовала мать поэта, какъ «добрую, хорошую» барыню, которая «на работы въ поле никогда не ходила, а когда во дворъ, садъ или домъ приходили работать, то слѣдила, чтобы больныя женщины не работали и вообще не брали непосильныхъ работъ и не поднимали тяжестей. Всѣ женщины, когда не было дома барина, шли за совѣтами, лекарствами къ барынѣ, и она съ каждой поговоритъ, разспроситъ, какъ живетъ, о дѣтяхъ, о мужѣ, помогала совѣтомъ и давала, что могла».

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими безхитростными разсказами, записанными въ 1902 году сотрудниками «Сѣвернаго Края»,

находится то, что пришлось слышать изъ устъ грешневскихъ крестьянъ автору этихъ строкъ десятью годами позднѣе. Между прочимъ, путемъ обстоятельныхъ разспросовъ удалось выяснить, что иногда предстательство матери Некрасова за крѣпостныхъ передъ мужемъ не оставалось безрезультатнымъ. По крайней мѣрѣ, восьмидесятилѣтняя крестьянка Татьяна Широкова, хорошо помнящая времена крѣпостничества, отзываясь объ Еленѣ Андреевнѣ, какъ о барынѣ, которой «и цѣны нѣтъ», добавила: «когда баринъ собирался бить дворового, она бросалась къ нему на шею, и баринъ отступался».

Принявъ во вниманіе ту безграничную, прямо-таки болѣзненную привязанность, которую питалъ Некрасовъ къ своей матери—въ подтвержденіе напомнимъ уже цитированные нами отрывокъ изъ «Дневника» Достоевскаго и разсказъ Гайдебурова объ его посѣщеніи уже умиравшаго Некрасова—нельзя не прійти къ заключенію, что отмѣченные факты изъ ея отношеній къ крѣпостнымъ должны были оказать могущественное вліяніе на душу мальчика, должны были пробудить въ немъ чувства любви и жалости къ родному народу.

Въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи неизданныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, записанныхъ подъ диктовку умиравшаго Некрасова, во вставкѣ на поляхъ, сдѣланной рукой самого поэта, сообщается, между прочимъ, объ эпизодѣ, который даетъ право утверждать, что въ едва пробудившемся сознаніи ребенка съ образомъ матери тѣсно ассоціировалось представленіе о теплomъ и участливомъ отношеніи къ крестьянамъ. Разсказавъ о томъ, что мать всегда удивлялась его хорошей памяти, а въ особенности тому, что онъ отчетливо помнилъ событія самаго ранняго дѣтства, Некрасовъ продолжаетъ:

«Я сказалъ ей (т. е. матери) что помню еще что-то про пастуха и мѣдныя деньги.

— Это было дорогой, сказала она, дорогой на одной станціи я держала тебя на рукахъ и говорила съ маленькимъ пастухомъ, которому дала нѣсколько грошей. Не помнишь ли еще, что было въ рукахъ у пастуха?

Я не помнилъ.

— У пастуха былъ кнутъ втрое больше его самого».

Само собой разумѣется, что культивируемое матерью сочувственное отношеніе къ крестьянамъ первоначально не могло быть

вполнѣ сознательнымъ,—оно ограничивалось, по преимуществу, сферой чувства,—но насталъ моментъ, когда надъ соціальнымъ смысломъ явленій крѣпостнической дѣйствительности заработала и мысль ребенка. О томъ, какими путями шло проясненіе общественнаго сознанія Некрасова въ дѣтскіе годы, позволяетъ судить разсказъ о встрѣчѣ поэта съ бурлаками изъ стих. «На Волгѣ». Ихъ тоскливыя рѣчи о томъ, что «кабы къ утру умереть—такъ лучше было бы еще», ихъ жалкая внѣшность произвели потрясающее впечатлѣніе на юнаго Валежникова, отъ имени котораго ведется изложеніе: онъ въ первый разъ назвалъ родную рѣку «рѣкою рабства и тоски» и, охваченный жгучимъ желаніемъ помочь народу, давалъ въ кругу товарищей такія клятвы, которыя впослѣдствіи не рѣшался даже и повторить, «чтобы кто-нибудь не осмѣялъ». Случившееся съ Валежниковымъ можетъ быть съ полнымъ основаніемъ отнесено къ самому Некрасову, такъ какъ близко знавшій этого послѣдняго Н. Г. Чернышевскій въ своихъ «Замѣткахъ о Некрасовѣ» *) категорически утверждаетъ, что «въ пьесѣ «На Волгѣ» есть личныя воспоминанія». Разсказывая, однажды, Чернышевскому о своемъ дѣтствѣ, Некрасовъ передалъ ему разговоръ бурлаковъ, при чемъ прибавилъ, что онъ собирается имъ воспользоваться для одного изъ задуманныхъ стихотвореній. Черезъ нѣсколько времени Чернышевскій, прочитавъ вновь написанное стихотвореніе «На Волгѣ», убѣдился, что оно въ точности воспроизводитъ этотъ разговоръ: «перемѣны въ словахъ сдѣланы лишь такія, которыя были необходимы для подведенія ихъ подъ размѣръ стиха». Разсказъ Чернышевскаго весьма любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какими неизгладимыми чертами врѣзались бурлацкія жалобы въ память Некрасова, разъ онъ, по истеченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, помнилъ каждое слово и, слѣдовательно, какъ потрясла поэта самая встрѣча съ бурлаками.

Некрасовъ не приводитъ въ своемъ стихотвореніи тѣхъ клятвъ, которыя онъ далъ подъ вліяніемъ этого, столь прояснившаго его общественное сознаніе, эпизода. Однако, изъ всего содержанія стих. «На Волгѣ» видно, что онѣ заключались въ обѣщаніи «наполнить жизнь борьбою» съ тѣмъ соціальнымъ укладомъ, при которомъ родная рѣка не заслуживаетъ иного названія, какъ «рѣка рабства и тоски». Такимъ образомъ, дѣтскія

*) Полное собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. 10, ч. 2, стр. 237.

клятвы Некрасова, безспорно, были однородны со знаменитой «аннибаловской» клятвой Тургенева. Разница лишь въ томъ, что некрасовскій обѣтъ былъ данъ въ годы несравненно болѣе раніе, чѣмъ тургеневскій...

Жалость и любовь къ порабощенному народу, пробудившіяся, такимъ образомъ, еще въ дѣтствѣ, тѣмъ сильнѣе должны были укрѣпляться въ душѣ Некрасова, что онъ самъ страдалъ отъ того гнета, который тяжкимъ бременемъ лежалъ на крестьянахъ некрасовской вотчины. Этотъ гнетъ воплощался въ лицѣ отца поэта, Алексѣя Сергѣевича. Во многихъ стихотвореніяхъ Некрасова разбросаны упоминанія объ его тиранических выходкахъ, какъ въ отношеніи крестьянъ, такъ и въ отношеніи дѣтей и домочадцевъ, всецѣло подтверждаемыя воспоминаніями крестьянъ. Неудивительно, поэтому, что Некрасовъ, самъ много претерпѣвшій отъ отца, проникшійся въ концѣ концовъ къ нему чувствомъ, близкимъ къ ненависти, не могъ не относиться сочувственно къ тѣмъ, кому еще тяжелѣе давалось властное самодурство Алексѣя Сергѣевича.

Весьма характерно, что образовавшіяся во время совмѣстныхъ дѣтскихъ игръ, скрѣпленныя тяжестью общаго угнетенія связи между Некрасовымъ и его сверстниками—крестьянскими мальчиками—были настолько прочными, что не оборвались и впослѣдствіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сестра поэта, по словамъ которой Некрасовъ и ярославскимъ гимназистомъ, въ каникулярное время, и петербургскимъ литераторомъ, во время побывокъ у родныхъ, не прекращалъ сношеній со своими деревенскими пріятелями. Городская жизнь, такимъ образомъ, хотя и отдалила Некрасова отъ народа, но заглушить его тяготѣнія къ нему не могла.

Даже въ періодъ увлеченія романтизмомъ, въ общемъ очень далекимъ отъ интересовъ реальной жизни, Некрасовъ обнаруживалъ, поскольку допускали рамки названнаго литературнаго направленія, интересъ къ народнымъ темамъ и сюжетамъ. Въ его первомъ стихотворномъ сборникѣ «Мечты и звуки» *) изъ 4-хъ балладъ двѣ («Воронъ» и «Рыцарь») черпаютъ свои сюжеты изъ

*) Подробный анализъ стихотвореній этого сборника, изъ которыхъ нѣкоторыя положительно не лишены извѣстнаго общественнаго устремленія, читатель найдетъ въ книгѣ Владислава Максимова: „Литературные дебюты Некрасова“. Спб. 1908 г.

области средневѣковой фантастики, другія же двѣ («Водяной» и «Пиръ вѣдьмы») воспроизводятъ якобы русскія народныя вѣрованія. Въ «Водяномъ» поэтъ разсказываетъ о любви юноши къ женѣ водяного и о гибели обоихъ любовниковъ въ волнахъ разгнѣванной рѣки. Въ «Пиръ вѣдьмы» онъ изображаетъ шабашъ нечистой силы; это стихотвореніе интересно, между прочимъ, своею формою, воспринявшей нѣкоторыя особенности народнаго склада. Вотъ, напримѣръ, первыя строфы его:

„Темно въ хатѣ, душно въ хатѣ;
Пляшутъ ложки на столѣ.
Скачетъ вѣдьма на ухватѣ,
Ѣдетъ чертъ на помелѣ.
Свѣтло въ хатѣ, чисто въ хатѣ;
Вышла баба изъ трубы,
Набрала воды въ ушатѣ,
Загадала на бобы...“ и т. д.

Этимъ же легкимъ размѣромъ написано нѣсколько главъ изданной въ томъ же 1840 г. поэмы Некрасова подъ заглавіемъ «Баба-Яга. Русская народная сказка въ 8 главахъ». Въ «Бабѣ-Ягѣ», произведеніи, въ общемъ, очень слабомъ, мѣстами вульгарномъ, писанномъ, очевидно, ради хлѣба насущнаго, Некрасовъ все же обнаружилъ относительное знакомство съ народной поэзіей. Послѣдней онъ обязанъ образами Бабы-Яги, злобной старухи, разъѣзжающей въ ступѣ, ея вѣрнаго слуги, пятиглаваго змѣя, разсказомъ о быстромъ возрастаніи одного изъ героевъ, могучаго богатыря царевича-Спиридона (ср. съ былинами о Вольгѣ Святославовичѣ и Волхѣ Всеславьевичѣ). Немало также заимствованій изъ сказочнаго и былевого эпоса внесъ Некрасовъ въ языкъ своей поэмы: на стр. 16-й бой богатырей сравнивается со столкновеніемъ двухъ тучъ, какъ и въ былинѣ объ Ильѣ и Сокольникѣ; на стр. 24-й читаемъ: «скоро сказка говорится, да не скоро то творится, что разсказываютъ въ ней;» на стр. 57-й находимъ выраженіе «время льется, словно рѣчка», очевидно, взятое изъ былины о Добрынѣ; заключается поэма традиціоннымъ въ народныхъ сказкахъ упоминаніемъ объ участіи автора въ свадебномъ пирѣ. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что книжныя вліянія, сказывающіеся въ «Бабѣ-Ягѣ», далеко превосходятъ народныя. Мѣстами это произведеніе молодого поэта напоминаетъ «Руслана и Людмилу» Пушкина. Въ основѣ обѣихъ поэмъ лежитъ похищеніе красавицы сверхъ-естественнымъ существомъ (у Пушкина—Черноморомъ, у

Некрасова—Бабой-Ягой) и розыски ее женихомъ (у Некрасова отправившійся отыскивать Миловзору ея братъ Булатъ попался въ плѣнъ, освободилъ же красавицу богатырь Спиридонъ, потомъ женившійся на ней). Въ развитіи сюжетовъ и отдѣльныхъ эпизодовъ повѣствованія также много общаго: Руслана противникъ носитъ по воздуху, и со Спиридономъ случается то же самое; Русланъ, побѣдивъ Черномора, сначала не находитъ Людмилы, а затѣмъ видитъ ее погруженной въ безпробудный сонъ,—и Спиридонъ, послѣ неудачной битвы съ Ягой, вмѣсто Миловзоры, натыкается на статую; пробужденіе красавицы и у Пушкина, и у Некрасова происходитъ благодаря вмѣшательству благодѣтельнаго волшебнаго начала. Однако, отмѣченное преобладаніе книжнаго элемента въ юношеской поэмѣ Некрасова отнюдь не опровергаетъ нашего утвержденія объ его знакомствѣ съ народной поэзіей и не препятствуетъ заключенію, что во время наибольшаго увлеченія Некрасова романтизмомъ, его все-таки влекли къ себѣ народныя темы и сюжеты, хотя умѣнія придать имъ болѣе или менѣе художественную и реальную форму еще не было.

Романтическая струя, находясь въ рѣзкомъ противорѣчіи съ черезчуръ реальными впечатлѣніями столичной жизни поэта, принужденнаго временами влачить полунищенское существованіе, и не находя опоры въ особенностяхъ его писательскаго склада, довольно быстро изсякла въ творчествѣ Некрасова. Ее смѣнили произведенія въ сатирическомъ духѣ, причемъ сатира ихъ, въ общемъ, чисто реалистическая по своему характеру, нерѣдко переходила въ шаржъ и каррикатуру. Такъ, въ самомъ началѣ того же 1840 г., къ которому относится появленіе въ свѣтъ сборника «Мечты и звуки», Некрасовъ печатаетъ въ журналѣ Ф. А. Кони «Пантеонъ» стихотвореніе «Провинціальный подъячій въ Петербургѣ» съ рѣзкими выпадами противъ своекорыстія чиновниковъ-взяточниковъ. Въ одноактномъ водевилѣ «Актеръ», напечатанномъ въ томъ же «Пантеонѣ», поэтъ изображаетъ въ чисто фонвизинскихъ тонахъ скупую и жестокую провинціальную помѣщицу Сухожилову, которая вдается однажды въ разсужденія о томъ, чѣмъ удобнѣе «муштровать дворню»—палкой или плеткой—и отдаетъ рѣшительное предпочтеніе плеткѣ, ссылаясь на собственную практику: «вотъ у меня,—говоритъ она,—плетка сдѣлана... такъ ужъ больно сподручно». Здѣсь уже чувствуются враждебныя крѣпостному праву ноты. Еще замѣтнѣе звучатъ онѣ во второй части

изданной Некрасовымъ въ 1843 г. книжки «Статейки въ стихахъ», въ которой помѣщена философская сказка «Жизнь и люди». Содержаніе ея сводится къ слѣдующему: къ духу жизни являются тѣни умершихъ, претендующихъ на вѣчную жизнь, и разсказываютъ дѣла свои; въ ихъ числѣ предстаетъ тѣнь помѣщика и говоритъ о себѣ:

Я въ своей деревнѣ...
То есть вотъ какъ славно жилъ,
Что дрожали всѣ оконницы,
Какъ съ друзьями я кутилъ.
Утромъ, на поле отъѣзжее,
И гоняю тамъ коня.
Всѣ чиновники заѣзжіе
Отъѣдались у меня...
Да и самъ поѣсть я промаху,
Право-слово, не давалъ,
И настойку на черемуху
Персонально наливалъ.
Пью съ друзьями—такъ испарина
Вотъ и валитъ, хоть не вѣрь.
Ужъ, ей-ей, такого барина
Не сыскать нигдѣ теперь.
Я заморской тарабарщинѣ
Не учился никогда..
Дѣвки круглый день на барщинѣ
Да такія, что бѣда...
На крестьянъ монхъ, мошенниковъ,
Дворня дюжая моя
Извела не мало вѣниковъ.
Какъ же, хамова семья,
Не на толь они родилися,
Чтобы барину служить?
А туда же нарохтилися,
Для себя копить и жить.

Хотя нарисованная въ этомъ отрывкѣ картина находитъ себѣ близкія аналогіи въ такихъ стихотвореніяхъ Некрасова, какъ «Псовая охота», «Несчастные» и др., однако, приписывать ему на этомъ основаніи авторство сказки «Жизнь и люди» было бы неправильно тѣмъ болѣе, что В. Р. Зотовъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Историческій вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 339—342) категорически утверждаетъ, что «Жизнь и Люди» написалъ онъ, не отрицая, впрочемъ того, что издателемъ «Статеекъ» былъ Некрасовъ. Само собой разумѣется, что поэтъ не сталъ бы печатать въ своемъ изданіи, на ряду со своимъ «Говоруномъ», произведенія, содержанія котораго не одобрялъ. А что Некрасовъ одобрялъ его, это видно изъ того, что онъ не побоялся препирательствъ съ цензурой, возникшихъ изъ-за сказки. Изъ «воспоминаній» того-же

Зотова видно, что цензоръ Амплій Николаевичъ Очкинъ сначала запретилъ всю сказку и немалыхъ трудовъ стоило убѣдить его взять свое запрещеніе обратно.

Сдѣланныя ссылки, какъ и приведенная выше переписка Некрасова съ Кони, свидѣтельствуютъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ Некрасовъ уже пришелъ къ извѣстнымъ общественнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Симпатизировалъ онъ родному крестьянству *), господствующія же сословія, среди которыхъ не мало можно было встрѣтить чиновниковъ-взяточниковъ и казнокрадовъ **) и помѣщиковъ типа Алексѣя Сергѣевича, презирающихъ всякую науку, эту «западную тарабарщину», предающихся по цѣлымъ днямъ охотѣ и пьянству и притѣсняющихъ своихъ безправныхъ крѣпостныхъ,—возбуждали въ немъ критическое къ себѣ отношеніе, переходившее иногда въ негодованіе. Весьма характерно, что чувство дворянскаго гонора, столь широко распространенное даже среди захудалыхъ помѣщиковъ, отнюдь не было присуще Некрасову. Болѣе того, онъ, очевидно, относился къ дворянскимъ притязаніямъ очень отрицательно, такъ какъ въ одинъ изъ своихъ заимствованныхъ водевилей ***) 1841 г. онъ включилъ оригинальную сценку, состоящую въ насмѣшкахъ надъ родовыми предразсудками, воплощенными въ лицѣ нѣкоего барона Лохенкрета. Лохенкретъ, въ дѣйствительности—переодѣтый ухаживатель героини водевиля Фортункинъ, съ важностью рекомендуется ювелиру Руперту и, прося не смѣшивать его съ Лохенкротомъ, потому что тотъ «мужикъ... изъ плебеевъ», заявляетъ: «надо вамъ сказать, что если-бъ наше родословное дерево росло и не подсыхало... то я, какъ верхушка его, былъ бы теперь въ облакахъ, а не у васъ въ магазинѣ»... и т. д. Своеобразный демократизмъ поэта, сказавшійся въ этихъ словахъ, не былъ напоснымъ, потому что и деревенская жизнь Некрасова и, въ особенности, впечатлѣнія первыхъ лѣтъ его петербургскаго житья-бытья сильно способствовали

*) Въ подтвержденіе мы можемъ еще сослаться на драматическую фантазію Некрасова „Юность Лермонтова“ (1840 г.), въ 1 сценѣ которой сочувственными чертами обрисовано бѣдное крестьянское житье престарѣлыхъ родителей Ломоносова; см. „Литературный Архивъ“ Картавова 1902 года.

**) Рѣзкія обличенія чиновничества встрѣчаются также въ драмѣ Некрасова, передѣланной изъ романа Квитки-Основьяненко „Похожденія Столбикова“ (1842 г.), съ рукописью которой мы познакомились въ Библіотекѣ Императорскихъ театровъ.

***) „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, переработка пьесы Нарѣжнаго „Дѣвушка подъ замкомъ“. См. „Репертуаръ русскаго театра“ 1841 г. № 4.

его развитію. Полная матеріальная необезпеченность съ 1838 по 1841 годъ—къ этому именно времени относится грустное признаніе поэта: «ровно три года я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ»—сталкивала Некрасова съ самыми низшими слоями городского населенія *). Многочисленныя свидѣтельства современниковъ о голодовкахъ и ночлежныхъ скитаніяхъ молодого поэта общеизвѣстны. Мы повторять ихъ не будемъ, укажемъ только, что недавно они получили авторитетное подтвержденіе въ воспоминаніяхъ Е. Колбасина (см. «Современникъ», № 8, 1911 г.). «Шестнадцати лѣтъ отъ роду, пишетъ этотъ послѣдній о Некрасовѣ, онъ бросилъ родительскій домъ, прибылъ въ Петербургъ и почти безъ пріюта таскался по петербургскимъ трущобамъ... Бывали тогда такіе тяжелые для него мѣсяцы, что онъ ежедневно отправлялся на Сѣнную площадь и тамъ за 5 копеекъ или за кусокъ бѣлаго хлѣба писалъ крестьянамъ письма, прошенія, а въ случаѣ неудачи на площади, отправлялся въ казначейство, чтобы расписываться за неграмотныхъ и получать за это нѣсколько копѣекъ». Несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ жизни міросозерцаніе поэта должно было пріобрѣсти демократическій оттѣнокъ.

II.

Въ результатѣ, ко времени начала своихъ отношеній съ Бѣлинскимъ, Некрасовъ хотя и не выработалъ еще стройнаго общественно-политическаго міровоззрѣнія, но, во всякомъ случаѣ, извѣстныя и довольно сильныя предрасположенія уже имѣлъ. Тѣмъ не менѣе, состоявшемуся около 1842—43 года знакомству его съ великимъ критикомъ суждено было пріобрѣсти на него огромное вліяніе. Характеръ этого вліянія опредѣляется какъ отзывами самого Некрасова, такъ и свидѣтельствами нѣкоторыхъ близкихъ имъ обоимъ лицъ. «Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ,—говоритъ Некрасовъ въ одной изъ своихъ записокъ, посвященныхъ ихъ отношеніямъ,—богато-одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мною, имѣвшія для меня значеніе поученія». Насколько цѣнилъ эти бесѣды Некрасовъ, какое рѣшающее вліяніе на свое умственное и нрав-

*) Своими наблюденіями надъ ихъ жизнью Некрасовъ воспользовался для двухъ своихъ прозаическихъ разсказовъ, не лишенныхъ автобіографическихъ чертъ: „Безъ вѣсти пропавшій пінта“ („Пантеонъ“ 1840 г.) и „Петербургскіе углы“ („Физіологія Петербурга“ 1845 г.).

ственное существо онъ готовъ былъ имъ приписывать, видно изъ «Воспоминаній» Панаевой-Головачевой, которая, воспроизводя одинъ изъ разговоровъ Некрасова съ Добролюбовымъ, приводитъ нижеслѣдующія слова поэта о Бѣлинскомъ: «Я съ каждымъ годомъ все сильнѣе чувствую, какъ важна для меня потеря его. Я чаще сталъ видѣть его во снѣ, и онъ живо рисуется передъ моими глазами. Ясно припоминаю, какъ мы съ нимъ, вдвоемъ, часовъ до двухъ ночи бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько для меня было новаго въ высказанныхъ мысляхъ... Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ... Чтобы ему пожить подольше! Я бы былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ теперь!»

Приблизительно то же говорилъ Некрасовъ и Достоевскому (см. «Дневникъ Писателя» за январь 1877 г.).

Въ полномъ соотвѣтствіи съ приведенными данными Анненковъ въ недавно опубликованномъ письмѣ *) къ Стасюлевичу заявляетъ: «въ 1843 г. я видѣлъ, какъ принялся за него Бѣлинскій, раскрывая ему сущность его собственной натуры и ея силы, и какъ покорно слушалъ его поэтъ, говорившій: «Бѣлинскій производитъ меня изъ литературной бродяги въ дворяне».

Установивъ наличность вліянія Бѣлинскаго на Некрасова, необходимо разобраться въ вопросѣ, на какихъ сторонахъ личности и міросозерцанія поэта оно должно было отразиться. Нѣтъ сомнѣнія, что «поученія» Бѣлинскаго не ограничивались одной литературной сферой, а расширяли умственный и нравственный кругозоръ поэта вообще. Исключительно литературнаго воздѣйствія отъ Бѣлинскаго начала 40-хъ годовъ, только что пережившаго полосу примиренія съ дѣйствительностью и со всѣмъ пыломъ и страстностью своего великаго сердца отдавшагося общественнымъ интересамъ, трудно было и ожидать. Вѣдь слезами и кровью написанныя тирады Бѣлинскаго о «гнусной рассейской дѣйствительности», этомъ «китайскомъ царствѣ матеріальной животной жизни, чинолюбія, крестолюбія, деньголюбія, взяточничества, гдѣ все человѣческое, сколько нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетеніе, страданіе, гдѣ цензура превратилась въ военный уставъ о бѣглыхъ рекрутахъ, гдѣ свобода мысли

*) „Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“, т. III, СПБ. 1912 г. Стр. 352.

истреблена... гдѣ Пушкинъ жилъ въ нищенствѣ и погибъ жертвой подлости»—тирады о томъ, что «либералъ и человѣкъ—одно и то же, абсолютизмъ и кнутобой—одно и то же», что «люди должны быть братья и не должны оскорблять другъ друга ни даже тѣнью какого-нибудь внѣшняго и формальнаго превосходства»—относятся къ самому концу 40-го и 41-му году,—періоду, являвшемуся канономъ его знакомства съ Некрасовымъ. Возможно ли, чтобы Бѣлинскій, неустававшій теперь твердить, что «соціальность»—его девизъ, что онъ не хочетъ блаженства, если оно достояніе его одного изъ тысячъ, если оно не общее съ «меньшими братіями», Бѣлинскій, сердце котораго обливалось кровью и судорожно содрогалось при взглядѣ на толпу и ея представителей, будь то босоногіе мальчишки, оборванные нищіе, идущіе съ развода солдаты, мелкіе чиновники съ портфелями подъ мышкою, не раскрылъ своего общественнаго credo молодому писателю, сразу сумѣвшему произвести на него «очень пріятное впечатлѣніе». «Онъ полюбилъ его, разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» И. И. Панаевъ, за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба», а полюбивши, добавимъ мы, сталъ дѣлиться съ нимъ своими задушевными взглядами и убѣжденіями. Гуманныя чувства, заложенныя въ душу Некрасова его страдалицею-матерью, которыя, быть можетъ, были нѣсколько ослаблены отчаянной борьбою за существованіе первыхъ лѣтъ петербургской жизни, подъ вліяніемъ пламенной проповѣди Бѣлинскаго, вспыхнули съ новой силой. Найти объекты для литературнаго выраженія ихъ Некрасову было нетрудно: жизнь дала ему богатый запасъ наблюденій надъ міромъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», какъ въ покосившихся крестьянскихъ хатахъ, такъ и въ сырыхъ полутемныхъ подвалахъ городской бѣдноты. Естественно, что впечатлѣнія послѣдняго времени было легче всего обработать, и вотъ Некрасовъ пишетъ разсказъ «Петербургскіе углы» (1844 г.), въ которомъ яркими чертами изображаетъ горемычное житье столичной голытьбы, находящей единственное утѣшеніе въ совмѣстномъ «распитіи» случайно доставшагося имъ штофа. Характерно, что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ разсказа фигурируетъ дворовый человѣкъ, переведенный за оброкъ и явившійся въ Петербургъ искать мѣста. Въ пѣснѣ дворового нарисована типичная для того времени картинка безотраднаго положенія барской прислуги, на плечи которой взва-

ливается непосильная работа, которую плохо кормятъ и за всякую ничтожную провинность бьютъ.

Въ понедѣльникъ—
Савка мельникъ,
А во вторникъ
Савка шорникъ,
Съ середы до четверга—
Савка въ комнатѣ слуга.
Савка въ тотъ же четвертокъ—
Дровосѣкъ и хлѣбопекъ.
Чешетъ въ пятницу собакъ,
Свищетъ съ голоду въ кулакъ,
Въ день субботній все скребетъ
И подъ розгами реветъ;
Въ воскресенье Савка панъ—
Цѣлый день, какъ стелька, пьянъ!

Одобрительный отзывъ, которымъ Бѣлинскій встрѣтилъ этотъ разсказъ, и помѣщенное во 2-ой части «Физіологіи Петербурга» стихотвореніе «Чиновникъ», написанное въ реально-обличительныхъ тонахъ, привелъ, надо думать, Некрасова разъ навсегда къ убѣжденію, что реализмъ—наиболѣе соотвѣтствующее характеру его литературнаго дарованія направленіе: по крайней мѣрѣ, романтическая струя въ его творчествѣ съ этого времени окончательно изсякаетъ. Начавъ свое служеніе «меньшимъ братіямъ» съ повѣствованія о жалкихъ обитателяхъ петербургскихъ угловъ, Некрасовъ вскорѣ перешелъ къ изображенію скорбнаго крестьянскаго царства. Весьма возможно, что и въ этомъ случаѣ сказалось на немъ вліяніе Бѣлинскаго. Послѣдній, какъ извѣстно, началъ свою литературную дѣятельность съ произведенія, въ которомъ выразилъ и свою искреннюю любовь къ народу, и страстное желаніе видѣть его свободнымъ, и сравнительно хорошее знаніе бытовыхъ условій народной жизни. Мы говоримъ объ юношеской драмѣ Бѣлинскаго «Дмитрій Калининъ», относящейся къ 1830 году и сыгравшей такую роковую роль въ жизни своего автора. Враждебное отношеніе къ крѣпостному праву проявлялось въ этой драмѣ такъ рѣзко, что нѣкоторые критики находятъ ее равной по силѣ и искренности чувствъ «Путешествію изъ Петербурга въ Москву» Радищева. Впослѣдствіи, въ эпоху своего увлеченія нѣмецкой идеалистической философіей, разобщившей на нѣкоторое время его съ интересами дѣйствительной жизни, Бѣлинскій сравнительно рѣдко высказывался по крестьянскому вопросу, хотя «его сердечныя симпатіи были всегда на сторонѣ народной

массы», и «какъ гуманистъ, онъ никогда не забывалъ нравственной связи, которая должна была существовать между нимъ и народомъ» (Н. Котляревскій, «Старинные портреты»). Съ сороковыхъ же годовъ, когда интересъ къ вопросамъ общественнаго порядка возросъ, и въ исторіи русской интеллигенціи произошло знаменательное событіе—«въ гегеліанскія формы философіи кружка Станкевича было вложено соціальное и даже соціалистическое содержаніе, исповѣдывавшееся кружкомъ Герцена: «умозрѣніе» и «политика» соединились воедино и соединили былыхъ враговъ въ одну идейную группу» (Ивановъ-Разумникъ)—Бѣлинскому пришлось пристальнѣе вглядѣться въ положеніе самаго многочисленнаго, но, къ несчастью, и самаго угнетеннаго класса русскаго народа. Въ отзывчивой душѣ великаго критика проснулось уже однажды выраженное имъ страстное возмущеніе противъ крѣпостного права. Не имѣя возможности, по условіямъ тогдашней цензуры, выступить противъ него печатно, Бѣлинскій далъ волю себѣ въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю. Считая, что «освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости является едва-ли не «самымъ живымъ національнымъ вопросомъ въ Россіи», Бѣлинскій прекрасно понималъ, однако, что оно должно быть лишь первымъ звеномъ въ цѣлой системѣ мѣръ, направленныхъ къ народному благу *). Убѣжденіе въ томъ, что «русскій народъ—одинъ изъ способнѣйшихъ и даровитѣйшихъ народовъ въ мірѣ», не мѣшало ему ясно видѣть и темныя стороны народной жизни. Къ нимъ Бѣлинскій, прежде всего, относилъ «невѣжество, старыя закоренѣлые привычки и предразсудки, ложныя начала, на которыхъ опирается наше земледѣліе, неразвитость, или, лучше сказать, почти несуществованіе той промышленности, которой потребителемъ должна-бъ быть масса народа». «Самое вѣрное лѣкарство» противъ всѣхъ этихъ золъ «должно состоять, по мнѣнію Бѣлинскаго, въ успѣхахъ цивилизаціи и просвѣщенія». Успѣхи же цивилизаціи и просвѣщенія немыслимы безъ участія культурнаго класса. «Безъ этихъ высшихъ сословій, говоритъ Бѣлинскій, которымъ обезпеченное положеніе и присвоенныя права давали возможность обратить свою дѣятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы на первобытной степени ихъ патріархальнаго быта». Признавъ, такимъ образомъ, огромное значеніе культурныхъ личностей для развитія широкихъ массъ на-

*) Послѣдующія цитаты взяты изъ статьи Бѣл. „Сельское чтеніе“ 1848 г.

родныхъ, и въ то же время находя, что народъ это—«почва, хранящая жизненные соки всякаго развитія», а «личность—цвѣтъ и плодъ этой почвы», Бѣлинскій недалекъ былъ отъ мысли о долгѣ для всякаго интеллигента способствовать благу народа. «Человѣкъ, отдѣлившійся отъ народа образованіемъ, писалъ онъ, наблюдая и изучая народный бытъ, можетъ научить простого человѣка лучше пользоваться тѣмъ, съ чѣмъ тотъ обращался всю жизнь свою... Мало того: узнавши что-нибудь полезное отъ народа, образованный человѣкъ можетъ возвратить народу это же самое, у него взятое, пріобрѣтеніе, въ улучшенномъ видѣ».

Мы остановились на этой сторонѣ общественнаго міросозерцанія Бѣлинскаго въ цѣляхъ выясненія того, могъ ли онъ способствовать развитію и упроченію народническихъ настроеній Некрасова. Думается, что двухъ мнѣній на этотъ счетъ быть не можетъ. Характерно, что въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ памяти Бѣлинскаго, Некрасовъ неизмѣнно подчеркиваетъ его народолюбіе. Такъ, въ поэмѣ «Бѣлинскій» («Въ одномъ изъ переулковъ дальнихъ»), относящейся къ срединѣ 50-хъ годовъ, поэтъ, характеризуя общественное содержаніе проповѣди Бѣлинскаго, между прочимъ отмѣчаетъ:

Онъ расточалъ ей укоризны
За рабство—вѣковой недугъ,
И прокричалъ врагомъ отчизны
Его—отчизны ложный другъ.

Съ подобнымъ же мотивомъ встрѣчаемся въ позднѣйшей поэмѣ Некрасова (1867 г.) «Медвѣжья охота». Называя здѣсь Бѣлинскаго «учителемъ» и благоговѣйно преклоняясь предъ его «многострадальной тѣнью», Некрасовъ говоритъ о немъ такъ:

„Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ“...

Все это даетъ основаніе думать, что первыя некрасовскія стихотворенія въ народническомъ духѣ возникли не безъ вліянія Бѣлинскаго, который вообще, какъ утверждаетъ Достоевскій, «сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи». Во всякомъ случаѣ, изъ «Воспоминаній» Панаева достовѣрно извѣстно, что обнаружившійся въ стихотвореніяхъ «Въ дорогѣ» и «Родина» поворотъ въ некрасовскомъ творчествѣ отъ чистой сатиры къ реальному изо-

браженію крестьянскаго быта былъ горячо одобренъ и поддержанъ Бѣлинскимъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, ко второй половинѣ 40-хъ годовъ крестьянскія симпатіи Некрасова, являвшіяся однимъ изъ устоевъ его общественнаго міросозерцанія, вполнѣ опредѣлились. Ярче всего онѣ отразились, кромѣ уже упомянутыхъ и нѣкоторыхъ другихъ стихотвореній («Огородникъ» «Тройка» и т. д.), въ одной изъ главъ большого романа. «Три страны свѣта», написаннаго Некрасовымъ въ сотрудничествѣ со Станицкимъ (Панаевой-Головачевой) въ 1849 г. Въ уста героя романа, Каютина, авторомъ вложенъ рядъ интересныхъ сужденій о русскомъ народѣ и его духовномъ складѣ. Если принять во вниманіе удостовѣренную А. Н. Пыпинымъ въ его книгѣ о Некрасовѣ нѣкоторую автобіографичность этого образа, то каютинскія сужденія о народѣ пріобрѣтаютъ особое значеніе. По мнѣнію Каютина, доступъ къ сердцу русскаго крестьянина труденъ: «онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство, глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину... сердце его открывается не всякому и не вдругъ». Когда же, наконецъ, откроется, «тогда увидишь ты, что въ немъ есть душа, чувство, энергія, и, что главное, въ немъ много ироніи, ироніи дѣльной и мѣткой... Ни въ комъ, кромѣ русскаго крестьянина, не встрѣчалъ я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершенномъ отсутствіи хвастовства... Эти черты ужели мало говорятъ въ пользу его?»

Что же нужно дѣлать интеллигентному человѣку для того, чтобы ему открылось сердце крестьянина? Каютинъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «будь простъ и добръ, а главное—будь искренъ, спрячь подальше чувство собственнаго превосходства, умѣй отстранить всѣ порывы неизбѣжной надменности, которая невольно пробивается въ подобныхъ отношеніяхъ, да еще не показывай, что стараешься подъ него подладиться,—и тогда только можешь ждать его искренности».

Герой некрасовскаго романа сумѣлъ «познакомиться и породниться съ русскимъ крестьяниномъ», и это въ его «странствованіяхъ, несчастіяхъ и трудахъ» было единственной его «отрадой», «безъ которой, можетъ быть, онъ не вынесъ бы своей тяжелой роли». «Я,—заявляетъ Каютинъ,—много люблю русскаго крестьянина, потому что хорошо его знаю», и обращается ко всякому, кто «послѣ обычной «жажды дѣлъ» впалъ въ апатію и сидитъ, сложа руки, кого тревожатъ скептическія мысли, безотрадныя и

безвыходныя», съ горячимъ совѣтомъ «прокатиться по раздольному нашему отечеству, побывать среди всякихъ людей, посмотрѣть всякихъ дивъ. Въ столкновеніи съ народомъ онъ увидитъ, что много жизни, здоровыхъ и свѣжихъ силъ въ нашемъ миломъ и дорогомъ отечествѣ; увидитъ, что все идетъ впередъ... Увидитъ и устыдится своего бездѣйствія, своего скептицизма, и самъ, какъ русскій человѣкъ, разохотится, расходится: откинетъ лѣнь и положитъ посильный трудъ въ сокровищницу развитія, славы и процвѣтанія русскаго народа»...

Въ этихъ словахъ заключается, такимъ образомъ, настоящій «призывъ въ народъ», вытекающій, какъ изъ убѣжденія въ необходимости работы во имя народнаго блага, такъ и изъ сознанія, что лишь въ этой работѣ и неизбѣжномъ при ней общеніи съ народомъ заключается залогъ личнаго обновленія и преодолѣнія тѣхъ печальныхъ свойствъ, которыя сдѣлали значительную часть русской дворянской интеллигенціи «лишними людьми». То, что было высказано Некрасовымъ въ цитированныхъ отрывкахъ изъ его романа, сдѣлалось впослѣдствіи лозунгомъ могучаго общественнаго теченія, и нельзя подивиться предвидѣнію поэта, который въ концѣ 40-хъ годовъ въ сжатомъ видѣ формулировалъ исходную точку зрѣнія народниковъ-семидесятниковъ.

Жизнь Некрасова, какъ извѣстно, обернулась такъ, что онъ даже и не пытался въ отношеніи себя лично осуществить хотя бы часть своей народнической программы. Онъ, само собой разумѣется, многое дѣлалъ для народа, какъ пѣвецъ народнаго горя, и сравнительно очень мало, какъ практическій дѣятель. Отсюда и проистекали его «покаянныя настроенія», сказавшіяся въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ лирическихъ стихотвореній. Не будучи въ силахъ согласить слово съ дѣломъ, Некрасовъ, однако, дорожилъ всякою возможностью освѣжить свою усталую душу бодрящими впечатлѣніями близости съ природой и народной жизнью. Однимъ изъ средствъ для этого ему служила охота, во время которой между нимъ и крестьянами возникали связи иной разъ очень тѣсныя. Здѣсь умѣстно подвести итогъ тѣмъ, къ сожалѣнію, скуднымъ даннымъ о личныхъ отношеніяхъ Некрасова къ крестьянамъ, которыя имѣются въ распоряженіи изслѣдователя. Прежде всего, нельзя не упомянуть о томъ, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ конфликтъ между Ник. Алекс. и его отцомъ, начавшійся изъ-за нежеланія поэта поступить въ Дворянскій полкъ, затянулся вслѣдствіе различія ихъ

во взглядахъ на крестьянскій вопросъ. Кр. С. С. Полянинъ, много лѣтъ служившій въ домѣ Некрасовыхъ, передавалъ г-жѣ Путиловой («Сѣв. Край» 1902 г. 27 декабря), что онъ часто слышалъ, какъ «Н. А. спорилъ съ отцомъ за то, что нужно освободить крестьянъ, что нельзя въ неволѣ держать людей; А. С. при этомъ страшно сердился. И уѣхалъ Н. А., поссорившись съ отцомъ». Въ бесѣдѣ съ авторомъ этихъ строкъ Полянинъ не только подтвердилъ все разсказанное имъ сотрудницѣ «Сѣвернаго Края», но и добавилъ нѣкоторыя небезынтересныя подробности. Отвѣчая на вопросъ, какъ относился поэтъ къ отцу, угнетавшему крестьянъ, Полянинъ воскликнулъ: «Николай Алексѣевичъ-то!? Другого такого не сыщешь; вотъ человѣкъ-то былъ! Народникъ былъ настоящій, а отецъ, извѣстное дѣло, крѣпостникъ, дикій баринъ. Ладить они, конечно, между собою не могли. И за мать, и за крестьянъ Николай Алексѣевичъ на отца обижался. 12 лѣтъ,— сороковые это годы были,—въ Грешнево не ѣздилъ и не писалъ отцу ничего. Ну, а потомъ, въ 50-хъ уже, значитъ, годахъ, написалъ ему письмо. Вотъ ужъ письмо было, за душу хватало! Сколько лѣтъ прошло, а вспомнить его безъ слезъ не могу. Да что я!? Самъ «дикій баринъ», какъ прочелъ, прослезился. Тотчасъ написалъ Николаю Алексѣевичу, чтобы пріѣзжалъ къ нему. Тотъ пріѣхалъ и съ тѣхъ поръ уже часто ѣздилъ: поохотиться въ родныхъ мѣстахъ любилъ. И ужъ никто его пріѣздамъ такъ не радовался, какъ я: вѣдь, старый баринъ приставлялъ меня къ нему на все время, пока онъ въ Гришневѣ, а отъ него никогда никакой обиды я не зналъ, одну ласку только видѣлъ. А на чай сколько давалъ,— по четыре красненькихъ за одно лѣто! И всѣ у насъ на селѣ радовались его пріѣзду: всѣхъ, вѣдь, онъ умѣлъ обласкать да угостить. Зналъ онъ житье-бытье крестьянское и любилъ простой народъ всей душой. Что говорить, народникъ былъ». Разсказы Полянина о ссорѣ между отцомъ и сыномъ Некрасовыми служатъ лишнимъ доказательствомъ того, насколько опредѣленными были убѣжденія Некрасова въ этомъ вопросѣ, и какъ несправедливы общераспространенныя обвиненія его въ дурномъ отношеніи къ крестьянамъ. Въ достовѣрности же этихъ разсказовъ сомнѣваться не приходится, такъ какъ и сестра поэта въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ приводитъ аналогичный фактъ, относящійся, правда, къ болѣе позднему періоду (см. выше).

Чтобы всесторонніе освѣтить вопросъ о томъ, какъ относился

Некрасовъ къ крестьянамъ, сошлемся еще на свидѣтельство очень близкаго ему человѣка, Ипполита Александровича Панаева.

«Говорили и говорятъ многіе,—пишетъ Панаевъ въ своихъ уже извѣстныхъ намъ воспоминаніяхъ,—(даже учителя словесности въ учебныхъ заведеніяхъ), что Некрасовъ, выражая въ своихъ стихотвореніяхъ, такъ трогательно и горячо, свое расположеніе къ крестьянамъ, въ дѣйствительности относился къ нимъ, какъ суровый и требовательный помѣщикъ. Эту клевету весьма легко опровергнуть. Некрасовъ покинулъ деревню почти мальчикомъ и провелъ почти всю свою жизнь въ Петербургѣ... Послѣ смерти отца слѣдуемую ему часть недвижимаго наслѣдства онъ предоставилъ своимъ братьямъ. Изъ этого ясно, что онъ никогда не могъ находиться въ отношеніи крестьянъ въ положеніи помѣщика или владѣльца, отъ котораго бы они зависѣли. Вѣрно то, что онъ, дѣйствительно, любилъ простого русскаго человѣка, крестьянина, и... провелъ съ нимъ много пріятныхъ дней и часовъ своей жизни». «Жизнь полуофиціальная,—говоритъ нѣсколько ранѣе тотъ же И. Ал. Панаевъ, знавшій поэта въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ,—жизнь въ Петербургѣ была его искусственной жизнью. Истинная натура его проявлялась при другой обстановкѣ—проявлялась въ кругу близкихъ, простыхъ, не претендующихъ на высокій умъ людей, ничего отъ него не ожидающихъ, кромѣ его добраго расположенія, и не состоящихъ съ нимъ въ какихъ бы то ни было дѣловыхъ отношеніяхъ. Лѣтомъ онъ, обыкновенно, уѣзжалъ въ деревню. Тамъ онъ уходилъ изъ дома, и иногда на нѣсколько дней, охотиться со своими пріятелями—крестьянами-охотниками, проводя дни и ночи съ ними и ночуя по разнымъ деревнямъ, въ крестьянскихъ же избахъ. Вотъ въ этой-то средѣ, я увѣренъ, онъ, какъ говорится, былъ въ своей тарелкѣ,—веселый, свободный, неженированный и бодрый. Я видѣлъ его, по возвращеніи изъ такихъ странствованій по лѣсамъ и болотамъ, продолжавшихся нѣсколько дней, довольнаго, свѣжаго и въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Вспомнимъ посвященіе его «Коробейниковъ»—*другу-пріятелю Гавриль Яковлевичу* (крестьянину деревни Шоды, Костромской губерніи):

Какъ съ тобою я похаживалъ
По болотинамъ вдвоемъ,
Ты меня почасту спрашивалъ:
Что строчишь карандашомъ?“

Вполнѣ согласуются съ приведеннымъ мнѣніемъ и отзывы

о Некрасовѣ простыхъ крестьянъ, на которыхъ покойный поэтъ производилъ прямо-таки обаятельное впечатлѣніе. Съ отзывомъ Сергѣя Сем. Полянина мы уже знакомы. Другой ярославецъ, товарищъ Некрасова по охотѣ, крестьянинъ деревни Орлово, Кузьма Ефимовичъ Солнышковъ, характеризуя его словами «не найдешь другого», добавлялъ: «хорошій баринъ былъ Н. А., добрый, ласковый, необидчивый, за всѣхъ заступникъ». Почти то же говорили о поэтѣ и его новгородскіе пріятели изъ крестьянъ (въ деревнѣ Чудовская Лука находилась охотничья усадьба Некрасова, гдѣ онъ часто и подолгу жилъ въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни). «Не баринъ былъ, а душа родная!.. Добрѣйшій былъ баринъ до народа... Всѣ его знали и любили. *) А никогда не было лучше и веселѣй охоты, какъ съ покойнымъ нашимъ батюшкой—царство ему небесное—Николай Алексѣевичемъ Некрасовымъ» **)—вотъ какія полныя горячаго и сильнаго чувства слова срывались съ ихъ устъ, когда рѣчь заходила о Некрасовѣ. И какъ это все говорилось! И. В. Жилкинъ, бесѣдовавшій въ Чудовской Лукѣ съ крестьянами, знавшими Некрасова, рисуетъ такую картину: «Старикъ Петровъ», сидя за столомъ въ красной рубахѣ и валенкахъ, разсказывалъ съ необыкновеннымъ волненіемъ, мѣстами всхлипывалъ, вскакивалъ и билъ себя руками въ грудь. Интересно было посмотрѣть на этого старика (ему 67 лѣтъ), разрываемаго стародавними воспоминаніями. Спрашивать его не нужно было: онъ самъ неудержимо и безпорядочно выкидывалъ фактъ за фактомъ, которые воскресали въ его головѣ».

Чѣмъ же умѣлъ Некрасовъ такъ привораживать къ себѣ крестьянъ, что, по истеченіи 25—35 лѣтъ со дня смерти, они вспоминали о немъ съ такою необыкновенною теплотою? Здѣсь, прежде всего, надо отмѣтить удивительную щедрость поэта, благодаря которой нѣкоторые изъ наиболѣе близкихъ къ нему крестьянъ составили себѣ обезпеченіе на всю жизнь. Каждую ничтожную услугу, оказанную ему, онъ оплачивалъ, не жалѣя денегъ, а кромѣ того, съ готовностью помогалъ всякому нуждающемуся, съ которымъ сталкивалъ его случай. При этомъ онъ умѣлъ обставлять свою помощь удивительно просто. «Разъ у меня лошадь околѣла,—разсказывалъ г. Жилкину тотъ же старикъ Петровъ.—Что, говоритъ, Степанъ Петровичъ, у тебя бѣда? Ты приходи,

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1902 г. 28 дек. Ст. Жилкина.
**) Автобіографія С. Дрожжина.

говоритъ, возьми у меня рыжаго. А не понравится—Сеньку возьми. А рыжій-то у него 120 рублей даденъ... Ну, взялъ я рыжаго».

И не только, какъ «благодѣтеля», любили крестьяне Некрасова. Ихъ привлекло къ нему въ высшей степени внимательное и участливое отношеніе къ ихъ жизни, съ ея скромными горестями и радостями. Некрасовъ во время своихъ охотничьихъ разъѣздовъ «часто устраивалъ привалы и всегда около дороги, и всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ останавливалъ, кормилъ, поилъ виномъ и долго и подробно разспрашивалъ о жизни ихъ, о господахъ, о податяхъ... Проѣзжая деревней, иногда останавливался на отдыхъ или собакъ кормить, самъ уходилъ къ кому-нибудь въ избу, просилъ приготовить чай, усаживалъ всѣхъ за столъ и самъ съ ними разговаривалъ, разспрашивалъ, какъ живутъ, шутилъ, игралъ съ дѣтьми, и если черезъ нѣсколько лѣтъ случайно попадалъ въ тотъ же домъ, то со всѣми здоровался, какъ со старыми знакомыми—называлъ всѣхъ по именамъ» («Сѣверн. Край»). Въ данномъ случаѣ Некрасовъ руководился, само собой рузумѣется, не однимъ непосредственнымъ интересомъ къ крестьянскому житью; онъ искалъ также матеріала для своихъ поэтическихъ вдохновеній («дорогой же Н. А. постоянно писалъ; изъ рукъ не выпускалъ бумагу и карандашъ»), искалъ и нерѣдко находилъ: такъ, въ основѣ одного изъ лучшихъ его стихотвореній «Орина, мать солдатская» лежитъ, по словамъ сестры поэта, разсказъ самой Орины. Чтобы поговоритъ съ нею, Некрасовъ «нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ,—а то боялся сфальшивить».

Въ результатѣ, крестьяне чувствовали въ Некрасовѣ «роднаго» имъ человѣка. Этимъ и объясняются близость, установившаяся между нѣкоторыми изъ нихъ и поэтомъ, а также теплота, живо чувствующаяся въ воспоминаніяхъ ихъ о немъ. Такой близости, такого дружескаго къ себѣ расположенія, само собой разумѣется, не могъ бы добиться человѣкъ, чуждый народному складу и народному міросозерцанію. Некрасовъ же, несмотря на свое дворянское происхожденіе, несмотря на барскую жизнь въ Петербургѣ и чисто интеллигентскіе интересы, чувствовалъ себя плотью отъ плоти и костью отъ костей народныхъ. Отсюда и его симпатіи къ народу, съ неопровержимостью устанавливаемыя приведенными фактами. «Поученія» Бѣлинскаго только потому и пріобрѣли такое вліяніе на Некрасова, что они толкали его въ ту сторону, въ которую и безъ того страстно влекли его не всегда,

быть можетъ, сознаваемыя, но сильныя душевныя влеченія. Съ тѣхъ же поръ, какъ эти послѣднія получили возможность кристаллизоваться въ формы опредѣленнаго политическаго и соціальнаго credo, живымъ воплощеніемъ котораго являлся Бѣлинскій, общественная физіономія Некрасова установилась разъ навсегда. Гражданскіе мотивы его творчества могли то нѣсколько ослабѣвать, то усиливаться, въ зависимости отъ перебоевъ общественныхъ настроеній, создаваемыхъ той или иной государственной конъюнктурой, но основной тонъ его уже не могъ измѣниться и, на самомъ дѣлѣ, не мѣняется. Поэтому едва ли справедливо мнѣніе, обычно высказываемое біографами Некрасова о томъ, что «умственный и нравственный кругозоръ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, которое началось въ обществѣ въ 50-хъ гг., и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его», и что «это просвѣтлѣніе отразилось и въ творчествѣ его: изъ прежняго горячаго и крайне неопредѣленнаго протестанта противъ пошлости и рабства и всяческаго угнетенія, онъ теперь обращается въ пѣвца народнаго горя—въ широкомъ и глубокомъ, но вполнѣ опредѣленномъ смыслѣ». Подъ «новыми людьми», якобы оказавшими столь рѣшительное вліяніе на Некрасова, здѣсь, несомнѣнно, разумѣются Чернышевскій и Добролюбовъ. Первый—въ своихъ публицистическихъ и, еще въ большей степени, въ экономическихъ трудахъ, второй—въ критико-публицистическихъ толкованіяхъ на произведенія крупнѣйшихъ нашихъ художниковъ слова проявили себя такими убѣжденными и стойкими защитниками интересовъ трудящихся классовъ, въ частности крестьянства, къ которому относились съ любовью и уваженіемъ, лишенными привкуса барственной снисходительности, столь характернаго для писаній людей 40-хъ годовъ, что вполнѣ заслужили имя отцовъ и провозвѣстниковъ русскаго народничества. И, тѣмъ не менѣе, вышеприведенная оцѣнка ихъ вліянія на Некрасова въ основѣ своей ошибочна, ошибочна потому, что къ срединѣ пятидесятыхъ годовъ, когда первый изъ «новыхъ людей»—Чернышевскій—вступилъ въ кругъ близкихъ сотрудниковъ «Современника», вѣрнѣе, сталъ однимъ изъ руководителей этого журнала,—Некрасовъ былъ уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ. Это подтверждено наиболѣе компетентнымъ въ данномъ вопросѣ лицомъ—самимъ Ник. Гавр. Чернышевскимъ. Послѣдній, въ своихъ «Замѣткахъ о Некрасовѣ» (Сочиненія, т. 10), категорически утвер-

ждаетъ, что перемѣна въ общественныхъ настроеніяхъ, происшедшая послѣ окончанія Крымской кампаніи, не повліяла сколько-нибудь замѣтно на умственный и нравственный горизонтъ поэта, который «гораздо раньше этой перемѣны имѣлъ понятія, болѣе широкія, нежели какія могли быть внесены въ его мысли овладѣвшими тогда этой частью общества желаніями»; если общественное движеніе 50-хъ годовъ въ конечномъ результатѣ и сказалось на поэзіи Некрасова, то это произошло лишь потому, что «оно раздвинуло внѣшнія ограниченія, сжимавшія прежде дѣятельность его, дало ему возможность писать о томъ, о чемъ не дозволялось писать до той поры».

Отрицая, такимъ образомъ, возможность сколько-нибудь значительнаго вліянія на Некрасова общественнаго движенія 50-хъ годовъ, Чернышевскій утверждалъ, что и у новыхъ людей «Некрасову нечего было заимствовать». Хотя въ нѣкоторыхъ, по большей части, спеціальныхъ отрасляхъ знанія они превосходили его свѣдѣніями и мысли имѣли болѣе опредѣленныя, чѣмъ онъ, но, во всякомъ случаѣ, «то, что нужно было ему знать, какъ поэту, онъ зналъ отчасти лучше, отчасти не хуже новыхъ людей». Еще съ большею категоричностью высказывается Чернышевскій по данному вопросу въ письмѣ къ самому Некрасову отъ 24 сентября 1856 года, недавно опубликованномъ въ статьяхъ г. Ляцкаго («Современ. Міръ», 1911 г. №№ 9, 10 и 11). Въ отвѣтъ на выраженное Некрасовымъ желаніе, чтобы его стихи подверглись разбору именно Чернышевскаго, послѣдній, между прочимъ, писалъ: «Есть люди, которымъ критика можетъ быть полезна,—это тѣ, которые способны подчиняться чужому мнѣнію. А для васъ это невозможно, потому что не нужно. Для такихъ людей, какъ вы, только одинъ выборъ: или замолчать, если имъ не сочувствуютъ, или говорить, какъ они сами хотятъ... Правда, и людямъ самостоятельнымъ критика можетъ быть полезна, когда въ состояніи обнаружить недостатки въ ихъ убѣжденіяхъ, въ понятіяхъ о жизни, и заставить ихъ вѣрнѣе смотрѣть на жизнь. Но въ этомъ отношеніи вамъ опять-таки критика вовсе не нужна: я не знаю, какія ошибочныя убѣжденія нужно было бы вамъ исправлять въ себѣ». Болѣе опредѣленнаго заявленія о единомысліи со взглядами Некрасова, наравнѣ съ признаніемъ ихъ полной самостоятельности, и представить себѣ невозможно. Если принять во вниманіе, что Чернышевскій все время говоритъ объ общественной цѣнности

некрасовской поэзіи, то не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что подчеркиваемое имъ единомысліе всецѣло относится ко взглядамъ общественно-политическимъ, и, прежде всего, ко взглядамъ на народъ, который въ ту «монотеистическую», по выраженію г. Розанова, эпоху былъ богомъ русской интеллигенціи и, какъ таковой, занималъ центральное мѣсто въ убѣжденіяхъ всякаго маломальски сознательнаго гражданина. Приведенныя мнѣнія Чернышевскаго въ основѣ своей совершенно правильны, тѣмъ болѣе, что находятъ себѣ подтвержденіе въ отзывахъ другихъ сотрудниковъ Некрасова и по «Современнику», и по «Отечественнымъ Запискамъ». М. А. Антоновичъ, который въ 1869 г. въ полемическомъ увлеченіи упрекалъ Некрасова въ неискренности и лицемѣріи, проистекавшихъ отъ отсутствія убѣжденій, а впослѣдствіи долженъ былъ признать, что «въ сужденіяхъ и вопросахъ современной жизни и окружающей дѣйствительности онъ стоялъ на одинаковой высотѣ со своимъ кружкомъ и въ этихъ предѣлахъ имѣлъ точно установившіеся взгляды, вполнѣ опредѣленныя, энергическія убѣжденія» («Журналъ для всѣхъ», 1902 г. № 2), и Н. К. Михайловскій, сомнѣвавшійся одно время въ гражданской устойчивости Некрасова, а при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ увидѣвшій, что «Некрасовъ былъ человѣкъ вполнѣ убѣжденный, т. е. искренно вѣрилъ въ справедливость тѣхъ принциповъ, которые исповѣдывалъ въ своей поэтической и журнальной дѣятельности» (Литературныя воспоминанія, т. I гл. 2),—оба они, свидѣтельствуя, правда, о періодѣ позднѣйшемъ, высказываютъ мнѣнія, совершенно однородныя съ точкой зрѣнія Чернышевскаго.

Думается, однако, что послѣдній въ одномъ былъ не совсѣмъ правъ—это въ утвержденіяхъ, что его критика не нужна, безполезна Некрасову. Вліять на общественное міросозерцаніе Некрасова, которое, какъ мы видѣли, къ пятидесятымъ годамъ вполнѣ установилось, она не могла, но крѣпче привязать къ избранному имъ поэтическому пути, безусловно, должна была. Дѣло въ томъ, что, со смертью Бѣлинскаго, Некрасовъ, какъ поэтъ, не только не встрѣчалъ слова привѣта и одобренія въ кругу своихъ ближайшихъ друзей, но, судя по воспоминаніямъ Панаевой-Головачевой, они нерѣдко нападали на него и за форму, и за содержаніе его стиховъ. «Брось воспѣвать любовь ямщиковъ, огородниковъ и всю эту деревенщину», наставительно говаривалъ ему В. П. Боткинъ. «Каждый писатель, возражалъ Некрасовъ, пере-

даетъ то, что онъ глубоко перечувствовалъ. Такъ какъ мнѣ выпало на долю съ дѣтства видѣть страданія русскаго мужика отъ холода, голода и всякихъ жестокостей, то мотивы для моихъ стиховъ я беру изъ ихъ среды... Когда я бесѣдую съ русскимъ мужикомъ, его безхитростная, здравая рѣчь, безкорыстное человѣческое чувство къ ближнему заставляютъ меня сознавать, какъ я развращенъ передъ нимъ и сердцемъ, и умомъ, и краснѣешь за свой эгоизмъ, которымъ пропитался до мозга костей... А главное, на русскихъ писателяхъ лежитъ долгъ по мѣрѣ силъ и возможности раскрывать читателямъ позорныя картины рабства русскаго народа». Хотя разговоры подобнаго рода повторялись очень часто, Некрасову все-таки не удавалось убѣдить своихъ оппонентовъ: «Тургеневъ и В. П. Боткинъ почему-то не церемонились съ Некрасовымъ и высказывали ему въ глаза очень горькія истины о его стихахъ». Къ воспоминаніямъ Панаевой-Головачевой, въ виду имѣющихся тамъ ошибокъ, надо относиться съ осторожностью, тѣмъ не менѣе въ нихъ, какъ это засвидѣтельствовано такимъ авторитетнымъ изслѣдователемъ русской литературы, какъ Пыпинъ, «много совсѣмъ справедливаго». Къ области справедливаго мы относимъ только что приведенныя данныя объ отношеніи Тургенева и Боткина къ некрасовскимъ стихамъ, тѣмъ болѣе, что они подтверждаются перепиской Тургенева и даже его печатными статьями. «Я всегда былъ одного мнѣнія о его (Некрасова) сочиненіяхъ... я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія», писалъ Тургеневъ Полонскому въ 1870 г.! «Жеванное папье-маше съ поливкой изъ острой водки»,— читаемъ въ другомъ письмѣ къ тому же корреспонденту. Въ такомъ же родѣ печатный отзывъ о поэзіи Некрасова въ рецензіи на стихотворенія Полонскаго («СПБ. Вѣд.» 1870 г. № 8). Справедливость требуетъ оговорить, что не всегда Тургеневъ былъ такъ категоричнъ въ оцѣнкѣ Некрасова, какъ поэта, но въ общемъ онъ, конечно, относился къ нему отрицательно.

Если принять во вниманіе писательскую скромность Некрасова, доходившую временами до самоуничиженія («Твои поэмы безтолковы, твои элегіи не новы, сатиры чужды красоты, твой стихъ тягучъ...»; «Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной!.. мой суровый неуклюжій стихъ! Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства!») съ одной стороны, и его искреннюю любовь къ Тургеневу и преклоненіе передъ нимъ, какъ передъ геніальнымъ художникомъ слова («Ты

поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятые вмѣстѣ»—писалъ Некрасовъ Тургеневу въ 1857 г. изъ Рима) съ другой—то станетъ яснымъ, какъ обезкураживающе должны были на него дѣйствовать тургеневскія «пилюли»—выраженіе самого Некрасова,—хотя бы и позолоченныя. Нужно было быть очень твердымъ по убѣжденіямъ и самостоятельнымъ по натурѣ человѣкомъ, а главное, нужно было всею душою любить родной народъ, чтобы не бросить «ямщиковъ, огородниковъ и всю эту деревенщину», какъ совѣтовалъ Боткинъ. Естественно, при такихъ условіяхъ, что одобреніе Чернышевскаго, въ которомъ Некрасовъ видѣлъ продолжателя традицій Бѣлинскаго (см. письмо къ Тургеневу отъ 30 дек. 1856 г.) было для него далеко не безразлично и должно было способствовать общему подъему настроенія, при которомъ и творческая дѣятельность развивается интенсивнѣе. Слово «одобреніе» далеко не выражаетъ дѣйствительнаго отношенія Чернышевскаго къ поэзіи Некрасова. Чернышевскій восторгался, благоговѣлъ передъ «музою мести и печали». Въ подтвержденіе сошлемся на отзывы его о ней изъ писемъ къ Некрасову, опубликованныхъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Ляцкаго. Признавая мѣриломъ безотносительной цѣнности художественнаго творчества степень вліянія его на общество, а также и характеръ этого вліянія, Чернышевскій считалъ, что «первое мѣсто въ нынѣшней литературѣ принадлежитъ Некрасову», у котораго, по его мнѣнію, было «больше таланта, нежели у Тургенева или Толстого». Для Чернышевскаго Некрасовъ являлся «лучшей, можно сказать, единственной, прекрасной надеждой нашей литературы». «Помните,—обращался Чернышевскій къ поэту,—что на васъ надѣется каждый порядочный человѣкъ у насъ въ Россіи».

И эти отзывы и, вообще, весь характеръ отношеній Некрасова и Чернышевскаго свидѣтельствуютъ о взаимномъ пониманіи и идейной близости. То же самое можно сказать и объ отношеніяхъ Некрасова къ Добролюбову.

Очевидно, ригористически-стойкіе въ убѣжденіяхъ и органически-народолюбивые писатели-разночинцы были роднѣе Некрасову барственно-гуманныхъ и разсудочно-симпатизирующихъ меньшей братіи писателей 40-хъ годовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ и лежитъ естественное вѣрное объясненіе того, почему Некрасовъ во время извѣстнаго раскола среди сотрудниковъ «Современника», закончившагося уходомъ изъ журнала Тургенева и его друзей,

всталъ на сторону «новыхъ людей», «дѣтей» предпочелъ «отцамъ», хотя и съ послѣдними ему было нелегко разставаться, такъ какъ онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ ними узами старинныхъ пріятельскихъ отношеній.

Редакціонный конфликтъ «Современника» былъ яркимъ штрихомъ, дорисовавшимъ общественное міросозерцаніе Некрасова. Тѣмъ не менѣе, барскій образъ жизни поэта, такъ несоотвѣтствовавшій гуманному и демократическому направленію его творчества, образъ жизни, въ которомъ онъ такъ горько каялся, но отъ котораго не былъ въ состояніи отрѣшиться, настраивали нѣкоторую часть общества, въ отношеніи его, нѣсколько подозрительно. Такъ, послѣ ареста Чернышевскаго и послѣдовавшаго вскорѣ въ томъ же 1862 году пріостановленія «Современника», въ литературныхъ кругахъ стали поговаривать, что Некрасовъ или вовсе прекратитъ изданіе журнала, или станетъ вести его въ совершенно иномъ направленіи и ужъ ни въ какомъ случаѣ не пригласитъ для участія въ немъ своихъ бывшихъ сотрудниковъ. Къ этому добавляли, что поэтъ отрекся отъ Чернышевскаго и даже высказывалъ свою радость по поводу того, что теперь онъ освободился отъ ярма, въ которомъ держалъ его Чернышевскій. Дѣйствительность не замедлила блестящимъ образомъ опровергнуть эти вздорныя росказни. Некрасовъ остался вѣренъ прежнему знамени, и журналъ его, съ главными сотрудниками въ лицѣ Г. З. Елисѣева, А. Н. Пыпина, М. Антоновича, къ которымъ впослѣдствіи присоединились М. Е. Салтыковъ и Ю. Г Жуковскій, мужественно отстаивалъ завѣты Чернышевскаго и Добролюбова, несмотря на усилившуюся реакціонность правительства.

Къ этому времени демократическое и протестующее направленіе некрасовской музы, создавшей такіе шедевры, какъ «Размышленія у парадnаго подъѣзда» (1858 г.), «Крестьянскія дѣти», «Коробейники» (оба въ 1861 г.), «Зеленый шумъ», «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская», «Орина, мать солдатская», «Морозъ, Красный носъ» (всѣ въ 1863 г.), настолько опредѣлилось, а вліяніе его на общество въ такой мѣрѣ возросло, что на него было обращено самое пристальное вниманіе со стороны властей предержащихъ. Въ сознаніе правительственныхъ агентовъ начала проникать мысль, что творчество Некрасова способно было пробуждать соціалистическія и даже революціонныя сочувствія. Соотвѣтственно съ этимъ возросли и цензурныя стѣсненія. Тѣмъ не

менѣе, «Современникъ» все-таки держался, и лишь послѣ каракозовскаго выстрѣла положеніе его рѣзко измѣнилось къ худшему. Наступила «необыкновенно сильная, экстраординарная гроза», которая, какъ казалось, легко могла уничтожить не успѣвшіе еще пустить глубокихъ корней ростки русской общественности. Чтобы не дать имъ заглохнуть среди сорной травы поднявшаго голову обскурантизма, чрезвычайно важно было такъ или иначе сохранить очень немногочисленные въ то время прогрессивные органы печатнаго слова, которые для незнающихъ истинныхъ путей, а также для сбившихся съ дорогъ и заблудившихся, играли роль спасительныхъ вѣхъ и маяковъ. Тогда-то Некрасовъ, этотъ, по опредѣленію очень близко стоявшаго къ нему Г. З. Елисѣева, «герой-рабъ, который поставилъ себѣ цѣлью добиться во что бы то ни стало свободы, упорно преслѣдуетъ эту цѣль, по временамъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, дѣлаетъ уступки, но на своемъ главномъ пути постоянно держитъ ее въ умѣ... который умираетъ за свое дѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать, по частямъ, медленною смертью, въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ отъ мелкихъ гоненій и стѣсненій, отъ сдѣлокъ съ своею совѣстью, умираетъ, никѣмъ непризнанный въ своемъ геройствѣ и даже подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ толпы въ измѣнѣ дѣлу»,—рѣшился, ради спасенія «Современника», на крайнюю мѣру: онъ написалъ два стихотворенія, понятыя многими изъ тогдашнихъ прогрессивныхъ дѣятелей, какъ сознательное ренегатство. Относительно перваго изъ нихъ: «Осипу Ивановичу Комиссарову» еще можно было сказать, что оно не стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ предшествующимъ творчествомъ «музы мести и печали», такъ какъ Некрасовъ и раньше (см. напр. въ «Современникѣ» 1857 г., № 9, четвертую главу поэмы «Тишина») выражалъ симпатію къ личности Императора Александра II; что же касается второго,—оды въ честь Муравьева-Виленскаго,—то оно, безъ всякаго сомнѣнія, являлось одной изъ тѣхъ «уступокъ» примѣнительно къ обстоятельствамъ и «сдѣлокъ съ совѣстью», о которыхъ говоритъ Елисѣевъ. Жертва, замаравшая репутацію поэта, не помогла: «Современникъ» все-таки былъ прекращенъ. Опять стали распространяться слухи о перемѣнѣ фронта Некрасовымъ. Новую пищу дало имъ состоявшееся въ концѣ 1867 года соглашеніе между Некрасовымъ и Краевскимъ относительно принадлежавшаго послѣднему журнала «Отечественныя Записки», на-

правленіе котораго въ 60-ые годы было рѣзко враждебнымъ «Современнику». Думали, что, вступая, въ качествѣ редактора, въ журналъ Краевскаго, Некрасовъ ставитъ крестъ на всемъ своемъ прошломъ и сознательно переходитъ въ станъ «ликующихъ и праздно-болтающихъ». Нѣкоторое якобы фактическое основаніе для этихъ слуховъ находили въ появившейся въ 1869 году брошюрѣ Антоновича и Жуковскаго: «Матеріалы для характеристики современной русской литературы. Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ», въ которой авторы, сотрудничавшіе ранѣе въ «Современникѣ», гласно обвиняли своего бывшаго редактора въ отступничествѣ и цѣломъ рядѣ другихъ неблаговидныхъ дѣяній. Изъ «Литературныхъ воспоминаній» Михайловскаго извѣстно, какъ больно уязвили Некрасова нападки Антоновича и Жуковскаго; однако, благодаря своему врожденному такту и недюжинному уму, онъ воздержался отъ печатной полемики со своими противниками, предоставляя отвѣтить за себя фактамъ ближайшаго будущаго. Факты эти не замедлили показать всю неосновательность внушенныхъ личными мотивами оскорбительныхъ для Некрасова предположеній г.г. Антоновича и Жуковскаго: «Отечественныя Записки» не только не спустили флага передъ реакціонными вѣяніями, но сдѣлались органомъ того въ высшей степени замѣчательнаго, по своей самобытной идеологіи и широкому вліянію на современниковъ, общественнаго теченія, которое, имѣя такихъ провозвѣстниковъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, и такихъ теоретиковъ, какъ Лавровъ и Михайловскій, окончательно сложилось къ началу 70-хъ годовъ и приняло имя «народничества». Насколько родственна некрасовская поэзія по своимъ основнымъ мотивамъ идеаламъ народничества—это ясно само собой. Установленіе же конкретныхъ точекъ соприкосновенія между ними—это вопросъ, требующій особаго изслѣдованія. Не вдаваясь пока въ него, отмѣтимъ, что Некрасову выпала на долю грустная миссія оплакать первыхъ мучениковъ народничества, которое съ самаго своего возникновенія подвергалось жестокимъ правительственнымъ репрессіямъ.

III.

Въ видахъ всесторонняго освѣщенія вопроса о народолюбіи Н. А. Некрасова, необходимо, хотя бы вкратцѣ, сказать о томъ немногомъ, что было сдѣлано поэтомъ для народа въ области

чисто практической дѣятельности. Выраженіе «немногое» употреблено здѣсь не въ безотносительномъ смыслѣ, а сравнительно съ тѣми поистинѣ громадными размѣрами, въ которыхъ проявилось служеніе Некрасова народу на поприщахъ поэта и журналиста. Остановимся, преимущественно, на двухъ фактахъ: на учрежденіи имъ, при содѣйствіи священника о. Іоанна Зыкова, народной школы въ с. Абакумцевѣ и на попыткѣ его организовать особое издательство для распространенія его произведеній въ народѣ.

Свѣдѣнія относительно того, какъ создалась и развивалась абакумцевская школа впервые были опубликованы ея нынѣшнимъ попечителемъ А. К. Голубевымъ въ его статьѣ «Памяти Николая Алексѣевича Некрасова» («Нов. Вр.» 1897 г. 24 дек.). Первоначальную исторію школы г. Голубевъ излагаетъ такъ: «верстахъ 4-хъ отъ Грешнева лежитъ погостъ Абакумцево, гдѣ и находится приходская церковь. Въ Абакумцевѣ былъ священникомъ о. Іоаннъ Григорьевичъ Зыковъ, рано овдовѣвшій. Онъ часто бывалъ въ помѣстьи Некрасовыхъ, и Н. А. Некрасовъ не разъ предлагалъ ему завести школу. Она была устроена въ 1859 году, при чемъ однимъ изъ крестьянъ было безплатно дано помѣщеніе для школы, а Н. А. Некрасовъ изъ своихъ средствъ давалъ отъ 50 до 70 руб. въ годъ. Учительствовалъ мѣстный дьячокъ, которому платилось по 5 руб. въ мѣсяцъ; въ школу ходило до 130 учениковъ, и это обѣщало прочное развитіе новому дѣлу. Но сосѣдняя помѣщица Набокова была вовсе не изъ числа лицъ, сочувствовавшихъ народившейся школѣ, и принялась хлопотать, чтобы «попа, морочащаго ребятъ школою, изгнать, а мужика, дающаго помѣщеніе школѣ, выпороть». Пришлось школу перевести, ибо посланный Набоковою бурмистръ выбросилъ изъ помѣщенія школы всю мебель. Ее устроили въ домѣ дьячка, гдѣ она и существовала четыре года. О. І. Зыковъ искалъ у Н. А. Некрасова покровительства и заступы противъ притѣсненій школы Набоковою. Вотъ что отвѣчалъ ему Н. А. 9-го января 1861 г.:

«Почтеннѣйшій отецъ Іоаннъ! По случаю нездоровья и по множеству собственныхъ дѣлъ, скопившихся къ новому году, я не успѣлъ до сей поры написать г-жѣ Набоковой, ни послать просьбу къ директору ярославскихъ училищъ. Все это на дняхъ сдѣлаю, а пока не безпокойтесь. Если вамъ нужны деньги—увѣдомьте: тотчасъ вышлю. Душевно преданный Н. Некрасовъ».

Изъ другихъ писемъ Некрасова къ о. Іоанну Зыкову,

приведенныхъ Голубевымъ, видно, что поэтъ, разными способами помогавшій школѣ, обращался, между прочимъ, и къ директору ярославскихъ училищъ, но о г-жѣ Набоковой въ нихъ не упоминается. Во всякомъ случаѣ, исторія, разсказанная г. Голубевымъ, оставила настолько непріятный осадокъ въ душѣ о. Іоанна, который игралъ въ ней страдательную роль, что по истеченіи многихъ лѣтъ онъ съ горькимъ чувствомъ вспоминалъ о ней. Такъ въ имѣющемся у насъ письмѣ Зыкова къ А. А. Буткевичъ отъ 28 дек. 1880 г. послѣ указанія на роль въ этомъ дѣлѣ «Николая Алексѣевича, припомните,—лѣтъ 20 тому назадъ ратующаго за образованіе родного края его, а моего прихода», читаемъ слѣдующее: «Онъ (т. е. Ник. Ал.)—блаженная ему память!—для родины, а я для пользы паствы, сколько претерпѣли со школой, перекочевывали съ нею съ мѣста на мѣсто. Изъ нашихъ затѣй (заведенія школы), было время, терпѣли и тѣ, которые даже за приличную плату давали квартиру подъ школу. Но 35-лѣтній и далѣе возрастъ доказываетъ въ мужскомъ и отчасти женскомъ поколѣніи, что онъ обученъ по милости Николая Алексѣевича. Теперь у насъ съ этого возраста нѣтъ необученныхъ. Даже малоспособные и съ значительными тѣлесными недостатками не нуждаются въ стороннемъ пособничествѣ». Такимъ образомъ, изъ приведенной цитаты видно, что Некрасовъ, не отступавшій передъ крупными непріятностями изъ-за основанной и субсидируемой имъ школы, имѣлъ возможность быть вполнѣ удовлетвореннымъ результатами предпринятого имъ, совмѣстно съ абакумцевскимъ священникомъ, дѣла. Въ достовѣрности же свѣдѣній, сообщаемыхъ о. Іоанномъ, сомнѣваться никоимъ образомъ не приходится, такъ какъ Голубевъ характеризуетъ его, какъ «замѣчательнаго и симпатичнаго пастыря, который съ горячею заботливостью и вниманіемъ относился къ сельской школѣ до конца дней своей жизни». Эти качества его въ полной мѣрѣ обнаруживаются въ его безхитростномъ разсказѣ о постройкѣ своего зданія для абакумцевской школы и вообще объ ея положеніи въ 70-ые годы, который мы заимствуемъ изъ цитированнаго уже письма его къ Буткевичъ: «строеніе зданія начато мною, разсчитывая на пособія, въ 1871 году и тогда же получилъ отъ покойнаго Ник. Ал. на это дѣло сто рублей. Такъ какъ, вопреки своимъ ожиданіямъ, сочувствія встрѣтилъ въ прихожанахъ мало, то едва-едва успѣлъ къ 72 году отдѣлать одну классную комнату. Лѣтомъ этого года являлся къ Вамъ въ Ка-

рабиху, гдѣ на содержаніе получалъ отъ него 50 руб. и отъ Васъ 25. Тогда же получилъ отъ Ник. Ал. и согласіе принять на себя званіе Попечителя.

Но отъ открывателя школы по уставу требовалось ручательство не только за помѣщеніе, но и за отопленіе, освѣщеніе и прислугу. И это мною было сдѣлано на свой страхъ. Затративши деньги Ваши 75 руб. на мебель—парты, шкафы, столъ и прочее необходимое, я обратился къ Инспектору за актомъ на открытіе, а въ Управу за учебными пособіями. Со стороны Инспектора все отъ него зависящее было сдѣлано и назначена была учительница съ утвержденіемъ меня законоучителемъ. Принято было и его ходатайство передъ Управою о выдачѣ жалованья мнѣ по 30 руб., а учительницѣ по 180 руб. въ годъ. На 2-е ноября назначено было открытіе школы, куда на первый разъ записалось 108 человѣкъ, желающихъ учиться. Я не предполагалъ болѣе препятствій ни откуда, но вышло иначе: всѣ выписанныя Управою книги розданы были по училищамъ, и всѣ деньги на сей предметъ ассигнованныя—затрачены. Что же мнѣ было дѣлать? купить, разумѣется, на свой счетъ; то я въ крайности и сдѣлалъ, потративъ... денегъ своихъ руб. до 50.

На слѣдующій 73-й годъ, хотя сдѣлалъ выписку изъ Управы своевременно и въ порядочныхъ размѣрахъ, но книгъ (затѣмъ, что тогда на нихъ ассигновалось всего 500 руб. на всѣ училища уѣзда) получилъ мало и опять-таки долженъ былъ покупать на свои деньги Писалъ я о скудости этого года Николаю Алексѣевичу, посылалъ и реэстръ нужныхъ книгъ, но его довѣріемъ злоупотребилъ С.-Петербургскій книгопродавецъ, выславъ мнѣ безъ начала и конца, а то и вовсе негодныя книжонки.

Крайне признательнымъ при такомъ положеніи остаюсь Комитету Грамотности, которому со стороны одного моего прихожанина заявлено было о нуждахъ моей школы. Быстро шла переписка у меня съ г. Казначеемъ по этому дѣлу, и я тотчасъ получилъ оптомъ все пригодное количество книгъ. Разбогатѣвши ими, при помощи получаемыхъ и отъ земства, теперь не нуждаюсь ни въ чемъ, если не считать развѣ того, что глобусъ, журналъ и проч. недорогія вещи пріобрѣтены отъ себя.

Къ тѣмъ 50-ти руб. Ник. Алек. и Вашимъ 25, я получилъ отъ него чрезъ Фед. Ал-ча еще 100 руб., а затѣмъ недостатки по содержанію училища уже восполнялъ опять-таки своими. Я

не сомнѣвался, конечно, да и самъ онъ говорилъ Евгр. Метлину, получить отъ него должное, но болѣзнь, а потомъ и смерть тому, виною».

Переписка о. Зыкова съ Буткевичъ, пожелавшей послѣ смерти брата принять званіе попечительницы школы, велась съ конца 70-хъ до 1882 года. Въ этомъ году г-жа Буткевичъ умерла, но къ счастью, школа не осталась безъ поддержки. Ее оказалъ г. Голубевъ, представившій въ распоряженіе Зыкова деньги, вырученныя отъ продажи изданной имъ въ 1878 году книги: «Н. А. Некрасовъ. Біографія. Критическій обзоръ поэзіи», и согласившійся принять на себя званіе попечителя надъ школой.

Въ 1892 г. о. Зыковъ скончался. Хотя абакумцевская школа существуетъ до сихъ поръ, чувствуется, что со смертью о. Зыкова она осиротѣла и пришла въ упадокъ. Мечты о. Іоанна о пріобрѣтеніи Грешневскаго имѣнія Некрасовыхъ для устройства въ немъ образцовой народной школы остаются мечтами. Грешнево принадлежитъ теперь крестьянину Титову, который воздвигъ на мѣсто прежней барской усадьбы трактирное заведеніе «Раздолье». Оно красуется и по нынѣ, какъ бы символизируя ту соціально-экономическую эволюцію, которая замѣнила «дворянскія гнѣзда» трактирами и монопольками. Нынѣшнимъ лѣтомъ автору настоящихъ строкъ пришлось бесѣдовать съ владѣльцемъ «Раздолья», который заявилъ, что онъ охотно продалъ бы часть грешневской усадьбы (вся усадьба занимаетъ 12-ть десятинъ) земству. Но Ярославское земство покамѣстъ ни въ чемъ не проявило желанія такъ или иначе увѣковѣчить память покойнаго поэта. Еще большее равнодушіе къ памяти Некрасова проявило, кстати сказать, Новгородское земство, не постѣснявшееся въ концѣ концовъ закрыть Некрасовскую школу, устроенную въ Чудовской Лукѣ, въ домѣ, принадлежащемъ поэту. Это тѣмъ болѣе странно, что душеприказчики Некрасова передали въ распоряженіе земства значительную сумму денегъ, обезпечивавшую насущныя нужды школы.

Переходимъ къ другому просвѣтительному почину Н. А-ча, свѣдѣнія о которомъ заимствуетъ изъ книги А. С. Пругавина «Запросы народа» etc, (см. VIII гл. «Офени-добровольцы и земскіе книгоноши»). Въ 60-хъ годахъ въ интеллигентныхъ кругахъ, интересовавшихся вопросами народнаго просвѣщенія, возникъ вопросъ о способахъ распространенія въ народѣ хорошихъ книгъ. Одинъ изъ членовъ Петербургскаго Комитета Грамотности г. Толь соста-

вилъ даже проектъ учрежденія особой артели ходебщиковъ для разноски книгъ по селамъ и деревнямъ. Проектъ этотъ, къ сожалѣнію, не получилъ хода, но отдѣльныя частныя лица, а въ числѣ ихъ Некрасовъ, рѣшили воспользоваться мыслью Толя и предприняли за свой страхъ попытки дать ей практическую постановку. «Извѣстно, пишетъ по этому поводу г. Пругавинъ, съ какимъ горячимъ интересомъ относился поэтъ къ вопросу о книгахъ, распространяемыхъ въ народѣ, какъ страстно желалъ онъ дождаться того времени, когда «мужикъ не Блюхера и не Милорда глупаго—Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ». Съ любовью останавливался онъ въ своихъ произведеніяхъ надъ типами офеней-коробейниковъ, которые вмѣстѣ съ другими товарами разносятъ буквари, книжки и картинки по селамъ и деревнямъ, а въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи «Дядюшка Яковъ» нарисовалъ одинъ изъ этихъ типовъ въ самомъ привлекательномъ и симпатичномъ свѣтѣ.

Считая своимъ призваніемъ «воспѣть страданія терпѣньемъ изумляющаго народа», Некрасовъ не разъ высказывалъ въ своихъ стихахъ сердечную жгучую скорбь по поводу того, что пѣснь его, посвященная интересамъ и нуждамъ народа—«до народа не дошла». Теперь оказывается, что «печальникъ народнаго горя» лично предпринималъ попытки къ распространенію своихъ стихотвореній въ средѣ народа, при посредствѣ офеней. Съ этой цѣлью, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ посѣтилъ слободу Мстеру и завязалъ сношенія съ Голышевымъ».

И. А. Голышевъ, извѣстный въ то время дѣятель по изданію и распространенію народныхъ книгъ и картинъ, самъ разсказывалъ А. С. Пругавину о посѣщеніи его Некрасовымъ въ Мстерѣ:

«Лѣтомъ 1861 года,—говорилъ Голышевъ,—къ нашему дому, подъѣхала дорожная коляска, запряженная, хорошо не припомню, не то тройкой, не то четверкой лошадей. Изъ коляски вышелъ господинъ небольшого роста, съ блѣднымъ лицомъ и спросилъ: можетъ ли онъ видѣть Голышева? Я поспѣшилъ на встрѣчу пріѣхавшему и отрекомендовался ему. Незнакомецъ оказался поэтомъ Некрасовымъ, слава о которомъ, разумѣется, давно уже долетѣла до насъ. Онъ объяснилъ, что ѣдетъ въ Петербургъ изъ своего имѣнія и нарочно заѣхалъ въ Мстеру, чтобы узнать объ офеняхъ и о книжной торговлѣ, которую они производятъ. Разумѣется, я съ полнѣйшей охотой предложилъ ему сообщить всѣ

интересовавшія его свѣдѣнія. Некрасовъ долго сидѣлъ у насъ, подробно разспрашивая о книжной торговлѣ офеней и ходебщиковъ. Затѣмъ напившись чаю, онъ просилъ показать ему нашъ магазинъ; въ магазинѣ онъ внимательно пересматривалъ народныя книги и картины. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи заняться изданіемъ для народа особыхъ книжекъ, которыя онъ предполагалъ составлять изъ своихъ стихотвореній.

По моему совѣту, Некрасовъ рѣшилъ, что брошюрки съ его стихами будутъ издаваться въ видѣ маленькихъ книжекъ, въ форматѣ обыкновенной лубочной листовки, въ красной обложкѣ и будутъ называться «Красными книжками», причемъ офени должны продавать ихъ не дороже 3 коп. за экземпляръ. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1862 году, Некрасовъ издалъ «Красную книжку», въ которую вошло его извѣстное стихотвореніе «Коробейники», и прислалъ мнѣ 1500 экземпляровъ этой книжки, при письмѣ, въ которомъ просилъ продавать ихъ черезъ офеней».

А. С. Пругавинъ приводитъ и текстъ этого письма Некрасова, сообщенный ему г. Голышевымъ. Вотъ оно:

«Милостивый государь! Посылаю вамъ 1500 экземпляровъ моихъ стихотвореній, назначающихся для народа. На оборотѣ каждой книжки выставлена цѣна 3 коп. за экземпляръ,—потому *я желалъ бы, чтобы книжки не продавались дороже, чтобы изъ 3-хъ копѣекъ одна поступала въ вашу пользу и двѣ въ пользу офеней (продавцевъ)*—такимъ образомъ книжка и выйдетъ въ три копѣйки, не дороже. Послѣ Пасхи я пришлю къ вамъ еще другія, о которыхъ мы тогда и поговоримъ.

Желаю вамъ полнѣйшаго успѣха въ вашихъ дѣлахъ.

Н. Некрасовъ».

Вторая «Красная книжка» вышла въ 1863 году. Она состояла изъ 4-хъ стихотвореній Некрасова («Забытая деревня», «Огородники», «Городская кляча», «Школьникъ») и сказки какого-то А. Фомича: «Бобыль Наумъ Сорокодумъ». Также отосланная поэтомъ къ Голышеву, она, подобно первой, «была быстро разобрана офенями».

Дальнѣйшихъ выпусковъ «Красныхъ книжекъ» не послѣдовало. Какъ и нужно было ожидать, въ дѣло вмѣшалась цензура и воспрепятствовала Некрасову придать задуманому имъ высоко полезному начинанію постоянный и планомѣрный характеръ;

объ этомъ разсказывалъ Пругавину Голышевъ, слышавшій отъ самого Некрасова жалобы на притѣсненія, чинимыя ему въ этомъ дѣлѣ цензурой.

Приведенные факты убѣждаютъ, что Некрасовъ, всю свою жизнь страдавшій отъ сознанія свойственнаго его поколѣнію несоотвѣтствія слова съ дѣломъ, старался, употребляя его собственное выраженіе, быть не только «дѣятелемъ въ теоріи», радикальствующимъ на словахъ и избѣгающимъ малѣйшей «исторіи съ полицейскимъ», но и дорожилъ возможностью хотя бы въ наиболѣе близкой ему области народнаго образованія сдѣлать небольшое практическое дѣло. Насколько безкорыстно дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ поэтъ, можно видѣть изъ того, что, издавая «Красныя книжки», онъ весь доходъ отъ продажи ихъ распредѣлилъ между Голышевымъ и офенями, а на свою долю отнесъ лишь расходы по изданію.

IV.

Яркимъ штрихомъ, оттѣняющимъ отношеніе Некрасова къ народу, является тотъ фактъ, что важнѣйшій изъ вопросовъ человѣческаго міросозерцанія,—вопросъ о смыслѣ жизни, о томъ, что такое счастье, Некрасовъ разрѣшалъ подъ угломъ все того же народолюбія. Наиболѣе опредѣленно этотъ вопросъ поставленъ въ поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо», къ которой мы теперь и обратимся.

У каждаго поэта есть свое излюбленное произведеніе, работѣ надъ которымъ онъ отдаетъ лучшія свои силы, въ созданіи котораго видитъ вѣнецъ своего поэтическаго творчества. Такимъ излюбленнымъ произведеніемъ для Пушкина былъ «Евгеній Онѣгинъ», для Лермонтова—«Демонъ», для Гоголя «Мертвыя души». Евгеній Онѣгинъ» взялъ у своего автора семь съ половиною лѣтъ напряженной работы; Лермонтовъ трудился надъ «Демономъ» съ пятнадцатилѣтняго возраста почти до дня своей смерти. Гоголь посвятилъ «Мертвымъ душамъ», которыя такъ и не успѣлъ закончить, цѣлыхъ 16 лѣтъ. Уже по продолжительности времени, затраченнаго каждымъ изъ этихъ поэтовъ на работу надъ указанными произведеніями, можно судить какъ о субъективномъ, такъ и объ объективномъ значеніи послѣднихъ. Субъективное ихъ значеніе коренится въ томъ самоощущеніи, которое вытекаетъ изъ сознанія, что преодолѣна, наконецъ, высшая ступень творческихъ

достиженій; объективное—въ выявленіи «на всенародныя очи» творенія, съ наибольшей полностью и яркостью отражающаго основы міросозерцанія и результаты жизненныхъ наблюденій одареннѣйшихъ представителей эпохи.

Для Некрасова такимъ «излюбленнымъ» произведеніемъ была поэма «Кому на Руси жить хорошо», начало которой появилось въ первой книгѣ «Современника» за 1866 г., и конца которой не существуетъ вовсе, такъ какъ десятки съ лишнимъ лѣтъ, поэтому оказалось недостаточнымъ для завершенія (послѣдняя часть поэмы, «Пиръ на весь міръ», была написана въ 1876 г., появилась съ большими сокращеніями въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1881 г. № 2; полностью же увидѣла свѣтъ лишь въ 1908 году, въ газетѣ «Русское Слово», №—отъ 1-го февраля). Некрасова постигла въ этомъ случаѣ участь Гоголя съ тою только разницею, что Гоголь не смогъ закончить «Мертвыя души», а Некрасовъ не успѣлъ. «Начиная» поэму, онъ, по собственному сознанію, «не видѣлъ ясно, гдѣ ей конецъ», подобно тому, какъ Пушкинъ во время перваго періода работы надъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ» «даль свободнаго романа сквозь магическій кристалъ еще не ясно различалъ». Но чѣмъ дальше писалъ Некрасовъ «Кому на Руси жить хорошо», тѣмъ яснѣе представлялъ себѣ дальнѣйшій ходъ поэмы, новые картины, характеры. Больной, умирающій, онъ съ искреннимъ одушевленіемъ говорилъ о томъ, что можно было бы сдѣлать. «Если-бъ еще года три-четыре жизни—мечталъ онъ, бесѣдуя съ А. С. Суворинымъ. Это такая вещь, которая только въ цѣломъ можетъ имѣть свое значеніе... Теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала. Боюсь, что не проживу. Плохъ сталъ» (см. «Новое Время» 1878 г., № 662). О томъ же разсказываетъ въ неизданныхъ письмахъ къ Ст. Ив. Пономареву, редактору посмертнаго изданія стихотвореній Некрасова, его сестра А. А. Буткевичъ. Утверждая, что поэма «Кому на Руси жить хорошо» «была любимымъ дѣтищемъ брата», г-жа Буткевичъ приводитъ подлинныя слова Некрасова по этому поводу: «Одно, о чемъ сожалѣю глубоко, это—что не кончилъ своей поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Незаконченность разсматриваемой поэмы является тѣмъ болѣе досаднымъ обстоятельствомъ, что въ настоящемъ видѣ «Кому на Руси жить хорошо» подаетъ поводъ къ толкованіямъ, въ основѣ своей совершенно неправильнымъ. Хуже всего, что эти толкованія

касаются внутренней сущности, основной идеи поэмы. Съ легкой руки Глѣба Ив. Успенскаго, огласившаго еще въ 1877 г. (см. «Пчела», № 2) свой шутливый разговоръ съ поэтомъ, повелось утверждать, что Некрасовъ хотѣлъ закончить свою поэму встрѣчей семи странниковъ со спившимся съ кругу «подпоясаннымъ лычкомъ» человѣкомъ, въ бесѣдѣ съ которымъ за чаркой, они узнаютъ, что на Руси жить хорошо только пьяному. Шутливыя слова поэта въ такой мѣрѣ принимаются въ серьезъ, что одинъ изъ критиковъ въ солиднѣйшемъ изданіи (см. ст. г-на Кранихфельда о Некрасовѣ въ «Исторіи русской литературы», изд. тов. «Міръ», т. III. стр. 339) занялся неблагодарной работой—подведеніемъ фундамента подъ гипотезу о «счастіи во хмелю». Онъ усмотрѣлъ опредѣленныя намеки на возможность такого «неожиданнаго эпилога» и въ самомъ текстѣ поэмы, и въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ Некрасова, напр. въ стихотвореніи «Вино» («Не водись-ка на свѣтѣ вино, тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ»). Противъ подобнаго рѣшенія вопроса объ основной идеѣ «Кому на Руси жить хорошо» говорятъ очень вѣскія соображенія. Вѣдь, тотъ же Успенскій разсказываетъ со словъ поэта, что Некрасовъ «много думалъ надъ этимъ произведеніемъ, надѣясь создать въ немъ «народную книгу», т. е., «книгу полезную, понятную народу и правдивую», и собирался вложить въ нее «весь опытъ, данный ему изученіемъ народа, всѣ свѣдѣнія о немъ, накопленныя «по словечку», въ теченіе 20 лѣтъ». Спрашивается, насколько полезна и правдива была бы книга, отожествлявшая народное счастье съ пьянствомъ?! Да развѣ не сказалъ Некрасовъ въ той же поэмѣ, что «доля народа, счастье его—свѣтъ и свобода прежде всего!»

Мы имѣемъ возможность предложить другое рѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ видѣлъ Некрасовъ счастье, и кто, по его мнѣнію, счастливъ на Руси, не только предложить, но и подтвердить его документально. Начнемъ съ того, что Некрасовъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ въ виду показать ошибочность тѣхъ мнѣній на этотъ счетъ, которыя высказывались семью странниками. Встрѣча съ попомъ (глава I), выяснившая, каково «хваленное поповское житье», въ конецъ посрамила Луку, который утверждалъ, что попу «жить любо-весело, вольготно на Руси». Разговоръ съ Оболтомъ-Оболдуевымъ (глава V) обнаружилъ заблужденіе Романа, видѣвшаго счастливаго въ помѣщикѣ. Въ бумагахъ поэта сохранился набросокъ, намѣчавшій содержаніе главы «Смертушка»,

которую Некрасовъ собирался писать. Эта глава должна была, между прочимъ, содержать разговоръ странниковъ съ исправникомъ и разсказъ его, «которымъ,—пишетъ Некрасовъ,—я покончиваю съ тѣмъ мужикомъ, который утверждалъ, что счастливъ чиновникъ».

Итакъ, мнѣніе Демьяна, равно какъ Луки съ Романомъ, отвергается поэтомъ.

Остаются братья Губины, Пахомъ и Провъ; первые, какъ помнитъ читатель, утверждали, что хорошо жить на Руси «купчинѣ толстопузому», второй счастливымъ считалъ «вельможнаго боярина, министра государева», третій—«царя». Аттрибутъ «купчины толстопузаго»—богатство. Могъ ли видѣть Некрасовъ въ богатствѣ счастье? На этотъ вопросъ совершенно категорически, въ опредѣленно отрицательномъ смыслѣ, отвѣчаютъ такія его произведенія, какъ «Секретъ» («Въ счастливой Москвѣ, на Неглинной»...), «Горе стараго Наума», «Современники» (см. въ «Эпилогѣ» эпизодъ съ Зацѣпой). Что касается «вельможнаго боярина, министра государева», то его поэтъ, не становясь въ противорѣчіе со своими прежними выводами, не могъ надѣлить счастьемъ ни поскольку онъ являлся помѣщикомъ (вспомнимъ князя Утятина изъ главы «Послѣдышъ»), ни поскольку онъ являлся чиновникомъ. Если же отъ русскаго «вельможнаго боярина, министра государева» отнять помѣщичьи и чиновничьи элементы его соціальнаго состава, то отъ него очень мало что останется. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что Некрасовъ не имѣлъ въ виду искать «счастливчиковъ» въ средѣ титулованной знати и высшей бюрократіи, иначе онъ не сталъ бы въ «Размышленіяхъ у парадnаго подъѣзда» обращаться къ «владѣльцу роскошныхъ палатъ» съ такимъ увѣщаніемъ:

„Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслажденіе...“

Вѣритъ ли поэтъ въ «царское счастье»? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, сошлемся на напечатанное нами въ «Завѣтахъ» (см. № 2, 1913 г.) стихотвореніе Некрасова «Притча». Изображая въ немъ царя, «устроителя края»,—рѣчь идетъ, несомнѣнно, объ Александрѣ II,—поэтъ разсказываетъ объ его неудачной попыткѣ воздвигнуть новый храмъ, «достойный народа и вѣка»,

т. е. кореннымъ образомъ реформировать русскую государственную жизнь и заканчиваетъ стихотвореніе такою элегическою картиной: царь увидѣвъ, что его великіе замыслы не осуществились, «грустно поникъ головою... и передъ капищемъ сидя, о планѣ великомъ своемъ толковалъ, его воплощенья не видя». Отсюда выводъ, что царь, одушевленный самими благими намѣреніями, часто бываетъ безсиленъ добиться исполненія своихъ желаній, а гдѣ нѣтъ этого исполненія, тамъ нѣтъ и счастія. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ счастливые на Руси, разъ ни помѣщики, ни чиновники, ни попъ, ни купчина толстопузый, ни вельможный бояринъ, ни даже царь похвалиться полнымъ и безоблачнымъ счастьемъ не могутъ? Искать ихъ въ народѣ не приходится, вѣдь, «патентованные», такъ сказать, счастливцы народной среды, вродѣ Матрены Тимофеевны и Ермила Гирина, извѣдали на своемъ вѣку столько горя, что объ ихъ счастьи можно говорить только въ ироническомъ смыслѣ, какъ и о счастьи всего русскаго крестьянства. Некрасовъ такъ и говоритъ о немъ. «Славно жить народу на Руси святой!»—вотъ выразительный припѣвъ изъ «веселой» пѣсни (см. «Русское Слово» отъ 1 февраля 1908 г., въ «полное собраніе» не вошло), въ которой разсказывается о мытарствахъ ограбленнаго, раззореннаго и безмѣрно униженнаго крестьянскаго семейства. Послѣ этой «не народной», а сочиненной Григоріемъ пѣсни, вахлаки грянули свою:

„Протяжную, печальную,
Иныхъ покамѣстъ нѣтъ.
Не диво ли? Широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу въ ней тьма темъ,
А ни въ одной-то душенькѣ
Споконъ вѣковъ до нашего
Не загорѣлась пѣсенка,
Веселая и ясная,
Какъ ведреный денекъ.
Не дивно ли? Не страшно ли?“.

Смыслъ этихъ строкъ представляется совершенно яснымъ, допускающимъ только одно толкованіе: веселыхъ пѣсенъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ веселья въ душѣ народной, а разъ нѣтъ веселья,—нѣтъ и счастья. Такъ поэтъ представлялъ себѣ дѣло въ настоящемъ, но и относительно будущаго у него не было твердой увѣренности, что «душа народная» «возсмѣется, наконецъ». О какомъ, при такихъ условіяхъ «пьяномъ счастьи» можно говорить?!

Хмель, по мнѣнію Некрасова, не можетъ сдѣлать народъ счастливымъ, хотя въ иныхъ случаяхъ способенъ сыграть роль дурмана, заглушающаго сознаніе своего несчастья. Естественно, что время отъ времени въ такомъ дурманѣ возникаетъ острая потребность, а потому поэтъ возражаетъ устами Якима Нагого тѣмъ, кто упрекаетъ русскій народъ за пьянство:

„Нѣтъ мѣры хмелю русскому!
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?“

А, кромѣ того, нельзя забывать, что—

„Насъ много пьяныхъ видится,
А больше трезвыхъ насъ...
У насъ на семью пьющую
Непьющая семья! –
Не пьютъ, а такъ же маются...“

Вотъ единственный возможный для Некрасова и по существу своему глубоко вѣрный взглядъ на пьянство.

Теперь посмотримъ, въ чемъ же видитъ Некрасовъ счастье?

Въ стихотвореніяхъ конца 60-хъ и 70-хъ годовъ отвѣтъ на этотъ вопросъ формулированъ поэтомъ съ полною опредѣленностью. Такъ въ поэмѣ «Дѣдушка» (1870 г.) читаемъ:

„Счастье умовъ благородныхъ
Видѣть довольство вокругъ.“

Пусть «довольство вокругъ» не дается даромъ, пусть оно требуетъ жертвъ. Жертва, по убѣжденію Некрасова, не только не является помѣхой истинному счастью, но нерѣдко составляетъ одинъ изъ элементовъ его.

«Есть времена—говоритъ поэтъ въ стих. «Мать» (1868 г.)—
есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—терноваго вѣнка».

Къ 70-мъ же годамъ относится недавно напечатанное нами (см. газету «День» № 232, приложеніе) незаконченное и неотдѣланное стихотвореніе Некрасова*), посвященное какъ разъ интересующей насъ темѣ. По замыслу поэта, стихотвореніе это должно

*) Оно писано рукою поэта, и относится, по всей вѣроятности, къ 1874 г., такъ въ этомъ именно году появилось въ печати стихотвореніе „Надъ чѣмъ мы смѣемся“, трактующее ту же тему, но сравнительно въ узкомъ объемѣ.

было вылиться въ форму монолога, обращеннаго къ какой-то женщинѣ. Вотъ оно:

„Безумное, не вѣрящее племя...
Умѣло превратить въ предметъ насмѣшки
И состраданье къ ближнему; не разъ
Ты слышала и часто будешь слышать
Презрительныя рѣчи: „вотъ охота,
Возиться вѣкъ съ унылой нищетой,
Вступаться за безкровныхъ и бездомныхъ,
Всѣмъ бѣднымъ не поможешь, всѣхъ больныхъ
Не вылечишь, давно ужъ доказали
И жизнью и наукой, что напрасны
Всѣ частныя усилья. Это пошлость,
Придуманный конекъ, чтобъ отличиться,
Но право онъ придуманъ неудачно,
Старо... не оригинально
И хлопотливо".

На эти рѣчи поэтъ отвѣчаетъ такъ:

„Что-же хорошо,
Что ново? Праздное убійство жизни
Въ тщеславіи, распутствѣ, пустотѣ?
Имъ предаваться люди не стыдятся,
Такъ не стыдись идти и ты по „пошлой",
Какъ говорятъ, избитой, но по правдѣ
Едва, едва проложенной дорогѣ. Добра . . . . .
. . . . . .
И будемъ жить мы просто, пошло даже,
Заботясь о спокойствіи своемъ
И благѣ ближнихъ. Что ты улыбнулась?
Съ тобой я долженъ прямо говорить,
И благо ближнихъ на устахъ монхъ не фраза,
Не понимаю жизни я другой.
. . . . . .
Поверхностная глупая насмѣшка,
Къ которой такъ наклонно племя наше,
Бичъ чувству въ юномъ сердцѣ.
...„И надъ чѣмъ
Смѣемся мы? Обыкновенной темой
Насмѣшекъ нашихъ: всякая черта
Въ характерѣ, которая выходитъ
Изъ уровня обычнаго. Попробуй
На улицѣ покинуть экипажъ...
Скажи довольному собой глупцу,
Что онъ глупецъ...
Однажды, я припрегся къ водовозу,
Который на бугрѣ свои салазки,
Съ двумя боченками воды, по скользкой
Подмерзшей мостовой втащить не могъ.
Пріятели донынѣ помнятъ это
И не даютъ проходу филантропу".

Трудно сказать, что вылилось бы изъ этого мало художественнаго наброска, но и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ не оставляетъ никакого сомнѣ-

нія, что Некрасовымъ была задумана краснорѣчивая отповѣдь по адресу скептиковъ мелкаго пошиба, прикрывающихъ свой эгоизмъ громкими фразами о безплодности частныхъ усилій, пытающихся представить пошлой и будничной дѣятельность рядовыхъ работниковъ во имя блага ближняго. Дешевому скептицизму подобныхъ рѣчей Некрасовъ противопоставляетъ убѣжденное и рѣшительное заявленіе—«благо ближнихъ для меня не фраза, не понимаю жизни я другой». А разъ поэтъ не понимаетъ другой жизни, слѣдовательно, внѣ ея для него невозможно истинное счастье, то-есть опять-таки основой счастья является воплощеніе въ дѣлѣ альтруистическихъ порывовъ человѣческой души, слѣдованіе внушеніямъ этого ангела, который зоветъ.

„На бой и трудъ
За угнетеннаго, за обойденнаго".

Другого пути къ истинному счастью, а не къ тому суррогату его, который достигается возможностью невозбранно удовлетворять низшимъ инстинктамъ человѣческой природы: «праздно убивать жизнь въ тщеславіи, распутствѣ, пустотѣ»,—нѣтъ и быть не можетъ. Если кто пойдетъ «просторною, дорогой торною страстей раба», то встрѣтитъ на ней «на видъ блестящую», но по внутренней своей сущности «мертвящую жизнь», которая проходитъ въ «вѣчной» «безчеловѣчной враждѣ—войнѣ за блага бренныя».

Выяснивъ, въ чемъ видѣлъ Некрасовъ счастье и какъ онъ рѣшалъ вопросъ о смыслѣ жизни, приведемъ тѣ документальныя доказательства, проливающія свѣтъ на задуманное поэтомъ окончаніе «Кому на Руси жить хорошо», о которыхъ уже было упомянуто выше. 19-го мая 1876 года Николаю Алексѣевичу скромной сельской учительницей М. было послано слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

Николай Алексѣевичъ!

Я знаю Васъ только по вашимъ стихотвореніямъ и за нихъ питаю къ Вамъ глубокое почтеніе, но, конечно, не рѣшилась бы написать Вамъ для того только, чтобы говорить о моемъ почитаніи, ибо я понимаю, что *мое* почитаніе имѣетъ значеніе меньше капли въ морѣ Вашей славы.

Недавно еще мнѣ пришлось увидѣть Ваше превосходное созданіе: «Кому живется счастливо на Руси». Счастливыхъ Вы не ука-

зали, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, Вы и не вѣрите въ существованіе счастливыхъ людей. На основаніи такого предположенія я рѣшилась заявить себя, что я есмь вполнѣ счастливый человѣкъ.

Позвольте Вамъ изложить нѣкоторые отрывки изъ моего счастья.

Я учительница въ народной школѣ. Поступая въ новую школу, я вижу дѣтей полудикими замарашками, которые стараются въ сторону глядѣть, когда говорятъ съ ними. Въ школѣ происходитъ множество безобразій и неприличій. Черезъ два-три мѣсяца всякое безобразіе исчезаетъ, а является благообразіе, дѣти дѣлаются мнѣ дороги, они уже не напоминаютъ собой полудикихъ. Если и случится, что я недовольна чѣмъ-либо, то войдя въ классъ встрѣчаю десятки пытливыхъ ясныхъ глазъ, которые смотрятъ на меня съ такой вѣрой и любовью, что нѣтъ возможности удержаться во мнѣ непріятному настроенію!.. Черезъ годъ мои ученики—уже люди съ сознаніемъ человѣческаго достоинства! Я чувствую себя нравственной силой! Я вижу послѣдствія моей силы, наслаждаюсь своимъ созданіемъ!.. Если я иду по улицѣ,—всѣ дѣти, начиная отъ умѣющихъ ходить, но еще неумѣющихъ говорить, бѣгутъ ко мнѣ, тянутъ свои ручонки, сопровождаютъ меня, держась за руки, за платье, лепечутъ душевно... Старшіе дѣти (12 и 14 лѣтъ) бросаютъ свои игры и идутъ за мной, только бы увидѣть меня; по окончаніи занятій забѣгаютъ въ школу, какъ въ родной домъ. Соберусь я ѣхать куда-либо съ ребятами, они бѣгутъ около саней, не желая отстать, и я ѣду шагомъ, чтобы не затруднить ихъ. Ѣду и наслаждаюсь, что ни одинъ владыко земной не сопровождался такой свитой, ни одна всесвѣтная красавица не имѣла такихъ преданныхъ, безкорыстныхъ поклонниковъ... Я уже стара и очень некрасива, но очень счастлива. Сижу у окна въ школѣ, любуюсь природой и наслаждаюсь сознаніемъ своего счастья, несмотря на то, что у меня рубля не бываетъ по нѣсколько недѣль, и не надо: мнѣ вѣрятъ въ долгъ, получаю жалованье и отдаю долгъ.

Въ Вознесенье утромъ (13 мая) приходятъ ко мнѣ молодые парни нашей деревни и говорятъ, что когда то я желала садъ устроить у школы. Что они сегодня берутся устроить. Принялись за дѣло: кто пахать землю, кто срывать, кто косить, другіе въ лѣсъ за деревьями, и къ 6 часамъ вечера создался садъ, пра-

вильный, обгороженный на пространствѣ около 40 кв. саженъ... Все это идетъ дружно, могуче, всему этому я—свѣтъ и сила. Конечно, бываютъ и непріятности для меня, но они не несчастье. Въ прошломъ моемъ много горя, но я считаю его благомъ—счастьемъ, оно выучило меня жить, и безъ него я не знала бы наслажденія въ жизни.

Можетъ быть, васъ поинтересуютъ подробности моего счастія прошлаго и настоящаго. Позвольте Вамъ сообщить мой адресъ:

Школа моя находится въ Ц... уѣздѣ, деревня К—цы.

Честь имѣю сохранить къ Вамъ почитаніе и быть готовою къ услугамъ Вашимъ

А. М.

19 мая, 1879 года.

Болѣзнь, потребовавшая лѣченія на югѣ, помѣшала Некрасову отвѣтить на это письмо своевременно, и онъ только черезъ годъ собрался набросать на него свой отвѣтъ. Писать долго и много Некрасовъ уже не могъ, а потому отвѣтъ его очень кратокъ, однако, его лаконичность усиливаетъ опредѣленность высказанныхъ въ немъ мыслей. Вотъ его текстъ: *)

2-го апрѣля 1877 г.

Милостивая Государыня!

Сегодня мнѣ попалось подъ руку ваше письмо, и я перечелъ его. Счастіе, о которомъ вы говорите, составило бы предметъ продолженія моей поэмы. Ей не суждено окончиться. Я пишу, чтобъ хотя поздно поблагодарить васъ за прелестное письмо и пожелать, чтобы васъ, вашихъ учениковъ и выученныхъ уже вами миновала и далѣе судьба, какъ это, повидимому, шло пока.

Примите душевный мой привѣтъ

Н. Некрасовъ.

Такимъ образомъ, поэма «Кому на Руси жить хорошо» должна была служить апофеозомъ тѣхъ людей, которые, не гонясь ни

*) Цитируемъ по копіи, найденной нами въ бумагахъ сестры поэта и писанной ея же рукой. Внизу листка съ письмомъ А. А. Буткевичъ приписала: „подлинное отослано г-жѣ М.“.

за извѣстностью, ни за деньгами, посвятили себя скромной, незамѣтной, но глубоко плодотворной по своимъ результатамъ работѣ во имя блага народнаго. Имъ, и только имъ, доступно истинное счастье. Представителемъ такого рода дѣятелей въ поэмѣ долженъ былъ быть, надо думать, дьячковскій сынъ Гриша. Поэтому-то, Некрасовъ, сознававшій, что ему не суждено дописать свою поэму, закончилъ ее опредѣленнымъ намекомъ на то, что въ его время на Руси хорошо живется только подобнымъ Гришѣ идеалистамъ, которые въ служеніи народу нашли или собираются найти свое жизненное предназначеніе. Какъ же иначе, въ самомъ дѣлѣ, понимать послѣднее шестистишіе некрасовской поэмы:

„Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею,
Если-бъ знать могли они, что творилось съ Гришею.
Слышалъ онъ въ груди своей силы необъятныя,
Услаждали слухъ его звуки благодатные,
Звуки лучезарнаго гимна благороднаго,
Пѣлъ онъ воплощеніе счастія народнаго...“

Счастья народнаго еще нѣтъ,—формулируемъ предсмертный завѣтъ великаго поэта-народолюбца,—но въ мечтахъ о немъ, тѣсно связанныхъ съ безкорыстной и самоотверженной работой надъ его воплощеніемъ въ жизни, могутъ находить свое счастье всѣ, кто не хочетъ итти «дорогой торною страстей раба», кто не чуждается «жизни искренней» и «цѣли выспренной».

II. НЕКРАСОВЪ—ПѢВЕЦЪ ГЕРОИЧЕСКИХЪ ПОРЫВОВЪ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—терноваго вѣнка.

Неизмѣнно выдвигая на первый планъ некрасовское народолюбіе, нерѣдко забываютъ о другой великой привязанности поэта о другомъ, исполненномъ драматизма романѣ, который также красной нитью проходитъ чрезъ все его творчество и жизнь. Быть можетъ, съ не столь поглощающею страстью, но съ неменьшимъ постоянствомъ любилъ Некрасовъ русскую интеллигенцію. Въ его пониманіи ея аттрибутами являлась не принадлежность къ какому-либо классу или сословію, а неутолимое, на чисто идеалистической почвѣ возникшее и возросшее стремленіе къ новымъ формамъ общественной жизни, къ новымъ соціально-политическимъ идеаламъ и, что особенно важно, къ активной борьбѣ за эти формы, къ активному осуществленію этихъ идеаловъ. Съ этой именно точки зрѣнія Некрасовъ взглянулъ на декабристовъ въ своихъ поэмахъ «Дѣдушка» (1870 г.) и «Русскія женщины» (1871—72 г.). На фонѣ ужасающаго безправія николаевской эпохи, когда помѣщики-крѣпостники измывались надъ порабощенной крестьянской массой, когда вмѣстѣ съ ними «сокъ изъ народа давила подлыхъ подъячихъ орда», участники декабрьскаго движенія представлены Некрасовымъ въ ореолѣ полу-божественнаго величія.

„Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо, мой другъ.
Счастье умовъ благородныхъ—
Видѣть довольство вокругъ

Вотъ въ чемъ, по мнѣнію поэта, заключалась психологическая причина 14-го декабря. Видя въ Россіи «царство нищихъ и рабовъ», и въ то же время вѣря въ благодѣтельную силу свободы, декабристы рѣшились активно выступить на борьбу противъ «царящаго

зла». Печальный исходъ этой борьбы, исторгнувшій изъ среды русскаго общества наиболѣе образованныхъ и идейныхъ его дѣятелей, превратившій его въ «вырубленный лѣсъ», гдѣ на мѣстѣ «дубовъ до небесъ» остались одни «пни», вдохновилъ поэта на сравненіе, которое для печати 70-хъ годовъ нельзя не признать очень смѣлымъ. Вотъ какія слова о сосланномъ мужѣ вкладываетъ Некрасовъ въ уста кн. Волконской:

„Напрасно чернила его клевета,—
Онъ былъ безупречнѣй, чѣмъ прежде,
И я полюбила его, какъ Христа...
Въ своей арестантской одеждѣ.
Теперь онъ безсмѣнно стоитъ предо мной,
Величіемъ кроткимъ сіяя.
Терновый вѣнецъ надъ его головой,
Во взорахъ любовь неземная...

Слѣдующее за декабристами поколѣніе,—люди сороковыхъ годовъ,—хотя и было настроено идеалистически, въ массѣ своей ничего, однако, не сдѣлало для реальнаго торжества своихъ идеаловъ. Вѣрный своему возвышенному взгляду на интеллигенцію, поэтъ пренебрегъ своею кровною связью съ этимъ поколѣніемъ и не задумался негодующими стихами заклеймить его неспособность претворять слово въ дѣло. Одновременно съ «Рудинымъ» Тургенева онъ создаетъ свою поэму «Саша», въ которой, въ лицѣ Агарина, изображаетъ одного изъ «современныхъ героевъ», увлекающихся книжными теоріями, лелѣющихъ мысль объ исполинскомъ дѣлѣ», но быстро остывающихъ, а потому безпомощныхъ въ области практической дѣятельности. Великолѣпная характеристика людей агаринскаго типа, «лишнихъ людей», какъ ихъ обычно называютъ въ исторіяхъ литературы, дана также поэтомъ въ «Медвѣжьей Охотѣ», классическія строфы которой о либералѣ-идеалистѣ, этомъ обаятельномъ діалектикѣ съ мечтательнымъ взоромъ, этомъ «рыцарѣ добраго стремленія и безпутнаго житья», этомъ «грознюмъ дѣятелѣ въ теоріи», избѣгающемъ, однако, уличной «исторіи съ полицейскимъ»,—общеизвѣстны. Несмотря на рѣзкость этихъ эпитетовъ, за которыми чувствуется и печаль и гнѣвъ («кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей»), Некрасовъ былъ слишкомъ чуткимъ и объективнымъ наблюдателемъ общественной жизни, чтобы не указать на нѣкоторыя обстоятельства, «смягчающія вину» либерала 40-хъ г.г. Пусть онъ никогда не сдѣлалъ «реальнаго усилія», но самый фактъ его существованія означалъ многое:

„Ты стоялъ передъ отчизною,
Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ,
Воплощенной укоризною,
Либералъ-идеалистъ".

Затѣмъ поэтъ ссылается на то, что люди 40-хъ гг. все же выдѣлили изъ своихъ рядовъ двухъ-трехъ человѣкъ, о которыхъ можно сказать, что они «выносятъ на плечахъ все поколѣнье». Къ этимъ двумъ-тремъ Некрасовъ, прежде всего, относитъ Бѣлинскаго. Въ его душевномъ складѣ особенное вниманіе поэта привлекаютъ какъ разъ тѣ черты, которыя обязательны для истиннаго интеллигента. Это творческая работа ума, ведущая къ проторенію «новыхъ стезей», неутолимое стремленіе къ истинѣ, при которомъ не боятся итти «на проломъ», «святое недовольство» собою и жизнью, безспорно, являющееся необходимымъ условіемъ какъ личнаго, такъ и общественнаго прогресса. Человѣкъ съ такими данными, вступивъ на поприще писателя, долженъ былъ выдвинуться и пріобрѣсти вліяніе на общество. Бѣлинскій пріобрѣлъ его, такъ какъ, явившись въ унылые годы, когда послѣ смерти Пушкина, «все глухо и мертво въ литературѣ нашей было» (см. поэму «Бѣлинскій»), и она, «въ боренъѣ пошлыхъ мелочей погрязнувъ, поглупѣла», удовлетворилъ назрѣвшей потребности «въ могучемъ словѣ правды честной, въ открытомъ обличеньѣ зла».

Темныя силы, съ которыми боролся «честный сѣятель добра», всполошились: Бѣлинскій—

„Какъ врагъ отчизны, былъ отмѣченъ;
За нимъ слѣдили, и тюрьму
Враги пророчили ему".

Ихъ пророчества не успѣли оправдаться только потому, что «услужливо могила ему объятья растворила». Такимъ образомъ, лишь смерть помѣшала Бѣлинскому личнымъ страданіемъ запечатлѣть вѣрность своимъ убѣжденіямъ.

Подъ такимъ угломъ зрѣнія разсматривая дѣятельность Бѣлинскаго, Некрасовъ не могъ не сознавать, что завѣты его оказались не по плечу большинству литературныхъ представителей 40-хъ годовъ, группировавшихся вокругъ редакціи «Современника». «Здѣсь бывали—такъ описываетъ этотъ кружокъ А. Н. Пыпинъ—настоящіе баричи, не всегда для этого положенія достаточно богатые, но дѣйствительно привыкшіе ко взглядамъ и обычаямъ привилегированнаго сословія. Барское удовольствіе,

охота, чрезвычайно занимаетъ, напримѣръ, Тургенева, который безпрестанно пишетъ о ней къ Некрасову и изъ Спасскаго и даже изъ Буживаля. Фетъ съ видимымъ одобреніемъ упоминаетъ о томъ, что у Тургенева (конечно, до освобожденія крестьянъ) «былъ прекрасный крѣпостной поваръ, к у п л е н н ы й имъ за тысячу рублей». Фетъ считаетъ нужнымъ занести въ свои воспоминанія «уху» въ англійскомъ или купеческомъ клубѣ. Въ дружеской компаніи бесѣда окрашивалась довольно крупной «аттической солью», той самою, которая въ тѣ времена особенно потреблялась въ холостыхъ барскихъ компаніяхъ, гражданскихъ и военныхъ» (А. Пыпинъ. «Некрасовъ». СПБ. 1905 г.). Въ предыдущей статьѣ указывалось, что Некрасовъ отнюдь не былъ чуждъ этой барственно-эпикурейской жизни. Наоборотъ, наголодавшись въ дни юности, онъ предался ей, какъ только получилъ къ тому матеріальную возможность, но удовлетвореннымъ ею никогда не былъ. Вотъ почему вплотную столкнувшись съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, болѣе близкими духовно Бѣлинскому и болѣе способными къ реальному воплощенію его идеаловъ, чѣмъ поколѣніе 40-хъ г.г., онъ не могъ не почувствовать ихъ идейнаго превосходства надъ своими старыми пріятелями (Боткинымъ, Анненковымъ, Дружининымъ, и даже отчасти Тургеневымъ той эпохи), а почувствовавъ его, не могъ не перейти всецѣло на ихъ сторону. Съ тѣхъ поръ связь между поэтомъ и его новыми друзьями стала быстро расти и крѣпнуть. Имена Чернышевскаго и Добролюбова переплелись, какъ мы знаемъ, съ именемъ Некрасова, съ которымъ они вели общее идейное дѣло—редактированіе самаго вліятельнаго и наиболѣе демократическаго журнала своего времени. Чернышевскій и Добролюбовъ, люди неподкупныхъ убѣжденій, не знающей компромиссовъ прямолинейности, все существо которыхъ было проникнуто самоотверженнымъ стремленіемъ «душу свою положить за други своя», дали Некрасову возможность узнать и оцѣнить свойства интеллигента-демократа, вышедшаго изъ среды разночинцевъ, закаленнаго въ жестокой борьбѣ за существованіе, а потому абсолютно свободнаго отъ эстетическаго романтизма на эгоистической подкладкѣ, свойственнаго большинству интеллигентствующихъ баричей. Эти именно черты «новыхъ людей», тѣмъ болѣе плѣнявшія поэта, что въ личной жизни онѣ являлись для него недосягаемымъ идеаломъ, выдвинуты и подчеркнуты имъ въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Черны-

шевскому и Добролюбову. Первый изображенъ Некрасовымъ самоотверженнымъ пророкомъ (см. стих. «Пророкъ»—«Изъ Барбье»), который сознательно шелъ на гибель, такъ какъ увѣровалъ въ «невозможность служить добру, не жертвуя собой», такъ какъ понялъ, что «жить для себя возможно только въ мірѣ, но умереть возможно для другихъ». Стихотвореніе это заканчивается грустнымъ четверостишіемъ, почему-то изъятымъ изъ «полнаго собранія»:

„Его еще покамѣстъ не распяли,
Но близокъ часъ—онъ будетъ на крестѣ;
Его послалъ богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ".

Въ не менѣе восторженныхъ выраженіяхъ отозвался Некрасовъ и о другомъ великомъ шестидесятникѣ Н. А. Добролюбовѣ, въ основѣ психологіи котораго усматривалъ все то же стремленіе къ жертвѣ во что бы то ни стало. Добролюбовъ въ его изображеніи (см. стих. «Памяти Добролюбова») сознательно отвергалъ «мірскія наслажденья», сознательно «не далъ утоленья» жаждѣ сердца, ибо все, чѣмъ обладалъ—«свои труды, надежды, помышленья»—отдалъ родинѣ, этой «любовницѣ суровой». Его усилія не пропали даромъ: «когда-бъ такихъ людей... иногда не посылала міру» мать природа—«заглохла-бъ нива жизни». Насколько неотразимо вошелъ образъ Добролюбова въ сознанье Некрасова, какими неизгладимыми чертами онъ запечатлѣлся въ его памяти, видно изъ того, что ему въ значительной степени посвящена послѣдняя часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», написанная Некрасовымъ въ предпослѣдній годъ его жизни, во время лѣченія въ Крыму, когда уже призракъ неизбѣжной и мучительной смерти витalъ надъ больнымъ и страждущимъ поэтомъ. Герой этой части Гриша, названный въ спискѣ Ефремова Григоріемъ Добросклоновымъ, нѣкоторыми сторонами своей біографіи и міросозерцанія напоминаетъ Добролюбова. Оба они были духовнаго происхожденія, оба учились въ семинаріи, оба мечтали объ университетѣ, оба страстно любили мать и рано ея лишились. Съ другой стороны, къ Добролюбову съ полнымъ основаніемъ можно было примѣнить слова, сказанныя Некрасовымъ о Гришѣ, что цѣлью его жизни было жить «для счастія убогаго и темнаго родного уголка», и что «юноша, отмѣченный печатью дара Божьяго», сумѣлъ согласовать слово съ дѣломъ, сумѣлъ стать «пылкимъ и

восторженнымъ пѣвцомъ освобожденія униженныхъ, обиженныхъ на всей святой Руси».

Хотя, такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ основѣ образа Гриши лежитъ воспоминаніе о Добролюбовѣ, однако, вполнѣ отождествлять ихъ невозможно, такъ какъ послѣдняя часть некрасовской поэмы писалась во второй половинѣ 70-хъ годовъ, эпоху, когда народническія настроенія русской интеллигенціи достигли наивысшаго своего развитія, выражаясь въ извѣстномъ «хожденіи въ народъ» съ пропагандистскими цѣлями, а потому, какъ будетъ показано ниже, Гриша обладаетъ также нѣкоторыми чертами народника-семидесятника.

Помянулъ Некрасовъ добрымъ словомъ и третьяго «властителя думъ» 60-хъ годовъ—Д. И. Писарева. Хотя той идейной близости, которая связывала его съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, между нимъ и Писаревымъ, главнымъ сотрудникомъ и вдохновителемъ журнала совсѣмъ иного направленія, чѣмъ «Современникъ», быть не могло, но, во всякомъ случаѣ, онъ цѣнилъ въ Писаревѣ твердую убѣжденность, яркую прогрессивную настроенность и крупную интеллектуальную силу. Вотъ почему его стихотвореніе «Не рыдай такъ безумно надъ нимъ» полно задушевной теплоты. Весьма цѣннымъ дополненіемъ къ нему является коротенькій комментарій самого поэта, написанный на автографѣ стихотворенія, присланномъ Некрасовымъ М. А. Марковичъ (Марко-Вовчку). «Писаревъ—гласитъ сдѣланная карандашемъ приписка Некрасова—перенесъ тюрьму, не дрогнувъ (нравственно), и вѣроятно, также вступилъ бы въ эту могилу, которая здѣсь разумѣется, но, вѣдь, это исключеніе—покуда жизнь представляла болѣе фактовъ противоположнаго свойства и поэтому-то мысль приняла такое направленіе» *).

Наступившіе вскорѣ семидесятые годы должны были убѣдить Некрасова въ томъ, что безбоязненность «передъ дверью тюрьмы и могилы» перестала быть «исключеніемъ». Сотни и даже тысячи молодыхъ людей обоего пола поняли, выражаясь словами Лаврова, что «всякое цивилизованное меньшинство... несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ, которыя оно могло устранить, если бы не ограничилось ролью представителя и хранителя цивилизаціи, а взяло на себя и роль ея двигателя»; понявъ же это,

*) Съ приведеннымъ комментаріемъ Некрасова любезно познакомилъ насъ Б. Ав. Марковичъ.

не могли не сознать своего долга передъ народомъ: вѣдь, тяжелымъ, до кроваваго пота, народнымъ трудомъ, и ничѣмъ инымъ, созданы были тѣ условія, при которыхъ они, т. е. «цивилизованное меньшинство», получили возможность пользоваться всѣми благами, какъ внѣшней, такъ и духовной культуры. Вотъ тѣ логическія предпосылки, которыя, оказавъ могущественное вліяніе на психику молодежи, всегда склонной ко всему возвышенному и благородному, заставили ее мучительно задуматься надъ вопросомъ: «*какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе полезна народу?*» «И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ лишь одинъ путь: *нужно итти въ народъ и жить его жизнью.* Молодые люди отправлялись поэтому въ деревню, какъ врачи, фельдшера, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззавѣтно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа. У всѣхъ ихъ не было никакой еще мысли о революціи, о насильственномъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ-нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты и въ то же время узнать у самого народа, каковъ его идеалъ лучшей соціальной жизни» (Кропоткинъ. Записки). Надежды «мирныхъ пропагандистовъ» на возможность легальной дѣятельности съ указанными цѣлями въ условіяхъ современной русской дѣйствительности очень быстро, по выраженію того же Кропоткина, разсѣялись, какъ туманъ. Вслѣдствіе этого въ настроеніи ихъ произошелъ рѣзкій переломъ, который къ 1873—74 гг. привелъ къ революціонизированію значительной части молодежи. Мнѣнія Бакунина, утверждавшаго, что одни только бунты, приведенные въ систему революціонерами, могутъ подвинуть народное дѣло, падали на подготовленную почву. Лавровъ, эмигрировавшій за границу, хотя и находилъ, что началу народной революціи должна предшествовать долгая и трудная подготовка, главной задачей которой является организація крестьянства, но противъ самаго революціоннаго принципа отнюдь не возражалъ. Широкое распространеніе идей Бакунина и Лаврова и сочувствіе, которое онѣ вызывали въ средѣ молодежи, привели къ тому, что ранней весной 1874 года «бакунисты» и «лавристы» двинулись массой въ народъ.

Первые стремились вызвать всенародное возстаніе, взбунтовавъ народъ въ разныхъ мѣстахъ, вторые намѣрены были ограничиваться пропагандой въ цѣляхъ перевоспитанія народа. Попытка эта, благодаря наивности и неосторожности своихъ участниковъ, окончилась полнымъ разгромомъ.

Несмотря на это, энергія оставшихся на свободѣ пропагандистовъ не была сломлена: они не потеряли вѣры въ свое дѣло и принялись за пополненіе своихъ порѣдѣвшихъ рядовъ. Съ этого времени начинается упорная и систематическая борьба правительства съ народниками-революціонерами, которая заполняетъ собой семидесятые годы и завершается лишь въ 80-хъ.

Какъ же отнесся Некрасовъ, этотъ «печальникъ горя народнаго», и въ то же время, какъ мы показали, пѣвецъ героическихъ дѣлъ и самоотверженныхъ порывовъ русской интеллигенціи, къ развернувшимся передъ его глазами событіямъ? Они, прежде всего, привели его къ синтезу двухъ великихъ привязанностей, жившихъ въ его душѣ,—любви къ народу и любви къ «цивилизованному меньшинству». Народъ сталъ Некрасову еще дороже, когда онъ увидѣлъ, что наиболѣе чуткая и отзывчивая часть культурнаго класса готова преклониться передъ народной правдой и всю жизнь обречь борьбѣ за народное благо. Въ то же время возросли и его симпатіи къ интеллигентной молодежи, которая казалась поэту недосягаемо прекрасной въ своемъ высокомъ альтруистическомъ подъемѣ, заставившемъ ее пренебрегать возможностью личнаго счастья и смыслъ жизни видѣть въ служеніи народу. И тѣмъ легче было совершиться этому синтезу, что подъ вліяніемъ «эпохи великихъ реформъ» черезъ пропасть, отдѣлявшую интеллигенцію отъ народа, былъ уже переброшенъ мостъ, и Некрасовъ неоднократно имѣлъ фактическое основаніе радоваться, что выходитъ «изъ народа, столько славныхъ то-и-знай,—столько добрыхъ, благородныхъ, сильныхъ любящей душой, посреди тупыхъ, холодныхъ и напыщенныхъ собой». Одному изъ этихъ вышедшихъ изъ народа дѣятелей, знаменитому малороссійскому поэту Т. Г. Шевченко, Некрасовъ посвятилъ проникновенное, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ необычайно смѣлое стихотвореніе, которое мы приводимъ полностью:

„Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвидѣнный, даже желательный,
Такъ погибаетъ по Божьей по милости
Русской земли человѣкъ замѣчательный

Съ давняго времени: молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,
Смѣлыя рѣчи, борьба безразсудная,
Вслѣдъ за тѣмъ—долгіе дни заключенія...
Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармовъ любезности,—
Все—и раздольную степь оренбургскую
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, неизвѣстности
Жилъ онъ солдатомъ, съ солдатами жалкими,
Жилъ, оскорбляемый всякимъ невѣждою;
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками,
Можетъ, и жилъ только этой надеждою...
Но, сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей провидѣнье игривое;
Кончилось время его несчастливое,—
Все, чего съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу его улыбалося...
Тутъ ему Богъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалася!..

Если ужъ Некрасовъ такъ тепло отзывается о Шевченко, украйнофильскіе идеалы котораго были ему въ значительной степени чужды, который, кстати сказать, относился къ «музѣ мести и печали» съ нескрываемой враждебностью, не называлъ Некрасова иначе, какъ «бездарнымъ рифмоплетомъ» и упорно уклонялся отъ всякаго съ нимъ знакомства, то прямо-таки пламенное сочувствіе должны были возбуждать въ немъ народники-семидесятники. Вѣдь, поэтъ съ полнымъ основаніемъ могъ считать ихъ своими учениками, потому что задолго до «Историческихъ писемъ» Лаврова онъ пришелъ къ мысли о долгѣ передъ народомъ. Ея высоко-художественнымъ выраженіемъ является небольшое стихотвореніе «Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться», написанное еще въ 1858 году. Авторъ обращается въ немъ къ друзьямъ съ полнымъ грустной иронiи призывомъ пожелать «тому доброй ночи,

Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ...".

И не одни напоминанія о томъ, что только трудъ безправной и угнетенной крестьянской массы далъ возможность образованнымъ классамъ пріобщаться къ эстетическимъ и научнымъ интересамъ, находили будущіе народники въ стихотвореніяхъ Некрасова 40—60 гг. Читая такія безукоризненныя созданія его поэтическаго генія,

какъ «Власъ» (1854), «Школьникъ» (1856), «Забытая деревня» (1856), «Размышленія у парадnаго подъѣзда» (1861 г.), «Коробейники» (1861 г.), «Зеленый шумъ» (1863 г.), «Орина, мать солдатская» (1863 г.), «Морозъ, Красный Носъ» (1863 г.), «Дядюшка Яковъ» (1867 г.), «Дѣдушка Мазай» (1870 г.) и др., люди съ юными сердцами, свободными отъ предубѣжденій и предвзятыхъ точекъ зрѣнія, съ сердцами, открытыми всему доброму, не только получали знаніе народной жизни, чему способствовалъ реализмъ Некрасовскаго творчества, но и проникались вѣрою въ духовную и физическую мощь народа, проникались желаніемъ послужить ему и поучиться у него.

Неоспоримый фактъ огромнаго вліянія Некрасова на общество позволяетъ съ несомнѣнностью установить, что онъ являлся однимъ изъ главныхъ возбудителей народническихъ настроеній въ разсматриваемую эпоху. Уже одно это, повторяемъ, объясняетъ сочувственное отношеніе поэта къ народникамъ 70-хъ годовъ. Простиралось ли оно на тѣ способы борьбы за свои идеалы, которыхъ они придерживались—вотъ вопросъ, являющійся коренным при опредѣленіи устоевъ общественнаго міросозерцанія Некрасова. Прежде чѣмъ отвѣтить на него, выяснимъ, какъ онъ оцѣнивалъ свою собственную общественную роль, роль писателя, служившаго народу на журнальномъ и поэтическомъ поприщахъ. Для насъ, которымъ время Некрасова представляется уже въ извѣстной исторической перспективѣ, ясно, что эта роль была несравненно значительнѣе того, что дѣлалъ рядовой народникъ-семидесятникъ, хотя бы и имѣвшій случай личнымъ страданіемъ засвидѣтельствовать вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Однако, для самого поэта съ его болѣзненно чуткой совѣстью и съ необычайно строгимъ отношеніемъ какъ къ себѣ, такъ и къ своему творчеству, дѣло обстояло иначе. Въ нашемъ распоряженіи имѣется автографъ одного неизданнаго стихотворенія Некрасова, въ которомъ онъ какъ разъ дѣлаетъ попытку опредѣлить общественную цѣнность подобныхъ себѣ дѣятелей. Приводимъ это стихотвореніе полностью:

„Я лучшій перлъ со дна души досталъ
Чистѣйшее мое воспоминанье!
Мнѣ стало грустно... Надо попадать
По мѣрѣ силъ опять на тонъ шутливый,

Четырехстопный ямбъ игривый
Возьму—и стану продолжать *)!

Внимай же мнѣ! тебѣ представить
Я доказательства хотѣлъ,
Что легкомысленно безславить
Меня ты права не имѣлъ... **)

Во-первыхъ: отразился мало
На мнѣ тотъ полудикій вѣкъ:
Когда безчинство процвѣтало,
Я велъ себя, какъ *человѣкъ*.

Я время проводилъ не въ ссорахъ,
Не въ кутежахъ тогдашнихъ дней,
Но въ безкорыстныхъ разговорахъ
О меньшей братіи моей.

Съ крестьянъ, завѣщанныхъ отцами,
Взималъ умѣренный оброкъ,
Не бралъ сушеными грибами
И не копилъ полотенъ въ прокъ...

Писалъ стишки, писалъ не мало,
Не только взятокъ я не бралъ,
Но шопотомъ, какъ подобало,
Я противъ нихъ протестовалъ...

А во-вторыхъ: ты вѣрно слышалъ,
Въ газетахъ, можетъ быть, читалъ—
Когда прогрессъ на сцену вышелъ,
Я велъ себя, какъ *либералъ*.

Плодъ накопившагося горя—
Писалъ статьи о старомъ злѣ,
Съ уставной грамотой не споря,
Не погребалъ ее въ столѣ.

Хоть и не свыше данной нормы
Я тотчасъ утвердилъ надѣлъ;
Хвалилъ судебныя реформы,
Быть членомъ земства я хотѣлъ ***).

---

*) Послѣднія 3½ строчки, со словъ „Надо попадать“, имѣютъ нижеслѣдующій варіантъ, въ оригиналѣ зачеркнутый:

...Буду продолжать
Однако же, по прежнему шутливо,
Размѣръ другой мнѣ стоитъ только взять,—
И дѣло мы окончимъ живо.
Чтобы оцѣнить меня ты могъ,
Теперь я подведу итогъ!

**) Это четверостишіе замѣнило слѣдующее, вычеркнутое поэтомъ:

Я описалъ тебѣ то время,
Когда родились мы съ тобой,
Въ какую почву бросишь сѣмя,
Таковъ и плодъ, любезный мой.

***) Писано въ февралѣ 1867 года. (Сноска самого Некрасова).

Не вижу зла въ свободной прессѣ,
Шаговъ попятныхъ не хочу,
Но спотыкнулись мы въ прогрессѣ,
Я выжидаю и молчу...

Что-жъ въ третьихъ? Долженъ я бы
Вести себя, *какъ гражданинъ*,
Но, милый другъ, всѣ люди слабы,
Какъ разъ останешься одинъ.

Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что первыя строки приведеннаго отрывка тождественны съ послѣдними строками лирической комедіи «Медвѣжья охота», вслѣдствіе чего его можно разсматривать, какъ попытку продолжить это, такъ и оставшееся недоконченнымъ, произведеніе. Въ правильности подобнаго предположенія убѣждаетъ свидѣтельство самого Некрасова о томъ, что онъ «нѣсколько разъ принимался» за окончаніе «Медвѣжьей охоты» (См. «Стихотворенія», изд. 1879 г., т. IV, стр. LXXV). Цитированные стихи должны были, такимъ образомъ, служить заключительной частью длиннаго монолога Миши о никчемности дворянской интеллигенціи 40-хъ годовъ, и о великомъ значеніи тогдашней литературы. Субъективность, а иногда даже нѣкоторая автобіографичность Мишиныхъ «изліяній»—внѣ всякаго сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, при оцѣнкѣ ихъ все-таки нельзя упускать изъ виду, что главною задачею Некрасова въ «Медвѣжьей охотѣ» было—указать типическія черты поколѣнія 40-хъ годовъ, къ которому поэтъ хотя и принадлежалъ, но не во всѣхъ недостаткахъ котораго былъ повиненъ. Такъ, напримѣръ, для интеллигентныхъ дворянъ разсматриваемаго періода весьма характернымъ являлось двойственное отношеніе къ крѣпостному праву. Принципіальные противники этого отжившаго института, они, однако, не обладали достаточнымъ мужествомъ и безкорыстіемъ, чтобы отпустить на волю «крестьянъ, завѣщанныхъ отцами», а ограничивались взиманіемъ сравнительно умѣреннаго оброка и упраздненіемъ мелкихъ поборовъ, въ родѣ поборовъ сушеными грибами и полотнами. Относительно же Некрасова намъ извѣстно, что онъ никогда не былъ рабовладѣльцемъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ поэтъ въ неизданныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, писанныхъ подъ его диктовку: «Судьбѣ угодно было, чтобы я пользовался крѣпостнымъ хлѣбомъ только до 16 лѣтъ, далѣе я не только никогда не владѣлъ крѣпостными, но, будучи наслѣдникомъ своихъ отцовъ, имѣвшихъ родовыя помѣстья, не былъ ни одного

дня даже владѣльцемъ клочка родовой земли. Дѣло монхъ братьевъ сказать со временемъ, какъ это вышло. Я когда-то написалъ:

...Хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Нейдетъ мнѣ въ прокъ.

Написавъ этотъ стихъ еще въ дѣтствѣ *), можетъ быть, я желалъ оправдать его на дѣлѣ».

Несмотря на частныя различія, одно изъ которыхъ мы только что отмѣтили, основной упрекъ, содержащійся въ разсматриваемомъ стихотвореніи, Некрасовъ относилъ къ себѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и ко всему своему поколѣнію. Быть *человѣкомъ* въ смыслѣ непарушенія требованій элементарной гуманности, быть *либераломъ*, т. е. пассивно сочувствовать прогрессивнымъ вѣяніямъ—недостаточно: необходимо быть еще *гражданиномъ*. Но что значило быть гражданиномъ на языкѣ Некрасова? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ цѣлый рядъ его стихотвореній. Возьмемъ для примѣра хотя бы извѣстную элегію «Унынie». Здѣсь, обращаясь къ народу, поэтъ восклицаетъ: «Мнѣ не дано геройства служить тебѣ—плохой я гражданинъ!» Итакъ, долгъ гражданина, прежде всего, заключается въ служеніи народу. Служеніе это граничитъ съ геройствомъ, такъ какъ требуетъ активной борьбы, заставляющей рисковать самою жизнью. Въ томъ же «Унынiи» эта мысль достаточно опредѣленно выражена въ словахъ:—«тотъ не герой, кто лавромъ не увитъ иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя»... Себя же Некрасовъ менѣе всего считалъ героемъ-гражданиномъ. Онъ нерѣдко готовъ былъ отрицать гражданское значеніе даже за своей поэтической дѣятельностью («писалъ стишки, писалъ не мало»). Болѣе того, иногда поэтъ какъ бы противопоставлялъ служеніе истиннаго гражданина своему служенію музамъ, при чемъ съ горестью сознавался (см. стих. «Ты еще на жизнь имѣешь право!..), что «пѣсни» ему «мѣшали быть бойцомъ», а между тѣмъ «только тотъ себя переживаетъ»,

„Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою *всецѣло* отдастъ
На борьбу за брата-человѣка"...

Въ этомъ, чрезвычайно возвышенномъ, не лишенномъ, быть можетъ, нѣкоторой доли романтическаго идеализма, взглядѣ Не-

*) Стихотвореніе „На родинѣ" заканчивающееся этими стихами, появилось впервые въ изданіи 1856 г. Возможно, что оно или часть его была написана раньше.

красова на задачи и обязанности гражданина и заключается исходный пунктъ большинства тѣхъ самоосужденій и самобичеваній, которыя такъ характерны для «музы мести и печали». При этомъ надо замѣтить слѣдующее: пока Некрасовъ вращался въ кругу литераторовъ, принадлежащихъ къ типичнымъ представителямъ 40-хъ годовъ, сознаніе своей «вины» передъ народомъ и проистекающее отсюда покаянное настроеніе владѣли имъ сравнительно рѣдко; когда же судьба столкнула его лицомъ къ лицу съ писателями-разночинцами, воплощавшими въ себѣ идеалъ гражданственности, въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ понималъ ее онъ, собственная удаленность отъ этого идеала гораздо рѣзче обрисовалась передъ нимъ.

То геройство, котораго Некрасовъ не находилъ въ себѣ, онъ видѣлъ въ дѣятельности народниковъ семидесятыхъ годовъ: и «мирные пропагандисты», и народники-революціонеры, при всемъ различіи избранныхъ ими способовъ борьбы, жертвовали идеѣ всѣмъ, что входитъ въ объемъ понятія «личное счастье», и даже самую жизнь свою ставили на карту. Уже одно это, независимо отъ идейныхъ сочувствій, должно было дѣйствовать на чуткую душу поэта, возбуждая въ ней эмоціональный подъемъ, лежащій въ основѣ всякаго истиннаго лиризма. Неудивительно, поэтому, что въ стихахъ Некрасова содержится не мало поэтическихъ отзывовъ на дѣятельность адептовъ обоихъ вышеуказанныхъ теченій русскаго народничества. Уже въ одной изъ раннихъ своихъ поэмъ, поэмѣ «Саша» (1855 годъ), Некрасовъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о мирной культурно-филантропической работѣ въ деревнѣ, которой предалась, подъ вліяніемъ агаринскихъ рѣчей и чтенія книгъ, героиня поэмы. Правда, область, въ которой она работаетъ, пока еще очень узка: «бѣдные всѣ ей пріятели-други; кормитъ, ласкаетъ и лѣчитъ недуги»—немного это, но все же лучше, чѣмъ ничего, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ отъ Саши можно ожидать несравненно большаго, вѣдь «нетронутыхъ силъ въ Сашѣ такъ много сосѣдъ пробудилъ», вѣдь «въ добрую почву упало зерно—пышнымъ плодомъ отродится оно!»

Совсѣмъ иныя краски нашелъ поэтъ для характеристики стремленій уже извѣстнаго намъ дьячковскаго сына Григорія изъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Сущность его общественнаго міровоззрѣнія выражена въ яркихъ стихахъ:

„Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!..
Мы же немного
Просимъ у Бога:
Честное дѣло
Дѣлать умѣло
Силы намъ дай!"

При этомъ, что весьма характерно именно для народническихъ настроеній 70-хъ годовъ, Григорій относится къ народу не съ филантропическою жалостливостью, въ основѣ которой обычно лежитъ барственная снисходительность, а съ чувствомъ глубокаго уваженія, какъ равный къ равному. Крестьянамъ, закручинившимся подъ вліяніемъ разсказовъ о крестьянскихъ грѣхахъ («Про холопа примѣрнаго—Якова вѣрнаго», «О двухъ великихъ грѣшникахъ», «Крестьянскій грѣхъ»), Григорій умѣетъ растолковать, что за эти грѣхи «не они отвѣтчики... всему виною: крѣпь! Змѣя родитъ змѣенышей, а крѣпь грѣхи помѣщика, грѣхъ Якова несчастнаго, грѣхъ Глѣба родила. Нѣтъ крѣпи—нѣтъ помѣщика, до петли доводящаго усерднаго раба, нѣтъ крѣпи—нѣтъ двороваго, самоубійствомъ мстящаго злодѣю своему. Нѣтъ крѣпи—Глѣба новаго не будетъ на Руси». Не будетъ потому, что «сердце народное», несмотря на годы рабства, осталось «золотомъ», и народъ, вѣрный высокимъ нравственнымъ устоямъ своей жизни, сохранилъ и «силу могучую», и «совѣсть спокойную», и «правду живучую». Такія рѣчи въ чисто народническомъ духѣ, а также и заключительное пожеланіе Григорія: «дай Господь, чтобъ землякамъ моимъ и каждому крестьянину жилось вольготно весело на всей святой Руси», позволяютъ видѣть въ немъ вполнѣ опредѣленный типъ, который будетъ совсѣмъ ясенъ, если мы припомнимъ, что Григорій настроенъ мирно: въ его дѣятельности революціонные элементы отсутствуютъ, онъ готовъ прославлять «давшаго свободу». Это дѣятель, безспорно, очень близкій къ тѣмъ изъ пропагандистовъ, задача которыхъ, по словамъ С. И. Бардиной, была въ томъ, чтобы «внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ». Само собой разумѣется, «что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко».

Родственнымъ Гришѣ типомъ слѣдуетъ признать и типъ земскаго врача Ершова, героя задуманнаго, но незаконченнаго стихотворенія Некрасова. Вотъ что говоритъ Некрасовъ о Ершовѣ въ своихъ замѣткахъ («Отеч. Зап.» 1879 г. № 1):

«Была задумана піэса Ершовъ, лекарь. Онъ былъ хорошій человѣкъ, полезный народу въ своемъ углу. Задѣлъ, по неосторожности, надѣвая шубу въ волостномъ правленіи, за висѣвшій въ присутствіи портретъ, уронилъ его, враги донесли, и его куда-то заслали.

Разсказываетъ дьячекъ заика. Какъ начнетъ, такъ и дуетъ безъ передышки, а какъ заикнется, то часъ не дождешься продолженія. Такой и размѣръ я старался подобрать:

Онъ попалъ въ нашу мѣстность
Прямо съ школьной скамейки;
Воплощенная честность,
За душой ни копейки.
Да ему и не нужно!
Поселился онъ въ банѣ,
Жилъ съ крестьянами дружно,
Ѣлъ, что ѣли крестьяне.

Пауза. Затѣмъ разсказъ, какъ принималъ народъ, какъ лѣчилъ, на какой лошадкѣ и въ какой телѣгѣ ѣздилъ:

А лѣчилъ какъ успѣшно!
Звали Ершика всюду;
Ѣздилъ къ барамъ не спѣшно,
Къ мужику—ту-жъ минуту.
Нипочемъ темень ночи,
Нипочемъ непогода.
Богъ открылъ ему очи
На страданья народа.

Дало имъ его земство, но онъ съ нимъ поругался:

Безъ мундира просторнѣй,
Безъ оклада честнѣе,
Человѣка задорнѣй,
Человѣка прямѣе
Не видалъ я . . .
. . . . . .
Самъ Господь умудряетъ
Человѣка инова,
И уста раскрываетъ
На громовое слово...

Дальше ничего нѣтъ, заикнулся...» Тѣмъ и кончается эта замѣтка о задуманной пьесѣ.

При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ представителямъ мирной культурной работы, которая сказалась въ созданіи образовъ Саши, Григорія и Ершова, а также нѣсколькихъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній, напр. знаменитыхъ «Сѣятелей» (1876 года), Некрасовъ отнюдь не относился враждебно къ сторонникамъ коренной ломки и рѣшительныхъ выступленій. Революціонный принципъ временами возбуждалъ въ немъ полное сочувствіе. Такъ, въ стихотвореніи «Поэтъ и гражданинъ», относящемся еще къ 1856 г., рѣчи гражданина начинаютъ иногда звучать весьма недвусмысленно:

„Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно:
Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь".

Четырьмя годами позднѣе въ невошедшихъ въ обычный печатный текстъ строфахъ стихотворенія «Рыцарь на часъ» поэтъ говоритъ (см. «Литературный архивъ» С.П.Б. 1902 г.):

„Въ эту ночь со стыдомъ сознаю
Безполезно погибшую силу мою...
И трудящійся, бѣдный народъ
Предо мною съ упрекомъ идетъ,
И на лицахъ его я читаю грозу
И въ душѣ подавить я стараюсь слезу...
Да, теперь я къ тебѣ бы воззвалъ,
Бѣдный братъ угнетенный, скорбящій!
И такою бы правдой звучалъ
Голосъ мой изъ души исходящій,
Въ немъ такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла"...

Если принять во вниманіе, что этотъ отрывокъ былъ посвященъ Некрасовымъ Мих. Ларіоновичу Михайлову, революціонность котораго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не возбуждала никакихъ сомнѣній у всѣхъ знавшихъ его лицъ; если, съ другой стороны, вдуматься въ смыслъ приписки, сдѣланной поэтомъ подъ посвященными Михайлову стихами: «рѣдки тѣ... чьи порывы способны переходить въ дѣло... Честь и слава имъ—честь и слава тебѣ, братъ»,—то не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что цитированныя строки «Рыцаря на часъ» проникнуты чисто революціоннымъ настроеніемъ. Послѣ 19 февраля 1861 года это настроеніе не только не пошло на убыль, но скорѣе усилилось, такъ какъ долгожданная и страстно желанная «воля» не удовлетворила Некрасова, какъ она не удовлетворила лучшихъ людей его времени, какъ она не удовлетворила и многомилліонную крѣпостную

массу*). Его душу охватило рѣзко протестующее настроеніе. Зная, что «на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ» (стих. «Свобода» 1861 г.), видя крестьянъ съ такими же «унылыми лицами» какъ и прежде, онъ раздраженно восклицалъ: «ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное только досаду родитъ»... (стих. «Литература съ трескучими фразами» 1862 г.). Эти слова по самому существу своему такого рода, что ни въ какихъ поясненіяхъ не нуждаются. Не нуждаются въ нихъ и лаконическій призывъ къ молодому поколѣнію въ «Медвѣжьей охотѣ» (1867 г.): «Богъ на помочь! бросайся прямо въ пламя и погибай!», и выразительное пожеланіе изъ стихотворенія, якобы «Изъ Гейне», а въ дѣйствительности «собственнаго» (см. изд. 1879 г., ч. IV, стр. LXXVII):

„Душно! безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша съ краями полна!“

Въ отдѣльности, каждая изъ приведенныхъ цитатъ, число которыхъ возможно было значительно увеличить, не даетъ еще основанія для вполнѣ категорическаго вывода, но сведенныя воедино и сопоставленныя другъ съ другомъ онѣ позволяютъ опредѣленно утверждать, что Некрасовъ отнюдь не принадлежалъ къ сторонникамъ принципа «непротивленія злу насиліемъ».

Еще больше основаній для такого вывода даютъ стихотворенія семидесятыхъ годовъ, создававшихся подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ той неравной борьбы съ правительствомъ, на которую рискнула народническая молодежь.

Какъ бодро звучитъ, напримѣръ, не лишенное иронiи обращеніе къ «праздному юношѣ»**), заканчивавшееся выразительнымъ трехстишіемъ, которое мы извлекли изъ бумагъ сестры поэта:

„Что сидишь ты, сложа руки?
Ты окончилъ курсъ науки,
Любишь русскій край,
Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно—
Что же? Начинай!
Иль тебѣ все мелко, низко?
Или ждешь труда безъ риска?
Времена не тѣ!

*) Въ послѣдующей статьѣ приводятся болѣе подробныя данныя объ отношеніи Некрасова къ освобожденію крестьянъ.

**) Слово „юношѣ“ стояло въ корректурномъ экземплярѣ.

Въ наши дни однимъ шпіонамъ
Безопасно, какъ воронамъ
Въ городской чертѣ".

Что значило «начинай!» на языкѣ Некрасова—догадаться не трудно, если вспомнить уже цитированныя нами мѣста изъ элегіи «Унынie» (1874 г.) и стихотворенія «Ты еще на жизнь имѣешь право» (1876 г.). Вполнѣ опредѣленная нота взята также въ четверостишіи «Къ портрету» (1876 года); здѣсь особенно многозначительны два послѣдніе стиха:

„Умны мы стали: вѣритъ міръ
Лишь доблести, запечатлѣнной кровью".

Такимъ образомъ, есть полное основаніе утверждать, что временами Некрасовъ, раздѣляя, болѣе или менѣе, мнѣнія лѣваго фланга народничества 70-хъ годовъ, относился сочувственно къ избранному имъ пути борьбы. Учитывая эту сторону общественнаго міросозерцанія Некрасова, мы въ правѣ ожидать отъ него самаго искренняго участія къ судьбѣ тѣхъ, кто «жизнь свою всецѣло отдаетъ на борьбу за брата-человѣка». И дѣйствительно, уже изъ стихотвореній 60-хъ годовъ видно, какая жгучая скорбь овладѣла поэтомъ при видѣ того, какъ дорого расплачивалась революціонная молодежь за свою преданность идеѣ народнаго блага. Въ подтвержденіе сошлемся на стихотвореніе «Благодареніе Господу Богу» (1863 г.) съ его незабываемыми стихами: «подлѣ лица молодого, прекраснаго, съ саблей усачъ... Братъ, удаляемый съ поста опаснаго, есть ли тамъ смѣна? Прощай!», и на извѣстную пьесу «Еще тройка», написанную въ 1867 г., гдѣ развивается тотъ же мотивъ:

. . . . . „Кони бойко
Телѣгу мчатъ. Въ телѣгѣ той
Сидитъ съ осанкою побѣдной
Жандармъ съ усищами въ аршинъ,
И рядомъ съ нимъ какой-то блѣдный
Лѣтъ въ девятнадцать господинъ...
Куда же тройка поспѣшаетъ?
Куда Макаръ телятъ гоняетъ!"

Здѣсь рѣчь идетъ, какъ видно по времени написанія стиховъ, о дѣятеляхъ 60-хъ годовъ, т. е. не о самихъ народникахъ, а объ ихъ провозвѣстникахъ. Зато, уже несомнѣнно, къ народни-

камъ, заполнившимъ съ половины 70-хъ гг. русскія тюрьмы, относится рядъ стихотвореній 1876 года, изъ которыхъ далеко не всѣ вошли въ «Полное собраніе». Изъ вошедшихъ въ него отмѣтимъ, хотя бы, аллегорическое по формѣ стихотвореніе «Молодыя лошади», въ которомъ образомъ молодыхъ лошадей, надорвавшихся въ тщетныхъ попыткахъ сдвинуть сошедшій съ рельсъ вагонъ, поэтъ воспользовался, чтобы пристыдить старшее поколѣніе, равнодушно созерцающее героическую борьбу молодежи за обновленіе государственнаго строя.

Изъ стихотвореній, не вошедшихъ въ «полное собраніе», наиболѣе сильнымъ представляется слѣдующее:

„Смолкли честные, доблестно павшіе,
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе...
Но разнузданы страсти жестокія!
Вихорь злобы и бѣшенства носится
Надъ тобою, страна безотвѣтная:
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о, ночь неразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ враги, торжествуя, скликаются...
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!“

Несмотря на рѣзкость этого стихотворенія и его ярко политическое содержаніе, Некрасовъ надѣялся увидѣть его напечатаннымъ еще при своей жизни. Въ нашихъ рукахъ имѣется корректурный оттискъ его, приспособленный поэтомъ для печати. Въ оттискѣ стихотвореніе названо переводомъ «съ французскаго», ему дано заглавіе «2-ое декабря 1852 г.», ссылаясь на которое можно было утверждать, что піеса вызвана отнюдь не впечатлѣніями русской жизни, а знаменитымъ coup d'etat Наполеона III, и, наконецъ, нѣсколько смягчено первое трехстишіе, читающееся такъ:

„Растворилися тюрьмы глубокія...
Смолкли честное знамя державшіе,
За страну неуклонно стоявшіе“...

Однако, и въ такомъ видѣ разсматриваемое стихотвореніе своевременно появиться въ печати не могло.

Нельзя было, по цензурнымъ же условіямъ, напечатать и еще нѣсколькихъ стихотвореній, развивающихъ тотъ же тюремный мотивъ. Два изъ нихъ—«Примѣты» и «Такъ запой, о, поэтъ!», разысканныя нами и впервые опубликованныя лишь въ іюлѣ 1913 г.

(см. «Завѣты» № 6), не вполнѣ отдѣланы по формѣ, но отличаются высокимъ лирическимъ подъемомъ, вызваннымъ, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что въ ихъ содержаніи слились двѣ близко затрагивавшія и глубоко волновавшія поэта темы. Это, съ одной стороны, мысль о безкорыстной и самоотверженной материнской любви, благодѣтельную силу которой Некрасову пришлось испытать на себѣ, съ другой—мучительная тревога о судьбахъ молодежи, рискнувшей на неравную борьбу во имя обновленія русской жизни. Вотъ въ какомъ видѣ сохранились эти интересныя стихотворенія:

Приметы:

Задурили, видно, милые,
Отуманились опять:
На домишки наши хилые
Стали цѣны набывать *).

Каждый день старушки блѣдныя
Наѣзжаютъ въ гости къ намъ
И берутъ лачужки бѣдныя
По неслыханнымъ цѣнамъ.

Оживаетъ наша тихая
Палестина,—къ Рождеству
Разодѣнусь, какъ купчиха, я
И копѣйку наживу.

Далѣе, на имѣющемся у насъ листкѣ, тѣмъ же почеркомъ написано извѣстное читателямъ по «полному собранію» стихотвореніе:

Великое чувство! у каждыхъ дверей,
Въ какой сторонѣ ни заѣдемъ,
Мы слышимъ, какъ дѣти зовутъ матерей,
Далекихъ, но рвущихся къ дѣтямъ.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ.
Мы любимъ сестру, и жену и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ.

Вслѣдъ за нимъ подъ датой «28 ноября» находится слѣдующее пятистишіе:

Такъ запой, о, поэтъ! Чтобы всѣмъ матерямъ
На Руси на святой, по глухимъ деревнямъ,
Было слышно, что врагъ сокрушенъ, полоненъ,
А твой сынъ—невредимъ, и побѣда за нимъ,
„Не велитъ унывать, посылаетъ поклонъ“.

---

*) Варіантъ: Видно, вновь въ какой нелѣпости
Молодежь уличена,—
На квартиры подлѣ крѣпости
Поднимается цѣна.

Какъ видитъ читатель, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не столько съ тремя отдѣльными стихотвореніями, сколько съ тремя подготовительными, отличающимися единствомъ основной идеи, набросками задуманнаго, но необработаннаго въ окончательной формѣ одного произведенія.

«Примѣты» и «Великое чувство» въ художественномъ отношеніи совершеннѣе отрывка «Такъ запой, о, поэтъ...», но зато этотъ послѣдній значительнѣе по своему общественному смыслу. Несмотря на пессимистическія настроенія, нерѣдко владѣвшія Некрасовымъ, онъ все-таки не смотрѣлъ безнадежно на будущее родной страны. Пусть русскій прогрессъ шагаетъ медленными шагами, но робѣть за «отчизну любезную» не слѣдуетъ:

„Вынесъ достаточно русскій народъ...
Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью проложитъ дорогу себѣ.
Жаль только—жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется—ни мнѣ, ни тебѣ...“
(Стих. „Желѣзная дорога“, 1864 г.).

Эти слова обращены къ маленькому мальчику Ванѣ, изъ чего можно заключить, что, по мнѣнію Некрасова, побѣда прогрессивныхъ идеаловъ должна наступить еще очень и очень не скоро. Некрасовъ и себя, и своихъ единомышленниковъ считалъ, выражаясь словами современнаго намъ поэта, «слишкомъ ранними предтечами слишкомъ медленной весны», которые, подобно Гришѣ (изъ «Кому на Руси жить хорошо»), только въ полуснѣ могутъ видѣть «воплощеніе счастія народнаго». Подъ впечатлѣніемъ такихъ полусонныхъ видѣній и создалось стихотвореніе «Такъ запой, о, поэтъ...», въ которомъ съ горделивою радостью Некрасовъ говоритъ о томъ, «что врагъ сокрушенъ, полоненъ», и бурно привѣтствуетъ наступленіе новой эры въ русской жизни.

Однако, впечатлѣнія отъ русской дѣйствительности второй половины 70-хъ годовъ были таковы, что подобныя бодрыя ноты могли лишь случайно срываться со струнъ его лиры. Для борцовъ за народное дѣло создалось, какъ думалъ поэтъ, такое положеніе, что «служить добру, не жертвуя собой»,—они не могли. Это онъ и выразилъ въ яркомъ четверостишіи *):

*) Оно найдено нами въ перепискѣ А. А. Буткевичъ съ Пономаревымъ; сестра поэта прислала его Пономареву вмѣстѣ съ другими отрывками отдѣла „Изъ Записной Книжки“ (1876—77 гг.), сдѣлавъ въ скобкахъ примѣчаніе: „конечно, не для печати“.

„За желанье свободы народу
Потеряемъ мы сами свободу,
За святое стремленье къ добру
Намъ въ тюрьмѣ отведутъ конуру".

Не измѣнилъ своему отношенію къ дѣятелямъ «активнаго народничества» Некрасовъ и въ послѣдній годъ своей жизни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ небольшое стихотвореніе, переданное автору настоящаго очерка покойнымъ Сергѣемъ Николаевичемъ Кривенко, за время своего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ» успѣвшимъ хорошо узнать и оцѣнить Некрасова. Помѣченное 23 января 1877 года, оно, очевидно, вылилось изъ души поэта, какъ непосредственный откликъ на начавшійся 18-го января того же года процессъ землевольцевъ, обвинявшихся въ устройствѣ извѣстной демонстраціи у Казанскаго собора. Вотъ это стихотвореніе:

„Есть и Руси чѣмъ гордиться,
Съ нею не шути!
Только славнымъ поклониться—
Далеко идти.
Вестминстерское аббатство
Родины твоей—
Міръ подземнаго богатства
Снѣговыхъ степей".

Выраженіе «Вестминстерское аббатство», подъ которымъ, конечно, подразумѣвается Сибирь, похоронившая въ своихъ рудникахъ столько борцовъ за народное дѣло, очень характерно для отношенія Некрасова къ наиболѣе радикальнымъ изъ дѣятелей русской интеллигенціи. Отреченіе отъ «мірскихъ помысловъ» и постоянная готовность принести въ жертву своимъ убѣжденіямъ свободу, даже самую жизнь, окружали ихъ въ глазахъ поэта ореоломъ какого-то мистическаго величія.

А потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ему вздумалось, однажды, мѣсто вѣчнаго успокоенія многихъ изъ этихъ мучениковъ идеи назвать «Вестминстерскимъ аббатствомъ».

Въ томъ же 1877 г. Некрасовымъ написано стих. «Отрывокъ», въ которомъ о людяхъ, «Стерегущихъ оплошнаго врага», сказано, что они «чтутъ пути Христовы» (sic!!).

Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить, что Некрасовскому творчеству вообще были не чужды религіозныя настроенія *), причемъ они обычно ассоціировались въ сознаніи поэта съ мыслью о народѣ.

*) См. объ этомъ подробнѣе въ книгѣ Вл. Максимова „Литературные дебюты" Н. А. Некрасова.

Печальника горя народнаго влечетъ въ сельскій храмъ (см. стих. «Тишина») не только «внезапно» ожившее при видѣ его «дѣтски-чистое чувство вѣры», но и мысль о томъ, что

„Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ!"

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ поэтъ обращается, обычно, къ Богу съ мольбами о личномъ благоденствіи, а о счастьѣ всего народа и объ успѣхѣ тѣхъ, кто безкорыстно и самоотверженно работаетъ на нивѣ народной. Такой именно характеръ носитъ извѣстное стихотвореніе 1866 г. «Гимнъ» («Господь! твори добро народу»), дѣйствительно заслуживающее по своей силѣ и проникновенности быть гимномъ, и одна изъ послѣднихъ пѣсенъ, «Молебенъ» (1876 года), въ которой послѣ словъ: «Милуй народъ и друзей его, Боже! Внемли моленіе наше сердечное о послужившихъ ему»—идутъ зловѣщіе ряды точекъ.

Приведенныя стихотворенія служатъ лишнимъ подтвержденіемъ высказанной уже нами мысли о томъ, что въ послѣдній періодъ жизни Некрасова въ его міросозерцаніи произошелъ синтезъ двухъ великихъ привязанностей, владѣвшихъ имъ,—любви къ народу и любви къ интеллигенціи.

III. Н. А. НЕКРАСОВЪ И СОВРЕМЕННЫЯ ЕМУ РЕАКЦІОННЫЯ ТЕЧЕНІЯ.

...Туча каждая, грозящая бѣдой,
Нависшая надъ жизнію народной,
Слѣдъ оставляетъ роковой
Въ душѣ живой и благородной!

I.

Отношеніе Некрасова къ современнымъ ему реакціоннымъ теченіямъ ярче всего сказалось въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, не вошедшихъ въ «полное собраніе», а потому мало извѣстныхъ широкой публикѣ. Прежде чѣмъ перейти къ анализу ихъ содержанія, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ основаніяхъ, которыя позволяютъ не сомнѣваться въ подлинности большинства изъ нихъ.

Изучая хранящуюся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ переписку сестры Н. А. Некрасова, Анны Алексѣевны Буткевичъ, съ редакторомъ посмертнаго (1879 года) изданія его произведеній, С. И. Пономаревымъ, авторъ настоящей статьи не могъ не обратить вниманія на нижеслѣдующія указанія, непосредственно относящіяся къ неизданнымъ стихамъ покойнаго поэта.

Въ своемъ письмѣ къ Пономареву отъ 12-го мая 1878 г. Буткевичъ пишетъ:

«*На дняхъ, случайно нашла внутри большого листа замѣтку рукою брата: остаются не напечатанными мои стихи—тутъ есть и эта элегія*» («Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода»). Осторожная Буткевичъ считала, что изъ найденныхъ стихотвореній (выраженіе «тутъ есть и эта элегія»—показываетъ, что ихъ было нѣсколько) нельзя напечатать по цензурнымъ условіямъ даже «Элегіи», и была очень удивлена, узнавъ, что «Элегія» уже напечатана въ VII томѣ «Русской Библіотеки» (1877 г.). Тогда

у сестры поэта, повидимому, возникла мысль, не попытаться ли напечатать и остальныя стихотворенія. Ан. Ал. рѣшила прибѣгнуть къ мнѣнію свѣдущихъ лицъ, но получила отъ нихъ неблагопріятный отвѣтъ. Въ письмѣ отъ 12-го іюля Буткевичъ сообщаетъ Пономареву: «*Я показывала поэму «Бѣлинскій» Салтыкову и Елисѣеву, они нашли ее неудобной для печати, по крайней мѣрѣ, теперь; есть у меня и другія вещи, но все это дѣло будущаго*».

Пономаревъ, насколько можно судить по письмамъ Буткевичъ, настойчиво просилъ прислать ему всѣ имѣющіяся у нея неизданныя стихотворенія Некрасова. 14 іюля Буткевичъ, вѣроятно, въ отвѣтъ на эти просьбы, писала: «*Посылаю для васъ «Притчу»—ее печатать нельзя. Поэму «Бѣлинскій» пришлю непремѣнно, теперь ея у меня нѣтъ*». Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 29-го іюля содержится упоминаніе о «Шарманкѣ»: «Гдѣ была первоначально напечатана, говоритъ здѣсь Буткевичъ, піеса «Наканунѣ Свѣтлаго Праздника», не знаю. «*Шарманку» знаю, но въ рукахъ не имѣю, оттого вамъ и не послала*». Въ концѣ концовъ и «Бѣлинскій», и «Шарманка», отданные, очевидно, Буткевичъ кому-то, были получены ею обратно и отосланы Пономареву, бережно сохранившему ихъ, вмѣстѣ съ «Притчей», «Элегіей» и спискомъ одной изъ частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо»—«Пиръ на весь міръ». Изъ этихъ пяти стихотвореній три писаны рукою А. А. Буткевичъ; «Бѣлинскій» же и «Шарманка»—однимъ и тѣмъ же почеркомъ, принадлежащимъ, повидимому, Пономареву.

«Элегія» и «Пиръ на весь міръ» давно уже вошли въ собраніе сочиненій Некрасова, хотя «Пиръ» печатается, по старой памяти, въ сокращенномъ видѣ. Это тѣмъ болѣе странно, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ («Русское Слово», 1908 г., 1 февр.). г. Измайловъ опубликовалъ недостающіе отрывки.

Что же касается стихотвореній: «Бѣлинскій», «Шарманка» и «Притча», то они до недавняго времени оставались въ числѣ приписываемыхъ Некрасову. Войти, поэтому, въ собраніе его сочиненій они не могли, хотя русской читающей публикѣ не остались совершенно неизвѣстными: первое изъ нихъ было напечатано впервые въ «Древней и Новой Россіи» (1881 г. № 2, стр. 412—416), два другихъ въ заграничныхъ изданіяхъ *). «Шарманка» въ свое

*) См. также сатирическій журналъ „Бомбы“, издававшійся въ 1906 году П. А. Картавовымъ.

время заинтересовала издателей «Колокола» и появилась въ 1857 г. въ ноябрьскомъ номерѣ этого журнала, при чемъ сопровождалась подзаголовкомъ: «Къ воспоминаніямъ о Незабвенномъ» и коротенькимъ вводнымъ примѣчаніемъ, которое гласило: «нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Москвѣ и Петербургѣ ходила по рукамъ пѣсня, которую мы передаемъ нашимъ читателямъ».

Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что Герценъ и Огаревъ, болѣе чѣмъ отрицательно относившіеся къ нравственнымъ свойствамъ личности Некрасова (достаточно вспомнить хотя бы конецъ извѣстной статьи «Лишніе люди и желчевики», помѣщенной въ 1860 г. въ томъ же «Колоколѣ»), не могли, считаясь съ фактомъ все возраставшаго вліянія его стиховъ на общество, игнорировать его поэтической дѣятельности. Такъ, напримѣръ, нашумѣвшая исторія съ перепечаткой въ XII книгѣ «Современника» за 1856 г. стихотворенія Некрасова «Поэтъ и Гражданинъ», исторія, которая навлекла массу непріятностей и на журналъ, и на редактировавшаго его поэта, вызвала довольно быстрый откликъ на страницахъ «Колокола». Въ письмѣ «Изъ Петербурга» («Колоколъ», 1857 г., 1 августа) мы находимъ ея краткое изложеніе въ духѣ безусловно сочувственномъ Некрасову. И впослѣдствіи «Колоколъ» не оставался безучастенъ къ поэзіи Некрасова. Такъ, въ январѣ 1860 г. (№ 61-й) въ немъ было напечатано стихотвореніе «У парадnаго крыльца» (въ Россіи «Размышленія у парадnаго подъѣзда» появились лишь въ 1863 г. въ 3-емъ изданіи стихотвореній Некрасова) со слѣдующимъ знаменательнымъ примѣчаніемъ редакціи: «мы очень рѣдко помѣщаемъ стихи, но такого рода стихотвореніе нѣтъ возможности не помѣстить». Изъ этихъ словъ ясно, что руководители «Колокола» сознавали крупное общественное значеніе стиховъ Некрасова. Слѣдовательно, въ самомъ фактѣ помѣщенія некрасовскаго стихотворенія въ 1857 г. въ «Колоколѣ» не было бы ничего невѣроятнаго.

Уже вышеприведенные отрывки изъ писемъ Буткевичъ позволяютъ безъ особыхъ колебаній говорить о подлинности «Бѣлинскаго» и допускать со значительной долей вѣроятности подлинность «Притчи». Однако, въ распоряженіи автора этихъ строкъ имѣются и другія, болѣе вѣскія доказательства подлинности разсматриваемыхъ стихотвореній. Среди бумагъ той же Буткевичъ, хранящихся у одного частнаго лица, находится собственноручная замѣтка Некрасова о «Бѣлинскомъ», сдѣ-

ланная поэтомъ во время его болѣзни въ 1876 году. Приводимъ эту замѣтку полностью:

«23 Августа. Сегодня ночью вспомнилъ, что у меня есть поэма—*В. Г. Бѣлинскій*. Написалъ въ 1854 или 5-омъ году—нецензурная была тогда и попала по милости одного пріятеля въ какое-то Герценовское заграничное изданіе *Колоколъ*, *Голосъ изъ Россіи* или подобный сборникъ. Теперь изъ нея многое могло бы пройти въ Россіи, въ новомъ изданіи моихъ сочиненій. Она характерна и нравилась очень, особенно, помню, Грановскому. Вспомнилъ изъ нея нѣсколько стиховъ, по которымъ и можно будетъ ее отыскать—

Въ то время пусто и мертво»... и т. д.

Что касается «Притчи», то въ упомянутыхъ бумагахъ Буткевичъ сохранился еще одинъ списокъ ея, датированный 20 іюля 1870 г.; вмѣстѣ съ нимъ находятся списки общензвѣстныхъ некрасовскихъ стиховъ: «На покосѣ», «Смолкли честные, доблестно павшіе», «Не говори забылъ онъ осторожность», «Даже вполголоса мы не пѣвали»... И списокъ «Притчи» и другіе списки сдѣланы на совершенно тождественныхъ листахъ рукою Буткевичъ.

Думается, что приведенныхъ основаній вполнѣ достаточно, чтобы считать доказанной не только подлинность «Бѣлинскаго», но и «Притчи».

Нѣсколько сложнѣе обстоитъ вопросъ съ «Шарманкою». Въ цитированныхъ выше словахъ Буткевичъ о «Шарманкѣ» вполнѣ опредѣленнаго указанія на подлинность ея еще не содержится. Во всякомъ случаѣ, основываясь на нихъ, дѣлать заключеніе о несомнѣнной принадлежности Некрасову этого стихотворенія, было бы неосторожно, тѣмъ болѣе, что, по заявленію С. А. Венгерова, къ которому мы обратились за разъясненіемъ этого вопроса, есть основаніе предполагать, что «Шарманка» написана В. Р. Зотовымъ. Съ другой стороны, однако, нельзя не отмѣтить, что въ 60-ые годы, какъ намъ подтвердилъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Некрасова по «Современнику», М. А. Антоновичъ, всѣ были убѣждены, что авторомъ «Шарманки» являлся Некрасовъ. Имя его, обычно, стояло и подъ многочисленными рукописными копіями, широко распространенными среди молодежи того времени. Читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы имъ напомнимъ текстъ этого стихотворенія, теперь уже полузабытаго:

Шарманка.

По дворамъ таскалъ старикъ
Тридцать лѣтъ шарманку.
Онъ вертѣть ее привыкъ:
Вертитъ спозаранку
Вплоть до полночи глухой
На потѣху людямъ;
Той шарманки пискъ и вой
Мы не позабудемъ!
Что за музыка, ей-ей!
Не поймешь, хоть тресни!
И всего-то было въ ней
Три плохія пѣсни.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Многихъ не было въ ней нотъ,
Такъ, что слушать гадко,—
Все визжитъ, брянчитъ, скребетъ,
Не выходитъ гладко.
И не то, чтобъ старъ ужъ такъ
Инструментъ потѣшный!
Смастерилъ его варягъ,
Сѣверянъ, не здѣшній.
Имъ вертѣть потомъ пошла
Русоперовъ стая:
Что за музыка была—
Безтолочь родная!
Наконецъ, имъ завладѣлъ
Удалой татаринъ
И шарманку завертѣлъ
Молодцомъ, какъ баринъ.
Съ нею пробовалъ потомъ
И полякъ возиться:
Но ни силой, ни трудомъ
Ладу не добиться.
Все фальшивила она,
Шла вразбродъ со свѣтомъ—
Инструмента ли вина?
Матерьяла-ль въ этомъ?—
Лѣшій самъ не разберетъ.
Вскорѣ отыскался
Для шарманки доброхотъ –
И чинить принялся.
Придалъ онъ ей новый видъ
И покрой нѣмецкій,
А шарманка все скрипитъ
И пищитъ по-дѣтски.
Вотъ шарманкой завладѣлъ
Нашъ шарманщикъ ярый,
Повернулъ, пересмотрѣлъ—
Пѣсни больно стары.
Онъ навелъ на крышку лакъ,
Починилъ снаружи,
А внутри осталось такъ,
Даже стало хуже.

Самъ онъ видитъ, что она
Ужъ пришла въ негодность,
Что въ ней лопнула струна,
Пѣвшая *народность*,

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

„Вѣдь починка—трудъ большой,
А на мой вѣкъ станетъ!
Да и внутрь шарманки той
Врядъ ли кто заглянетъ!“
Такъ шарманщикъ разсудилъ:

. . . . . .

И шарманку ту взвалилъ
Онъ на плечи сына.
Сынъ справляетъ день и ночь
Старую работу;
Хоть вертѣть ему не вмочь
Да и не въ охоту.
Въ томъ трудѣ не быть пути,
Такъ и жди порвется,
И ужъ, какъ ты ни верти,
А чинить придется!
Благо—есть теперь досугъ,
Взяться бы за разумъ;
Хуже будетъ, если вдругъ
Распадется разомъ,
Если ты подъ звукъ заснешь
Льстиваго напѣва,
Иль, забывшись, повернешь
Справа да налѣво!

Нельзя не сознаваться, что «Шарманка» точно такъ же, какъ и поэма «Бѣлинскій», удивительно гармонируетъ по своему содержанію съ общимъ настроеніемъ Некрасовской музы во вторую половину 50-хъ годовъ.

Это настроеніе въ основахъ своихъ опредѣлилось уже десятью годами раньше, но въ разсматриваемый періодъ не могло не воспринять нѣкоторыхъ особенностей, характерныхъ именно для даннаго историческаго момента. Некрасовъ, какъ и цѣлый рядъ другихъ писателей его времени, ощутилъ непреодолимую потребность подвести итогъ прошлому, которое хотя и было еще свѣжо въ памяти, но казалось безвозвратно прошедшимъ; съ другой стороны, поэту мучительно хотѣлось излить свои мечты о будущемъ, представлявшемся въ теченіе «медоваго мѣсяца русскаго прогресса» (1856—1861 гг.) большинству русскихъ передовыхъ дѣятелей въ розовыхъ краскахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Некрасовъ чувствовалъ необходимость выяснить свое собственное жизненное назначеніе, для чего ему, какъ поэту, надо было начать съ опре-

дѣленія своего поэтическаго profession de foi. Всѣ эти элементы тогдашняго настроенія Н. А. нашли себѣ отраженіе въ его творчествѣ. Подведенію итоговъ посвящены поэма «Бѣлинскій» и «Шарманка»; «Тишина» въ оптимистическихъ тонахъ рисуетъ будущее; «Поэтъ и гражданинъ» указываетъ дорогу, которою намѣревался итти теперь Некрасовъ.

Въ «Бѣлинскомъ» поэтъ, прежде всего, касается того жалкаго положенія, въ которомъ находилась русская литература въ николаевскую эпоху («Тогда все глухо и мертво въ литературѣ нашей было. Въ бореньѣ пошлыхъ мелочей она погрязнувъ, поглупѣла... До общества, до жизни ей какъ будто не было и дѣла» и т. д.) и изъ котораго пытался ее вывести Бѣлинскій. Есть также въ этомъ стихотвореніи строфы, характеризующія и общее политическое состояніе Россіи. Такъ, о Бѣлинскомъ сказано, что

„Не пощадилъ онъ ни льстецовъ,
Ни подлецовъ, ни идіотовъ,
Ни въ маскѣ жаркихъ патріотовъ,
Благонамѣренныхъ воровъ.
Онъ всѣ преданія провѣрилъ,
Безъ ложнаго стыда измѣрилъ
Всю бездну дикости и зла,
Куда, *заснувъ подъ говоръ лести,* *)
Въ забвеньѣ истины и чести,
Отчизна бѣдная зашла.
Онъ расточалъ ей укоризны
За рабство—вѣковой недугъ“... и т. д.

То, о чемъ мимоходомъ говорится въ «Бѣлинскомъ», послужило главною темою для «Шарманки». Въ этомъ стихотвореніи съ безпощадною рѣзкостью осмѣяна та идеологія, которая, являясь господствующей въ правительственныхъ кругахъ николаевскаго времени, пользовалась въ то же время симпатіями нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, а именно «партіи официальной народности», въ лицѣ Булгарина, Греча, Шевырева и Погодина, и отчасти славянофиловъ. Некрасовъ отнюдь не былъ сторонникомъ тріединой формулы, лежавшей въ основѣ этой идеологіи, какъ не былъ имъ и его «учитель» Бѣлинскій, за десять лѣтъ передъ тѣмъ давшій краснорѣчивую отповѣдь ея апологетамъ въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю. Какъ извѣстно, съ самаго начала своей литературной дѣятельности Некрасовъ, по примѣру выводившаго его въ люди Ф. А. Кони, нерѣдко дѣлалъ

*) Въ „Шарманкѣ“ находимъ аналогичное выраженіе: „если ты подъ звукъ заснешь льстиваго напѣва“.

Задарина, т. е. Булгарина, мишенью своихъ сатирическихъ стрѣлъ. Славянофиловъ, которыхъ, конечно, нельзя было ставить на одну доску съ продажными и неискренними представителями «партіи офиціальной народности», поэтъ рѣже задѣвалъ въ своихъ стихахъ. Насколько, тѣмъ не менѣе, они оставались ему идейно чуждыми, можно судить хотя бы по остроумной ихъ характеристикѣ въ стихотвореніи «Недавнее время»:

„Въ Петербургѣ шампанское съ квасомъ
Попивали изъ древнихъ ковшей,
А въ Москвѣ восхваляли съ экстазомъ
До-петровской порядокъ вещей.
Но, живя за границей, владѣли
Очень плохо роднымъ языкомъ,
И понятія они не имѣли
О славянскомъ призваньи своемъ.
Я однажды смѣялся до колик,
Слыша, какъ князь NN говорилъ:
—„Я, душа моя, славянофилъ".
—А религія ваша?—„Католикъ".

Если при такомъ отношеніи къ партіи офиціальной народности и славянофиламъ поэтъ не касался идейной стороны ихъ взглядовъ, то это объясняется исключительно невозможностью, по цензурнымъ условіямъ, критиковать тріединую формулу. Авторъ «Шармапки» далъ себѣ въ этомъ отношеніи полную волю. Здѣсь яркими красками изображена какъ исторія русскаго государства, обязаннаго своимъ возникновеніемъ варягу-сѣверяну и за время своего историческаго существованія нерѣдко становившагося игрушкой то «нездѣшнихъ» элементовъ (татары, поляки), то отечественныхъ «доброхотовъ», которые стремились придать ему «покрой нѣмецкій», такъ и состояніе его въ эпоху Николая I. Попытки починить государственную машину, предпринятыя въ это царствованіе, ни къ чему не привели, такъ какъ ограничились наведеніемъ лака на крышку. «Шарманка» говоритъ здѣсь въ сущности то же, что было сказано Валуевымъ въ его знаменитой фразѣ: «сверху блескъ, а снизу гниль». При первомъ же серьезномъ испытаніи этотъ блескъ долженъ былъ исчезнуть, и гнилая сердцевина обнаружиться. Такимъ испытаніемъ и явилась Крымская война, печальный исходъ которой заставилъ прежде всего лопнуть «струну, пѣвшую народность». Само собой разумѣется, что въ «Шарманкѣ» рѣчь идетъ о той «народности», которая культировалась «Сѣверной Пчелой» и ярче всего сказалась въ классическомъ изреченіи: «Шапками закидаемъ». Когда закидать

не удалось, и дутое представленіе о непобѣдимости Богомъ избраннаго народа разсѣялось, изнутри шарманки послышались зловѣщіе сипы и хрипы, указывавшіе, что «пришли въ негодность» и двѣ другія пѣсни. Старику-шарманщику ничего послѣ этого не оставалось, какъ взвалить обветшавшій инструментъ на «плечи сына»... Кончается стихотвореніе оптимистическими нотами. Авторъ «Шарманки», очевидно, былъ искренно убѣжденъ, что «сыну», т. е. Александру II, «невмочь да и не въ охоту» продолжать дѣло своего отца, а потому надѣялся, что онъ, воспользовавшись «досугомъ», примется за радикальную передѣлку наслѣдственной шарманки. Тѣмъ не менѣе поэтъ считалъ не лишнимъ напомнить, что соціально-политическія условія сложились такимъ образомъ, что топтаніе на прежнемъ мѣстѣ невозможно. Надо итти впередъ, иначе шарманкѣ угрожаетъ окончательная гибель: «такъ и жди—порвется». Тогда «хуже будетъ», а потому нельзя давать себя убаюкивать «звукамъ льстиваго напѣва».

Характерно, что эту же мысль нѣсколько позднѣе развивалъ столь близкій Некрасову въ 50-ые годы Н. Г. Чернышевскій. Въ своей статьѣ «Русскій человѣкъ на rendez-vous» онъ писалъ, несомнѣнно, имѣя въ виду создавшееся для правительства и привилегированныхъ классовъ положеніе: «Невозвратенъ счастливый мигъ... Не пропустить благопріятную минуту—вотъ высочайшее условіе житейскаго благоразумія... И для васъ, хотя можетъ и не были вы достойны того, обстоятельства сложились счастливо, такъ счастливо, что единственно отъ вашей воли зависитъ ваша судьба въ рѣшительный мигъ. Поймете ли вы требованіе времени, сумѣете ли воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое вы поставлены теперь—вотъ въ чемъ теперь для васъ вопросъ о счастіи или несчастіи на вѣки». Страницею ниже тотъ же Чернышевскій, разсказавъ о тяжбѣ двухъ противниковъ—власти и народа,—изъ которыхъ одинъ кругомъ виноватъ, другой, хоть и совершенно правъ, но съ трудомъ вѣритъ въ возможность дождаться рѣшенія этой тяжбы, обращается къ первому съ евангельскимъ совѣтомъ: «Старайся примириться съ своимъ противникомъ, пока еще не дошли вы съ ними до суда, а иначе отдастъ тебя противникъ судьѣ, а судья отдастъ тебя исполнителю приговоровъ, и будешь ты ввергнутъ въ темницу и не выйдешь изъ нея, пока не расплатишься за все до послѣдней мелочи». Здѣсь точно так-

же, какъ и въ заключительныхъ строфахъ «Шармanки», звучитъ предостереженіе... Но, какъ было уже сказано, въ этомъ стихотвореніи есть оптимистическія ноты. Небезынтересно прослѣдить ихъ въ подлинно некрасовскомъ стихотвореніи, въ «Тишинѣ», собственно въ той 4-й главѣ ея, которая была напечатана въ 9-ой книжкѣ «Современника» за 1857 г. и впослѣдствіи исключалась поэтомъ изъ текста стихотворенія. Этотъ любопытный отрывокъ, основательно забытый теперь, благодаря неполнотѣ послѣднихъ изданій Некрасова, мы считаемъ небезынтереснымъ напомнить, конечно, съ нѣкоторыми сокращеніями. Закончивъ 3-ю главу словами что «тишина», воцарившаяся на Руси послѣ войны, не есть «предшественница сна», поэтъ продолжаетъ:

„Не угадать, что знаменуетъ
Твоя нѣмая тишина.
Но сердце вѣщее ликуетъ
И умиляется до дна...
Подъ небомъ не роднымъ блуждая,
Но къ сѣверу стремясь душой,
Любилъ я, сторона родная,
Воображать тебя такой:
Тиха, какъ сонная, наружно,
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно,
Ты вся работаешь съ плеча.
Къ добру разумное стремленье
Животворитъ твоихъ дѣтей;
Въ права вступаетъ просвѣщенье,
Уходитъ мракъ... Кругомъ свѣтлѣй,
И быстро царство молодое
Шагаетъ по пути добра,
Какъ въ дни великіе Петра.
Да сбудется!..
Погибни зло.
Пускай не устаетъ сіять
Намъ солнце правды повсемѣстно,
Пусть на работающихъ честно
Нисходитъ Божья благодать!
Да будетъ трудъ ихъ споръ и строенъ,
Да тѣломъ здравъ, душой покоенъ,
Его до цѣли доведетъ
И пахарь, и поэтъ, и воинъ
И мореплаватель, и Тотъ,
Заступникъ и Глава народный,
Предъ коимъ частные труды—
Какъ мелководные пруды
Передъ Невою многоводной“...

Восторженное отношеніе къ Александру II, сказавшееся въ послѣднихъ стихахъ, вѣра въ то, что его царствованіе, поистинѣ, будетъ новой эрою для Россіи,—раздѣлялись въ 50-хъ годахъ

и другими созерцателями общественной жизни, несравненно болѣе склонными къ скептицизму и критическому отношенію къ явленіямъ окружающей дѣйствительности, чѣмъ Некрасовъ. Осторожный по натурѣ, отнюдь не расположенный къ увлеченіямъ, Н. Г. Чернышевскій одними глазами съ Некрасовымъ взглянулъ и на личность Александра II, и на начатую имъ реформаціонную работу.

Эпиграфомъ для своей статьи въ «Современникѣ» (февраль 1858 года «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта»), написанной подъ впечатлѣніемъ рескрипта 1857 года, Чернышевскій избралъ слова 45-го псалма: «Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза Тя Богъ Твой», относя ихъ къ Александру II, и въ самой статьѣ заявлялъ, что «дѣло, начатое рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря, представляется столь великимъ, что по сравненію съ нимъ маловажны кажутся всѣ реформы и улучшенія, совершенныя со времени Петра... Новая жизнь, для насъ теперь начинающаяся, будетъ настолько же прекраснѣе, благоустроеннѣе, блистательнѣе и счастливѣе прежней, насколько сто пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ были выше XVII столѣтія въ Россіи... Блистательные подвиги времени Петра Великаго и колоссальная личность самого Петра покоряютъ наше воображеніе; неоспоримо громадно и существенно величіе совершеннаго имъ дѣла. Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставитъ насъ будущность. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ».

Герценъ, въ свою очередь, поддался общему настроенію и въ знаменитой статьѣ въ «Колоколѣ» восклицалъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ», и утверждалъ, что «имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи»; даже «если-бъ его царствованіе завтра окончилось, если-бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ», то и тогда «грядущія поколѣнія» не забыли бы сдѣланнаго имъ.

II.

«Медовый мѣсяцъ русскаго прогресса» оказался, увы! слишкомъ непродолжительнымъ. «Защитники барщины и розогъ» подняли голову и повели энергичную борьбу противъ реформъ, въ особенности противъ крестьянской. Очень скоро выяснилось, что

ихъ вожделѣнія находятъ сочувственный откликъ въ правительственныхъ сферахъ. Надежда на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ истинно демократическомъ духѣ оказалась изъ области «несбыточныхъ мечтаній»... Чернышевскій задолго до манифеста 19-го февраля простился со всякими иллюзіями на этотъ счетъ; что касается Некрасова, то онъ долго не могъ разстаться съ мечтами недавняго прошлаго и продолжалъ вѣрить, что освобожденіе крестьянъ совершится съ соблюденіемъ соціально-экономическихъ и политическихъ ихъ интересовъ. Хотя Чернышевскій въ спорахъ съ нимъ развивалъ свои скептическія мысли о предстоящей реформѣ съ несравненно большею полностью и опредѣленностью, чѣмъ въ статьяхъ, проходившихъ черезъ цензурные фильтры, Некрасовъ, повидимому, все-таки стоялъ на своемъ, и поэтому, когда столь нетерпѣливо жданная «воля» была, наконецъ, офиціально объявлена, ему пришлось пережить минуты тягчайшаго разочарованія. Чернышевскій, посѣтившій Некрасова утромъ этого дня, засталъ его еще въ спальнѣ въ очень угнетенномъ настроеніи: «На лицѣ выраженіе печали, глаза потуплены въ грудь... При моемъ входѣ онъ встрепенулся, поднялся съ постели, стискивая листъ, бывшій у него въ рукѣ, и съ волненіемъ проговорилъ: «Такъ вотъ что такое эта воля! Вотъ что такое она!» Онъ продолжалъ говорить въ такомъ тонѣ минуты двѣ. Когда онъ остановился перевести духъ, я сказалъ: «А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будетъ именно это».—«Нѣтъ этого я не ожидалъ», отвѣчалъ онъ и сталъ говорить, что, разумѣется, ничего онъ не ждалъ, но такое рѣшеніе дѣла далеко превзошло его предположенія» (см. «Н. Г. Чернышевскій въ ред. «Современника», «Современный Міръ», 1911 года, № 10). Передъ умственнымъ взоромъ опечаленнаго поэта проходили, надо думать, въ эти минуты картины будущаго, совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя еще недавно рисовались ему при первыхъ впечатлѣніяхъ отъ наступившей «эпохи великихъ реформъ».

Насколько окончательнымъ и безповоротнымъ было его разочарованіе, объ этомъ можно судить по нижеслѣдующему, впервые напечатанному нами въ декабрѣ 1913 года (см. «Завѣты» № 12), стихотворенію, которое было написано въ с. Грешневѣ 14 іюля 1861 года, т.-е. черезъ какіе-нибудь четыре мѣсяца послѣ опубликованія акта 19-го февраля. Въ виду исключительнаго интереса этого стихотворенія и важности его для

выясненія общественнаго міросозерцанія Некрасова, мы приводимъ его полностью:

Ты, какъ поденщикъ, выходилъ
До свѣта на работу:
Въ глаза ты правду говорилъ
Могучему . . . . . .

Во лжи дремать ты не давалъ,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывалъ
Съ глупца и негодяя.

А нынѣ сталъ ты охранять
Спокойствіе невѣжды
И началъ самъ въ душѣ питать
Какія-то надежды!

На пылкость юноши ворча,
Ты глохнешь годъ отъ года
И къ свисту буйнаго бича
И къ ропоту народа.

Щадишь ты важнаго глупца,
Безвреднаго ласкаешь.
И на идущихъ до конца
Удары направляешь.

Въ средѣ всеобщей пустоты,
Всеобщаго паденья,
Какого смысла ищешь ты,
Какого примиренья?

Кому назначено орломъ
Парить надъ русскимъ міромъ,
Быть русскихъ юношей вождемъ,
Быть русскихъ дѣвъ кумиромъ,

Кто носитъ истину въ груди,
Кто честно любитъ брата,—
Тому съ тернистаго пути
Покуда нѣтъ возврата.

Непримиримый врагъ цѣпей
И вѣрный другъ народа!
До дна святую чашу пей—
На днѣ ея свобода!...

Первое, что бросается въ глаза по прочтеніи приведеннаго стихотворенія, это его рѣзко оппозиціонный смыслъ. Никакихъ надеждъ на мирный ходъ русскаго прогресса питать не слѣдуетъ, такъ какъ Россія попрежнему остается царствомъ «буйнаго бича», т. е. пріемы управленія въ ней ничуть не измѣнились; народъ, при такихъ условіяхъ, доволенъ быть не можетъ—онъ негодуетъ и

ропщетъ; представители образованнаго меньшинства, люди, которые «носятъ истину въ груди» и «честно любятъ» меньшаго брата, находясь «въ средѣ всеобщей пустоты, всеобщаго паденья», и думать не должны о возможности какихъ бы то ни было уступокъ, какого бы то ни было «примиренья»; имъ остался одинъ путь—путь активной борьбы за свои идеалы; пусть на немъ ихъ ожидаютъ терніи,—другого исхода нѣтъ, надо пить «святую чашу до дна», ибо свобода на поверхности не плаваетъ—она на днѣ ея.

Если въ разсматриваемомъ стихотвореніи и есть нѣчто не вполнѣ ясное, такъ это только имя его адресата. Въ самомъ дѣлѣ, къ кому могъ подобнымъ образомъ обращаться Некрасовъ въ началѣ 60-хъ годовъ? Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ слѣдующее предположеніе: адресатомъ Некрасова былъ на этотъ разъ Герценъ. *) Извѣстно, что актъ 19-го февраля нашелъ себѣ на первыхъ порахъ въ Герценѣ самаго восторженнаго хвалителя. Уже въ мартовскихъ номерахъ «Колокола», написанныхъ подъ впечатлѣніемъ полученныхъ изъ Россіи извѣстій, что манифестъ будетъ опубликованъ не сегодня-завтра, Герценъ говоритъ о сознательной борьбѣ Александра II «съ цѣлой стаей жадныхъ крѣпостниковъ» и объ одержанной надъ ними побѣдѣ, «поднявшей его акціи». Въ 95 номерѣ «Колокола» (отъ 1 апрѣля 1861 г.) Герценъ помѣстилъ статью «Манифестъ!», въ которой объ императорѣ и великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ отзывался такъ: «Александръ II сдѣлалъ много, очень много: его имя теперь уже выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ—и сломилъ ихъ. Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *освободителя*!.. Выборъ в. кн.

*) Настоящее стихотвореніе печаталось нами съ автографа, лишеннаго заглавія. Когда наша статья уже была сдана въ печать, намъ сдѣлался извѣстнымъ другой автографъ съ заголовкомъ: „Т-ву“. Этотъ заголовокъ дастъ формальное основаніе думать, что адресатомъ Н-ва былъ не Герценъ, а Тургеневъ. Но, съ другой стороны, намъ извѣстно, что Н-вымъ посвящено „Т-ву“ другое стихотвореніе, также неизданное, не совпадающее, за исключеніемъ одного четверостишія, съ первымъ. Легко могло быть, что Н-въ, не желая даже въ рукописи упоминать столь „крамольное“ имя, какъ имя Герцена, замѣнилъ его сокращенной фамиліей Тургенева. Во всякомъ случаѣ, по нашему глубокому убѣжденію, содержаніе разсматриваемаго стихотворенія несравненно болѣе подходитъ къ Герцену, чѣмъ къ Тургеневу. Вотъ почему мы *пока* считаемъ возможнымъ остаться при нашемъ прежнемъ предположеніи.

Константина Николаевича, кажется, удаченъ. Онъ необыкновенно выросъ, явившись опорой своего брата въ дѣлѣ освобожденія, и когда Александръ его обнялъ въ первомъ засѣданіи, его обняла вся Россія». Въ слѣдующемъ номерѣ «Колокола» (отъ 15 апрѣля), несмотря на то, что кровавыя событія въ Варшавѣ (разстрѣлъ мирныхъ и безоружныхъ манифестантовъ) невыносимою болью отозвались въ душахъ друзей издателей, въ статьѣ Огарева «Начало русскаго освобожденія» содержалось глубоко-прочувствованное обращеніе къ государю: «Да! начало велико; сегодня мы изъ глубины души говоримъ Александру II: благословенъ грядый во имя свободы!..»

Оптимизмъ, столь ярко сказавшійся въ цитированныхъ отрывкахъ «Колокола», естественнымъ образомъ, долженъ былъ раздражать Некрасова, только что распростившагося съ тѣми надеждами и упованіями, которыя продолжали еще увлекать Герцена. Къ чувству столь понятнаго въ данномъ случаѣ раздраженія примѣшивалась досада, что вліятельнѣйшій журналъ, чуть ли не единственный органъ русскаго свободнаго слова, стоитъ на ложномъ пути, столь заблуждаясь въ оцѣнкѣ происходящихъ событій. Въ результатѣ возникла острая потребность и въ упрекѣ, и въ увѣщаніи. Упрекъ звучитъ въ первой половинѣ стихотворенія (до словъ: «кому назначено орломъ»...), имѣющей, если не считать двухъ первыхъ четверостишій, характеръ обращенія къ Герцену (какъ, кстати сказать, подходятъ къ нему слова о поденщикѣ, вышедшемъ на работу до свѣта, о безбоязненномъ высказываніи правды «могучему .....», объ обличеніяхъ и проклятіяхъ глупцовъ и негодяевъ и т. д.), вторая же его половина посвящена увѣщанію. Не лишнее будетъ отмѣтить, что болѣе чѣмъ за годъ до Некрасова къ Герцену съ подобными же упрекомъ и увѣщаніемъ обратился Ник. Гав. Чернышевскій. Мы имѣемъ въ виду его письмо *) къ редактору «Колокола», помѣщенное за подписью «Русскій человѣкъ» въ 64-омъ номерѣ (отъ 1 марта 1860 г.) герценовскаго журнала. Вотъ начало этого письма, проникнутое столь же сочувственнымъ отношеніемъ къ Герцену, какъ и первыя 8 строкъ стихотворенія Некрасова: «На чужой сторонѣ въ далекой Англіи вы, по собственнымъ словамъ вашимъ, возвы-

*) Объ авторствѣ Чернышевскаго говоритъ столь солидный изслѣдователь, какъ М. К. Лемке, ссылаясь на показаніе Слѣпцова и на имѣющіеся у него документы (см. соч. Добролюбова, т. IV. стр. 36).

сили голосъ за русскій народъ угнетаемый... властію, вы показали Россіи, что такое свободное слово... и за то, вы это уже знаете, все, что есть живого и честнаго въ Россіи съ радостію, съ восторгомъ встрѣтило начало вашего предпріятія». Затѣмъ авторъ письма переходитъ къ упрекамъ: «Всѣ ждали, что вы станете обличителемъ... гнета... и что же? Съ береговъ Темзы несутся къ намъ гимны... Вы смущенные голосами либераловъ-баръ, вы послѣ первыхъ номеровъ «Колокола» перемѣнили тонъ». Далѣе слѣдуетъ характеристика современнаго положенія: «Не увлекайтесь толками о нашемъ прогрессѣ, мы все еще стоимъ на одномъ мѣстѣ; во время великаго крестьянскаго вопроса намъ дали на потѣху, для развлеченія нашего времени, безымянную гласность; но чуть дѣло коснется дѣла, тутъ и прихлопнутъ... Наше положеніе ужасно невыносимо». Заканчивается письмо своего рода увѣщаніемъ: «Не обманывайтесь надеждами и не вводите въ заблужденіе другихъ, не отнимайте энергіи, когда она многимъ пригодилась бы. Надежда въ дѣлѣ политики—золотая цѣпь, которую легко обратить въ кандалы подающій ее... Вы все сдѣлали, что могли, чтобы содѣйствовать мирному рѣшенію дѣла, перемѣните же тонъ, и пусть вашъ «Колоколъ» благовѣститъ не къ молебну, а звонитъ набатъ». Послѣднія слова находятся въ органической связи съ тою частью письма, въ которой авторъ доказываетъ, что единственнымъ исходомъ при создавшихся условіяхъ является вооруженное возстаніе, «топоръ», какъ онъ выражается.

Учитывая несомнѣнное сходство, какъ въ планѣ, такъ и въ содержаніи между письмомъ Чернышевскаго и стихотвореніемъ Некрасова, не упуская также изъ виду идейной близости, существовавшей между этими писателями, нельзя не прійти къ заключенію, что предположеніе о томъ, что Некрасовское стихотвореніе обращено къ Герцену, становится очень и очень правдоподобнымъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, объясняющихъ возможность и естественность такого обращенія, нельзя забывать еще и того, что стихотвореніе Некрасова являлось отвѣтомъ на тѣ ожесточенныя и глубоко несправедливыя нападки Герцена, которымъ подвергались на страницахъ «Колокола» въ статьяхъ «Very dangerous» и «Лишніе люди и желчевники» представители лѣваго крыла разночинной интеллигенціи во главѣ съ тѣмъ же Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Къ нимъ какъ нельзя болѣе при-

мѣнимо употребленное въ стихотвореніи выраженіе: «идущіе до конца». Прямо-таки трогательныя любовь и нѣжность, неизмѣнно проявлявшіяся Некрасовымъ въ отношеніи Чернышевскаго и Добролюбова, объясняютъ, почему поэтъ не могъ не протестовать противъ «ударовъ», направленныхъ на нихъ, къ тому же ударовъ, идущихъ изъ того лагеря, изъ котораго естественнѣе было бы ожидать поддержки и одобренія.

Зная вышеприведенную страничку изъ воспоминаній Чернышевскаго и цитированное стихотвореніе 1861 г., мы уже не станемъ удивляться, подобно нѣкоторымъ критикамъ, почему Некрасовъ не могъ съ «должнымъ блескомъ» воспѣть 19-ое февраля. Воля казалась ему кургузой, таящей возможности новаго, лишь по формамъ видоизмѣненнаго закрѣпощенія широкихъ массъ народныхъ. Съ этихъ поръ Некрасовъ уже не могъ отдѣлаться отъ скептическаго отношенія къ преобразованіямъ царствованія Александра II. Земская, напримѣръ, реформа вызвала съ его стороны такое полное ядовитой ироніи восьмистишіе:

Явно родственны съ землей,
Въ тайномъ бракѣ съ „Вѣстью“,
Земства модною броней
Прикрываясь съ честью,
Снова ловятъ мужиковъ
Въ крѣпостныя сѣти
Николаевскихъ орловъ
Доблестныя дѣти...

Общеизвѣстны и тѣ стихотворенія, которыми онъ реагировалъ на законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года. Законъ этотъ началъ примѣняться на практикѣ съ 4-го сентября того же года; Некрасовскія же пѣсни о «свободномъ словѣ» писались въ ноябрѣ и декабрѣ 1865 года, такъ что въ данномъ случаѣ можно говорить о непосредственномъ откликѣ поэта на событія окружающей общественной дѣйствительности. Отношеніе Некрасова къ закону 6-го апрѣля опредѣляется словами: «осторожность, осторожность, осторожность, господа!» Въ отвѣтъ на упоминанія оптимистовъ: «теперь пойдутъ иныя рѣчи», «теперь насъ ждетъ просторъ и слава»,—искусившійся въ цензурныхъ мытарствахъ редакторъ «Современника» могъ, подобно наиболѣе благоразумному изъ трехъ литераторовъ (см. стих. «Литераторы»), лишь «посмотрѣть лукаво и головою покачать»... Предчувствіе его не обмануло: за первые же два года существованія безцензурной печати дано было 24

предостереженія; «С.-Петерб. Вѣдомости», «Голосъ», «Москва», «Моск. Вѣд.» были пріостановлены; «Русское Слово» и «Современникъ», благополучно лавировавшій между Сциллой и Харибдой прежней цензуры,—прекращены.

Эти факты съ достаточной убѣдительностью говорятъ, что эпоха великихъ реформъ должна была мало-по-малу стать для Некрасова эпохою несбывшихся надеждъ и неоправдавшихся ожиданій.

Тѣмъ не менѣе прежнія симпатіи къ личности Александра II не вполнѣ угасли въ его сердцѣ. Особенно ярко проявились онѣ въ стихотвореніи «О. И. Комиссарову», которое, вмѣстѣ съ одою въ честь Муравьева, обычно разсматриваютъ, какъ написанное примѣнительно къ обстоятельствамъ и продиктованное желаніемъ во что бы то ни стало спасти «Современникъ». Мы не вполнѣ согласны съ этою точкою зрѣнія, при чемъ опираемся въ данномъ случаѣ на разсказъ М. Антоновича («Журналъ для всѣхъ», 1903 г., № 2) о томъ, что Некрасовъ «торжественно» заявилъ своимъ сотрудникамъ по журналу, «что стихотвореніе написано имъ совершенно искренно и выражаетъ настоящія его мысли»... Съ другой стороны, А. А. Буткевичъ, обрушившаяся однажды на Пономарева съ жестокими упреками за то, что онъ неправильно приписалъ ей намѣреніе напечатать въ собраніи сочиненій Некрасова оду Муравьеву, не протестовала противъ включенія въ него стих. «О. И. Комиссарову». Приводимъ соотвѣтствующее, высоко интересное въ біографическомъ отношеніи, мѣсто изъ ея письма къ Пономареву отъ 6-го мая 1878 года.

«Отвѣчаю на ваше послѣднее письмо, которымъ вы меня нѣсколько огорчили. Вы спрашивали, почему не вошли въ послѣднее изданіе, ни въ «Послѣднія пѣсни» «Горе ст. Наума» и «Ночлеги». Случилось ли это по недосмотру, или по нежеланію брата? Я отвѣчала: «Конечно, по недосмотру, братъ просто забылъ о нихъ», и затѣмъ просила васъ пересмотрѣть всѣ журналы и газеты, чтобы и съ нами не случилось того же. Я прибавила, что все безъ исключенія должно войдти въ посмертное изданіе, но неужели «безъ исключенія» можно было объяснить, что я хочу печатать даже стихи Муравьеву. Поймите, Бога ради, что я желала бы сдѣлать все, что можетъ выяснить личность брата, а вы мнѣ говорите о стихахъ, вынужденныхъ тяжелыми обстоятельствами того времени, обстоятельствами, о которыхъ теперь

нельзя еще и заикнуться. Я съ сокрушеніемъ думаю, сколько въ далекомъ будущемъ найдется литературной сволочи, ... которая, преподнося публикѣ обвинительный актъ Некрасова, красными буквами пропишетъ въ немъ имя Муравьева. Я обдумываю, какъ устроить, чтобы въ то именно время могли явиться въ свѣтъ разъясненія этой печальной необходимости, которая всю остальную жизнь заѣдала брата, которую онъ называлъ «чернымъ пятномъ», «невѣрнымъ звукомъ» и т. п. Судите сами, какъ не кстати вы обратились ко мнѣ съ упрекомъ, да еще отъ имени брата»...

Наконецъ, нельзя забывать и того, что отрицательное отношеніе къ событію 4-го апрѣля 1866 г. было свойственно многимъ изъ очень либеральныхъ, даже радикальныхъ дѣятелей того времени. Герценъ, не находившій словъ, чтобы заклеймить Некрасовскіе стихи Муравьеву («Колоколъ», № 220, отъ 15-го мая 1866 г.), безъ особаго негодованія, хотя и не безъ ироніи, говоритъ о посланіи его къ Коммиссарову: «Что вы написали стихи въ честь крестьянина, который спасъ государя, насъ не удивило. Мы не любимъ ни официальныхъ восторговъ, ни горести, совпадающихъ съ распоряженіемъ полиціи, однако понимаемъ, что подвигъ Коммиссарова могъ расшевелить демократическую музу вашу»...

Что касается самаго покушенія 4-го апрѣля, то по поводу него Герценъ писалъ въ 219 № «Колокола» (отъ 1-го мая): «Выстрѣлъ 4-го апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, которую бралъ на себя какой-то фанатикъ. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ—первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами. Убійства полезны болѣе всего лицамъ, династическимъ перемѣщеніямъ... Пуль намъ не нужно...» Объ участникахъ 4-го апрѣля въ той же статьѣ («Иркутскъ и Петербургъ») говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сумасшедшій, фанатикъ или озлобленный человѣкъ изъ *дворянъ*, стрѣляетъ въ Государя; необыкновенное присутствіе духа молодого крестьянина, рѣзкая быстрота соображенія и ловкость его спасаютъ Государя».

Приведенныя данныя, имѣющія цѣлью выяснить отношеніе Некрасова къ Александру II, являются необходимымъ комментаріемъ къ стихотворенію «Притча», въ которомъ личность Александра II, изображеннаго подъ видомъ царя-строителя храма, обри-

сована довольно сочувственно, съ явнымъ уклономъ въ сторону идеализаціи. Вотъ это стихотвореніе:

Притча.

Послушайте, братцы! Жилъ царь въ старину,
Онъ царствовалъ бодро и смѣло;
Любя безкорыстно народъ и страну,
Задумалъ онъ славное дѣло.
Онъ вмѣстѣ съ престоломъ наслѣдовалъ храмъ,
Гдѣ царства святыни хранились,
Но храмъ былъ и тѣсенъ, и ветхъ; по угламъ
Летучія мыши гнѣздились.
Сквозь треснувшій полъ проростала полынь,
Въ немъ многое сгнило, упало,
И мѣста для многихъ народныхъ святынь
Давно уже въ немъ не хватало...
И новый создать ему хочется храмъ,
Достойный народа и вѣка,
Гдѣ-бъ честь воздавалась и мудрымъ богамъ,
И славнымъ дѣламъ человѣка.
И сдѣлался царь молчаливъ, нелюдимъ,
Надолго отрекшись отъ свѣта,
И началъ надъ планомъ великимъ своимъ
Работать въ тиши кабинета.
И Богъ помогалъ ему: планъ поражалъ
Изяществомъ, стройной красою,
И царь приближеннымъ его показалъ,
И былъ возвеличенъ хвалою.
То, правда, ввернули въ хвалебную рѣчь
Сидѣвшіе тутъ старовѣры,
Что можно бы стараго часть уберечь,
Что слишкомъ широки размѣры.
Но царь измѣнить не хотѣлъ ничего:
„За все я одинъ отвѣчаю!“
И только что слухи о планѣ его
Прошли по обширному краю,—
На каждую отрасль громадныхъ работъ
Нашлися способные люди
И двинулись дружной семьею въ походъ
Съ запасомъ рабочихъ орудій.
Давно они были согласны вполнѣ
Съ царемъ-устроителемъ края,
Что новый палладіумъ нуженъ странѣ,
Что старый—руина гнилая.
И шли они съ гордо поднятымъ челомъ,
Исполнены честнаго жара;
Ихъ мускулы были развиты трудомъ,
И лица черны отъ загара.
И вѣра сіяла въ очахъ ихъ: горя
Ко славѣ отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью.
Рабочіе люди въ столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у стараго храма легли,
Иные присѣли и ждали...

Но вотъ уже полдень, а ихъ не зовутъ!
Безропотно ждутъ они снова;
Царь мимо проѣхалъ, вельможи идутъ,—
А все имъ—ни слова, ни слова!
И вотъ уже скучно имъ праздно сидѣть,
Привыкшимъ трудиться до поту.
И день уже началъ примѣтно темнѣть,
Ихъ все не зовутъ на работу.
Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но ихъ испугались вельможи его,
И въ ноги царю повалились:
„О, царь! ты прославишься въ позднихъ вѣкахъ!
За что-же ты насъ обижаешь?
Давно уже преданность въ нашихъ сердцахъ
Къ особѣ своей ты читаешь,
А эти пришельцы... Суровость ихъ лицъ
Пророчитъ недоброе что-то,
Ихъ надо подальше держать отъ столицъ.
У нихъ на умѣ—не работа!
Когда ты по площади ѣхалъ вчера,
И мы за тобой поспѣшали,
Тебѣ они громко кричали: ура!
На насъ же сурово взирали.
На площади Мира сегодня въ ночи
Они совѣщалися шумно.
Строеніе храма ты намъ поручи,
А имъ довѣрять—неразумно!“
Волнуетъ царя и боязнь, и печаль,
Онъ слушаетъ съ видомъ суровымъ.
И старыхъ испытанныхъ слугъ ему жаль,
И вѣра колеблется къ новымъ...
И вышелъ указъ... И за дѣло тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшіе жаждой труда
И рвеньемъ, сдвигающимъ горы,
Связали котомки свои и пошли,
Стыдомъ неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую въ сердцѣ несли,
Ни съ чѣмъ уходя, пилигримы,
И цѣлая треть не вернулась домой:
Иные въ пути умирали,
Иные бродили по царству съ сумой
И смуты въ умахъ поселяли,
Иные скитались по чуждымъ странамъ,
Иные въ столицѣ остались
И зорко слѣдили, какъ строился храмъ,
И втайнѣ царю удивлялись.
Строители храма не плану царя,
А собственнымъ цѣлямъ служили,
Они пожалѣли того алтаря,
Гдѣ жертвы богамъ приносили,
И многое, втайнѣ ликуя, спасли,
Задавшись задачею трудной;
Они благотворную мысль низвели
До уровня ветоши скудной;
Въ основѣ труда подневольнаго ихъ
Лежала рутина—не геній,

За то было много эффектовъ пустыхъ
И бьющихъ въ глаза украшеній...
Сплотившись въ надменный и дружный кружокъ.
Лишь тѣхъ отличая вниманьемъ,
Кто ихъ заслонить передъ тономъ не могъ
Энергіей, разумомъ, знаньемъ,
Они не внимали совѣтамъ благимъ
Людей, понимающихъ дѣло:
Совѣты обидой казалися имъ.
Царю говорятъ они смѣло:
„О, царь, воспрети ты пустымъ крикунамъ
Язвить насъ насмѣшливымъ словомъ!
Зане невозможно судить по частямъ
О цѣломъ, еще не готовомъ!“
Указъ роковой написали, прочли,
И царь утвердилъ его тутъ же.
Забывъ поговорку своей же земли,
Что „умъ хорошо, а два лучше“!
Но смѣло нарушилъ жестокій законъ
Одинъ гражданинъ именитый:
Служилъ безкорыстно отечеству онъ
И былъ уже старецъ маститый.
Измлада онъ жизни умѣлъ не жалѣть,
Не зналъ за собой укоризны
И дѣтямъ внушалъ, что честнѣй умерсть,
Чѣмъ видѣть безславье отчизны,
По мужеству—воинъ, по жизни—монахъ
И сѣятель правды суровой.
О „новомъ винѣ и о старыхъ мѣхахъ“
Напомнилъ библейское слово,
Онъ истину рѣзко открылъ предъ царемъ,
Но слуги царя не дремали:
Успѣвъ овладѣть уже царскимъ умомъ,
Уликъ они много собрали;
Отчизны врагомъ оказался старикъ,—
Чужда ему преданность, вѣра!
И царь, пораженный избыткомъ уликъ,
Казнилъ старика, для примѣра!
И паника страха прошла по странѣ,
Все головы долу склонило:
И строилось зданье въ нѣмой тишинѣ,
Какъ будто копалась могила...
Лѣса убираютъ,—убрали... и вотъ
„Готово“! царю возвѣщаютъ,
И царь по обширному храму идетъ,
Вельможи его провожаютъ.
Но то ли предъ нимъ, что когда-то въ мечтѣ
Очамъ его царскимъ являлось
Въ такой поражающей умъ красотѣ,
Что неба достойнымъ казалось?
Надъ чѣмъ, напрягая взыскательный умъ,
Онъ плакалъ, ликуя душою?..
Нѣтъ! это не плодъ его царственныхъ думъ.
Царь грустно поникъ головою:
Ни въ цѣломъ, ни въ малой, отдѣльной чертѣ,
Увы, онъ не встрѣтилъ отрады!
Но все-жъ, въ несказанной своей добротѣ,
Строителямъ роздалъ награды.

И тотчасъ же имъ разойтись приказалъ,
А самъ, передъ капищемъ сидя,
О планѣ великомъ своемъ тосковалъ,
Его воплощенья не видя...

Раскрытіе аллегорическаго смысла «Притчи» не представляетъ, какъ намъ кажется, особыхъ трудностей, за исключеніемъ одного пункта, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Идея стихотворенія, повидимому, заключается въ выясненіи причинъ, повлекшихъ крушеніе намѣченнаго Александромъ II плана реформъ, съ помощью которыхъ онъ думалъ кореннымъ образомъ обновить русскую жизнь. Эти причины «Притча» видитъ отнюдь не въ личныхъ свойствахъ царя, который представленъ человѣкомъ безкорыстно преданнымъ общественному благу, а въ томъ, что онъ, подъ вліяніемъ застращиванія окружающей придворной среды, отдалъ дѣло преобразованій въ руки представителей бюрократической рутины, отстранивъ отъ всякаго участія въ немъ передовые демократическіе элементы тогдашняго общества. Мало того, уступая настояніямъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ, царь особыми указами заграждалъ уста тѣмъ, кто осмѣливался критиковать осуществленное бюрократическимъ путемъ дѣло. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что результаты получились самые печальные. Въ основѣ подневольнаго труда «лежала рутина—не геній», и когда, предоставленные самимъ себѣ, бюрократы кончили свое дѣло, царю только и осталось грустно поникнуть головою. Другимъ слѣдствіемъ излишняго довѣрія его къ «старымъ испытаннымъ слугамъ» явилось также и то, что часть передовыхъ дѣятелей, еще недавно готовыхъ «вдохновенному плану царя жертвовать кровью», обманутая въ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ, вступила на путь революціонной пропаганды: «иные бродили по царству съ сумой и смуты въ умахъ поселяли».

Мы не будемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе вопроса о степени соотвѣтствія этой картины исторической правдѣ. Отмѣтимъ только, что если указаніе на бюрократическое веденіе дѣла, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, обусловившихъ неудачный исходъ нѣкоторыхъ прогрессивныхъ начинаній царствованія Александра II, и съ точки зрѣнія новѣйшихъ историковъ представляется совершенно правильнымъ, то освѣщеніе его личности и его роли въ политической жизни страны, даваемое «Притчей», довольно тенденціозно и могло бы вызвать рядъ весьма серьезныхъ возраженій. Весьма любопытно, однако, что общественный

смыслъ разсматриваемаго стихотворенія, несмотря на то, что датой его является 20-ое іюля 1870 г. (эта дата указывается не только въ заграничномъ изданіи, въ которомъ напечатана «Притча», но и въ разысканномъ нами среди бумагъ А. А. Буткевичъ спискѣ этого стихотворенія, сдѣланномъ рукою сестры поэта, а потому ее можно считать болѣе или менѣе достовѣрной), носитъ отпечатокъ тѣхъ мыслей, которыя развивалъ Чернышевскій въ своихъ знаменитыхъ «Письмахъ безъ адреса». Эти письма не могли не быть хорошо извѣстны Некрасову, такъ какъ, въ видѣ отдѣльной статьи, должны были появиться въ № 2 «Современника» за 1862 г. и не появились только потому, что этому воспрепятствовала цензура. Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ «Писемъ», очень напоминающихъ нѣкоторыя изъ сужденій «Притчи». Въ своемъ обращеніи къ Александру II отъ имени передовой части русскаго общества, Чернышевскій говоритъ: «у насъ... цѣль, которую, вѣроятно, имѣете и вы: быть полезными русскому народу»,—такимъ же сознательнымъ работникомъ во имя общенародной пользы представленъ «царь-устроитель края» въ «Притчѣ». Очень настойчиво и систематически нападая на бюрократическое проведеніе реформъ, Чернышевскій, между прочимъ, отмѣчаетъ слѣдующіе его недостатки: «предсѣдатель Редакціонныхъ Комиссій... былъ связанъ мнѣніями цѣлаго *круга*»... «при бюрократическомъ порядкѣ совершенно безполезны *умъ*, *знаніе*, опытность людей, которымъ поручено дѣло»... «начинаютъ тѣмъ, что видятъ надобность чего-нибудь существеннаго и великаго, стремятся къ нему и успѣваютъ сдѣлать лишь нѣчто *очень маловажное* и вовсе не существенное, а только формальное». Въ «Притчѣ» же сказано, что «строители храма», сплотившіеся «въ надменный и дружный *кружокъ*», отличали вниманіемъ лишь тѣхъ, кто не могъ ихъ заслонить «энергіей, *разумомъ*, *знаньемъ*», и въ концѣ концовъ «благотворную мысль низвели до уровня *ветоши скудной*». У Чернышевскаго затѣмъ указывается на отсутствіе гласности въ работѣ Редакціонныхъ Комиссій, въ которой онъ видитъ одну изъ причинъ малой продуктивности ихъ труда; такова же и точка зрѣнія «Притчи» на неуспѣхъ дѣла, затѣяннаго царемъ. Наконецъ, въ одномъ изъ «Писемъ» употреблено сравненіе, заставляющее вспомнить ту аллегорію, которая лежитъ въ основѣ «Притчи». Въ IV главѣ «Писемъ» Чернышевскій высказываетъ такое сужденіе о дѣятеляхъ крестьянской реформы: «Они будутъ не

разсматривать дѣла, а только будутъ заниматься подбираніемъ и прилаживаніемъ мелкихъ подробностей, т. е. ихъ работа будетъ *работа каменщиковъ*, смазывающихъ кирпичи одинъ къ другому, хотя и предполагали тѣ, которые созывали ихъ, что созываютъ ихъ обсудить *планъ зданія*». Такимъ образомъ, мысль о реформахъ 60 г.г. какъ у автора «Писемъ», такъ и у автора «Притчи» ассоціировалась съ представленіемъ о сооруженіи какого-то зданія неискусными строителями. Конечно, это могло произойти совершенно случайно, но все же вышеприведенныя сопоставленія показались намъ не совсѣмъ лишними въ комментаріяхъ о «Притчѣ». Быть можетъ, они кое-что разъяснятъ относительно наиболѣе загадочнаго пункта этого стихотворенія—упоминанія о старцѣ, напомнившемъ царю «библейское слово» о «новомъ винѣ и о старыхъ мѣхахъ». Если встать на ту точку зрѣнія, что старецъ введенъ въ «Притчу» только для того, чтобы нѣсколько замаскировать дѣйствительный образъ, вдохновившій Некрасова, то все въ этомъ стихотвореніи станетъ понятнымъ. Трудно себѣ представить кого-либо изъ литераторовъ 60 г.г., къ которому болѣе, чѣмъ къ Чернышевскому, подходили бы эпитеты: «по мужеству—воинъ, по жизни—монахъ и сѣятель правды суровой». Съ другой стороны, его статьи по крестьянскому вопросу и особенно статья «Письма безъ адреса», безспорно, являлись напоминаніемъ библейскаго слова о «новомъ винѣ и о старыхъ мѣхахъ». Расправа правительства съ Чернышевскимъ, поразительный примѣръ вопіющей несправедливости и ничѣмъ не оправдываемой жестокости, была такова, что вполнѣ объясняла употребленіе въ «Притчѣ» глагола «казнить».

Несмотря на всѣ эти соображенія, сказать съ полною увѣренностью, что авторъ «Притчи» разумѣлъ подъ казненнымъ старикомъ Чернышевскаго—нельзя. Вопросъ въ данномъ случаѣ идетъ о болѣе или менѣе вѣроятномъ предположеніи.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этого стихотворенія, отмѣтимъ, что со стороны чисто художественной оно не можетъ быть поставлено особенно высоко. Мѣстами «Притча» впадаетъ въ излишнія длинноты, изобилуетъ прозаизмами, хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать наличности въ ней нѣсколькихъ яркихъ образовъ и удачныхъ оборотовъ. Чисто некрасовскимъ духомъ вѣетъ хотя бы слѣдующее четверостишіе, живо напоминающее нѣкоторыя выраженія изъ «Размышленій у параднаго подъѣзда» и «Дѣдушки»:

Связали котомки свои и пошли,
Стыдомъ неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую въ сердцѣ несли,
Ни съ чѣмъ уходя, пилигримы.

III.

«Притча» съ ея прославленіемъ «несказанной доброты» царя-строителя, само собой разумѣется, не является выраженіемъ радикальнаго міросозерцанія, къ которому мало-по-малу приходилъ Некрасовъ въ послѣдніе годы своей жизни, подъ впечатлѣніемъ все усиливающейся реакціи и героической борьбы противъ нея передовой части русскаго общества. Въ предыдущихъ главахъ мы уже имѣли случай указать на горячія симпатіи, проявлявшіяся поэтомъ къ народникамъ 70-хъ годовъ, не исключая и наиболѣе рѣшительно настроенныхъ изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ много надо было пережить, чтобы черезъ 10 лѣтъ послѣ стихотворенія «О. И. Коммисарову» набросать такія строки:

Не за Якова Ростовцова
Ты молись, не за Милютина,
. . . . . Ты молись
О всѣхъ въ казематахъ сгноеныхъ,
О солдатахъ въ полкахъ засѣченныхъ,
О повѣшенныхъ ты помолись... *).

Къ тому же 1876 году относится цѣлый рядъ стихотвореній Некрасова, съ безпощадной рѣзкостью клеймящихъ реакціонное засилье, въ проникнутыхъ «печалью и гнѣвомъ» картинахъ, изображающихъ участь освобожденнаго, но увы! попрежнему несчастнаго народа. Кромѣ уже приводившагося у насъ «Смолкли честные, доблестно павшіе», къ стихотвореніямъ этого рода относятся еще нѣсколько, оставшихся въ теченіе 35 лѣтъ ненапечатанными, съ которыми мы познакомили читающую публику лишь лѣтомъ 1913 года (см. «Завѣты», № 6, ст. «Предсмертныя думы Н. А. Некрасова»). Въ послѣдніе два года своей жизни, когда уже неизлѣчимый недугъ постоянно напоминалъ ему о смерти, Некрасовъ, повидимому, ощутилъ острую потребность высказаться по наиболѣе животрепещущимъ вопросамъ современной ему жизни. Однако, мысли, порожденныя впечатлѣніями окружающей дѣйствительности, были таковы, что вложить ихъ въ форму удовлетворяю-

*) Этотъ черновой набросокъ извлеченъ нами изъ бумагъ Ефремова; онъ написанъ рукою поэта, за его подписью, на конвертѣ адресованнаго къ Ефремову частнаго письма, которое помѣчено декабремъ 1876 г.

щихъ цензурнымъ требованіямъ стихотвореній представлялось весьма и весьма трудной задачею. Въ подтвержденіе сошлемся на слѣдующія характерныя слова письма Некрасова отъ 1-го мая 1876 г. въ редакцію «Новаго Времени»: «боленъ такъ, что не пишется, да и трудно измыслить что-нибудь цензурное».

Тѣмъ не менѣе Некрасовъ все-таки попытался кое-что «измыслить». Того же 1-го мая онъ отправилъ А. С. Суворину 10 стихотвореній, написанныхъ, преимущественно, на политическія темы. Копіи какъ съ этихъ стихотвореній, такъ и съ препроводительнаго письма, писанныя рукой сестры поэта, находятся въ нашемъ распоряженіи. Держался ли Некрасовъ лучшаго мнѣнія о цензурѣ конца 70-хъ годовъ, чѣмъ она заслуживала, или состорожничалъ благоразумный издатель «Новаго Времени», но фактъ въ томъ, что наиболѣе интересныя изъ присланныхъ поэтомъ стихотвореній въ суворинской газетѣ не были напечатаны; въ ней въ №№ 55 и 96 за 1876 годъ и № 662 за 1878 годъ появилось лишь шесть стихотвореній: «Человѣкъ 40-хъ годовъ» (№ 1 по копіи Буткевичъ), «Молодыя лошади» (№ 2), «На покосѣ» (№ 3), «Къ портрету» («Развѣнчанъ нами...», № 7), «Праздному» (№ 8), «Къ портрету» («Твои права на славу...», № 9), перепечатанныхъ въ «полномъ собраніи».

Остальныя же четыре стихотворенія: «Путешественникъ» (№ 4), «Бунтъ» (№ 5), «Какъ празднуютъ трусу» (№ 6) и «Что новаго?» (№ 10) были признаны, очевидно, «несвоевременными».

Одно изъ нихъ «Какъ празднуютъ трусу» («Время-то есть, да писать нѣтъ возможности»), оригиналъ котораго сохранился въ бумагахъ сен. В. И. Лихачева, опубликовано уже лѣтъ 15 тому назадъ («Жизнь», 1898 г. № 1), хотя все же почему-то не включается въ «полное собраніе». Считаемъ не лишнимъ напомнить его нашимъ читателямъ:

„Время-то есть, да писать нѣтъ возможности,
Мысль убивающій страхъ:
Не перейти бы границъ осторожности,
Голову держитъ въ тискахъ!

Утромъ мы наше село посѣщали,
Гдѣ я родился и взросъ,
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; въ умѣ шевельнулся вопросъ:

„Новое время—свобода движенія,
Земства, желѣзныхъ путей,

Что-жъ я не вижу слѣдовъ обновленія
Въ бѣдной отчизнѣ моей?

Тѣ же напѣвы, тоску наводящіе,
Съ дѣтства знакомые намъ.
И о терпѣніи новомъ молящіе,
Тѣ же попы по церквамъ.

Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ...
Гдѣ же ты тайна довольства народнаго?
Воронъ въ отвѣтъ мнѣ прокаркалъ: „дуракъ!“

Я обругалъ его грубымъ невѣжею,
На телеграфную нить
Онъ пересѣлъ. Не доносъ ли депешею
Хочетъ въ столицу пустить?

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Мѣтко прицѣлился. Выстрѣлъ гремитъ:
Падаетъ замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожитъ...“
Апрѣль 1876 г.

Независимо отъ облеченнаго въ поэтическую форму все того же признанія—«трудно измыслить что-нибудь цензурное», независимо отъ грустной насмѣшки надъ людьми, готовыми по пустякамъ «праздновать трусу», къ которымъ поэтъ готовъ былъ причислить и самого себя, приведенное стихотвореніе интересно еще въ томъ отношеніи, что въ немъ данъ отвѣтъ на вопросъ давно уже интересовавшій Некрасова,—каковы окончательные результаты реформы 19-го февраля? Въ 1861 году, хотя и испытывая глубокое разочарованіе отъ несбывшихся ожиданій, хотя и опасаясь новыхъ сѣтей, которыми замѣнятъ «крѣпостныя», Некрасовъ все-таки пытался «съ надеждой привѣтствовать свободу» («Свобода»); въ 1862 году поэтъ уже съ раздраженіемъ говорилъ о «безмѣрномъ терпѣніи» крестьянъ, попрежнему нищенствующихъ, попрежнему «съ унылыми лицами» («Литература съ трескучими фразами»); въ стихотвореніяхъ 70-хъ годовъ, писанныхъ тогда, когда передъ поэтомъ открылась уже возможность нѣкоторой исторической перспективы, тона нѣсколько просвѣтлѣли. Такъ, въ поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо» Некрасовъ, хотя и признаетъ, что концы порвавшейся крѣпостной цѣпи больно ударили не только по барину, но и по мужику, все же находитъ утѣшеніе, «улетая мыслью впередъ». Сравненіе прошлаго съ настоящимъ все-таки не въ пользу перваго. «Былъ гуще невѣжества мракъ надъ тобой, удушливѣй сонъ непробудный,—

обращается поэтъ къ родинѣ,—была ты глубоко-несчастной страной, подавленной, рабски-безсудной», теперь уже не то:

„Довольно! Оконченъ съ прошедшимъ разсчетъ,
Оконченъ разсчетъ съ господиномъ!
Сбирается съ силами русскій народъ
И учится быть гражданиномъ."

Тотъ же мотивъ въ стих. «Ночлеги». Бесѣдуя съ пожилымъ крестьяниномъ Трофимомъ, на своей спинѣ испытавшимъ ужасы крѣпостничества, которымъ его дѣти прямо-таки не хотятъ вѣрить, поэтъ ободряюще говоритъ ему: «Погоди! Если только Богъ захочетъ, то ли будетъ впереди», и узнавъ, что въ округѣ завелись уже школы, продолжаетъ:

„....Учите-ка дѣтей!
Не бѣда, что люди голы;
Лишь бы стали поумнѣй.
Перестанетъ ѣсть солому,
Трусу праздновать народъ....
И твой внукъ отцу родному
Не повѣритъ въ свой чередъ."

Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что на ряду съ оптимическими, со стороны некрасовской лиры временами звучали прежнія скептическія ноты. Такъ, въ стих. «Унынie» (напеч. въ 1875 г.) поэтъ съ тоской спрашиваетъ у народа:

„...Гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?... На смѣну колебанья
Твоихъ судебъ, чего дождемся мы?....."

Въ «Элегіи» вновь ставится уже задававшійся ранѣе вопросъ:

„Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?...
И рабству долгому пришедшая на смѣну
Свобода, наконецъ, внесла ли перемѣну
Въ народныя судьбы, въ напѣвы сельскихъ дѣвъ?
Иль такъ же горестенъ нестройный ихъ напѣвъ?.."

Приведенное выше стихотвореніе даетъ вполнѣ опредѣленный рѣзко отрицательный отвѣтъ на него. Таковъ же смыслъ другого стихотворенія той же серіи «Путешественникъ». Вотъ оно:

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

Въ городѣ волки по улицамъ бродятъ,
Ловятъ дѣтей, гувернантокъ и дамъ,
Люди естественнымъ это находятъ,
Сами они подражаютъ волкамъ.

Въ городѣ волки, и волки на дачѣ,
А ужъ какая ихъ тьма на Руси!
Скоро ужъ тамъ не останетси клячи...
Ѣхать въ деревню? Теперь-то? Mercі?

Прусскій баронъ, опоясавши выю
Бѣлымъ жабо въ три вершка ширины,
Ѣздитъ одинъ, наблюдая Россію,
По захолустьямъ несчастной страны:

Какъ у васъ хлѣбушко? „Нѣтъ ни ковриги!“
Гдѣ у васъ скотъ? „Отъ заразы подохъ!“
А заикнулся про школы, про книги—
Прочь побѣжали.—„Помилуй насъ Богъ!

Книгъ намъ не надо—неси ихъ къ жандару!
Въ третьемъ году у проѣзжихъ людей
Мы ихъ купили по гривнѣ за пару,
А натерпѣлись на тыщу рублей!“

Думаетъ нѣмецъ: „ужъ я не оглохъ ли?
Къ школѣ привѣшенъ тяжелый замокъ,
Нивы посохли, коровы подохли,
Какъ эти люди заплатятъ оброкъ?“

„Что наблюдать? Что записывать въ книжку?“
Въ грусти баронъ самъ съ собой говоритъ...
Дай ты имъ гривну да хлѣба коврижку
И наблюдай, нѣмчура, аппетитъ...

Нѣтъ надобности распространяться, что «Путешественникъ» удивительно гармонируетъ съ прежними вдохновеніями народолюбивой музы Некрасова. Когда-то, на зарѣ своей поэтической дѣятельности, «печальникъ горя народнаго» разсказалъ о безотрадныхъ впечатлѣніяхъ посѣтившаго закрѣпощенную Россію офранцузившагося графа Гаранскаго (см. «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго», 1853 г.). Прошло около четверти вѣка, и поэтъ повѣдалъ въ яркихъ стихахъ о томъ, что увидѣлъ въ освобожденной, якобы вступившей на путь прогресса, странѣ другой путешественникъ, на этотъ разъ прусскій баронъ. Россія—царство двуногихъ волковъ, раскрѣпощенный народъ находится во власти «жандара», ему заграждены пути къ умственному развитію, онъ раззоренъ экономически—вотъ тѣ грустные выводы, къ которымъ приводятъ его наблюденія надъ русской жизнью.

Аналогично по содержанію съ «Путешественникомъ» и стихотвореніе «Что новаго»? Эти стихи, очень рѣзкіе по тону, Некрасовъ въ письмѣ въ редакцію «Новаго Времени» самъ опредѣлялъ, какъ «совсѣмъ неудобные» для печати.

Что новаго?

Администрація—беретъ
И очень скупо выпускаетъ,
Плутократія—деретъ
И ничего не возвращаетъ.
По приглашенію властей
Дворяне ловятъ демагоговъ;
Крестьяне отъ земли, кормилицы своей,
Бѣгутъ, подъ бременемъ налоговъ,
И пропиваются въ конецъ по кабакамъ,
И пьянымъ по колѣно море...
Да будетъ стыдно намъ, да будетъ стыдно намъ
За ихъ невѣжество и горе!..

Заключающаяся здѣсь яркая характеристика отдѣльныхъ сословій, ихъ общественной роли и взаимоотношеній не является чѣмъ-либо новымъ для Некрасова: она объединяетъ въ цѣльную картину рядъ отдѣльныхъ штриховъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ предшествующей поры.

Такъ, въ небольшой пьесѣ 1862 года «Литература съ трескучими фразами» поэтъ съ негодованіемъ говоритъ объ «администраціи» съ ея «указами о забираніи всякаго встрѣчнаго». Немало ядовитыхъ замѣчаній по адресу той же администраціи разсыпано въ поэмѣ «Современники» (1375 г.), хотя, главнымъ образомъ, эта поэма клеймитъ замѣтно усилившуюся въ 70-е годы плутократію. Всѣмъ памятны выразительные стихи «Современниковъ» о плутократѣ, «этомъ смѣломъ хищникѣ», который «ворвался въ толпу» и, «какъ караульный», сталъ на часахъ» «у мужицкаго алтына», «у дворянскаго рубля», о «походахъ» различныхъ предпринимателей «на карманы благодушныхъ россіянъ», о «гарантіи и субсидіи» и т. п. Наконецъ, въ тѣхъ же «Современникахъ», равно какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ Некрасова (напр., «Явно родственны съ землей», 1863 г.), говорится о реакціонности русскаго дворянства, которое, проигравъ «генеральный бой дворянскій»,—«войною партизанской на досугѣ занялось». Къ такимъ партизанскимъ дѣйствіямъ «Николаевскихъ орловъ доблестныхъ дѣтей», само собой разумѣется, относится и «ловля демагоговъ», о которой упомянуто въ разсматриваемомъ стихотвореніи.

Высоко интересны заключительныя слова этого послѣдняго. Въ нихъ съ полною опредѣленностью сказывается столь характерное для «кающихся дворянъ», къ которымъ многими сторонами своего міросозерцанія примыкалъ и Некрасовъ, чувство стыда,

рожденное сознаніемъ своей нравственной отвѣтственности за «невѣжество и горе» многомилліонной крестьянской массы. Это чувство, какъ можно судить по нѣкоторымъ стихотвореніямъ 50-хъ г. (напр., «Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться»), издавна присуще было отзывчивой душѣ поэта-народника.

Къ стихотвореніямъ одной серіи съ «Путешественникомъ» и «Что новаго?» относится восьмистишіе «Бунтъ», наглядно иллюстрирующее пріемы административнаго воздѣйствія на крестьянъ. Не даромъ Некрасовъ назвалъ его «живой картиной». Это дѣйствительно, живая картина, которой небольшіе размѣры не мѣшаютъ быть достаточно выразительной.

Бунтъ.

(Живая картина).

. . . Скачу, какъ вихорь, изъ Рязани,
Являюсь: бунтъ во всей красѣ,
Не пожалѣлъ я крупной брани—
И пали на колѣни всѣ!

Задавши страху дерзновеннымъ,
Пошелъ я храбро по рядамъ
И въ кровь колѣнопреклоненнымъ
Колѣномъ тыкалъ по зубамъ...

Возникшее, безъ сомнѣнія, по конкретному поводу *), это стихотвореніе возбуждаетъ грустныя думы о вопросѣ общаго характера: о реальномъ отношеніи власти, существующей въ теоріи для народа, къ этому самому народу. Надо замѣтить, что подобными же красками Некрасовъ изображаетъ въ IV главѣ поэмы «Кому на Руси жить хорошо», какъ «бунтовалась вотчина помѣщика Обрубкова, Испуганной губерніи, уѣзда Недыханьева, деревни Столбняки»: «потребовалось воинство, самъ государевъ посланецъ къ народу рѣчь держалъ; то руганью попробуетъ и плечи съ эполетами подыметъ высоко»... Дѣло оказалось настолько серьезнымъ, что «хотѣли ужъ солдатикамъ скомандовать: пали!» Однако, въ концѣ концовъ, обошлись и безъ этого, благодаря вмѣшательству популярнаго среди крестьянъ Ермила Гирина. Въ чемъ выразилось его вмѣшательство и какъ закончился бунтъ столбняковцевъ, Некрасову, скованному цензурными рамками, разсказать

*) Въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, нижеслѣдующая приписка автора: „Примѣчаніе для редакціи. Этотъ отрывокъ пропустилъ г. Стасюлевичъ при печатаніи записокъ г. Ломачевскаго“.

не удалось. Впрочемъ, вскользь брошенное упоминаніе, что Ермилъ, это живое воплощеніе крестьянскихъ добродѣтелей, сидитъ въ острогѣ, бросаетъ достаточно яркій свѣтъ на творческіе замыслы поэта.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этой группы стихотвореній 1876 года, остановимся на варіантѣ давно уже напечатаннаго и въ «полное собраніе» вошедшаго стихотворенія «На покосѣ».

Въ первоначальномъ текстѣ его представитель молодого поколѣнія крестьянъ говоритъ: «Кабы больше намъ землицы... за Царя бы я прилежно Господа молилъ»; впослѣдствіи же поэтъ вторую часть этой фразы измѣнилъ такимъ образомъ: «я работалъ бы прилежно и поменьше пилъ». Едва ли это произошло случайно; трудно сомнѣваться, что здѣсь сказалось измѣнившееся, подъ вліяніемъ усиливавшейся реакціонности правительственныхъ сферъ, отношеніе Некрасова къ личности Александра II, возбуждавшей когда-то горячую симпатію съ его стороны.

Къ числу стихотвореній, въ которыхъ умиравшій поэтъ клеймилъ реакціонное засилье, надо отнести и найденную нами, вмѣстѣ съ приведенными въ предыдущей статьѣ стихотвореніями «Примѣты» и «Такъ запой, о поэтъ!», эпиграмму «Отецъ твой, попъ бездѣльникъ», которая имѣетъ, по всей вѣроятности, въ виду одного изъ представителей высшей духовной іерархіи. Приводимъ это колкое и остроумное стихотвореніе полностью:

„Отецъ твой, попъ бездѣльникъ,
Облопавшись кутьи,
Зачалъ тебя въ сочельникъ
Отъ гнусной попадьи.
Хоть и рожденъ болваномъ,
Пошелъ, однако-жъ, въ прокъ
На маслѣ конопляномъ
Взлелѣянный цвѣтокъ.
И что-жъ теперь: нашъ пастырь,
Нашъ геній, нашъ пророкъ
Кладетъ на брюхо пластырь
И грѣетъ ей пупокъ“.

Отнюдь не враждебный религіознымъ настроеніямъ народныхъ массъ, самъ склонный иногда къ мистическимъ порывамъ, Некрасовъ, какъ видно изъ приведенной эпиграммы, съ крайнимъ возмущеніемъ относился къ духу той кастовой исключительности, столь удачно выраженной словами «конопляное масло», которая уже начала проявляться въ его время въ

средѣ высшаго духовенства, неся въ своемъ конечномъ развитіи закоснѣлость, обскурантизмъ и крайнюю отчужденность церковныхъ круговъ отъ насущныхъ потребностей народа. Насколько симпатиченъ былъ Некрасову изображенный имъ въ поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо» типъ сельскаго священника, этого вѣчшой; болящій, умирающій, рождающійся въ міръ не избираютъ временемъ, потому что «дороги наши трудныя, приходъ у насъ большой; болящій, умирающій, рождающійся въ міръ не избираютъ времени», принужденнаго жить на мѣдные пятаки, получаемые изъ мозолистыхъ крестьянскихъ рукъ,—настолько раздражали поэта расплодившіеся на Руси потомки кантемировскаго Критона, которые, несмотря на свою глупость и невѣжество, считали себя солью земли, лѣзли въ геніи и пророки.

Рѣзкія обличенія по адресу самоуправничающей администраціи, сосущей народные соки плутократіи, уловляющаго крестьянъ въ сѣти видоизмѣненнаго крѣпостного права дворянства, равнодушныхъ къ народу и его судьбамъ «пастырей», столь характерныя для отношенія Некрасова къ власти предержащей и господствующимъ сословіямъ, были вдохновлены, безъ сомнѣнія, его глубоко отрицательнымъ отношеніемъ къ реакціи, которая торжествовала въ 70-хъ годахъ. Все то, что, такъ или иначе, играло въ руку реакціи, возбуждало страстный протестъ со стороны поэта-гражданина. Въ основѣ этого протеста, смѣшаннаго со жгучею печалью, лежала «широкая, какъ море», все его существо проникавшая любовь къ родной странѣ, къ родному народу.

IV. ИЗЪ ИСТОРІИ ОТНОШЕНІЙ КЪ НЕКРАСОВУ ИНТЕЛЛИГЕНТНАГО ОБЩЕСТВА И УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь живому,
кровному союзу.

Вопросъ объ отношеніи различныхъ слоевъ русскаго общества къ Некрасову не такъ простъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Разрѣшеніе его въ части, касающейся образованнаго меньшинства, представляется еще болѣе или менѣе возможнымъ; несравненно труднѣе судить о томъ, какъ относятся къ Некрасову широкія массы демократическаго читателя, такъ какъ въ распоряженіи изслѣдователя сравнительно мало данныхъ, характеризующихъ это отношеніе.

Что русская интеллигенція въ огромномъ большинствѣ своемъ любила и любитъ Некрасова—объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ вѣскихъ фактовъ. Прежде, чѣмъ остановиться на нихъ, вспомнимъ, что думалъ по этому поводу самъ Некрасовъ. Болѣзненно строгое отношеніе поэта къ самому себѣ, усиливаемое горестнымъ сознаніемъ паденій личной жизни, заставляло его иногда сомнѣваться въ прочности тѣхъ узъ, которыя связывали его съ передовой частью общества. Въ 1866 году, послѣ сильно повредившихъ его репутаціи сдѣлокъ съ совѣстью, съ помощью которыхъ поэтъ тщетно надѣялся спасти свой журналъ, имъ было написано стихотвореніе «Ликуетъ врагъ...», полное щемящей тоски. Не лишнее будетъ напомнить изъ него нѣсколько строфъ:

„Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи
Вчерашній другъ, качая головой.
И вы, и вы отпрянули въ смущеньи,
Стоявшія безсмѣнно предо мной,
Великія страдальческія тѣни,
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ...“

Кромѣ мучительныхъ угрызеній совѣсти по поводу отдѣльныхъ «винъ», Некрасова постоянно тяготила мысль о несоотвѣтствіи между словомъ и дѣломъ, омрачившемъ всю его жизнь: онъ готовъ былъ проклинать свое сердце за то, что «оно смутилось передъ борьбой и отступило вспять» («Возвращеніе»). Это отступничество, какъ казалось поэту, вырыло пропасть между нимъ и тѣми изъ его друзей, которые, не убоявшись неравенства силъ, мужественно вступили въ борьбу и «пали» въ ней ««жертвою злобы, измѣнъ» («Скоро стану добычею тлѣнья»); среди ихъ могилъ нѣтъ могилы поэта, «мечтательно-пугливой душѣ» котораго не было дано «рѣшимости бороться» («Поэту», 1877 г.), а потому на него «ихъ портреты укоризненно смотрятъ со стѣнъ». Мысль о томъ, что его общественное служеніе, выразившееся въ поэтическомъ творчествѣ, принесло свою долю пользы, быть можетъ, не меньшую, чѣмъ дѣятельность погибшихъ друзей, конечно, не могла не приходить ему въ голову, но не всегда приносила утѣшеніе, во-первыхъ, потому, что Некрасовъ склоненъ былъ, какъ мы знаемъ, сильно преуменьшать заслуги свои, какъ поэта, а во-вторыхъ, потому, что, по его глубокому убѣжденію, міръ вѣритъ «лишь доблести, запечатлѣнной кровью», кумировъ же съ «бездѣйственной фразистою любовью» безпощадно развѣнчиваетъ. Несмотря на эти скептическія настроенія, общественная роль «музы мести и печали» была столь выдающейся, а симпатіи передового общества къ Некрасову въ такой мѣрѣ очевидны, что свѣтлый умъ поэта долженъ былъ превозмочь, въ концѣ концовъ, свои сомнѣнія, и Некрасовъ умиралъ въ увѣренности, что его любовь къ русской интеллигенціи, какъ носительницѣ идеаловъ гуманности и прогресса, есть любовь раздѣленная. Въ послѣднемъ изъ написанныхъ имъ стихотвореній содержится такое обращеніе къ Музѣ:

„Не плачь! Завиденъ жребій нашъ,
Не надругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій—взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную Музу“...

Справедливость подобнаго рѣшенія вопроса объ отношеніи «честныхъ сердецъ» къ поэту—внѣ всякаго сомнѣнія. Достаточно

вспомнить хотя бы нѣкоторые отзывы о немъ корифеевъ русской критики, управлявшихъ, въ значительной степени, общественнымъ мнѣніемъ страны.

«Счастливыя вдохновенія таланта»; «вы поэтъ—поэтъ истинный», «глубокій поэтическій талантъ»; «сколько скорби и желчи въ его стихѣ»; «Некрасовъ написалъ недавно страшно-хорошее стихотвореніе... Что за талантъ у этого человѣка!»—вотъ тѣ прямо-таки восторженныя восклицанія, которыми привѣтствовалъ появленія отнюдь не лучшихъ стихотвореній Некрасова («Современная ода», «Въ дорогѣ», «Родина», «Нравственный человѣкъ») величайшій изъ русскихъ критиковъ—Бѣлинскій.

Еще болѣе сочувственную оцѣнку встрѣчала поэзія Некрасова со стороны Чернышевскаго, находившаго, какъ уже указывалось нами, что у него «больше таланта, нежели у Тургенева или Толстого» и считавшаго его «лучшей, можно сказать, единственной, прекрасной надеждой нашей литературы». Не потускнѣли симпатіи Чернышевскаго къ Некрасову, не только какъ къ поэту, но и какъ къ человѣку, и послѣ его ссылки. Объ этомъ можно судить по приведенному ниже письму вилюйскаго узника къ А. Н. Пыпину (см. ст. Русанова въ «Русскомъ Богатствѣ», 1910 г. №№ 3—4).

Столь же высокаго мнѣнія держался о поэзіи Некрасова и Добролюбовъ. Ап. Григорьевъ (см. «Время» 1862 г.) называлъ его неумѣреннымъ и исключительнымъ поклонникомъ Некрасова, основываясь на слѣдующихъ словахъ знаменитаго критика (нѣкоторая неопредѣленность ихъ объясняется тѣмъ, что Добролюбову неудобно было на страницахъ «Современника» называть по имени поэта, состоявшаго редакторомъ журнала): «Послѣ нихъ (Пушкина, Лермонтова и Кольцова) нуженъ былъ поэтъ, который бы умѣлъ осмыслить и узаконить сильные, но часто случайные и какъ будто безотчетные порывы Кольцова, и вложить въ свою поэзію положительное начало, жизненный идеалъ, котораго не доставало Лермонтову. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что естественный ходъ жизни произвелъ бы такого поэта; *мы даже можемъ утверждать это*, не какъ предположеніе или выводъ, но какъ *совершившійся фактъ*». Такимъ образомъ, Добролюбовъ считалъ Некрасова преемникомъ Пушкина, Лермонтова и Кольцова, преемникомъ, который сочеталъ въ своемъ творчествѣ мотивы поэзіи двухъ послѣднихъ и, придавъ имъ отчетливость, вложилъ въ нихъ стремленіе къ положительному жизненному идеалу.

Писаревъ, этотъ безпощадный отрицатель всякой эстетики, рискнувшій посягнуть даже на авторитетъ Пушкина, для Некрасова нашелъ доброе и искреннее слово. Въ статьѣ «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» Писаревъ писалъ о Некрасовѣ: «Некрасова, какъ поэта, я уважаю за его горячее сочувствіе къ страданіямъ простого человѣка, за честное слово, которое онъ всегда готовъ замолвить за бѣдняка и угнетеннаго. Кто способенъ написать стихотворенія: «Филантропъ», «Эпилогъ къ ненаписанной поэмѣ», «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», «Саша», «Живя согласно со строгою моралью»,—тотъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что его знаетъ и любитъ живая Россія».

Такъ отзывались о Некрасовѣ руководители общественныхъ настроеній 60-хъ годовъ. Характерно, что и среди писателей со славянофильскими симпатіями Некрасовъ вызвалъ, въ общемъ, сочувственное къ себѣ отношеніе. Его высоко ставилъ Ф. М. Достоевскій. Близкій по духу этому послѣднему критикъ, Ап. Григорьевъ, хотя и считалъ, что «натура поэта тронута цивилизаціей», вслѣдствіе чего далеко не всѣ произведенія его безукоризненны, но въ конечномъ итогѣ утверждалъ, что «Некрасовъ поэтъ отъ почвы, поэтъ народный». Особенно восхищали Ап. Григорьева поэмы «Саша» и «Коробейники»; по поводу первой изъ нихъ онъ писалъ: «поразительно прекрасны ея краски... Тутъ все пахнетъ и черноземомъ и скошеннымъ сѣномъ; тутъ рожь слышно шумитъ, стонетъ и звенитъ лѣсъ; тутъ все живетъ, отъ березы до муравья или зайца, и самый складъ рѣчи вѣетъ народнымъ духомъ» («Время» 1862 г.).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что, на ряду со столь благопріятной критической оцѣнкой, Некрасову приходилось иногда подвергаться и ожесточеннымъ нападкамъ. О травлѣ его реакціонной печатью, носившей явно тенденціозный характеръ, говорить не стоитъ; зато не безынтересно отмѣтить, что нѣкоторые изъ писателей 40-хъ годовъ, не исключая такихъ выдающихся какъ, напримѣръ, Тургеневъ, отрицали въ немъ какой бы то ни было поэтическій даръ и не вѣрили въ его искренность. Впрочемъ, относительно мнѣній Тургенева по данному вопросу приходится сказать, что они отличались нѣкоторою неустойчивостью. Въ противорѣчіе съ цѣлымъ рядомъ своихъ чрезвычайно рѣзкихъ, если не сказать болѣе, отзывовъ, Тургеневъ въ письмѣ къ Стасюлевичу отъ $^{16}/_{4}$ февраля 1878 г. говоритъ слѣдующее («Ста-

сюлевичъ и его современники», т. III): «Сегодня пришелъ февральскій № «В. Е.». Я немедленно прочелъ Вашу статейку о Некрасовѣ и нахожу, что опредѣленіе самой сущности и свойства его таланта—совершенно правдиво и вѣрно:—я бы готовъ обѣими руками подписаться подъ Вашими строками». Стасюлевичъ же въ своей, въ общемъ, довольно сдержанной статьѣ, писалъ: «она (муза Некрасова) будила совѣсть общества; благодаря таланту поэта, она успѣвала глубоко проникнуть въ душу даже тѣхъ, кого подчасъ корила... Мы не поколеблемся признать его (Н—ва) замѣчательнымъ художникомъ» и т. д.

Своя братія, поэты, также не слишкомъ благосклонно относились къ Некрасову. Извѣстны стихотворные памфлеты противъ него Никитина (стих. «Обличитель чужого разврата», 1860 г.) и Фета («На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ!», 1866 г.). Владиміръ Соловьевъ уже послѣ смерти Некрасова, въ свою очередь, посвятилъ ему негодующее стихотворное обличеніе («Восторгъ души разсчетливымъ обманомъ...»).

Число подобныхъ рѣзко-отрицательныхъ отзывовъ о Некрасовѣ и его поэзіи можно было бы значительно увеличить, но, во всякомъ случаѣ, всѣ они, взятые вмѣстѣ, не въ состояніи подорвать значеніе того факта, что «властители думъ» 40—60 гг. были всецѣло на сторонѣ Некрасова, а вслѣдъ за ними ему горячо симпатизировала наиболѣе прогрессивная и демократически настроенная часть русской интеллигенціи. Въ особенности оживились эти симпатіи въ послѣдніе годы жизни Некрасова. Чтобы не быть въ этомъ случаѣ голословнымъ, сошлемся на нѣкоторыя фактическія данныя: Гр. Зах. Елисеевъ, близко знавшій Некрасова, утверждаетъ въ своей статьѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Внутреннее обозрѣніе», 1878 г. № 1), вырѣзанной, кстати сказать, цензурой и извѣстной лишь по случайно сохранившимся оттискамъ, что «съ распространеніемъ вѣсти объ его (Некрасова) болѣзни по Россіи, ему стали присылаться сочувственныя телеграммы съ разныхъ концовъ Россіи. Это подѣйствовало благотворнымъ образомъ на поэта». Въ особенности растрогало Некрасова участіе сибиряковъ. Въ своемъ дневникѣ, относящемся къ лѣту 1877 г., больной поэтъ, упомянувъ о двухъ телеграммахъ, полученныхъ имъ изъ Сибири, съ двумя десятками подписей, пишетъ: «я хотѣлъ сдѣлать намекъ въ стихотвореніи «Баюшки-баю»—и было тамъ четыре стиха:

„И ужъ несетъ изъ дебрей снѣжныхъ
На гробъ твой лавры и вѣнецъ
Друзей невѣдомыхъ и нѣжныхъ
Хранимый Богомъ посланецъ".

Да побоялся, не глупо ли будетъ»... Въ нашемъ распоряженіи имѣется текстъ этихъ телеграммъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ отправленная изъ Ирбита 17-го февраля 1877 г. на имя А. С. Суворина. Вотъ она: «Просимъ васъ сказать Некрасову, что его обутая широкимъ лаптемъ муза мести и печали давно протоптала глубокую тропу въ наши простыя сердца; пусть онъ выздоравливаетъ, пусть онъ встанетъ и доскажетъ намъ, кому живется весело, вольготно на Руси, и почему умираютъ и собираются умирать лучшія наши надежды. Это говорятъ сибиряки со всѣхъ концовъ Сибири». Подписавшія телеграмму лица указывали мѣста своего постояннаго жительства: Тюмень, Туринскъ, Ишимъ, Омскъ, Томскъ, Иркутскъ, Нерчинскъ, Якутскъ. Такимъ образомъ, не рискуя впасть въ преувеличеніе, можно сказать, что по всей Сибири были разбросаны друзья и поклонники Некрасова.

Еще бо̀льшую радость, чѣмъ сибирскія привѣтствія, принесли, надо думать, Некрасову адреса четырехъ высшихъ учебныхъ заведеній: С.П.Б. университета, медико-хирургической Академіи, Харьковскаго университета и Харьковскаго ветеринарнаго института. Объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ врученъ Некрасову коллективный адресъ первыхъ двухъ учебныхъ заведеній, разсказываетъ Елисеевъ въ той же статьѣ. «Когда,—пишетъ Елисеевъ,—я пришелъ предувѣдомить покойнаго, что къ нему черезъ часъ явятся три депутата отъ студентовъ съ заявленіемъ сочувствія ему и общей скорби студентовъ объ его болѣзни, онъ, видимо, очень обрадовался. «Мнѣ очень это пріятно, сказалъ онъ мнѣ:—но я боюсь, чтобы это не было какъ-нибудь дурно истолковано для нихъ, чтобы не вышло чего... Да и ахъ, Боже мой! чѣмъ я ихъ отблагодарю»... Я успокоилъ его, сказавъ, что студенты желаютъ одного только, чтобы онъ ихъ принялъ, чтобы они могли ему высказать свои чувства, а затѣмъ они будутъ довольны всѣмъ, что онъ ни дастъ имъ на память. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого пришли студенты... Приблизившись къ постели Некрасова, одинъ изъ студентовъ объяснилъ цѣль ихъ прихода. Другой прочелъ краткую, заранѣе приготовленную рѣчь, покрытую подписями студентовъ, въ которой выяснялось значеніе поэзіи Некрасова для Россіи и молодого поколѣнія. Третій сдѣлалъ болѣе

пространный устный комментарій къ прочитанной рѣчи, который дышалъ задушевною привязанностью къ поэту. Поэтъ былъ такъ тронутъ и взволнованъ, что обѣ рѣчи слушалъ со слезами. Я увѣренъ, что онъ переживалъ въ это время лучшія минуты въ своей жизни, и не могу не прибавить къ этому, что счастливая мысль молодого поколѣнія заявить свое сочувствіе больному поэту была лучшимъ лѣкарствомъ для него. Она умиротворила его мятущуюся душу, давъ ему ясно уразумѣть, что враги его напрасно ликовали, что за него—Россія и ея молодое поколѣніе». «Покрытая подписями рѣчь», о которой говоритъ Елисѣевъ, представляетъ собой какъ бы отвѣтъ на одно изъ стихотвореній Некрасова, написанное въ 1876 г. и напечатанное въ январской книжкѣ «Отеч. Записокъ» за 1877 г. въ отдѣлѣ «Послѣднія пѣсни». Напоминаемъ первыя строчки этого стихотворенія:

„Скоро стану добычею тлѣнья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожалѣнья,
Да и некому будетъ жалѣть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжалъ;
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ....“ и т. д.

Адресъ петербургскаго студенчества, насколько намъ извѣстно, еще не былъ нигдѣ напечатанъ, а потому приводимъ его полностью:

«Прочли мы твои «послѣднія пѣсни», дорогой нашъ, любимый Николай Алексѣевичъ, и защемило у насъ сердце: тяжело было читать про твои страданія, невмоготу услышать твое сомнѣніе: «да и некому будетъ жалѣть». Себялюбивъ, правда, тотъ родъ, которому ты лирой своей не стяжалъ блеска, и не онъ тебя пожалѣетъ. Теменъ народъ нашъ и не скоро еще узнаетъ тебя. Но зачѣмъ же забылъ ты насъ, учащуюся русскую молодежь? Много, правда, темныхъ сторонъ найдешь ты въ насъ, но несемъ мы въ сердцахъ могучую, святую любовь къ народу, ту любовь, что ужъ многимъ стоила свободы и жизни.

Мы пожалѣемъ тебя, любимый нашъ, дорогой пѣвецъ народа, пѣвецъ его горя и страданій; мы пожалѣемъ того, кто зажигалъ въ насъ эту могучую любовь къ народу и воспламенялъ ненавистью къ его притѣснителямъ.

Изъ устъ въ уста передавая дорогія намъ имена, не забудемъ мы и твоего имени и вручимъ его исцѣленному и прозрѣвшему народу, чтобы зналъ онъ и того, чьихъ много добрыхъ сѣмянъ упало на почву народнаго счастья.

Знай же, что ты не одинокъ, что взлелѣетъ и возраститъ сѣмена эти всей душой тебя любящая, учащаяся молодежь русская».

Въ подобномъ же задушевномъ тонѣ составленъ наполовину стихотворный адресъ: «отъ Харьковскихъ студентовъ Университета и Ветеринарнаго института».

Вотъ его полный текстъ:

„Напрасна мысль, что ты и жилъ
И умираешь нелюбимъ
Никѣмъ, что рокъ тебѣ сулилъ
Народу быть всегда чужимъ.

Пѣвецъ народныхъ золъ и бѣдъ,
Пѣвецъ крестьянскаго труда,
Ты былъ намъ дорогъ съ дѣтскихъ лѣтъ—
И будешь дорогимъ всегда.

И наша „сѣрая толпа“
Тебя когда-нибудь прочтетъ,
Отъ „лаптя“ бѣднаго тропа—
Къ тебѣ, повѣрь, не заростетъ.

Мы вѣримъ, что наступитъ день,
Собою мракъ онъ замѣнитъ,
Прогонитъ ночи долгой тѣнь,
И солнце ярко заблеститъ.....

На пѣсни скорбныя твои
Мы шлемъ сердечный нашъ отвѣтъ:
На пользу родины живи,
Живи, любимый нашъ поэтъ!!.“

Уважаемый, дорогой Николай Алексѣевичъ.

Въ первой книжкѣ, за этотъ годъ, наиболѣе симпатичнаго намъ, молодежи, періодическаго изданія—мы прочли Ваши страдальческія «Послѣднія пѣсни». Неужели имъ суждено быть, дѣйствительно, Вашею послѣднею «лебединою пѣснью»? Грустно, тяжело, больно было бы даже думать о возможности потери нашего дорогого, любимаго поэта...

Нѣтъ! мы не допускаемъ этой возможности, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Мы надѣемся, что Вы будете жить и жить!

Вы говорите, что Васъ «некому будетъ жалѣть». Это насъ огорчило и удивило. Въ нашемъ «обществѣ» такъ много людей *воспитавшихся* на Вашихъ стихахъ, людей, для которыхъ Ваше имя нераздѣльно съ представленіемъ о лучшей здоровой части нашей литературы. Для насъ, молодежи, Вы всегда были однимъ изъ

„претерпѣвшихъ борьбу многолѣтнюю
и устоявшихъ въ борьбѣ"...

Горячее сочувствіе къ Вамъ одушевляетъ добрую часть русской молодежи. Простите неумѣлость нашихъ стиховъ, безыскуственность и, можетъ быть, даже грубость формы нашего адреса. Обратите вниманіе на чувство, которое побудило нижеподписавшихся отправить Вамъ эти строки».

Подъ петербургскимъ адресомъ стоитъ 395 подписей, подъ харьковскимъ—245. Такимъ образомъ, привѣтствія, заявленныя этими адресами, исходили отъ 640 студентовъ, цифра для 70-хъ годовъ весьма и весьма солидная. Основываясь на ней, можно говорить о сочувственномъ отношеніи къ Некрасову уже не отдѣльныхъ студенческихъ группъ, а всей передовой молодежи того времени, въ особенности той ея части, которая свою любовь къ народу готова была свидѣтельствовать потерей свободы и жизни.

Кромѣ коллективныхъ телеграммъ и адресовъ, передъ нами лежитъ цѣлая кипа писемъ отъ отдѣльныхъ лицъ, безызвѣстные авторы которыхъ, кто въ стихахъ, а кто въ прозѣ, наперерывъ выражаютъ больному поэту свои любовь и участіе. Вотъ нѣсколько отрывковъ, взятыхъ изъ этихъ писемъ наудачу. Нѣкій Вл. М., утверждая въ одномъ изъ присланныхъ Некрасову стихотвореній, что родина всей душой любитъ своего поэта, и потому не заслуживаетъ упрека въ равнодушномъ къ нему отношеніи, въ другомъ стихотвореніи восклицаетъ:

Крѣпись поэтъ!... съ недугомъ битва
Тебя въ могилу не сведетъ...
Предъ небомъ теплая молитва
Твоихъ друзей не пропадетъ!...
Тебѣ погибнуть невозможно:
Ты лавровъ всѣхъ еще не взялъ,
Тебѣ народъ твой, какъ бы должно,
Свое спасибо не сказалъ...
Живи!.. Важна твоя заслуга,
Твое значенье велико!...
И ты стяжаешь имя друга—
Пѣвца народа своего.

Въ стихотвореніи «Слово правды» другой авторъ В. П., проживавшій на захолустной станціи Московско-Брестской ж. д., заявляетъ о всеобщемъ сочувствіи къ Некрасову въ постигшемъ его тяжкомъ недугѣ:

„По дальнимъ весямъ, городамъ,
Гдѣ есть языкъ лишь говорящій,
Повсюду льется къ небесамъ,
За жизнь твою напѣвъ молящій.
Возстань же отъ одра, поэтъ,
На радость русскому народу!
И пой, какъ пѣлъ бы много лѣтъ,
Его великую свободу...

Москвичъ П. М. не хочетъ вѣрить, какъ это видно изъ его стихотворенія, посвященнаго Некрасову, чтобъ поэтъ могъ умерѣть: вѣдь, онъ такъ «нуженъ» своей родинѣ, а съ его смертью «Руси солнышко пойдетъ вспять»...

Отъ имени русскихъ женщинъ Некрасова привѣтствовала въ прочувственныхъ стихахъ М. Б. Ихъ стоитъ привести безъ сокращенія:

Некрасову.

Привѣтъ тебѣ, пѣвецъ печальной женской доли,
Высокихъ подвиговъ и женъ и дочерей!
Ты въ пламенныхъ стихахъ воспѣлъ и гнетъ неволи,
И скорбный женскій трудъ, и слезы матерей.
Привѣтъ тебѣ, поэтъ, съ великою душою!
Ты міру въ повѣстяхъ правдивыхъ разсказалъ
Про гибель женскихъ силъ, задавленныхъ нуждою;
Ты понялъ женщину и за нее страдалъ.
Измученный борьбой, въ порывѣ вдохновенья,
Не „рыцаремъ на часъ“ въ тотъ незабвенный день
Ты былъ,—когда съ тоской и трепетнымъ волненьемъ
Ты страстно призывалъ къ себѣ святую тѣнь...
Нѣтъ! „рыцаремъ на часъ“ тебя не назову я!
Твой путь порывистый не сгибнетъ безъ слѣда.
Страдалъ ты глубоко, любя и негодуя,
Слезами жгучими раскаянья, стыда...
Я вѣрю, ты не разъ оплакалъ заблужденья
Души, не созданной для суеты пустой,
Души, не вѣдавшей средины въ наслажденьи,
Томимой жаждою тревоги роковой.
И вѣрь, о вѣрь, поэтъ! не всѣ сердца людскія,
Подобно „каменнымъ утесамъ“, холодны!
Есть люди—чтутъ они порывы тѣ святые,
Что муза шлетъ тебѣ въ безрадостные дни.

Но самымъ дорогимъ изъ многочисленныхъ привѣтствій, полученныхъ отъ отдѣльныхъ лицъ было, безъ сомнѣнія, для Некрасова привѣтствіе, переданное ему черезъ Пыпина Чернышевскимъ

(см. «Русское Богатство», 1910 г., № 4, ст. Н. Русанова). «Если, писалъ Чернышевскій Пыпину,—когда ты получишь мое письмо, Некрасовъ еще будетъ продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любилъ его, какъ человѣка, что я благодарю за его доброе расположеніе ко мнѣ, что я цѣлую его, что я убѣжденъ: его слава будетъ безсмертна, что вѣчна любовь Россіи къ нему, геніальнѣйшему и благороднѣйшему изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ. Я рыдаю о немъ. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ очень высокаго благородства души, и человѣкъ великаго ума. И, какъ поэтъ, онъ, конечно, выше всѣхъ русскихъ поэтовъ».

Слова Чернышевскаго были переданы по назначенію... «Скажите Николаю Гавриловичу, отвѣчалъ Некрасовъ едва слышнымъ шопотомъ, что я очень благодарю его; я теперь утѣшенъ; его слова дороже мнѣ, чѣмъ чьи либо слова». Если припомнить, что Некрасовъ видѣлъ въ Чернышевскомъ (см. стих. «Пророкъ») недосягаемо высокій образецъ гражданской доблести, то станетъ совершенно яснымъ, почему онъ былъ «утѣшенъ» привѣтомъ Чернышевскаго. Изъ его словъ, точно такъ же, какъ изъ адресовъ студентовъ, умирающій поэтъ понялъ, что общественное служеніе вдохновляющей его скорбной музы, несмотря на ошибки и паденія его личной жизни, было оцѣнено по достоинству наиболѣе передовой по взглядамъ, наиболѣе заслуженной по своей дѣятельности и наиболѣе безупречной въ нравственномъ отношеніи частью русскаго общества, которая не только не отреклась отъ него, но, видя въ немъ незамѣнимаго союзника, лобзаніемъ и слезами отозвалась на его приближавшуюся кончину.

Смерть Некрасова вызвала новый взрывъ общественныхъ симпатій къ нему, которыя особенно замѣтно проявились во время похоронъ поэта, принявшихъ характеръ мирной манифестаціи. Вотъ что собирался сказать по этому поводу внутренній обозрѣватель «Отечественныхъ Записокъ» въ своей вырѣзанной цензурой статьѣ: «Со времени Пушкина, едва ли ко гробу какого-нибудь писателя стекалось столько народу, сколько мы видѣли при гробѣ Некрасова и на панихидахъ, въ особенности же при погребеніи. Разница только въ томъ, что *иные* почитатели были при гробѣ Пушкина и *иные* при гробѣ Некрасова... Онъ (Некрасовъ) не состоялъ ни въ какой, ни въ коронной, ни въ придворной службѣ, ни по положенію, ни по связямъ онъ не принадлежалъ къ знати: онъ былъ только журналистъ и поэтъ—и ничего больше. Его

похороны были самыя скромныя; тутъ не было никакихъ атрибутовъ власти, ни блеска, ни помпы. Знать блистала своимъ отсутствіемъ при погребеніи Некрасова, конечно, потому, что она поглощена интересами болѣе важными, чѣмъ интересы литературы; толпы, т. е. простого народа, не было также на погребеніи его, потому что народъ нашъ пока безграмотенъ и не могъ ни знать поэта, ни понимать его. Публика Некрасова была совсѣмъ другая, а именно—интеллигентный міръ Петербурга: молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, профессора, литераторы, художники, образованные люди средняго сословія. Съ того самаго момента, какъ появилось извѣстіе въ газетахъ о смерти Некрасова, интеллигентный Петербургъ съ утра до ночи толпился въ его квартирѣ. Надобно было видѣть, съ какимъ непритворнымъ горемъ толпы учащейся молодежи являлись при его гробѣ, благоговѣйно склонялись на колѣни передъ гробомъ, цѣловали его руки и потомъ смѣнялись новыми толпами. Все это, что въ продолженіе трехъ дней со времени его смерти являлось на поклоненіе его гробу, стеклось на его погребеніе. На погребеніи Некрасова былъ, можно сказать, весь интеллигентный Петербургъ, вся лучшая будущая Россія Петербурга... Здѣсь, въ первый разъ со времени существованія русской литературы, торжественно превозглашено было съ церковной кафедры благословеніе грѣшной музѣ мірского поэта. Ни одинъ русскій поэтъ не удостоивался такой чести»...

Въ послѣднихъ словахъ Елисеева содержится намекъ на рѣчь, произнесенную свящ. М. И. Горчаковымъ, профессоромъ СПБ. Университета. Отсылая желающихъ ознакомиться съ ней подробно къ книгѣ Вл. Максимова («Литературные дебюты Н. А. Некрасова», СПБ. 1908 г., стр. 113—115), ограничимся ея заключительною частью, которую проповѣдникъ произнесъ по прочтеніи имъ покаянныхъ изліяній поэта изъ стихотворенія «Рыцарь на часъ» (самый фактъ чтенія стиховъ съ церковной кафедры, по справедливому указанію Елисеева, явленіе безпримѣрное; не даромъ рѣчь Горчакова всполошила жандармовъ, и ему, какъ онъ самъ передавалъ пишущему эти строки, пришлось имѣть непріятныя объясненія и съ церковными и съ свѣтскими властями).

«Ты, почившій, просишь прощенія и любви?—спрашивалъ проповѣдникъ.—Но тебѣ воздаются почести небывалыя у насъ, достойныя и тебя, и воздающихъ ихъ тебѣ. Онѣ воздаются тебѣ мыслящимъ классомъ и юнымъ поколѣніемъ. Почести тебѣ будутъ

возрастать съ теченіемъ времени, въ глуби вѣковъ, по мѣрѣ развитія въ народѣ сознанія постигающихъ его страдальческихъ думъ и чувствъ, художественнымъ выразителемъ которыхъ былъ ты въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Ты просишь прощенія и любви. Твои страданія искупятъ тебя. Твоя любовь къ другимъ покрываетъ тебя. Православная церковь памятуетъ слова Спасителя: кто возлюбилъ много, тому много и простится; претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ. Церковь, какъ общество, всегда хранитъ вѣру въ неувядаемую свою будущность, которая представлялась тебѣ въ твоихъ поэтическихъ видѣніяхъ, и съ православнымъ русскимъ народомъ не перестанетъ пѣть тебѣ вѣчную память. Аминь».

Кромѣ приведенныхъ фактическихъ справокъ, наглядымъ показателемъ искренности и глубины чувствъ, охватившихъ русскую интеллигенцію подъ впечатлѣніемъ кончины Некрасова, можетъ служить порожденная ею цѣлая литература некрологовъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ проникнутыхъ очень сочувственнымъ отношеніемъ къ почившему поэту.

Въ послѣдующія два десятилѣтія интеллигентскія симпатіи къ Некрасову какъ будто нѣсколько потускнѣли. Здѣсь, конечно, не осталось безъ вліянія то обстоятельство, что въ 80-ые и отчасти 90-ые годы окончательно «смолкли честные, доблестно павшіе»..., и жестокая реакція на долго воцарилась въ русской жизни. Послѣ появленія нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ для покойнаго поэта воспоминаній его современниковъ, въ правой прессѣ (напр., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») начались толки о «развѣнчанномъ Некрасовѣ». Одинъ изъ бездарныхъ поэтовъ типа чирикающей канарейки, г-нъ Льдовъ, на страницахъ неопредѣленно либеральнаго «Сѣвернаго Вѣстника» съ явнымъ злорадствомъ утверждалъ, что теперь, по истеченіи 20 лѣтъ со дня смерти Некрасова, «отъ преклоненія» предъ «его поэзіей не осталось и слѣда»... Это неприличное злорадство оказалось преждевременнымъ. Двадцатипятилѣтній юбилей поэта (1902 г.), празднованіе котораго совпало съ періодомъ, когда на «Святой Руси» стали пѣть пѣтухи, предрекая близкое наступленіе дня, когда густая мгла реакціи въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже была прорѣзана яркими лучами, пока еще невидимаго, но, несомнѣнно, поднимавшагося на политическій небосклонъ освободительнаго солнца,—доказалъ проч-

ность предсказаннаго поэтомъ союза между его скорбною музой и честными сердцами. По справедливому наблюденію г-на Венгерова (см. «Вѣстникъ и библіотека самообразованія», № 1, 1903 г.), въ Россіи не было такого медвѣжьяго уголка, гдѣ бы такъ или иначе не было отмѣчено 27-ое декабря, не было той маленькой провинціальной газеты, которая бы не постаралась дать спеціально «Некрасовскій номеръ». Симпатіи къ Некрасову были высказаны на страницахъ какъ солидныхъ столичныхъ органовъ, такъ и скромныхъ провинціальныхъ изданій; какъ популярными критиками и журналистами, въ родѣ покойнаго Мельшина-Якубовича, Антоновича, Батюшкова, В. Розанова, Щеголева, Краних-фельда и др., такъ и скромными, сливающимися съ сѣрой массой губернскаго читателя сотрудниками всевозможныхъ «Харьковскихъ» и «Нижегородскихъ Листковъ», «Владимірскихъ газетъ», «Каспіевъ» и т. д. Признаваемое еще недавно кощунственнымъ сопоставленіе Некрасова съ Пушкинымъ стало общимъ мѣстомъ, принимая иногда довольно разнообразные оттѣнки. Въ статьяхъ писателей съ историко-литературнымъ опытомъ и образованіемъ высказывались по этому вопросу такія, примѣрно, сужденія: «За Пушкинымъ и Лермонтовымъ непосредственно стоитъ Некрасовъ, который не только не былъ заслоненъ никѣмъ изъ послѣдующихъ поэтовъ, но не имѣлъ себѣ равнаго даже въ ряду далеко недюжинныхъ поэтовъ послѣ-пушкинской эпохи» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1902 г. 15 дек. ст. Батюшкова), или: «Кто представители русской поэзіи? Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ; такъ, навѣрное, отвѣтитъ даже врагъ некрасовской поэзіи, если предложить ему этотъ вопросъ неожиданно, врасплохъ. Вычеркните Некрасова—пробѣлъ огромный, зіяющій: это ужъ будетъ не та русская литература, которую мы знаемъ, характеръ ея измѣнился» («Новости» 1902 г. 22 дек. ст. Энгельгардта).

На ряду съ этими, по существу своему совершенно справедливыми отзывами, въ юбилейной литературѣ, главнымъ образомъ, провинціальной, встрѣчаются, быть можетъ, менѣе продуманныя, но безусловно искреннія сужденія—дифирамбы.

Такъ въ газетѣ «Каспій» (1902 г. 30 дек.) было напечатано: «Всякій великій поэтъ рождаетъ школу. И у насъ—русскихъ, двѣ такихъ школы: пушкинская и некрасовская... Рано или поздно имя Некрасова будетъ любимѣйшимъ именемъ русскаго народа, ибо для него ни одинъ нашъ поэтъ не сдѣлалъ столько, сколько Некрасовъ».

Въ «Пермскомъ краѣ» (1902 г. 25 дек.) оттѣнялось даже нѣкоторое преимущество Некрасова надъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, которые «несмотря на ихъ порой сочувственное отношеніе къ народу, не могли подняться до служенія этому народу, они до конца остались только эстетиками и художниками. Ни воспитаніе, ни среда не могла сдѣлать ихъ народными писателями, защитниками народныхъ интересовъ, для этого они слишкомъ удалились отъ него, между ними и народомъ лежала глубокая пропасть, и тайники народнаго горя остались навсегда закрытыми для нихъ».

Мы намѣренно остановились на этихъ сужденіяхъ, такъ какъ они убѣждаютъ, что мнѣніе, впервые прозвучавшее у свѣжей могилы Некрасова и поддержанное собравшейся почтить память усопшаго молодежью, мнѣніе, что Некрасовъ выше Пушкина, несмотря на свою очевидную для объективнаго изслѣдователя несправедливость, до сихъ поръ находитъ себѣ приверженцевъ. Не является ли этотъ фактъ наилучшимъ подтвержденіемъ, какъ безконечно дорога «муза мести и печали» нашему рядовому интеллигенту, и надо ли удивляться послѣ этого, что авторовъ нѣкоторыхъ юбилейныхъ статей не удовлетворило наименованіе поэтическаго дара Некрасова—талантомъ? Такъ, «Владимірская Газета» (1902 г. 25 дек.) признала за Некрасовымъ право на имя поэта-генія. Того же мнѣнія держалось и «Литературное Обозрѣніе» (1902 г. № 11), которое находило, что, кромѣ геніевъ, принадлежащихъ всему человѣчеству, существуютъ поэты-геніи принадлежащіе только своей странѣ. Таковы Гейне для Германіи, Бернсъ для Англіи, Беранже для Франціи. Таковъ же и Некрасовъ.

Говоря объ отношеніи общества къ Некрасову, проявившемся во время юбилея 1902 г., необходимо сказать нѣсколько словъ объ анкетѣ среди наиболѣе выдающихся современныхъ дѣятелей литературы, организованной редакціей московской газеты «Новости дня», цѣлью которой являлось выясненіе вопроса, «отжилъ ли Некрасовъ».

Нельзя не отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ на анкету прозвучали довольно скептическія ноты. Такъ Л. Андреевъ высказался въ томъ смыслѣ, «что въ настоящее время Некрасовъ уважаемъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и менѣе чѣмъ когда-нибудь читаемъ». Максимъ же Горькій, хотя и принялъ участіе въ анкетѣ, однако, съ первыхъ словъ заявилъ, что отказывается отвѣтить

на вопросъ, поэтъ ли Некрасовъ, такъ какъ считаетъ самое понятіе «поэтъ» недостаточно опредѣленнымъ.

Несмотря на скептическій привкусъ, чувствующійся въ этихъ сужденіяхъ, нельзя не признать, что они далеки отъ прямого отрицанія Некрасова, какъ поэта. Однако, и вполнѣ отрицательный взглядъ на него все еще встрѣчаетъ своихъ послѣдователей. Однимъ изъ послѣднихъ является, повидимому, Л. Н. Толстой, который незадолго до юбилея въ предисловіи къ роману фонъ-Поленца «Крестьянинъ» заявилъ, что отрицаетъ у Некрасова всякій поэтическій даръ. *)

Какъ ни авторитетны въ вопросахъ оцѣнки художественныхъ произведеній такіе писатели, какъ Л. Андреевъ и М. Горькій однако, ихъ скептическіе голоса потерялись въ общемъ хорѣ чрезвычайно благопріятныхъ для Некрасова отзывовъ, присланныхъ въ отвѣтъ на анкету лицами, имѣющими полное право быть причисленными къ виднымъ представителямъ общественнаго мнѣнія. И покойный А. П. Чеховъ, и Боборыкинъ, и Златовратскій, и Минскій, и Брюсовъ, и Бунинъ, и Рѣпинъ, и Волынскій на вопросъ, отжилъ ли Некрасовъ, отвѣтили отрицательно, признавая его вмѣстѣ съ гѣмъ истиннымъ и крупнымъ поэтомъ. Приведенный нами перечень именъ доказываетъ, что не одни писатели общественники обнаруживаютъ теплое отношеніе къ Некрасову. Представители индивидуалистическихъ теченій въ литературѣ, которыхъ по тонкости ихъ настроеній, по проникающему все существо ихъ эстетизму, многіе склоняются считать сливками и цвѣтомъ русской интеллигенціи, руководители и главари современнаго модернизма, заявляютъ себя восторженными цѣнителями некрасовскихъ произведеній.

Валерій Брюсовъ, отозвавшись въ началѣ своего отвѣта на анкету объ отрицательной оцѣнкѣ некрасовскихъ стиховъ Тургеневымъ, какъ о «грубой несправедливости», утверждаетъ, что «у Некрасова самобытный складъ стихотворной рѣчи, свои, ему одному свойственные, размѣры и формы: это внѣшніе, но безошибочные признаки истиннаго дарованія. Некрасовскіе стихи легко узнать безъ подписи: у него свое лицо; это не безличный стихъ нынѣшнихъ эпигоновъ гражданской поэзіи. Послѣ Пушкина и Лермон-

*) Есть основаніе, однако, думать, что это сужденіе Толстого имѣло нѣсколько случайный характеръ. Изъ дневника Гусева явствуетъ, что Толстой зналъ наизусть и высоко ставилъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Некрасова.

това Некрасовъ запѣлъ на особый ладъ, не подражая своимъ учителямъ,—что тоже доступно только большимъ дарованіямъ. Некрасовъ сумѣлъ найти красоту въ такихъ областяхъ, передъ которыми отступили его предшественники. Его сумрачныя картины сѣвернаго города могутъ посоперничать съ лучшими страницами Бодлера... Какъ никто умѣетъ Некрасовъ пользоваться образцами русскаго сказочнаго міра. Въ описаніяхъ природы онъ достигаетъ иногда почти Тютчевской зоркости».

Не менѣе интересенъ отзывъ и другого корифея модернистской поэзіи—К. Бальмонта. Онъ посвятилъ Некрасову превосходную статью въ журналѣ «Новый Путь» (1903 г. № 3). Неотразимая обида, ощущеніе клеймящихъ орудій, заложенныя безчеловѣчнымъ общественнымъ порядкомъ,—вотъ ключъ, по мнѣнію Бальмонта, къ поэзіи Некрасова, который занимаетъ равноправное мѣсто въ ряду семи великихъ русскихъ поэтовъ XIX вѣка (Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ, Фетъ, Кольцовъ, Баратынскій). «Некрасовъ»,—заключаетъ Бальмонтъ свою статью,—«первый, посмѣвшій создать музыку диссонансовъ и живопись уродства, онъ многослитный возгласъ боли и негодованія. Мы съ дѣтства узнаемъ черезъ него, что есть тюрьмы и больницы, чердаки и подвалы; онъ до сихъ поръ говоритъ намъ, что вотъ въ эту самую минуту, когда мы здѣсь дышимъ, есть люди, которые задыхаются».

Характерно, что сужденія Бальмонта и Брюсова о Некрасовѣ, являясь отраженіемъ ихъ личныхъ взглядовъ, могутъ быть признаны въ то же время типичными для всего модернистскаго теченія: по крайней мѣрѣ, о своемъ сочувственномъ отношеніи къ поэту въ наши дни высказались печатно и другіе модернисты, напр., Андрей Бѣлый, Борисъ Садовскій, Александръ Блокъ.

Намѣренно краткій, отнюдь не преслѣдовавшій цѣлей исчерпывающей полноты обзоръ тѣхъ, по преимуществу, литературныхъ явленій и фактовъ, въ которыхъ сказалось отношеніе культурныхъ классовъ общества къ Некрасову, все же дастъ достаточное основаніе утверждать, что великая любовь поэта къ интеллигенціи, о которой мы говорили въ одной изъ предыдущихъ статей, за ея сочувствіе родному прогрессу, за ея самоотверженное служеніе народу никоимъ образомъ не было любовью нераздѣленной.

V. НЕКРАСОВЪ И ЧИТАТЕЛИ ИЗЪ НАРОДА.

Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...

Какъ ни лестно быть вдохновителемъ освободительныхъ порывовъ интеллигентныхъ круговъ и пользоваться среди нихъ горячею любовью и широкою популярностью,—не о томъ, конечно, мечталъ Некрасовъ, когда обращался къ друзьямъ съ пожеланіемъ:

„Вамъ же не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе ланти народные
Къ ней проторили пути".

Еще въ 50-хъ годахъ, возражая Боткину и его единомышленникамъ, настойчиво совѣтовавшимъ ему бросить «воспѣвать любовь ямщиковъ, огородниковъ и всю эту деревенщину» и перейти къ болѣе возвышеннымъ сюжетамъ, которые могли бы заслужить одобреніе «изящной женщины съ поэтическимъ чутьемъ», Некрасовъ говорилъ: «мое авторское самолюбіе вполнѣ было бы удовлетворено, если бы хотя послѣ моей смерти русскій мужикъ читалъ бы мои стихи!» (См. книгу Панаевой-Головачовой «Русскіе писатели и артисты» стр. 370). Въ это время, какъ и многіе въ началѣ «эпохи великихъ реформъ», поэтъ былъ настроенъ довольно оптимистически. «Мнѣ лучше тебя извѣстно,—утверждалъ онъ въ спорѣ съ Боткинымъ,—что есть много грамотныхъ мужиковъ, да и скоро русскій народъ поголовно будетъ грамотенъ, несмотря на то, что у него нѣтъ учителей».

Вскорѣ, однако, поэту пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ на быстрый ходъ россійскаго прогресса, и одно изъ главныхъ разочарованій принесло, какъ мы указывали, сознаніе, что крестьянскій вопросъ разрѣшенъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Сообразно съ этимъ и мечты Некрасова на популярность въ

народной средѣ должны были разсѣяться. Разъ «въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго» попрежнему царятъ «бѣдность, невѣжество, мракъ» (см. стих. «Время то есть, да писать нѣтъ возможности»), то мечтать о пріобщеніи его къ литературнымъ интересамъ не приходится. «Хлѣба съ бересточкой вдоволь хватило бы, гдѣ ужъ намъ книжки читать»—вотъ стереотипный отвѣтъ крестьянина, отвѣтъ, способный уничтожить всякія иллюзіи на этотъ счетъ. И некрасовскія иллюзіи также оказались уничтоженными. «Пѣснь моя безслѣдно пролетѣла, и до народа не дошла она» (стих. «Неизвѣстному другу»), писалъ поэтъ въ 1867 г., и эти же слова въ не менѣе категорической формѣ повторилъ наканунѣ своей смерти: «Я настолько же чуждымъ народу умираю, какъ жить начиналъ»,—читаемъ мы въ стихотвореніи конца 1876 г. «Скоро стану добычею тлѣнья». Относительно будущаго поэтъ былъ настроенъ, повидимому, не столь пессимистически. Среди предсмертнаго томленія до него доносились звуки родного голоса, шептавшаго ему слова отрады и утѣшенія:

„Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...“

(стихотвореніе «Баюшки-баю» 1877 г. 3-го марта).

Прежде чѣмъ остановиться на вопросѣ, обманывался ли Некрасовъ въ этихъ надеждахъ, приведемъ нѣсколько фактовъ, рисующихъ отношеніе единичныхъ личностей изъ крестьянской среды къ его поэзіи при его жизни. Въ данномъ случаѣ говорить приходиться именно объ единичныхъ личностяхъ, такъ какъ о стихахъ Некрасова имѣли нѣкоторое понятіе почти исключительно тѣ крестьяне, которые были близки къ нему лично. Сестра поэта разсказываетъ въ своихъ замѣткахъ о немъ, что онъ читалъ только что сочиненныхъ «Коробейниковъ» своему постоянному товарищу по охотѣ крестьянину дер. Орлово, находящейся вблизи Грешнева, Кузьмѣ Ефимовичу Солнышкову. Посвящена же эта поэма, какъ извѣстно, другому спутнику Некрасова въ его охотничьихъ скитаніяхъ «другу-пріятелю Гаврилѣ Яковлевичу, крестьянину деревни Шоды, Костромской губерніи». Гаврила Яковлевичъ, человѣкъ, надо думать, грамотный и довольно развитой, повиди-

мому, былъ хорошо знакомъ съ текстомъ «Коробейниковъ». Объ этомъ можно судить по надписи на фотографической карточкѣ, присланной имъ Некрасову, которая изображаетъ Гаврилу въ охотничьемъ нарядѣ, съ ружьемъ и собакой; приводимъ эту надпись дословно:

«Христосъ Воскресе!
Почтенный бояринъ
Николай Алексѣевичъ
Господинъ Некрасовъ
20-го Апрѣля 1869 г.
Кострома.
Не побрезгуй на подарочкѣ,
А увидимся опять,
Выпьемъ мы по доброй чарочкѣ,
И отправимся стрѣлять.

—

Отъ друга-пріятеля
крестьянина деревни
Шоды Гаврилы Яковлева».

Дворовый Некрасовыхъ Сергѣй Семеновичъ Полянинъ, о которомъ мы уже неоднократно упоминали, оказался настоящимъ знатокомъ произведеній Ник. Ал—ча. Въ подтвержденіе сошлемся на наши личныя впечатлѣнія. Въ бесѣдѣ съ нами (лѣтомъ 1913 г.) Полянинъ, отзываясь о Некрасовѣ, какъ о «народникѣ», знавшемъ житье-бытье крестьянское и любившемъ народъ всею душою, совершенно неожиданно для насъ прибавилъ: «А ужъ стихи какъ писалъ! Нѣтъ книжки то у меня со стихами его, да все же многое до сихъ поръ наизусть помню». Присутствовавшая въ избѣ жена Полянина подхватила послѣднія слова мужа и, обратившись къ намъ, заявила:

— Вѣдь онъ до страсти любитъ Миколая Алексѣевича стихи говорить; какъ станетъ говорить, такъ заслушаешься. Ну, Сергѣй Семеновичъ, начинай!

Лицо старика-Полянина приняло благоговѣйное, почти молитвенное выраженіе; медленно, немножко нараспѣвъ, четко и выразительно онъ началъ:

Въ счастливой Москвѣ, на Неглинной,
Со львами, съ рѣшеткой кругомъ,
Стоитъ одноко. старинный,
Гербами украшенный домъ"... и т. д.

Послѣ третьей строфы голосъ чтеца пресѣкся, въ немъ явственно звучали слезы; видно, одолѣвали Сергѣя Семеновича тяжелыя воспоминанія... Мы сочли неловкимъ продолжать свои разспросы, такъ какъ разговоръ о Некрасовѣ и его отцѣ черезчуръ ужъ волновалъ больного старика и покинули его избу.

Впослѣдствіи, исполняя нашу просьбу, съ С. С. Полянинымъ бесѣдовалъ на ту же тему сынъ мѣстнаго священника В. С. Филагріевскій. Полянинъ прочелъ ему стихотвореніе «Знахарка», а потомъ заявилъ, что зналъ много стихотвореній, но теперь уже позабылъ и не можетъ прочитать, а помнитъ только содержаніе стихотвореній. Напримѣръ, помнитъ, что въ одномъ стихотвореніи Ник. Ал—чъ «описалъ дорогу отъ Ярославля до Грешнева», припоминаетъ также стихотвореніе о томъ, «какъ собаки разорвали курицу». Говоря объ этомъ стихотвореніи, Полянинъ съ особымъ удовольствіемъ отмѣтилъ, что «названіе собакъ изъ точки въ точку», т. е. сохранены и подобраны въ риѳму дѣйствительныя ихъ клички. На вопросъ г. Филагріевскаго, откуда Полянинъ знаетъ эти стихотворенія, онъ отвѣтилъ, что Н. А. «въ Петербургѣ издавалъ «Современникъ» и присылалъ отцу»; въ «Современникѣ» онъ ихъ и читалъ.

Единственный выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать изъ приведенныхъ фактовъ,—это тотъ, что некрасовскіе стихи, случайно дѣлаясь извѣстными отдѣльнымъ личностямъ изъ крестьянъ, имъ нравились, а иногда запоминались даже наизусть. Быть можетъ, учитывая это обстоятельство, Некрасовъ и рѣшилъ предпринять изданіе «Красныхъ книжекъ» для народа, о чемъ уже было сказано выше. Къ послѣднимъ годамъ жизни поэта число крестьянъ, знакомыхъ съ его стихами, надо думать, нѣсколько возросло: Некрасова уже читали не только его знакомцы, въ родѣ Гаврилы Яковлева и Сергѣя Полянина, но и кой-кто изъ грамотныхъ крестьянъ вообще. Въ февралѣ 1877 года поэтъ получилъ письменное привѣтствіе группы крестьянъ, составленное, повидимому, полуинтеллигентомъ крестьянскаго происхожденія; приводимъ его съ соблюденіемъ орфографіи подлинника: «Николай Алексѣевичъ! мы просимъ васъ принять отъ среды нашей крестьянской молодежи искреннее наше чувство признательности и благодарности за ваши труды, какъ близкаго и дорогого нашему сердцу народнаго поэта. Мы желаемъ вамъ еще много лѣтъ здравствовать. И въ песняхъ своихъ обрисовывать бытъ нашего мужика.

Мы привыкли слышать ваши слова въ которыхъ родныя и милыя, нашему сердцу несутся звуки плача, и стона нашего любезнаго простолюдина въ борьбѣ за свое существованіе».

Въ маѣ того же года Некрасову было послано слѣдующее посвященное ему стихотвореніе С. Дрожжина, только что начинавшаго тогда свою литературную дѣятельность:

Н. А. Некрасову.

(По прочтеніи Его послѣднихъ пѣсенъ).

Нѣтъ, ты еще пѣсенъ послѣднихъ не спѣлъ,
Пѣвецъ нашъ, любимецъ народный,
И рано болящей душой усмотрѣлъ
Злой призракъ могилы холодной.
Хоть терны язвили тебя на пути;
И мучили съ страшною силой,
Но съ горечью въ пѣсняхъ послѣднихъ „прости“
Не скажешь ты родинѣ милой.
Возстань же отъ скорбнаго ложа опять,
Пусть пѣсня твоя раздается
Народной Любовью; и родина мать
На каждый твой вздохъ отзовется.

Крестьянинъ
Май 1877 г. СПБ. Спиридонъ Дрожжинъ.

Отрывочные факты, приведенные нами, само собой разумѣется, не таковы, чтобы основываясь на нихъ, можно было даже ставить вопросъ хотя бы о минимальной популярности поэта въ крестьянскихъ кругахъ при его жизни. Они могли представлять для Некрасова только тотъ интересъ, что позволяли разсчитывать на популярность въ будущемъ. Какъ видно изъ стих. «Баюшки-баю», поэтъ надѣялся стать извѣстнымъ народу не прежде, чѣмъ совершится коренное обновленіе русской жизни («уступить свѣту мракъ упрямый»), непремѣннымъ слѣдствіемъ котораго явится распространеніе въ широкихъ массахъ народныхъ грамотности, просвѣщенія и пріобщеніе ихъ къ интересамъ общественности и литературы. До сихъ поръ такого обновленія еще не произошло, но что оно приблизилось, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ крестьянскомъ царствѣ, еще недавно безпросвѣтно темномъ и мертвенно молчаливомъ, уже начинаютъ пробуждаться духовныя потребности и умственные запросы. Съ развитіемъ ихъ наступитъ моментъ, когда деревенская Русь узнаетъ и полюбитъ Некрасова. На это указываютъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣ-

дѣнія объ отношеніи къ Некрасову слушателя и читателя изъ народа; свѣдѣнія эти однородны въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствуютъ объ огромномъ интересѣ и искреннихъ симпатіяхъ народа къ Некрасову, пробуждающихся всякій разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣсни Некрасовской музы до него доходятъ.

Вотъ характерный въ этомъ отношеніи отзывъ одного изъ присутствовавшихъ на народномъ чтеніи лучшихъ произведеній поэта, состоявшемся въ ярославской городской безплатной читальнѣ въ дни двадцатипятилѣтняго юбилея Некрасова: «Надо было видѣть ту жадность, съ которой ловила аудиторія вѣщія слова своего поэта, надо было видѣть эти разгорѣвшіяся лица, эти глаза, неотступно, напряженно слѣдившіе за каждымъ движеніемъ лектора, надо, повторяемъ, было видѣть все это, чтобы судить, какое хорошее дѣло совершалось у насъ въ этотъ вечеръ, когда передъ изумительно чуткой, воспріимчивой толпой читали чуть ли не въ первый разъ прогремѣвшій жгучій, бичующій стихъ великаго пѣвца-народолюбца».

Авторъ настоящей статьи, которому неоднократно приходилось читать передъ народной аудиторіей и біографію поэта, и критическіе обзоры его творчества, и, наконецъ, отрывки изъ его стихотвореній, можетъ, съ своей стороны, удостовѣрить, что вниманіе, возбуждаемое къ себѣ Некрасовымъ въ народной средѣ, нельзя не считать исключительнымъ.

О томъ же говорятъ воспоминанія крестьянъ, которымъ удалось получить образованіе и овладѣть литературною рѣчью. Одни изъ такихъ воспоминаній, принадлежащія перу М. Захарова, вошли въ сборникъ «Памяти Некрасова» (Москва 1903 г.), составленный исключительно изъ статей писателей изъ народа и изданный на средства ихъ кружка. Г-нъ Захаровъ разсказываетъ о своемъ случайномъ знакомствѣ со стихами Некрасова, которые оказались у одного односельчанина, пріѣхавшаго изъ Питера, и были прочтены въ кружкѣ крестьянъ грамотнымъ плотникомъ Сергѣемъ. Автору воспоминаній въ то время было всего 10 лѣтъ; естественно, поэтому, что онъ многаго не понималъ, но все же «что-то таинственное, захватывающее духъ овладѣло имъ. Вниманіе мальчика въ такой мѣрѣ было напряжено, что нѣкоторыя четверостишія онъ «сразу запомнилъ наизусть» и не забылъ по истеченіи многихъ лѣтъ. Не менѣе заинтересовалъ Некрасовъ и взрослыхъ слушателей: они приняли горячее участіе

въ судьбѣ героевъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и неоднократно прерывали чтеца, подавая и свои мнѣнія по этому вопросу; «старшій плотникъ начиналъ горячиться, спорить, и литературный вечеръ затянулся надолго».

Отмѣченное г. Захаровымъ свойство Некрасовскихъ произведеній вызвать споры и горячій обмѣнъ мнѣній указываетъ на то, какъ глубоко задѣваютъ они крестьянскую душу, и служитъ вѣрной гарантіей ихъ будущей популярности въ народѣ. Трудно сомнѣваться, что Некрасовъ станетъ для народа тѣмъ же, чѣмъ онъ сталъ для самаго г. Захарова. «Когда я попалъ въ Москву, продолжаетъ этотъ послѣдній, и сталъ читать стихи другихъ поэтовъ, я все-таки никогда не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня чтеніемъ плотника Сергѣя Некрасовской книги. И можетъ быть къ благополучію послужило мнѣ то, что я даже не имѣлъ возможности читать полнаго собранія сочиненій Некрасова. Я взялся за него уже теперь, когда во мнѣ укрѣпилось благоговѣйное уваженіе къ таланту Пушкина и твердая любовь къ дивнымъ стихамъ Лермонтова. Иначе могъ бы совсѣмъ не читать ничего другого, будучи подавленъ «музой мести и печали». Но и послѣ всего прочитаннаго Некрасовъ казался мнѣ самымъ близкимъ, роднымъ мнѣ по духу. Мои попытки писать въ стихотворной формѣ были всегда похожи на его стихъ, пронзительно-унылый».

Въ этихъ своихъ признаніяхъ г. Захаровъ не является одинокимъ. И другіе поэты изъ народа, опрошенные изслѣдователемъ (А. И. Яцимирскимъ) по вопросу объ ихъ литературныхъ симпатіяхъ, на первое мѣсто ставили Некрасова или Кольцова и лишь затѣмъ называли Пушкина и Лермонтова. Можно считать также установленнымъ, что многіе изъ нихъ не только берутъ у Некрасова его мотивы, не только вдохновляются его настроеніемъ, но и заимствуютъ цѣлые строфы и стихи.

Къ тридцатипятилѣтію со дня смерти Некрасова въ ярославской газетѣ «Голосъ» появилась очень цѣнная своимъ фактическимъ матеріаломъ статья г. Полянова «Н. А. Некрасовъ въ деревнѣ», вполнѣ подтверждающая тѣ выводы, къ которымъ приходишь по прочтеніи воспоминаній Захарова. Интересъ статьи г. Полянова усугубляется тѣмъ, что по ней можно судить о томъ, какъ постепенно просачивается некрасовская поэзія въ народъ и какъ, соотвѣтственно съ этимъ, возрастаютъ симпатіи къ ней въ деревенской Руси.

Когда десятилѣтнимъ мальчикомъ г. Поляновъ, тогда еще ученикъ сельской школы,—это было, по всей вѣроятности, въ 80-хъ годахъ,—прочелъ крестьянамъ только что выученнаго «Школьника», оказалось, что «о Некрасовѣ никто никогда не слыхалъ». Тѣмъ не менѣе «Школьникъ» сразу заинтересовалъ крестьянъ, а авторитетъ школы, гдѣ «этому учатъ», замѣтно повысился.

Нѣсколько позднѣе, надо думать, уже въ 90-ые годы, г. Поляновъ «16-лѣтнимъ малымъ» привезъ въ родную деревню изъ города, гдѣ онъ учился въ городскомъ училищѣ, «завѣтные» два тома произведеній Некрасова и пригласилъ въ первое же воскресенье домашнихъ и кой-кого изъ односельчанъ послушать «все сполна, что пишетъ Некрасовъ про мужика». Г. Поляновъ началъ читать «Кому живется весело», и «съ первыхъ словъ чтенія произвелъ громадное впечатлѣніе. Семеро искателей вызвали у всѣхъ неподдѣльное удовольствіе. Чтеніе поминутно прерывалось замѣчаніями слушателей». Замѣчанія эти, часть которыхъ приведена въ статьѣ Полянова, указываетъ не только на то, что крестьянская аудиторія была въ высшей степени заинтересована поэмой Некрасова, но и на то, что она сумѣла вполнѣ сознательно отнестись къ ея содержанію. Весьма характерно, что «Антонъ Горемыка» Григоровича и «Записки Охотника» Тургенева, прочтенные однимъ изъ крестьянъ, знакомцевъ г. Полянова, далеко не такъ ему понравились, какъ «Кому живется весело».

Наибольшій интересъ изъ сообщаемыхъ г. Поляновымъ данныхъ представляютъ тѣ, которыя относятся уже къ 1900-мъ годамъ. Въ это время г. Поляновъ былъ земскимъ учителемъ въ селѣ, нѣсколько тронутомъ культурой: школа существовала въ немъ уже около 20 лѣтъ, при ней была устроена библіотека-читальня, поблизости находился фельдшерскій пунктъ и т. д. Хотя въ читальнѣ Некрасова не было, такъ какъ онъ не значился въ разрѣшительныхъ министерскихъ каталогахъ, однако, завѣдывавшему ею г. Полянову вскорѣ пришлось убѣдиться, что этотъ писатель для мѣстнаго населенія—«не диковинка». Многіе изъ крестьянъ, не зная, что въ читальнѣ сочиненій Некрасова нѣтъ, предъявляли на нихъ требованія; не только представитель сельской интеллигенціи, фельдшеръ, крестьянинъ по происхожденію, но даже школьный сторожъ оказались любителями Некрасова и декламировали наизустъ его стихи. Сторожъ, къ удивленію

Полянова, зналъ такіе стихи, которыхъ не читалъ онъ самъ, не только зналъ, но и въ высшей степени вдумчиво относился къ ихъ содержанію. Когда его вздумали было поймать на прочтенномъ имъ стихотвореніи «Еще тройка» и спросили, «куда это жандармъ везетъ господина», то онъ, не задумываясь, отвѣтилъ: «въ ссылку».

Еще болѣе важное значеніе, чѣмъ печатные матеріалы, на которые до сихъ поръ дѣлались ссылки, для выясненія отношенія къ Некрасову народа и степени знакомства съ нимъ демократическаго читателя имѣютъ отвѣты на анкету, произведенную нами весной 1913 г. при посредствѣ довольно распространеннаго именно среди демократическихъ слоевъ журнала «Жизнь для всѣхъ» (СПБ. ред. В. А. Поссе).

Анкета состояла изъ шести нижеслѣдующихъ вопросовъ:

1. Когда и при какихъ условіяхъ состоялось мое знакомство съ поэзіей Некрасова?

2. Какое впечатлѣніе она на меня произвела первоначально и какое производитъ теперь?

3. Какія стихотворенія Некрасова представляются мнѣ наиболѣе удачными и наиболѣе слабыми?

4. Какіе факты, характеризующіе отношеніе къ поэзіи Некрасова крестьянъ, рабочихъ, ремесленниковъ, мнѣ извѣстны?

5. Считаю ли я полезнымъ знакомство съ поэзіей Некрасова широкихъ массъ народныхъ, а если считаю, то почему?

6. Какими путями это знакомство легче всего могло бы осуществиться?

Отвѣчая на первый вопросъ, большинство изъ принявшихъ участіе въ анкетѣ лицъ указывало, что ихъ знакомство съ поэзіей Некрасова состоялось въ школьномъ возрастѣ, на школьной же скамьѣ. Отчасти по молодости лѣтъ, отчасти благодаря тому, что въ школьныхъ хрестоматіяхъ помѣщено очень немного отрывковъ изъ Некрасова, далеко не всѣ школьники могли сразу же оцѣнить его произведенія, но впослѣдствіи, по мѣрѣ углубленія своего знакомства съ Некрасовымъ, они проникались прямо таки благоговѣйнымъ къ нему отношеніемъ. Вотъ одинъ изъ характерныхъ отвѣтовъ, присланный вышедшимъ изъ народа сельскимъ учителемъ М.: «Мое знакомство съ поэзіей Некрасова началось еще со школьнаго возраста, когда меня заставляли, безъ сознательнаго отношенія къ поэзіи, заучивать на ряду съ другими

стихотвореніями и стихотворенія Некрасова. Такія стихотворенія его, какъ «Морозъ-воевода», «Крестьянскія дѣти» и т. д. заучивались мною съ большимъ интересомъ, но безъ всякаго сознательнаго отношенія къ нимъ. Я не видѣлъ въ нихъ разницы, отличающей ихъ отъ другихъ стихотвореній нашихъ русскихъ поэтовъ». Прошло нѣсколько лѣтъ, и авторъ письма, перешедшій въ церковно-учительскую школу, сдѣлался убѣжденнымъ и горячимъ поклонникомъ Некрасова: «Я склоненъ думать,—пишетъ онъ,—что поэзія Некрасова была, если не главнымъ, то тѣмъ не менѣе значительнымъ толчкомъ къ пробужденію во мнѣ, да и во всѣхъ моихъ товарищахъ того идейнаго настроенія, которое, обыкновенно, характеризуетъ свѣтлую сторону юношества».

Справедливость требуетъ отмѣтить, что среди школьниковъ находились столь чуткіе къ этическимъ и эстетическимъ впечатлѣніямъ натуры, что поэзія Некрасова подчиняла ихъ сразу. «Знакомство мое съ Некрасовымъ—пишетъ крестьянинъ Т.—началось изъ тѣхъ немногихъ строкъ, что допущены въ учебники церковно-приходскихъ школъ. Но мнѣ и этого было достаточно, чтобы почуять близкое и родное моему сердцу творчество».

Во многихъ случаяхъ отвѣчавшіе на анкету знакомились съ поэзіей Некрасова внѣ школы въ юношескіе годы, или даже совсѣмъ уже взрослыми; при этомъ знакомствомъ съ поэтомъ они обычно бывали обязаны представителямъ крестьянской интеллигенціи: народнымъ учителямъ и учительницамъ, фельдшерамъ, волостнымъ писарямъ и т. д. Крестьянинъ-самарецъ П. рисуетъ, напримѣръ, такую, не лишенную образности, картину: «приходитъ разъ волостная писариха (я былъ тогда помощникомъ), бывшая учительница народнаго училища, и говоритъ такъ намъ (были и другіе): «Хотите знать, кому весело, вольготно живется на Руси? Мы, конечно, въ одинъ голосъ: «Хотимъ». Она и ну намъ читать, мы рты разинули...»

Иной разъ знакомиться съ Некрасовымъ помогаетъ фабрика. Рабочій К. изъ Иваново-Вознесенска пишетъ по этому поводу слѣдующее: «первыя слова изъ незабвенныхъ его твореній я услышалъ изъ устъ фабричнаго рабочаго, когда самъ пятнадцатилѣтнимъ юношей оказался въ этой обстановкѣ. Какъ сейчасъ помню: онъ мнѣ декламируетъ «Размышленія у параднаго подъѣзда»; стихотвореніе это мнѣ такъ понравилось, вызвало такое волненіе въ моей душѣ, что я тутъ же попросилъ продиктовать его

мнѣ, а черезъ недѣлю я уже зналъ его наизустъ слово въ слово». Мастеровой В. Е. разсказываетъ въ своемъ письмѣ, какъ онъ знакомилъ крестьянъ съ поэзіей Некрасова во время случайной побывки въ деревнѣ: «въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, будучи безработнымъ, я поѣхалъ съ товарищемъ къ его знакомымъ крестьянамъ, въ глухой уголъ Тверской губ. помочь имъ устроить кредитное товарищество. Пробыли мы тамъ двѣ недѣли и между кооперативными бесѣдами устраивали литературныя чтенія. Прочтено было до 30 сочиненій лучшихъ писателей и самое огромное впечатлѣніе произвели «Морозъ красный Носъ» и «Власть тьмы». При чтеніи «Мороза» женщины чуть не плакали...»

Въ иныхъ случаяхъ, хотя надо думать, очень рѣдкихъ, знакомству съ литературой вообще, въ частности со стихами Некрасова, способствуетъ солдатчина. Такъ, въ одномъ изъ присланныхъ отвѣтовъ авторъ говоритъ, что Некрасова онъ узналъ «на солдатской службѣ: солдатъ, городской житель, далъ почитать», при чемъ, «когда давалъ, то наказывалъ: «ты только смотри— прячь ее поодаль, а то если узнаетъ кто, попадетъ и тебѣ и мнѣ».

Для нѣкоторыхъ толчкомъ, пробудившимъ интересъ къ Некрасову, послужили распѣваемые «по святой безпредѣльной Руси» его же стихи и пѣсни, главнымъ образомъ, отрывки изъ «Коробейниковъ». Желѣзнодорожный служащій Б. пишетъ по этому поводу слѣдующее: «въ 1880 году, когда мнѣ было отроду не болѣе 10 лѣтъ, я еще не зналъ грамоты, но почему-то любилъ пѣть пѣсню: «Хорошо было дѣтинушкѣ сыпать ласковы слова»... Говорили тогда, что эта пѣсня Некрасовская; я въ то время жилъ среди мастеровыхъ въ литографіи, и пѣли эту пѣсню всѣ изъ насъ съ особымъ чувствомъ, и такихъ чувствъ, какія я имѣлъ къ этой пѣснѣ, къ другимъ пѣснямъ я въ себѣ до настоящаго времени не встрѣчалъ»...

Уже по приведеннымъ, сравнительно немногимъ, цитатамъ видно, что демократическая Русь начинаетъ мало-по-малу понимать, кѣмъ былъ для нея Некрасовъ. На прояснѣніе же ея самосознанія вообще, въ частности на наростаніе интереса къ Некрасову, безъ сомнѣнія, оказали вліяніе общественно-политическіе факторы послѣдняго десятилѣтія.

Японская война, освободительное движеніе, бурныя времена

первыхъ двухъ Думъ какъ бы насильственно раскрыли сомкнутыя глубокимъ сномъ очи русской деревни. Раскрывъ же ихъ, она неминуемо должна была увидѣть и на самомъ дѣлѣ увидѣла склонившееся надъ ней, полное любви и участія лицо своего поэта, который, умирая, думалъ и мечталъ только объ одномъ—о скорѣйшемъ наступленіи «ведреннаго дня» для родного народа.

Мы настаиваемъ на этомъ выводѣ, такъ какъ онъ отнюдь не голословенъ, а основанъ опять таки на данныхъ анкеты. Въ подтвержденіе приведемъ два высоко интересныхъ письма. Казакъ Ж., отвѣчая на первый вопросъ анкеты, пишетъ: «Съ поэзіей Некрасова познакомился въ 1906 году, въ началѣ котораго я вернулся съ войны, на которую попалъ, какъ истый патріотъ. Судьба, повидимому, благоволила ко мнѣ: я остался живъ, получивъ въ награду знакъ отличія св. Георгія 4-й степени и.... и порокъ сердца... На войнѣ же со мною произошла страшная перемѣна, которую безъ войны получить мнѣ навѣрное бы не удалось, потому что изъ насъ, казаковъ, еще съ дѣтства готовится матеріалъ для выполненія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей. При выработкѣ этого матеріала, чтобы закрыть истину, стараются внушить вѣру въ такіе принципы жизни, что отдѣлаться отъ нихъ въ обыкновенное время рѣдко кому удается. Перемѣна, о которой я упомянулъ, такая, что всѣ тѣ идеалы, которымъ я поклонялся, какъ то сами собой развѣнчивались, разоблачались, падали въ моихъ глазахъ. И вотъ вслѣдствіе паденія прежнихъ идеаловъ во мнѣ появилась какая-то пустота, которую я и старался заполнить, читая все, что только мнѣ попадалось въ руки... Тутъ мнѣ попалось «собраніе сочиненій» Некрасова. Впечатлѣніе Некрасовская поэзія имѣла на меня громадное и думалось мнѣ: почему это люди, желающіе крестьянину скорѣе выбраться изъ темноты, къ свѣту и свободѣ, не догадаются распространять Некрасова».

Не мало способствовало также знакомству народа съ поэзіей Некрасова освободительное движеніе, активное участіе въ которомъ заставило тысячи крестьянъ и рабочихъ испытать сладости тюремной жизни. «Въ 1905—1906 гг.,—пишетъ одинъ изъ такихъ крестьянъ,—во время свободъ, я отдыхалъ въ тюрьмѣ отъ трудовъ праведныхъ и учился уму-разуму. Золотое и богатое воспоминаніями то было время. Для многихъ была тюрьма, но для насъ, крестьянъ, «народный университетъ». Много вышло оттуда простого деревенскаго люда съ облагороженной душой. Широкое

поле дѣятельности было тамъ для интеллигенціи, стремившейся открыть глаза и показать свѣтъ «слѣпымъ»...

Тамъ и мнѣ пришлось болѣе шире ознакомиться съ поэзіей Некрасова и Никитина, которыхъ не только я, но почти всѣ поголовно, не исключая и неграмотныхъ, изучали наизусть. О, если бы глашатаи «тащи не пускай» знали, какую пользу народу дала тюрьма, они, навѣрное, измѣнили бы свой лозунгъ!

Когда кто-нибудь декламировалъ Некрасова и Никитина, вся камера вставала на ноги и хоромъ пѣла.

Чувствовалось, что всѣ живутъ, что поэзія Некрасова какъ разъ написана и приноровлена къ настоящему моменту, что-то великое, воодушевляющее и связывающее эту черную массу въ одно цѣлое, нераздѣльное, несокрушимое. Старички крестьяне отъ умиленія чуть ли не цѣловали тѣхъ, которые удачно декламировали.—«А дывісь, баринъ, а якъ же до правди написавъ», говоритъ мнѣ одинъ старикъ, растроганный чтеніемъ «У параднаго подъѣзда». Если кто-либо падалъ духомъ, то стоило кому-нибудь сказать: «не робѣй—не пропадешь» или «не предавайся особой унылости: случай предвидѣнный, даже желательный», какъ уже грусть и уныніе спади съ лица грустившаго, а хоръ голосовъ подхватывалъ подбодряюще:

„Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденья и любовь,
Иди и гибни безупречно:
Умрешь не даромъ—дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь!

Некрасовымъ начинался и кончался день. Поэзія Некрасова еще только начинаетъ и безконечно будетъ жить въ народѣ».

Переходя къ отвѣтамъ на второй вопросъ анкеты, котораго, какъ мы видѣли, касались иной разъ и отвѣчавшіе на первый, прежде всего отмѣтимъ, что сущность ихъ рѣшительно во всѣхъ письмахъ одна и та же, а именно: Некрасовъ производитъ и на крестьянъ и на рабочихъ сильнѣйшее впечатлѣніе; различіе же между отдѣльными отвѣтами заключается обычно лишь въ большей или меньшей экспансивности выраженій. Вотъ нѣсколько эпитетовъ, употребленныхъ различными авторами для характеристики впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ Некрасовымъ: «неотразимое», «громадное», «неизгладимое», «самое сильное изъ всѣхъ» и т. д. Нѣкоторые упоминаютъ о «слезахъ, застилающихъ ихъ глаза при

чтеніи Некрасова». Такъ крестьянинъ-еписеецъ П. пишетъ о Некрасовѣ: «растревожилъ онъ наболѣвшую душу разными крестьянскими мытарствами; когда читалъ, плакалъ».

Другой авторъ, въ свою очередь, признается, что когда слуха его коснулись слова «Укажи мнѣ такую обитель», то подъ вліяніемъ ихъ глаза его заблестѣли отъ слезъ, и онъ воскликнулъ: «Некрасовъ живъ среди насъ!» «Съ того времени, такъ заканчивается это письмо, Некрасовъ не даетъ уснуть моей совѣсти: онъ стоитъ передо мною и напоминаетъ: «Доля народа, счастье его, свѣтъ и свобода—прежде всего!» и зоветъ идти по пути, который онъ освѣтилъ».

И подобное впечатлѣніе отъ некрасовскихъ стиховъ отнюдь не является мимолетнымъ. Нѣкоторые изъ принявшихъ участіе въ анкетѣ пишутъ, что «перечитываютъ Некрасова» съ такимъ же захватывающимъ интересомъ, какой испытывали при первомъ чтеніи. Крестьянинъ К. говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ Некрасовымъ, у него навсегда установилось къ нему «восторженно-умиленное отношеніе».

Другой крестьянинъ, знакомый съ великими писателями Россіи и Запада, сознается, что это знакомство не уменьшило въ его глазахъ обаянія поэзіи Некрасова: «все-таки,—пишетъ онъ,—съ чувствомъ благоговѣнія, любви перечитываешь «Морозъ Красный Носъ», и невольно къ глазамъ подходятъ слезы, спираетъ дыханіе и закрываешь книгу, чтобы успокоиться. Какія яркія незабываемыя картины русской многострадальной деревни, картины, полныя слезъ и горя!!!»

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сила некрасовскаго вліянія настолько велика, что позволительно говорить о нравственномъ перерожденіи отдѣльныхъ лицъ, благодаря чтенію Некрасова. Такъ, народная учительница изъ Сибири утверждаетъ, что ей извѣстны факты полной перемѣны жизни нѣкоторыхъ крестьянъ на «другой, лучшій ладъ», происшедшіе подъ вліяніемъ некрасовской музы. Какъ бы иллюстрацію къ ея словамъ представляютъ слѣдующія два письма. Крестьянинъ В. Т. создаетъ такую картину своего перерожденія: «Я лежалъ, втоптанный въ грязь всеобщимъ произволомъ. Кто знаетъ, сколько бы я тамъ пролежалъ, если бы не услыхалъ страшный, за душу хватающій крикъ:—«Послушайте, эй, вы, кто тамъ? Какъ вы смѣли втоптать его сюда?... Что, что такое?! Грязный?! А душа? Душу-то вы его видѣли?.. Напрасно

такъ далеко упрятана она, иначе бы всѣ ослѣпли отъ ея лучезарнаго сіянія...» И сказалъ онъ мнѣ: «Встань, возьми одръ свой и иди!» И увидѣлъ я тогда мужа прекраснаго во гнѣвѣ своемъ, съ вѣнцомъ глубокаго страданія на челѣ» (судя по дальнѣйшему содержанію письма, здѣсь разумѣется Некрасовъ).

А вотъ другое признаніе такого же рода: «Въ эти годы (т. е. въ годы перваго знакомства съ Некрасовымъ) я былъ мало развитымъ, многаго не понималъ. Слово, напримѣръ, гражданинъ, было мнѣ совершенно не знакомо и т. д. Тогда мнѣ казалось, что все то, что я видѣлъ вокругъ, какъ будто ничего, какъ слѣдуетъ; я не задавался вопросами, почему это такъ, а это—такъ; словомъ, жилъ чисто животною жизнью, растительной. По прочтеніи же Некрасова сразу какъ-то прозрѣлъ, я сталъ вдумчивѣе относиться къ окружающей меня жизни, я загорѣлся злобой къ сытымъ, довольнымъ собой».

Послѣ всѣхъ этихъ цитатъ намъ уже не покажется надуманнымъ и неискреннимъ употребленное въ одномъ изъ отвѣтовъ на анкету сравненіе впечатлѣнія, оставляемаго Некрасовымъ, съ тѣмъ «неотразимымъ чувствомъ, которое первый разъ въ жизни получаешь при смертной казни человѣка». Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что далеко не на всѣхъ Некрасовъ дѣйствуетъ столь угнетающе. Рабочій Н. такъ описываетъ свое настроеніе, когда при немъ впервые запѣли «Укажи мнѣ такую обитель»: «не знаю, чувствовалъ ли что либо пѣвшій или нѣтъ, но я переживалъ многое: мнѣ казалось, что гдѣ-то стонутъ, хуже меня люди, гдѣ-то они закованы въ цѣпи, и мнѣ хотѣлось быть великаномъ, чтобы ихъ освободить. И съ окончательными словами пѣсни: «На вѣки духовно почилъ»—мнѣ хочется крикнуть: «Скоро встанетъ!»

Подобное восторженно-умиленное отношеніе къ Некрасову—приводитъ въ конечномъ своемъ развитіи къ тому, что ему именно, а не кому-либо другому, демократическій читатель отводитъ первое мѣсто въ ряду великихъ русскихъ поэтовъ. Съ этой точки зрѣнія весьма характеренъ отзывъ одного рабочаго изъ Иваново-Вознесенска:

«Я съ перваго же знакомства съ его печальной музой проникся святымъ благоговѣніемъ къ ней и ея автору, и, по мѣрѣ моего знакомства съ Некрасовымъ, чувство восхищенія и благоговѣнія передъ его поэзіей все усиливалось, и теперь сочиненія

Некрасова стали для меня настольной книгой, больше! стали «святая святыхъ моей души; для меня ваши Пушкины, Лермонтовы, Байроны и т. п. это ничто! Простите, можетъ быть, я преувеличиваю его значеніе, но я крестьянинъ, и въ поэзіи Некрасова живетъ моя душа и все мое существо со всѣми вѣрованіями и надеждами... Господи! Сколько онъ далъ мнѣ счастливыхъ минутъ въ жизни, за это одно будь благословенно имя его, и память о немъ горить неугасимымъ свѣтомъ въ душѣ моей!..»

И этотъ отзывъ далеко не единиченъ.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, насколько несправедливо ставить Некрасова выше Пушкина и Лермонтова, произведенія которыхъ по своему изумительному художественному совершенству долго еще будутъ служить недосягаемымъ образцомъ для русскихъ поэтовъ. Но психологически вполнѣ понятно, почему Некрасовъ больше говоритъ народному сердцу. Пушкинъ и Лермонтовъ разрабатывали въ своихъ твореніяхъ общечеловѣческія темы, обнажали сокровеннѣйшія глубины души современнаго имъ культурнаго человѣка, интересовались бытомъ высшихъ классовъ, воспроизводили его типическую сторону, рисовали геніальныя картины изъ жизни родной старины и неизмѣнно служили красотѣ. По сравненію съ ними творчество Некрасова и не столь широко, и не столь многосторонне. Но въ самой узости Некрасова, въ самой его односторонности—источникъ его громадной силы. Некрасовъ, въ противоположность своимъ великимъ предшественникамъ, возлюбилъ одну тему и ея разработкѣ посвятилъ всѣ силы своей богато одаренной души. Надо ли говорить, что эта тема опредѣляется однимъ словомъ «народъ»? Въ народолюбіи Некрасова, въ умѣніи реально и просто изображать народную жизнь и лежитъ, безъ сомнѣнія, объясненіе преимущественныхъ предъ другими поэтами симпатій къ нему демократическаго читателя.

Изъ числа отвѣчавшихъ по 3-му пункту анкеты большая часть указывала на поэму «Кому на Руси жить хорошо», какъ на наиболѣе понравившееся произведеніе Некрасова. Почти столько же назвало поэму «Русскія женщины» и «Размышленія у парадная подъѣзда». Многіе къ лучшимъ произведеніямъ поэта относили «Коробейниковъ», «Морозъ—Красный Носъ», «Дѣдушку», «Рыцаря на часъ». Нѣсколько меньшее количество ссылалось на «Желѣз-

ную дорогу», «Власа», «Орину—мать солдатскую», «Убогую и нарядную» и «Крестьянскія дѣти». Еще рѣже указывались «Забытая деревня», «Саша», «Съ работы», «Дѣдушка Мазай». По одной, по двѣ ссылки получили: «На Волгѣ», «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская», «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», «Эй, Иванъ», «Въ дорогѣ», «Тройка», «Въ деревнѣ», «Похороны», «Зеленый шумъ», «Современники».

Характерно, что всѣ почти изъ принявшихъ участіе въ анкетѣ лицъ ограничивались указаніемъ лишь лучшихъ стихотвореній и совсѣмъ не упоминали о слабыхъ. Въ иныхъ случаяхъ это умолчаніе объяснялось тремя словами: «слабыхъ не помню», а въ другихъ являлось основаннымъ на убѣжденіи, что слабыхъ стиховъ у Некрасова нѣтъ. Такъ донецъ А. М. пишетъ: «*за слабыя* не могу написать, такъ какъ вся поэзія Некрасова восхищаетъ меня своей простотой и легкостью стиха». Почти то же читаемъ и въ другомъ письмѣ: «да развѣ ихъ всѣ перечислишь, что нравятся?! всѣ нравятся!» Рабочій П. К., съ своей стороны, заявляетъ: «На этотъ вопросъ я очень затрудняюсь отвѣтить: неудачныхъ или менѣе удачныхъ стихотвореній я у Некрасова не нахожу, я нахожу всѣ его стихотворенія удачными... Просто не знаешь, чѣмъ больше восхищаться, нѣкоторыя его вещи я безъ слезъ не могу читать, въ душѣ поднимается такое волненіе, что спазмы сдавливаютъ горло, и тогда закрываешь книгу». Такого же мнѣнія держится и крестьянинъ Г. Н.; «что слабо,—пишетъ онъ,—что сильно у Некрасова—я не могу отвѣтить, потому что мнѣ кажется, что все написанное Некрасовымъ—прекрасно, въ высокой степени важное, какъ съ художественной стороны, такъ съ чисто идейной. Съ этой стороны онъ особенно дорогъ, ибо вся поэзія Некрасова—содержательна» и т. д. Окончившій лишь церковно-приходскую школу, начинающій свое письмо съ извиненія въ незнаніи грамматики В. Т. воспользовался третьимъ пунктомъ анкеты, чтобы дать общую характеристику поэзіи Некрасова. Вотъ что онъ пишетъ: «Кто не познаетъ личнымъ страданіемъ страданія другихъ, кто видитъ ближняго своего лишь въ томъ, съ кѣмъ пьетъ на брудершафтъ, тотъ, конечно, можетъ, найдетъ много неудачныхъ стихотвореній у Некрасова. Люди же, пишущіе исторію народа на собственномъ сердцѣ и собственной кровью, тѣ не найдутъ слабыхъ. Да если бы и были они, можно ли говорить о нихъ послѣ такихъ шедевровъ, какъ «Морозъ—Красный Носъ», читая который чув-

ствуешь ледяное дыханіе его, видишь причудливые узоры инея на вѣтвяхъ, стоишь рядомъ съ умнымъ савраской у воза съ хворостомъ, посреди жуткой и таинственной прекрасной лѣсной чащи, и мечтаешь съ этой обездоленной сестрой-крестьянкой объ ея горькомъ житьѣ-бытьѣ. У кого найдется столько красоты, силы и души воспѣть такъ неизмѣримую силу богатыря-пахаря въ своемъ скитаніи по матушкѣ Руси, чтобы узнать правду,—«кому на Руси жить хорошо?» А кто еще съ такою психологическою чуткостью подмѣтилъ и указалъ намъ на грань, раздѣлившую два міра дѣтей: одинъ культурно-стреноженный, искалѣченный разными нянюшками и мамушками, не умѣющій пройти трехъ комнатъ своего дома, чтобы не заблудиться; другой—свободный дикій, такой, какимъ его сформировала сама природа и съ колыбели указала ему на все то, что онъ призванъ осуществить? Этимъ дѣтямъ и темный боръ не страшенъ, и степь широкая узка. Наконецъ, кто надѣлилъ такимъ свѣтлымъ ореоломъ русскую женщину на всѣхъ поприщахъ жизни? Кто указалъ въ ней и духовное и соціальное равенство, начиная съ княгини, идущей въ холодную тундру, чтобы облегчить страданіе благородному мужу, до богатыря-крестьянки, способной коня на-скаку остановить? Если и находятся люди, отрицающіе творчество Некрасова, то сердце этихъ людей—грохотъ, который золотоносный песокъ просѣваетъ, а булыжники оставляетъ...»

Отвѣтныя письма по 4 пункту анкеты обнаружили, что среди крестьянъ, рабочихъ и ремесленниковъ не мало такихъ, для которыхъ Некрасовъ, несмотря на дороговизну его сочиненій, близкій и хорошо знакомый писатель, въ такой мѣрѣ близкій и хорошо знакомый, что его произведенія не только съ увлеченіемъ читаются, но сплошь да рядомъ заучиваются наизусть. Вотъ нѣсколько отвѣтовъ, содержащихъ общія сужденія по данному вопросу: «простому народу Некрасовъ нравится, потому что понятенъ простотой слога и описываетъ знакомыя явленія жизни въ знакомой обстановкѣ»; «хотя немного грамотный крестьянинъ любитъ почитать Некрасова—какъ зеркало своего угнетенія»; «мнѣ хорошо извѣстно, что всѣ крестьяне, также и рабочій классъ, любятъ стихи Некрасова.» Въ соотвѣтствіи съ этимъ немногіе счастливые обладатели сочиненій Некрасова утверждаютъ: «книги Некрасова у меня зачитаны сильно—ихъ берутъ крестьяне и ремесленники», или «не было такого случая у меня, чтобы тѣ изъ

крестьянъ, которыхъ я, такъ или иначе, знакомилъ съ поэзіей Некрасова, не просили еще почитать. Рабочіе же, насколько я знаю, считаютъ его однимъ изъ любимѣйшихъ поэтовъ».

Съ послѣдними цитатами мы уже перешли изъ сферы общихъ сужденій въ область конкретныхъ фактовъ. Приведемъ изъ ихъ числа нѣсколько характеризующихъ отношеніе къ Некрасову собственно крестьянъ. «Когда,—пишетъ одинъ изъ участниковъ анкеты,—артелью по праздникамъ или зимой мы собирались и читали стихи Некрасова, то многіе плакали и восторженно цѣловали книгу, и это нисколько не казалось смѣшнымъ». «Будучи учительницею въ селѣ, читаемъ въ другомъ письмѣ, я прочитала какъ-то разъ крестьянамъ «Смерть крестьянина», и это такъ ихъ тронуло за сердце, что многія бабы плакали». «Въ качествѣ лектора, сообщаетъ г-нъ N, мнѣ еще въ 90-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго приходилось читать крестьянамъ нѣкоторыя стихотворенія Н. А—ча; они всегда вызывали глубоко-внимательное, нерѣдко прямо восторженное къ себѣ отношеніе, особенно «Коробейники», «Морозъ—Красный Носъ», «Забытая деревня», «Власъ», «Кому на Руси жить хорошо» и многія другія. Одна изъ знакомыхъ крестьянокъ, научившаяся читать лишь 31—33 лѣтъ и теперь читающая не только русскихъ поэтовъ, но и иностранныхъ (Шекспира, Шиллера и др.), считаетъ Некрасова однимъ изъ самыхъ любимѣйшихъ и лучшихъ русскихъ художественныхъ писателей, наиболѣе близкихъ народу по своему духу. Восторженное удивленіе вызываютъ и многія мелкія по объему пьесы и повѣсти Н—ва (напр., «Вянетъ, пропадаетъ красота моя», «Надо мной пѣвала матушка», «Зеленый шумъ» и мн. др.), какъ въ этомъ пришлось мнѣ убѣдиться на пароходѣ нынѣшней весной среди слушателей 3-го класса (частью крестьянъ-землепашцевъ, частью ремесленниковъ)... Помнится, что нѣкоторые слушатели изъ «народа» не могли безъ слезъ слушать «Орину, мать солдатскую», «Русскихъ женщинъ» и т. п. «Мнѣ извѣстенъ,—разсказываетъ въ своемъ письмѣ крестьянинъ М. О.,—такой фактъ, характеризующій отношеніе крестьянъ къ поэзіи Некрасова: въ с. Ш., въ 12 верстахъ отъ нашего села, молодая замужняя женщина лѣтъ 19—20, старообрядка по религіи, живущая среди темной массы, знаетъ наизусть не только стихотворенія Некрасова, но даже всего «Дѣдушку». Учитель Ѳ. Ц. описываетъ споръ между священникомъ и крестьяниномъ, поклонни-

комъ Некрасова, по поводу того, «кто лучшій русскій писатель»: священникъ утверждалъ, что Жуковскій, а крестьянинъ, что Некрасовъ.

Не меньшими симпатіями Некрасовъ пользуется среди рабочихъ. Въ письмѣ изъ Иваново-Вознесенска читаемъ по этому поводу слѣдующее: «среди рабочихъ отношеніе къ Некрасову благоговѣйное, доходящее до поклоненія; я знаю, напримѣръ, одного рабочаго, который чуть ли не одну треть произведеній Некрасова знаетъ наизусть, декламируетъ, напримѣръ, такія вещи, какъ «Дѣдушка» безъ запинки. Одно время среди единичныхъ лицъ поднимался вопросъ о сборѣ среди крестьянъ и рабочихъ всей Россіи средствъ для постановки Некрасову въ одной изъ среднихъ губерній грандіознаго памятника»... Подобный же мотивъ въ другомъ письмѣ: «если только русскій рабочій достанетъ сочиненія Некрасова, то навѣрно «съ упрекомъ мимо не пройдетъ», а сниметъ шапку и скажетъ: «Спи спокойно, дорогой нашъ печальникъ, мы воздвигнемъ тебѣ памятникъ, и къ нему не заростетъ народная наша тропа!» Желѣзнодорожный рабочій А. Б. разсказываетъ въ своемъ письмѣ: «въ 1906 году мнѣ случайно пришлось увидать у рабочаго нашего цеха книгу Некрасова. Я узналъ, что она принадлежитъ одному изъ моихъ знакомыхъ, рабочему Б. Но чтобы получить ее, мнѣ пришлось ожидать очереди не менѣе мѣсяца, и только тогда я получилъ первый томъ, а потомъ и второй. И такимъ образомъ эти два тома побывали почти у всѣхъ сознательныхъ рабочихъ нашего цеха, а они составляютъ большій процентъ. Съ какой бережливостью они съ ними обращаются можно судить по тому, что, прошедши множество рукъ, они совершенно новые и въ чистой оберткѣ, поверхъ корокъ. Нѣкоторымъ рабочимъ, а въ особенности Б, такъ произведенія Некрасова пришлись по душѣ, что они нѣкоторыя стихотворенія выучивали наизусть, а Б. зналъ чуть ли не всѣ и декламировалъ при первомъ удобномъ случаѣ». Г. Н., крестьянинъ-самоучка, служащій въ конторѣ, утверждаетъ, что среди окружающихъ его, т. е. рабочихъ, мастеровыхъ и приказчиковъ, которые знакомы и съ кольцовскими и съ никитинскими пѣснями, «чаще всего приходится слышать»— «Выдь на Волгу, чей стонъ раздается». Объясняется это тѣмъ, что «Некрасовскія пѣсни, гдѣ говорится о горѣ бѣдной крестьянки, потерявшей мужа-кормильца, о матери, потерявшей единственнаго сына, близки народному сердцу, близки крестьянину:

тутъ горе понятное, близкое, родное». Безъ сомнѣнія, это «родное» чувствовалъ въ творчествѣ Некрасова сапожникъ, о которомъ говорится въ письмѣ А. П., списывавшій цѣлыми днями некрасовскіе стихи, «несмотря на то, что плохо и медленно писалъ».

По нѣкоторымъ письмамъ, присланнымъ въ отвѣтъ на анкету, можно судить о любви къ Некрасову учащихся въ начальныхъ школахъ. Учитель Т. М. сообщаетъ: «отношеніе къ Некрасову учащейся молодежи изъ крестьянъ характеризуется восторженнымъ преклоненіемъ, въ силу чего Некрасова ставятъ въ школахъ выше Пушкина и Лермонтова». «Мнѣ извѣстно,—читаемъ въ другомъ письмѣ,—что ученики въ училищѣ (рѣчь идетъ о двуклассномъ училищѣ М. Н. Пр.) брали сочиненія Некрасова нарасхватъ». Авторъ третьяго письма разсказываетъ: «на дняхъ я имѣлъ случай говорить съ группой земскихъ школьниковъ, ѣхавшихъ изъ Ветлужскаго уѣзда въ Кострому; изъ писателей, которыхъ они знаютъ, Некрасовъ называется однимъ изъ первыхъ, причемъ нѣкоторые знакомы съ его стихами не только по хрестоматіямъ, но читали и полное собраніе его стихотвореній, знаютъ «Сашу», «Кому на Руси», а больше всего нравятся «Коробейники».

Основываясь на теплотѣ и сердечности приведенныхъ нами отзывовъ о Некрасовѣ, а также на несомнѣнномъ успѣхѣ его произведеній среди тѣхъ представителей трудового народа, которымъ удалось съ ними ознакомиться, утверждать, что Некрасовъ очень популяренъ въ широкихъ массахъ, было бы все-таки и преждевременно и неосторожно. Что крестьяне, рабочіе, ремесленники, знающіе Некрасова, ставятъ его чрезвычайно высоко, буквально упиваются его стихами—это фактъ, который трудно оспаривать; но, съ другой стороны, приходится признать, что Некрасова знаетъ пока еще меньшинство, къ сожалѣнію, не слишкомъ большое количественно. Справедливость этихъ соображеній подтверждается и данными анкеты. Въ письмѣ одного крестьянина Самарской губ. сказано: «Некрасовъ, какъ народный поэтъ, очень популяренъ среди тѣхъ крестьянъ, которымъ болѣе или менѣе извѣстенъ». Д. Ч. высказывается на этотъ счетъ еще опредѣленнѣе»: «Что касается отношенія къ поэзіи Некрасова рабочихъ, крестьянъ и т. д. то, мнѣ кажется, имѣющіе понятіе о Некрасовѣ не могутъ не относиться къ его поэзіи сочувственно, такъ какъ его страданія о народѣ невольно заставляютъ любить его. Другой вопросъ: многіе ли изъ рабочихъ знакомы съ его поэзіей?—Очень

немногіе». К. Р. со станціи Московско-Виндавской ж. д. почти тоже говоритъ о крестьянахъ: «несмотря на постоянную сельскую жизнь никакихъ фактовъ отношенія народа къ поэзіи Некрасова не пришлось наблюдать; обширныя массы все еще продолжаютъ забавляться «частушками», переходя на югъ въ молитвенныя сектанскія пѣснопѣнія изъ «Гуслей».

Весьма существеннымъ показателемъ въ данномъ случаѣ является и тотъ фактъ, что среди присланныхъ по поводу анкеты писемъ были содержащія отказъ участвовать въ анкетѣ по причинѣ недостаточнаго знакомства или же полнаго незнакомства съ поэзіей Некрасова.

Отвѣты, данные на первую часть 5-го вопроса анкеты, вполнѣ единодушны: ни въ одномъ изъ присланныхъ писемъ не выражается даже и тѣни сомнѣнія въ пользѣ знакомства съ поэзіей Некрасова широкихъ массъ народныхъ. Но при отвѣтахъ на вторую часть этого же вопроса высказывались нерѣдко различныя мнѣнія. Большинство склонялось ко взгляду, что «знакомство съ поэзіей Некрасова въ народныхъ массахъ необходимо для развитія народнаго самосознанія». Мотивировался этотъ взглядъ, въ однихъ случаяхъ, указаніями на народническій и народолюбивый характеръ некрасовскаго творчества вообще, въ другихъ—ссылками на его реализмъ и проистекающія отсюда доступность и понятность его произведеній для народа. Приведемъ нѣсколько примѣровъ какъ той, такъ и другой мотивировки.

«Какъ воздухъ,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ,—необходимъ для дыханія, какъ солнце необходимо для согрѣванія,—такъ и Некрасовъ необходимъ для широкихъ массъ, потому что онъ являлся ихъ духовнымъ защитникомъ, ихъ сторожемъ и цѣлителемъ». «Онъ былъ,—говорится въ другомъ,—народный печальникъ. Онъ былъ бѣдныхъ защитникъ, то и пусть знаетъ народъ того, кто стоялъ за него». Авторъ третьяго пишетъ: «знакомство народа съ поэзіей Некрасова считаю полезнымъ. Всѣ почти стихотворенія Некрасова написаны въ защиту русскаго народа. Некрасовъ думалъ и чувствовалъ, какъ русскій народъ». «Такъ какъ,—заявляетъ кр. Самарской губ. К. С.,—Некрасовъ—пѣвецъ и выразитель народной скорби, народнаго горя и печали, то знакомство съ Некрасовымъ для массъ было бы очень и очень желательнымъ». На то же указываетъ и И. К.: «о томъ, что для самого народа ознакомленіе съ поэзіей Некрасова полезно—нѣтъ

сомнѣній, такъ какъ въ его твореніяхъ отражается вся жизнь, горе и радость, надежда на лучшее будущее и вѣра въ свою духовную мощь русскаго великана, который много пережилъ, переживетъ, и кто знаетъ, сколько еще придется ему пережить воспѣтаго Некрасовымъ; но онъ съ терпѣніемъ перенесетъ, вѣря, что «широкіе лапти народные» протрутъ дорогу къ свѣту!»

Среди отвѣтовъ, которые подчеркиваютъ реализмъ некрасовскаго творчества, обусловливающій его близость и понятность для народа, выдѣлимъ слѣдующіе: «Знакомство народныхъ массъ съ поэзіей Некрасова считаю весьма полезнымъ, а по отношенію къ деревнѣ и мужику даже необходимымъ, потому что никто такъ не понялъ и вѣрно не изобразилъ жизнь мужика и деревни, какъ Н. А. Некрасовъ, въ немъ деревня видитъ себя и считаетъ это не вымысломъ, а дѣйствительностью, что оно и есть. Прочитавъ его, деревня видитъ, что не всѣ пишутъ про какую-то любовь (sic!) и какъ живутъ богатые, что нѣкоторые удѣляютъ вниманіе и ей» (М. С.); «все то, что пишетъ Некрасовъ сущая правда; все это онъ видѣлъ и испыталъ самъ, все это такъ ясно и просто, что каждый читающій пойметъ безъ всякаго труда всю сущность стихотворенія... Некрасовъ писалъ не какія-нибудь фантазіи для красиваго слога, но онъ писалъ то, что видѣлъ въ народѣ» (Н. М.); «знакомство съ поэзіей Некрасова безусловно необходимо въ широкихъ массахъ народныхъ, потому что эта поэзія жизненная и понятная, близкая народу; сила жизненной правды настолько велика въ поэзіи Некрасова, что каждый стихъ его сочиненій заставляетъ воспріимчиваго читателя ощущать холодъ на спинѣ» (Т. М.); «знакомить народъ съ Некрасовымъ—это священная обязанность каждаго человѣка, находящагося на болѣе или менѣе культурной степени развитія, потому что ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ по существу и характеру своихъ произведеній не сталъ такъ близко къ народнымъ массамъ, какъ Некрасовъ, потому что бытъ народный, страданія народныя, его психологію, думы и мысли ни одинъ изъ поэтовъ такъ красочно, правдиво и рельефно не писалъ, какъ онъ» (П. К.); «по моему поэзія Некрасова—зеркало народной души» (Ф. Б.); «Некрасовъ—это все равно, что нашелся бы такой мужикъ, съ громадными способностями, съ русскими мужицкими болями въ груди, взялся бы этакъ и списалъ свое русское нутро и показалъ бы его своимъ братьямъ—мужикамъ: «смотрите-де на себя!»

А оно, это нутро, заражаетъ и воспламеняетъ и не къ дурному, а къ хорошему» (И. М.).

Изъ нѣкоторыхъ, правда, сравнительно немногихъ отвѣтовъ на анкету явствуетъ, что, способствуя развитію народнаго самосознанія вообще, Некрасовъ пробуждаетъ опредѣленныя политическія и соціальныя устремленія. Такъ въ цитированномъ уже письмѣ М. С. сказано, что въ творчествѣ Некрасова деревня «видитъ сильныхъ властью, про которыхъ она боится произнесть слово», убѣждается, «что не всѣ боятся сильныхъ... начинаетъ на что-то надѣяться». Съ большей подробностью объ этихъ же вопросахъ говорится въ письмѣ уже извѣстнаго намъ казака Ж., который отправлялся на войну «истымъ патріотомъ», а подъ вліяніемъ Некрасова совершенно измѣнилъ свой взглядъ. «Знакомство широкихъ массъ съ поэзіей Некрасова, пишетъ онъ, считаю необходимымъ, потому что она даетъ понять, что всякій человѣкъ— прежде всего человѣкъ, и подраздѣленіе на классы вредно и ненужно. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ прямо просвѣчиваетъ ненужность высшихъ классовъ».

Характерно, что мрачныя картины народной жизни, создаваемыя некрасовской музой, часто не только не понижаютъ настроенія демократическаго читателя, но поднимаютъ его. Выше приводились уже слова рабочаго, которому на вопросъ поэта, обращенный къ народу, «почилъ» ли онъ духовно»,—хочется крикнуть: «Скоро встанетъ!» Другой рабочій, А. Б., знакомство широкихъ массъ съ поэзіей Некрасова считаетъ полезнымъ потому, «что читатель привыкаетъ смотрѣть на жизнь не въ розовомъ свѣтѣ, а въ настоящемъ видѣ, и будетъ готовъ всегда встрѣтить препятствія лицомъ къ лицу».

Очень многіе изъ отвѣтившихъ на анкету главную пользу отъ знакомства народа съ Некрасовымъ видятъ въ чисто моральномъ вліяніи поэта, неизмѣнно пробуждающемъ гуманныя чувства, заставляющемъ проснуться усыпленную жизненной суетой совѣсть. Вотъ нѣсколько типичныхъ мнѣній этого рода: «Знакомство съ поэзіей Некрасова я считаю полезнымъ для всѣхъ, безъ исключенія, такъ какъ чтеніе и изученіе некрасовской поэзіи способствуетъ развитію любви къ людямъ-братьямъ, къ униженнымъ, обиженнымъ и страждущимъ, къ природѣ и земледѣльческому труду; наоборотъ, является антипатія къ жестокости, богатству, роскоши, тунеядству» и т. д. (А. К.); «знакомство широкихъ народныхъ

массъ съ поэзіей Некрасова считаю очень полезнымъ: не говоря уже объ облагораживающемъ вліяніи всякой истинной поэзіи, поэзія Некрасова броситъ въ среду косности, жестокости и грубаго эгоизма слово любви къ «униженнымъ», любви къ «обиженнымъ» (Ѳ. Ц.); «знакомство съ поэзіей Некрасова считаю полезнымъ, какъ будящей въ человѣкѣ состраданіе къ несчастью ближняго» (Д. Ч.); «знакомство съ поэзіей Некрасова широкихъ массъ народныхъ необходимо, такъ какъ это принесетъ большую пользу и избавитъ многихъ отъ того, что дѣлаютъ теперь, какъ напримѣръ: бьютъ, обижаютъ другъ друга, ругаются самыми некрасивыми вульгарными словами, даже обираютъ другъ друга» (Ч.); «развѣ такіе стихи, какъ «Ермила Гиринъ», «Дѣдъ Мазай», «Власъ»... не повліяютъ на нравственныя качества крестьянъ?» (А. М.).

Въ послѣднихъ цитатахъ рѣчь идетъ, преимущественно, о вліяніи Некрасова на крестьянъ; вотъ нѣсколько отвѣтовъ, переводящихъ вопросъ снова въ сферу общечеловѣческую, отвѣтовъ, въ которыхъ оттѣняется значеніе некрасовскаго творчества въ дѣлѣ пробужденія совѣсти въ связи съ высшими запросами человѣческаго духа вообще: «съ Некрасовымъ нужно всѣмъ быть знакомымъ, такъ какъ у него для всѣхъ есть свое слово, есть примѣры поучительные, и душу онъ намъ свою показываетъ, т. е. нашу, которую мы, вѣдь, забываемъ за мусорными нашими дѣлами, а онъ вотъ и показываетъ худые и хорошіе порывы; нѣтъ, съ Некрасовымъ долженъ всякій, кто бы онъ ни былъ, познакомиться и богатый и бѣдный, знатный и незнатный, мужчина и женщина» (А. П.); Некрасовъ «будитъ мою совѣсть, такое же вліяніе онъ будетъ оказывать среди широкихъ массъ» (И. П.); «прочитавъ, какъ за насъ, горемычныхъ, печалится человѣкъ, который могъ жить припѣваючи, намъ станетъ стыдно,—и потянемся мы къ свѣту солнечному и знанію, какъ тянутся въ темную ночь мошки и букашки къ огню» (рабочій); «знакомство съ поэзіей Некрасова считаю полезнымъ, потому что она заставляетъ вспоминать, какъ я, напримѣръ, въ дѣтствѣ росъ, полуголый, полуголодный, а теперь она подбадриваетъ жить, работать, помогать тому, кто дѣйствительно заслуживаетъ помощи» (А. П.).

Нельзя не отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ письмахъ,—ихъ не слишкомъ много, но они все-таки есть,—отмѣчается благотворность того чисто эстетическаго вліянія, которое оказываетъ некрасовское

творчество на народнаго читателя, способствуя выработкѣ его литературныхъ вкусовъ. Сельская учительница изъ Благовѣщенска говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Некрасовъ можетъ служить первой ступенью къ литературѣ, такъ какъ народъ въ Некрасовскомъ творчествѣ встрѣчаетъ языкъ, доведенный до народнаго или народный въ литературной обработкѣ, простой и богатый. Некрасовъ для народа будетъ играть роль классиковъ, на которыхъ воспитываются литературные вкусы интеллигенціи». Въ такомъ же духѣ высказывается ветеринарный врачъ П. В. «Знакомство народа съ Некрасовымъ,—пишетъ онъ,—я нахожу безусловно полезнымъ и необходимымъ. Тѣ перлы поэтическаго творчества Некрасова, которые нравятся мнѣ, увлекаютъ меня, доставляютъ мнѣ столько наслажденія, не могутъ не понравиться кому-то бы ни было, а слѣдовательно и читателю изъ народа; они не могутъ не доставлять и ему такое же наслажденіе прекраснымъ и высокимъ, какъ и мнѣ не могутъ не повліять и на него столь же благотворно, какъ и на меня, такъ какъ все истинное, высокое, благородное одинаково доступно и понятно, какъ человѣку интеллигентному, такъ и простому».

Въ отвѣтахъ на послѣдній 6-ой вопросъ анкеты обнаружился фактъ, удачно формулированный крестьяниномъ-енисейцемъ: «кому поэзія Некрасова дорога, тому и деньги достаются дорого». Вслѣдствіе этого почти всѣ изъ принявшихъ участіе въ анкетѣ сосредоточили вниманіе на изысканіи способовъ такъ или иначе облегчить для широкихъ массъ если не пріобрѣтеніе сочиненій Некрасова, то хотя бы пользованіе ими. «Плохо только, что Некрасовъ недоступенъ по своей дорогой цѣнѣ», «5 рублей не всѣмъ по плечу»—вотъ общая большинству писемъ жалоба. Высказавъ ее, авторы ихъ выступаютъ съ цѣлымъ рядомъ разнообразнѣйшихъ предложеній. Очень многіе наивно полагаютъ, не будучи, очевидно, освѣдомлены о правахъ собственности на литературныя произведенія, что издавать Некрасова можетъ всякій и потому настаиваютъ на скорѣйшемъ *выходѣ удешевленнаго изданія* полнаго собранія его сочиненій, съ тѣмъ, чтобы оно немедленно было *пріобрѣтено* въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ школьными, сельскими Попечительствами о народной трезвости, фабрично-заводскими и нарождающимися кооперативными *библіотеками*. Иные авторы, наравнѣ съ изданіемъ полнаго собранія считаютъ необходимымъ *выпускъ брошюръ* въ 2—3—5 коп., заклю-

чающихъ въ себѣ отдѣльныя произведенія «расчлененной некрасовской музы», при чемъ, ссылаясь на примѣръ «Пути жизни» Л. Н. Толстого, настаиваютъ, чтобы всѣ выпуски, соединенные вмѣстѣ, составляли «полное собраніе». Одинъ изъ участниковъ анкеты съ полнымъ безкорыстіемъ предлагаетъ распродать по крайней мѣрѣ 100 экземпляровъ; «такихъ какъ я, можетъ быть 1000 человѣкъ» — пишетъ онъ въ заключеніе. Въ значительномъ количествѣ писемъ было выражено пожеланіе, чтобы сочиненія Некрасова были даны журналами, въ частности журналомъ «Жизнь для всѣхъ», въ видѣ *безплатнаго приложенія*. «Пусть «Жизнь для всѣхъ», — писалъ одинъ изъ подписчиковъ этого журнала,—вмѣсто Толстого дастъ Некрасова».

Лица, знакомыя съ правами собственности на литературныя произведенія, въ своихъ отвѣтахъ на послѣдній вопросъ анкеты выступали съ предложеніями болѣе или менѣе осуществимыми. Такъ, иные указывали на то, что въ дѣлѣ популяризаціи Некрасова большую роль можетъ сыграть *народная школа*: преподаватели должны на урокахъ побольше вниманія удѣлять изученію некрасовскихъ стиховъ, попутно знакомя учениковъ и съ личностью поэта, и съ общимъ характеромъ его творчества; Некрасовымъ, предпочтительно передъ другими поэтами, слѣдуетъ *награждать хорошихъ учениковъ*. «Дарятъ же мальчуганамъ,—читаемъ въ письмѣ Г. Н.,—за отличные успѣхи въ наукахъ Пушкина, Лермонтова и др., почему бы не Некрасова? Его бы, кажется, главнымъ образомъ, надо дарить крестьянскимъ дѣтямъ, о которыхъ онъ такъ скорбѣлъ». Народныя и школьныя библіотеки, по мнѣнію участниковъ анкеты, также немало могутъ способствовать ознакомленію широкихъ массъ съ Некрасовымъ: надо только, чтобы его *сочиненія были включены въ утверждаемые каталоги библіотекъ* различнаго типа: пока этого нѣтъ, сплошь да рядомъ приходится сталкиваться съ явленіемъ обратнаго порядка—съ запрещеніемъ выписывать сочиненія Некрасова. «Насколько поэзія Некрасова,—пишетъ въ своемъ отвѣтѣ учитель школы церковнаго вѣдомства Т. М.—страшна кой-кому, видно изъ того, что, напримѣръ, въ нашей школьной библіотекѣ... запрещено имѣть сочиненія Некрасова, хотя имѣются сочиненія Ибсена, Толстого («Война и Миръ»)». Въ цѣломъ рядѣ писемъ поданъ запросъ объ *организаціи народныхъ чтеній*, воскресныхъ лекцій въ видахъ популяризаціи произведеній Некрасова. Одинъ изъ участниковъ ан-

кеты настаиваетъ на созданіи *кадра странствующихъ лекторовъ*, которые спеціально знакомили бы массы съ творчествомъ и біографіей Некрасова.

Особаго вниманія заслуживаютъ тѣ письма, въ которыхъ предлагается образовать *спеціальный фондъ на выкупъ сочиненій Некрасова* у его наслѣдниковъ. Чтобы осуществить знакомство массъ съ Некрасовымъ, пишетъ мастеровой Ф. Б., есть «только одинъ путь, и этотъ путь матеріальныя средства. Когда составится на это капиталъ, то и легче будетъ что либо сдѣлать. Жаль, что я не имѣю у себя тысячу рублей, а то съ удовольствіемъ бы ихъ пожертвовалъ на эту цѣль, но я располагаю тремя рублями, которые и посылаю на это... хотѣлось бы, чтобы и другіе такъ сдѣлали». Другой участникъ анкеты, Д. Ч., пишетъ по данному вопросу слѣдующее: «это знакомство (народа съ Некрасовымъ) легче всего могло бы осуществиться пріобрѣтеніемъ произведеній Некрасова по болѣе удешевленной цѣнѣ, а для другихъ раздачею его безплатно. Является вопросъ: гдѣ же взять средства для того, чтобы раздать бѣднякамъ безплатно? Вопросъ довольно серьезный. Мнѣ кажется, сдѣлать это можно при желаніи всѣхъ подписчиковъ (рѣчь идетъ о подписчикахъ журнала «Жизнь для всѣхъ»). Устроить сборъ, кто сколько можетъ: «всякое даяніе благо»... Подписчики въ свою очередь могутъ распространять листы для подписки на это дѣло среди знакомыхъ, и сумма можетъ собраться порядочная. Вообще при желаніи все возможно».

Къ числу мѣръ, сравнительно, второстепенныхъ, а потому указанныхъ лишь отдѣльными участниками анкеты, относятся *помѣщеніе въ народныхъ журналахъ статей о Некрасовѣ*, изданіе небольшихъ брошюръ съ разборами его поэзіи, изданіе недорогихъ иллюстрацій къ его произведеніямъ и т. д.

Характерно, что въ 2—3 письмахъ, наряду съ надеждами на «плодотворное содѣйствіе» въ дѣлѣ ознакомленія народа съ поэзіей Некрасова сельской интеллигенціи, выражаются опасенія административныхъ и полицейскихъ репрессій. «Гдѣ два или три человѣка,—пишетъ по этому поводу крестьянинъ В. Т.,—соберутся — тамъ и стражникъ». Что подобныя опасенія имѣютъ основанія, объ этомъ свидѣтельствуетъ и г. Захаровъ въ сборникѣ «Памяти Некрасова». Онъ едва не попалъ въ «холодную» послѣ того, какъ, по выраженію пристава, «расхорхорился» и осмѣлился прочесть въ пріятельской компаніи «Размышленія у парадnаго

подъѣзда». Подозрительное и недовѣрчивое отношеніе «властей предержащихъ», какъ учебныхъ, такъ и полицейскихъ даже къ имени Некрасова—фактъ настолько общеизвѣстный, что въ особыхъ доказательствахъ его нѣтъ надобности. Учитывая этотъ фактъ, одинъ изъ участниковъ анкеты ознакомленіе народа съ поэзіей Некрасова поставилъ въ связь съ кореннымъ обновленіемъ русской жизни. «Пути этого знакомства,—пишетъ онъ,—привьются сами собой при существованіи всеобщаго образованія, свободной и разумной народной школы, внимательнаго и чуткаго отношенія къ запросамъ народной души. На очереди же—самая энергичная борьба съ тормозящими народное развитіе факторами».

Закончивъ обзоръ отвѣтовъ на анкету, умѣстно будетъ подвести нѣкоторые итоги. Такъ какъ число полученныхъ писемъ, къ сожалѣнію, не слишкомъ велико (оно исчисляется десятками, а не сотнями), то уже одно это обстоятельство не позволяетъ говорить о широкой популярности Некрасова среди народа. Нѣтъ! имя поэта-народника, въ большинствѣ случаевъ, остается еще неизвѣстнымъ бѣдной, малокультурной, изнывающей подъ административно-полицейскимъ гнетомъ русской деревнѣ. Однако, несмотря на тяжелыя условія народной жизни, которымъ, поистинѣ «нѣсть числа», время беретъ свое, и изъ среды трудовыхъ классовъ съ поразительною быстротою формируется особая, чисто демократическая по происхожденію и обстановкѣ жизни интеллигенція. Она-то, вкупѣ со старой сельской интеллигенціей—учителями и учительницами, фельдшерами и фельдшерицами, земскими врачами, агрономами и т. д. и т. п., любитъ и почитаетъ Некрасова болѣе, чѣмъ какого бы то ни было другого поэта. Съ каждымъ годомъ эта демократическая интеллигенція будетъ возрастать количественно за счетъ непросвѣщенной и темной массы. Соотвѣтственно съ этимъ, будетъ расти и популярность Некрасова. Тотъ же процессъ пріобщенія все большаго и большаго количества индивидуумовъ къ чисто интеллигентскимъ интересамъ происходитъ въ рабочей средѣ, для которой несравненно болѣе доступны, чѣмъ для крестьянъ, и посѣщеніе популярныхъ чтеній, и пользованіе библіотеками. Слѣдовательно, и здѣсь можно съ полнымъ основаніемъ ожидать возрастанія интереса къ Некрасову. Всѣ эти соображенія приводятъ къ убѣжденію, что своего апогея популярность Некрасова въ народѣ достигнетъ въ будущемъ. Мы не ошибаемся, назвавъ Некрасова—поэтомъ будущей демо-

кратической интеллигенціи. Но и теперь Некрасовъ перестаетъ уже быть «таинственнымъ незнакомцемъ» для русской деревни. Не за горами то время, когда, вмѣсто «Блюхера и Милорда глупаго» и, можетъ быть, раньше, чѣмъ «Бѣлинскаго и Гоголя», народъ понесетъ съ базара произведенія одного изъ великихъ своихъ «заступниковъ»—Николая Алексѣевича Некрасова, и его имя общимъ голосомъ просвѣтленныхъ образованіемъ крестьянина и рабочаго будетъ отнесено къ самимъ «великимъ именамъ» русской литературы.

VI. ЦЕНЗУРНЫЯ МЫТАРСТВА НЕКРАСОВА.

Многаго, многаго
Здѣсь мнѣ не дали сказать!

Ничто не характеризуетъ такъ ярко отношенія къ Некрасову правительственной власти, какъ исторія той ожесточенной, ни на минуту не прерывавшейся войны, которую въ теченіе почти 40 лѣтъ вела противъ него цензура. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ лѣтописяхъ русской литературы немного найдется именъ, съ которыми бы соединилось столько воспоминаній о цензурныхъ мытарствахъ, сколько ихъ соединяется съ именемъ Некрасова. Оказывая ему особую благосклонность, цензурное вѣдомство считалось какъ съ фактомъ необычайной популярности его проникнутыхъ «местью и печалью» стиховъ, такъ и съ занимаемымъ имъ центральнымъ положеніемъ среди представителей русской прогрессивной журналистики. Авторъ «пѣсенъ», которыя, по опредѣленію даже не слишкомъ расположеннаго къ Некрасову критика, являлись—«событіями», руководитель двухъ, безспорно, лучшихъ журналовъ своего времени, создававшихъ въ значительной степени общественное мнѣніе страны,—не могъ не возбуждать самаго пристальнаго вниманія со стороны тѣхъ, кому было поручено блюсти за благонамѣренностью органовъ печати.

Трудно учесть то моральное и отчасти даже физическое зло, которое принесла Некрасову цензура. Благодаря ей, онъ долженъ былъ постоянно идти на такіе компромиссы съ совѣстью, которые невыносимымъ гнетомъ ложились на его душу, глубоко потрясая въ то же время и нервную систему. Такъ, напримѣръ, для умилостивленія цензоровъ и вообще лицъ, «имущихъ власть» распоряжаться судьбами россійской журналистики, Некрасовъ постоянно устраивалъ лукулловскіе обѣды, причемъ ему приходилось играть на нихъ роль гостепріимнаго хозяина, коробившую такихъ безупречныхъ рыцарей пера, какимъ былъ, напримѣръ, Н. К. Михай-

ловскій. Болѣе того: однажды, какъ это уже неоднократно нами отмѣчалось, Некрасовъ чтобы спасти свой журналъ отъ висѣвшаго надъ нимъ Дамоклова меча, рѣшился, по его собственному выраженію, «исторгнуть невѣрный звукъ у своей лиры» и написалъ льстивое стихотвореніе въ честь всесильнаго тогда гр. Муравьева. П. М. Ковалевскій (см. «Русская Старина», № 1, 1910 г.), весьма отрицательно относившійся къ Некрасову, и тотъ назвалъ этотъ поступокъ редактора «Современника»—«самозаключеніемъ», такъ какъ, «чтобы спасти направленіе Некрасовъ сознательно клалъ себя и свою репутацію... искупительной жертвою на алтарь муравьевскаго всемогущества». Жертва, какъ извѣстно, не помогла, и литературные враги поэта получили возможность иронически заявить ему: «ваши громоотводы и щиты, купленные цѣною стольких моральныхъ и неморальныхъ жертвъ съ вашей стороны и удовлетворительно защищавшіе васъ въ обыкновенное время, при обыкновенной погодѣ, не могли защищать вашъ журналъ при необыкновенной сильной, экстраординарной грозѣ» (см. брошюру Антоновича и Жуковскаго: «Матеріалы для характеристики современной литературы»). Впечатлѣніе, какое производилъ Некрасовъ непосредственно послѣ этой полемической выходки, было, по словамъ Михайловскаго, «истинно удручающее... Тяжело было смотрѣть на этого человѣка. Онъ прямо-таки заболѣлъ, и какъ теперь вижу его вдругъ осунувшуюся, точно постарѣвшую фигуру въ халатѣ» (см. «Литер. воспоминанія»).

Кромѣ огромнаго нравственнаго зла, причиненнаго Некрасову цензурой, она оказала сильное и въ высшей степени отрицательное вліяніе на развитіе его поэтическаго таланта. Вотъ что говоритъ по этому поводу въ своихъ неизданныхъ замѣткахъ сестра поэта, Ан. Ал. Буткевичъ, человѣкъ очень близкій ему не только по крови, но и по духу: «написавъ что-нибудь нецензурное, онъ обрѣзывалъ листокъ—оставляя только среднюю узкую полосу,—всегда по ней могъ прочесть, но ни кто болѣе. Онъ находилъ, что въ Россіи должно пускать въ публику лишь то, что можно при удобныхъ обстоятельствахъ напечатать. Куда дѣлись эти рецепты? Сколько могу судить, братъ передѣлалъ ихъ въ удобныя стихотворенія или просто выжидалъ время, чтобъ напечатать».

Съ большею подробностью останавливается на этой же сторонѣ поэтической дѣятельности Николая Алексѣевича Чернышевскій въ своихъ замѣткахъ о Некрасовѣ:

«Некрасовъ постоянно говорилъ, что пишетъ меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней; это тяжело, это требуетъ времени, а пока онѣ не подавлены, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ... О чемъ онъ думалъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать.

Причина невозможности всегда была цензурная.

Онъ былъ одушевляемъ на работу желаніемъ быть полезнымъ русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведеніе будетъ скоро напечатано; если бы онъ заботился о своей славѣ, то могъ бы работать и съ мыслью, что произведеніе будетъ напечатано лишь черезъ двадцать, тридцать лѣтъ»...

Сказанное лишь въ самыхъ общихъ чертахъ опредѣляетъ роль цензуры въ жизни и дѣятельности Некрасова, но и этого съ излишкомъ довольно, чтобы понять, почему онъ не могъ думать о цензурныхъ стѣсненіяхъ себя и своихъ сотрудниковъ «безъ тоски и бѣшенства» (см. письмо къ Толстому), почему даже въ дружескомъ кругу говорилъ о томъ, что онъ вытерпѣлъ и вынесъ отъ цензуры, со «страшной вспыльчивостью», а въ глазахъ у него появлялось выраженіе, которое «охотники видятъ у смертельно раненнаго медвѣдя, когда подходятъ къ нему и онъ глядитъ на нихъ» (см. «Воспоминанія» С. Н. Терпигорева). Едва только съ упраздненіемъ предварительной цензуры для литераторовъ открылась возможность высказываться нѣсколько свободнѣе, какъ Некрасовъ далъ волю годами копившемуся гнѣву и создалъ въ стих. «Газетная» необыкновенно яркій типъ дореформеннаго цензора, обязанности котораго опредѣляются, по мнѣнію поэта, однимъ выразительнымъ словомъ—«палачъ». Однако, торжествовать побѣду надъ врагомъ было еще рано: черезъ два мѣсяца послѣ учрежденія главнаго управленія по дѣламъ печати, которое офиціозная «Сѣверная Почта» привѣтствовала, какъ «славное» событіе отечественной исторіи, «Современникъ» получилъ первое предостереженіе, и въ числѣ мотивовъ этой репрессивной мѣры фигурировало и стихотвореніе «Газетная», гдѣ было, по формулировкѣ совѣта главнаго управленія, «изображено въ крайне оскорбительномъ видѣ званіе цензора». Несмотря на выяснившуюся такимъ образомъ опасность касаться вопроса о цензурѣ, Некрасовъ

не побоялся вторично сказать нѣсколько облитыхъ «горечью и злостью» словъ по ея адресу въ своихъ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ», напечатанныхъ въ «Современникѣ» въ началѣ слѣдующаго 1866 года. Очевидно, вычеркнуть эту тему изъ своего сатирическаго репертуара поэту было просто не подъ силу: слишкомъ ужь хорошо дала ему почувствовать себя тяжелая рука цензуры за время всей его предшествующей литературной дѣятельности.

Мы говоримъ «всей», такъ какъ Некрасову задолго до его извѣстности и пріобрѣтенія собственнаго журнала пришлось испытать цензурныя гоненія. Вотъ нѣсколько небезынтересныхъ историческихъ справокъ. Въ 1839 году цензоръ Фрейгангъ счелъ нужнымъ «приложить руку» къ литературному дебюту Некрасова—сборнику его полудѣтскихъ и совершенно безобидныхъ стиховъ «Мечты и звуки». Мнительному цензору не понравились нѣкоторыя выраженія и онъ принялся ихъ передѣлывать. Такъ, по остроумной догадкѣ покойнаго Якубовича-Мельшина, въ четверостишіи изъ стихотворенія «Поэзія»:

Возложу вѣнецъ лавровый
На достойнаго жреца,
Или въ мигъ запру въ оковы
Я носителя вѣнца—

послѣдняя строчка была измѣнена Фрейгангомъ такъ: «Поносителя вѣнца». «Очевидно, для цензора всякій вѣнецъ (хотя бы то былъ вѣнецъ Нерона) казался чѣмъ-то неприкосновеннымъ».

Въ 1840 году Некрасовъ попалъ въ руки другому блюстителю литературныхъ порядковъ—Евстафію Ольдекопу, на просмотръ котораго представилъ довольно-таки лубочную, по заказу книгопродавца Полякова написанную «Сказку о царевнѣ Ясносвѣтѣ». Сказка эта, такъ и не увидѣвшая печати *), не блещетъ достоинствами: сюжетъ ея неправдоподобенъ и даже нелѣпъ, а образы, и въ особенности языкъ—прямо вульгарны (встрѣчаются, напримѣръ, выраженія: «вѣдьмы ребра изломили»). Тѣмъ не менѣе въ ней чувствуется особый, мы бы сказали, вольнодумный душокъ, придающій ей извѣстный интересъ. Этотъ душокъ смутно ощутилъ и чуткій носъ Ольдекопа. Прежде всего его испугало заглавіе: «Сказка о томъ, какъ царь Елисѣй хотѣлъ женить сына на лунѣ, взять въ приданое небо и двинуть рать на солнце, какъ

*) Автографъ ея принадлежитъ библіофилу П. А. Картавову.

все это не удалось, какъ царь Пантелей поправилъ и кончилъ дѣло благополучно», и онъ замѣнилъ его краткимъ и сухимъ—«Сказка о царевнѣ Ясносвѣтѣ». Въ дальнѣйшемъ строфы, трактовавшія о намѣреніи главнаго героя сказки, царевича Романа «свой родъ прославить небывалой высотой, связью родственной съ луной», были имъ тщательно вычеркнуты. Характерны и двѣ другія купюры, сдѣланныя Ольдекопомъ. Онъ опустилъ слѣдующее четверостишіе, заключавшее описаніе благодѣтельнаго правленія Елисѣя,—

Любо было жить на свѣтѣ!
То-то любо!.. Дѣти, дѣти!
Не любите новизну,
Вотъ что было въ старину!..

усмотрѣвъ въ немъ, быть можетъ, крамольное желаніе поселить въ читателяхъ недовольство настоящимъ путемъ восхваленія прежнихъ порядковъ.

Въ словахъ:

Собралися всѣ сословья,
Ради нѣкаго присловья,
То есть кое для чего,
Вѣрныхъ подданныхъ его,
Всѣ бояра, всѣ міряна,
Всѣ чиновные граждана...

Ольдекопу, должно быть, почудился намекъ на палату сословныхъ представителей, и онъ положилъ свое цензурное veto на послѣднія четыре строчки.

Въ 1842 году, по разсказу Григоровича (см. «Воспоминанія»), былъ запрещенъ до выхода перваго выпуска проектированный Некрасовымъ періодическій сборникъ юмористическаго характера «Зубоскалъ», при чемъ мотивомъ запрещенія послужила одна лишь фраза въ объявленіи: «Зубоскалъ будетъ смѣяться надъ всѣмъ, что достойно смѣха».

Въ 1843 году вниманіе цензуры привлекли изданныя Некрасовымъ книженки: «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ». Во второмъ выпускѣ этого совершенно безобиднаго сборника В. Р. Зотовъ помѣстилъ свою сказку «Жизнь и люди», въ которой воспроизводились бесѣды почившихъ съ Духомъ Жизни. Тема сказки устрашила цензора Амплія Ник. Очкина, и онъ запретилъ ее. «Большого труда,—разсказываетъ Зотовъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (см. «Историческій вѣстникъ» т. XXXIX),—стоило мнѣ убѣдить его—

пропустить совершенно невинную фантазію, онъ все твердилъ, что она противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о загробной жизни. Да вѣдь это сказки, поэтическій бредъ—твердилъ я ему—и только этимъ аргументомъ удалось мнѣ склонить его подписать разрѣшеніе къ печати, хотя и съ исключеніемъ двухъ лицъ и нѣсколькими передѣлками»...

Съ такимъ вниманіемъ относилась цензура къ некрасовскимъ писаніямъ и изданіямъ въ то время, когда поэтъ еще былъ очень далекъ отъ своего истиннаго пути, пути идейнаго руководителя молодого поколѣнія. Со вступленіемъ же его на этотъ путь, т. е. съ 1847 г. (годъ перехода «Современника» въ руки Некрасова и Панаева), «благосклонность» цензуры къ нему не то что удвоилась, а удесятерилась. Не останавливаясь подробно на ея проявленіяхъ, напомнимъ только нѣкоторые факты.

Въ 1848 году, напримѣръ, по свидѣтельству г-жи Панаевой-Головачевой (см. ея книгу «Русскіе писатели и артисты»), «строгость цензуры дошла до того, что изъ шести повѣстей, назначенныхъ въ «Современникъ», ни одна не была пропущена, такъ что нечего было набирать для ближайшей книги... Приходилось печатать въ отдѣлѣ беллетристики переводы. Романъ Евгенія Сю не былъ дозволенъ; оставалось пробавляться Ламартиномъ». Въ виду безвыходности положенія Некрасовъ, въ сотрудничествѣ съ Панаевой, принялся писать романъ во французскомъ вкусѣ «Три страны свѣта», имѣя въ виду печатать его по частямъ, по мѣрѣ окончанія отдѣльныхъ главъ. Цензура потребовала весь романъ и не соглашалась разрѣшить его печатаніе до тѣхъ поръ, пока авторы не представили письменнаго удостовѣренія за своей подписью, что въ романѣ «порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель восторжествуетъ».

Придирки цензуры въ концѣ 40-хъ годовъ бывали иной разъ столь необоснованными, что авторы кастрированныхъ статей готовы были заподозрить въ кастраціи не цензуру, а самихъ издателей «Современника». Объ этомъ можно судить по слѣдующей энергичной отповѣди, содержащейся въ письмѣ (10 дек. 1847 г.) Некрасова къ профессору политической экономіи Бабсту (см. сборникъ «Памяти Бѣлинскаго» м. 1899 г.): «Я было подосадовалъ на васъ, что вы совѣтуете мнѣ *со статьями серьезнаго содержанія обращаться поосторожнѣе*, очевидно, приписавъ исключенія и поправки въ вашихъ статьяхъ моему произволу и малоумію, но по-

томъ я разсудилъ, что вы съ цензурой дѣла никогда не имѣли, и умилился духомъ. Скажу вамъ, что корректуры вашихъ статей я храню со всѣми слѣдами на нихъ красныхъ чернилъ, и при свиданіи со мной вы будете имѣть случай удостовѣриться, что вышеписанные совѣты попали не по тому адресу».

Не прекращались цензурныя атаки противъ «Современника» и въ царствованіе Александра II. Какъ разъ къ веснѣ 1856 г. относится попытка Некрасова отстоять вымаранныя цензурой страницы изъ статьи Чернышевскаго «Очерки гоголевскаго періода», въ которой содержался хвалебный отзывъ о Бѣлинскомъ. Не такъ давно увидѣло свѣтъ (см. «Современникъ», № 1, 1913 г.) письмо Некрасова по этому дѣлу къ цензору Бекетову, написанное въ необычайномъ для редактора «Современника» страстномъ и приподнятомъ тонѣ. Вотъ его начало: «Бога ради, возстановите вымаранныя Вами страницы о Бѣлинскомъ. Это слишкомъ печальное дѣйствіе, и я надѣялся и надѣюсь отъ врожденнаго Вамъ чувства справедливости, что Вы не будете гонителемъ беззащитнаго и долго поруганнаго покойника»... Указавъ далѣе на то, что упоминанія о Бѣлинскомъ уже бывали въ печати, и имя его перестаетъ служить жупеломъ, Некрасовъ продолжаетъ: «самое худшее, что можетъ случиться, что послѣ напечатанія этихъ страницъ не велятъ хвалить Бѣлинскаго. Ну, тогда и перестанемъ, а теперь умоляю Васъ поступить съ прежнею снисходительностью... Будьте, другъ, лучше запретите мою «Княгиню», запретите десять моихъ стихотвореній кряду, даю честное слово: жаловаться не стану даже про себя.

Отецъ родной, пробѣгите эти страницы и рѣшите спокойно: могутъ ли онѣ кого-нибудь раздражить и вызвать бурю? Клянусь, нѣтъ. Въ нихъ только повторено то, что уже вы пропустили прежде въ разбивку въ нѣсколькихъ статьяхъ. Но Бога ради, не вносите этого вопроса въ комитетъ,—это пойдетъ тогда въ долгій ящикъ, и при томъ будетъ похоже на вопросъ: а не высѣчь ли еще такого-то? На который чаще всего говорится: высѣчь. Зачѣмъ сѣчь тѣхъ, кого можно не сѣчь? А если имъ суждено быть высѣченными, то пусть это случится какъ можно позже и не по нашей винѣ».

Этотъ отрывокъ, ярко иллюстрирующій то, поистинѣ, благоговѣйное отношеніе, которое питалъ Некрасовъ къ памяти Бѣлинскаго, можетъ служить также нелишеннымъ значенія коммента-

ріемъ къ обычнымъ для Некрасова сопоставленіямъ вдохновлявшей его музы съ изсѣченной кнутомъ дѣвушкой...

Въ 1857 году цензурный кнутъ готовъ былъ обрушиться на Некрасова уже не какъ на журналиста, а какъ на поэта, въ связи съ только что вышедшимъ въ свѣтъ первымъ изданіемъ его стихотвореній. Въ какой мѣрѣ сочувствовали въ этомъ случаѣ Некрасову прогрессивные элементы русскаго общества, можно видѣть изъ того, что даже очень не благоволившій къ поэту Герценъ счелъ нужнымъ вступиться за него на страницахъ «Колокола». «Возстали сначала,—говоритъ корреспондентъ Герцена во второмъ № «Колокола» (отъ 1-го августа 1857 г.),—противъ статей «Русскаго Вѣстника», которыя знакомили публику съ типами губернскихъ воровъ средней руки», а затѣмъ «пошли жаловаться на книжку стихотвореній, гдѣ ничего нѣтъ кромѣ участія къ бѣдности и ненависти къ притѣсненіямъ. Аристократическая ..... нашла въ книжкѣ какіе-то революціонные возгласы, чуть не призывъ къ оружію. Русское правительство, изволите видѣть, боится стиховъ:

Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно
Умрешь недаромъ: дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.

Это сочли чуть не адской машиной и снова дали волю цензурной ордѣ съ ея баскаками. Какое жалкое ребячество!»

Въ концѣ 50-хъ годовъ, когда, употребляя общепринятую терминологію, «эпоха великихъ реформъ» была въ полномъ разгарѣ, цензура все-таки не перестала свирѣпствовать. «Современникъ», по признанію цензора Палаузова (см. «Завѣты», № 2, 1913 г. «Добролюбовскій архивъ»), находился въ «горестномъ положеніи», въ столь горестномъ, что тотъ же Палаузовъ чувствовалъ потребность выразить свое сочувствіе и Некрасову, и его ближайшимъ сотрудникамъ: «Не кручиньтесь, достойнѣйшій Николай Алексѣевичъ! Авось, скоро и праздникъ проглянетъ... Утѣшьте Добролюбова и Чернышевскаго, а то, въ самомъ дѣлѣ, хоть мнѣ, какъ цензору, неприлично говорить,—чортъ знаетъ что такое». Но надежды залиберальствовавшагося цензора не оправдались—«праздникъ» не приходилъ; наоборотъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, съ появленіемъ первыхъ ласточекъ надвигающейся реакціи,

ретивость цензуры усилилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшилось положеніе «Современника», неуклонно отстаивавшаго интересы крестьянскихъ массъ. Въ 1862 г. журналъ былъ пріостановленъ на 8 мѣсяцевъ, причемъ эта мѣра, очевидно, подъ вліяніемъ какого-то высшаго наитія, была поставлена въ связь съ петербургскими пожарами, «непосредственныхъ виновниковъ которыхъ, какъ говоритъ официальный источникъ, высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи не удалось открыть»... Нѣсколькими годами позже репутація Некрасова у «властей предержащихъ» окончательно опредѣлилась. Въ «Собраніи матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе» (1854—64 г.), официальной запискѣ, составленной, по порученію Валуева, извѣстнымъ гр. Капнистомъ, Некрасову удѣлено было втрое больше мѣста, чѣмъ каждому другому поэту разсматриваемой эпохи. Такое «предпочтеніе» для него оказывалось потому, что онъ былъ поставленъ во главу поэтовъ, настроившихъ свои лиры въ тонъ тѣмъ «разрушительнымъ» идеямъ, которыя, начиная съ 1848 г., широкою волной лились въ Россію изъ Франціи. Что это были за идеи, объ этомъ гр. Капнистъ говоритъ словами историка: во Франціи, незадолго до февральской революціи «вся дѣятельность партизановъ республики обратилась на низшіе слои народа. Ученье Сенъ-Симона, Фурье, и въ особенности Бабефа, гораздо живѣе говорило интересамъ рабочихъ классовъ, нежели требованія политической свободы. У республиканскихъ писателей явилась особенная нѣжность къ рабочимъ классамъ, пошли безконечные толки о страданіяхъ пролетаріата, существенный смыслъ которыхъ заключался въ слѣдующемъ: учредите республику, сдѣлайте насъ диктаторами, а мы отдадимъ вамъ всѣ богатства высшихъ классовъ и сдѣлаемъ васъ навсегда счастливыми». Изъ этой цитаты видно, что въ правительственныхъ сферахъ начали бояться, что творчество Некрасова способно вызвать соціалистическое движеніе.

Этой опредѣлившейся репутаціи своего редактора-издателя «Современникъ» былъ отчасти обязанъ первымъ предостереженіемъ, о которомъ уже было упомянуто, а въ особенности вторымъ, послѣдовавшимъ въ 1865 г. за статью Антоновича «Суемудріе «Дня», якобы «возбуждающую умы противу истинъ православной вѣры», и за стихотвореніе Некрасова «Желѣзная дорога». Вотъ исчисленіе «жупеловъ», которые власть усмотрѣла въ этомъ стихо-

твореніи: въ «Желѣзной дорогѣ» «взводится клевета на благодѣтельное предпріятіе правительства къ усовершенствованію нашихъ путей сообщенія на западный образецъ въ звучныхъ стихахъ, утверждающихъ, что «начальство сѣкло народъ», предоставляя ему право «мерзнуть и гибнуть отъ цынги въ землянкахъ»; причемъ авторъ позволилъ себѣ даже сдѣлать произвольное исчисленіе мучениковъ, потерпѣвшихъ смерть за Николаевскую желѣзную дорогу, утверждая, что таковыхъ «пять тысячъ»; въ эпиграфѣ же упомянуто, вещь всѣмъ извѣстная, что главнымъ строителемъ дороги былъ графъ Клейнмихель, очевидно, съ цѣлью возбудить негодованіе противъ этого имени; каковое указаніе лица и самый способъ изложенія мнимыхъ злоупотребленій по построенію Николаевской желѣзной дороги вовсе не подходитъ подъ требованіе ст. 16 IV отд. законоположенія 6 апрѣля. Вообще стихотвореніе Некрасова «Желѣзная дорога» представляетъ сооруженіе этого пути результатомъ притѣсненія народа со стороны правительства съ возбужденіемъ негодованія противъ высшаго правительства».

Тучи, такимъ образомъ, сгустились надъ головою Некрасова. Но онъ и не думалъ падать духомъ, крѣпко вѣря въ свое умѣніе благополучно лавировать между цензурными Сциллами и Харибдами. Въ извѣстномъ намъ письмѣ своемъ къ П. А. Плетневу отъ 19 декабря 1865 года Некрасовъ выражаетъ увѣренность, что ему удастся избѣжать третьяго предостереженія. Эта надежда базировалась на томъ, что поэтъ «принялъ свои мѣры и имѣлъ объясненія съ начальствомъ». Во время этихъ объясненій ему было «на счетъ запрещенія журнала положительно заявлено, что подобнаго намѣренія нѣтъ у правительства». Интересны заключительныя строки письма къ Плетневу, въ которыхъ содержится общее сужденіе о законѣ о печати 1865 года: «что касается до существа реформы, то покуда не легче и почти не лучше, но, кажется, дѣло удержится, а это главное». Если въ этихъ словахъ можно усмотрѣть извѣстный, хотя и очень относительный, оптимизмъ, то въ интересахъ справедливости приходится отмѣтить, что Некрасовъ принужденъ былъ разстаться съ нимъ очень скоро. Въ «Русской старинѣ» совсѣмъ недавно (въ № 2 за 1913 г.) было напечатано стихотвореніе Некрасова, помѣченное 7-ымъ апрѣля 1866 г. и представляющее собою отвѣтъ на стихотворное же приглашеніе одного изъ пріятелей бросить карточную игру и отправиться на охоту въ Любань. Въ этомъ стихотвореніи, несмотря на его шут-

ливый характеръ, съ достаточной яркостью обрисовалось тревожное настроеніе, охватившее душу Некрасова подъ вліяніемъ только что прозвучавшаго каракозовскаго выстрѣла и ожидаемыхъ, какъ слѣдствіе его, репрессій. Приводимъ первую часть этого стихотворенія:

На письмо твое долженъ сказать:
Не за картами гну теперь спину,
Какъ изволите вы полагать.
Отказавшись отъ милой цензуры,
Погубилъ я досуги свои, –
Самъ читаю теперь корректуры
И мараю чужія статьи!
Побѣжалъ бы какъ школьникъ изъ класса
Я къ тебѣ, позабывши журналъ,
Но не знаю свободнаго часа
Съ той поры, какъ свободу узналъ!..
Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно такъ спали,
На охотѣ бывать успѣвали
И немало въ картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Одолѣла пѣшу забота,
Позабылъ я, что значитъ игра,
Позабылъ я, что значитъ охота!
Потому что Валуевъ сердитъ;
Потому что законъ о печати
Запрещеньемъ журналу грозитъ,
Если слово обронишь некстати!

Измученный апрѣльскими тревогами, желая во что бы то ни стало спасти свое любимое дѣтище, Некрасовъ послушался добрыхъ совѣтчиковъ (см. о нихъ въ дневникѣ Пыпина «Современникъ», № 1, 1913 г.) и плохо отдавая себѣ отчетъ, что онъ дѣлаетъ, «исторгъ невѣрный звукъ у своей лиры». Въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ сестры поэта Анны Алексѣевны Буткевичъ къ библіографу С. И. Пономареву, хранящихся въ Академіи Наукъ, содержится небезынтересное мѣсто, посвященное эпизоду со стихами въ честь Муравьева. Называя ихъ «вынужденными тяжелыми того времени обстоятельствами, о которыхъ теперь нельзя еще и заикнуться», А. А Буткевичъ продолжаетъ: «я съ сокрушеніемъ думаю, сколько въ далекомъ будущемъ найдется литературной сволочи..... которая, преподнося публикѣ обвинительный актъ Некрасова, красными буквами пропишетъ въ немъ имя Муравьева. Я обдумываю, какъ устроить, чтобы въ то именно время могли явиться въ свѣтъ разъясненія этой печальной необходимости, которая всю остальную жизнь заѣдала брата, которую онъ называлъ «чернымъ пятномъ», «невѣрнымъ звукомъ» и т. п.».

Гибель «Современника» не надолго вырвала Некрасова изъ рядовъ отечественной журналистики. Съ 1868 года подъ его редакціей стали выходить «Отечественныя Записки». «Противоестественный», съ точки зрѣнія многихъ, союзъ между Некрасовымъ и Краевскимъ, этими антиподами русской періодической печати, осуществился... Но уже съ первыми книжками обновленнаго журнала выяснилось, что этотъ, якобы, союзъ представлялъ собой обыкновенную коммерческую сдѣлку, сущность которой заключалась въ томъ, что Краевскій, уступивъ всѣ редакціонныя права Некрасову, выговорилъ себѣ опредѣленный доходъ съ журнала и сохранилъ въ своемъ завѣдываніи контору. Имѣющаяся у насъ въ рукахъ копія первоначальнаго договора Некрасова съ Краевскимъ, переданная намъ покойнымъ С. Н. Кривенко, убѣждаетъ, однако, въ томъ, что предусмотрительный «Андрей», чувствуя въ Некрасовѣ человѣка, съ точки зрѣнія цензурныхъ установленій весьма и весьма ненадежнаго, счелъ нужнымъ обезопасить себя отъ возможныхъ проторей и убытковъ особымъ пунктомъ, который мы и приводимъ: «во всемъ, относящемся до содержанія журнала, я, Краевскій, представляю Некрасову полную свободу, но если послѣ двухъ правительственныхъ предостереженій я, Краевскій, замѣчу въ какой-либо статьѣ, предназначенной къ печати, что-либо, могущее вызвать преслѣдованіе администраціи, то имѣю право печатаніе таковой пріостановить, сообщивъ мои соображенія Некрасову, а если и затѣмъ между нами не послѣдуетъ соглашенія, то спорный вопросъ разрѣшается третьимъ лицомъ, избраннымъ по общему нашему согласію, преимущественно изъ членовъ совѣта м-ва вн. д. по дѣламъ печати» *).

На сношеніяхъ Некрасова, уже какъ редактора «Отеч. Записокъ», съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати мы останавливаться не будемъ. Отмѣтимъ только, что и эти сношенія и впечатлѣнія отъ русской дѣйствительности вообще настраивали

*) Характерно, что и корректный профессоръ петербургскаго университета Плетневъ, отдавая въ аренду принадлежавшій ему „Современникъ“ Некрасову и Панаеву, также ввелъ въ договоръ пунктъ, ограждающій его матеріальные интересы на случай цензурныхъ репрессій. Цитируемъ его по подлиннику договора, помѣченнаго 30 января 1852 года: „буде отъ неосмотрительности редакціи журналъ подвергнется запрещенію за нарушеніе цензурныхъ постановленій, то Панаевъ и Некрасовъ въ вознагражденіе таковаго ущерба обязаны заплатить г-ну Плетневу неустойку ниже сего означенную“, которая, кстати сказать, составляла кругленькую сумму въ 8571 р. 43 коп. серебромъ.

его все болѣе и болѣе пессимистически. Вотъ характерныя строки изъ письма къ Жемчужникову отъ 26 февраля 1870 г.: «если на Васъ нападаетъ иногда хандра въ Висбаденѣ, то утѣшайтесь мыслію, что здѣсь было бы тоже—вѣроятно, въ большей степени, съ примѣсью, конечно, ропота по поводу тѣхъ неотразимыхъ общественныхъ обидъ, подчиняясь которымъ, намъ, то есть нашему поколѣнію, суждено и въ могилу сойти. Болѣе тридцати лѣтъ я все ожидалъ чего-то хорошаго, а съ нѣкоторыхъ поръ уже ничего не жду, оттого и руки совсѣмъ опустились и писать не хочется. А когда не пишешь, то не знаешь, зачѣмъ и живешь. Благо Вамъ, что Вы, повидимому, до этого еще не дошли». (См. «Русскую Мысль», февраль, 1913 г. «Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. 1. Изъ архива А. М. Жемчужникова»).

Временами поэтомъ овладѣвало отъ созерцанія печальныхъ злобъ дня не свойственное ему настроеніе: рождалось жгучее желаніе отдохнуть за рубежомъ. Авторъ «Тишины», который «подъ небомъ неродимъ блуждая», стремился душой къ сѣверу, потому что

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль,–

въ бытность свою въ 1874 году въ Киссингенѣ обратился къ Е. І. Лихачевой, уѣзжавшей въ Швейцарію, гдѣ она должна была встрѣтиться съ своей пріятельницей Н. П. Сусловой, съ экспромтомъ, впервые напечатанномъ нами въ «Рус. Бог.» (№ 8, 1913 года):

Уѣзжая въ страну равноправную,
Гдѣ живутъ безъ чиновной амбиціи
И почти безъ надзора полиціи,
Тамъ найдете природу вы славную.

Тамъ подругу вы по сердцу встрѣтите
И какъ время пройдетъ—не замѣтите.

А поживши тамъ время недолгое,
Вы вернетесь въ отчизну прекрасную,
Гдѣ имѣютъ правительство строгое
И природу несчастную.

Тамъ Швейцарію вѣрно вспомянете
И, какъ солнышко ярко засвѣтится,
Собираться опять туда станете.
Дай Богъ всѣмъ намъ тамъ весело встрѣтиться!

Художественная цѣнность этихъ стиховъ, само собой разумѣется, не велика; не даромъ самъ Некрасовъ заключилъ свой экспромтъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пусть не кажется въ этихъ стихахъ
Слабоуміе вамъ удивительно,
Такъ какъ при здѣшнихъ водахъ
Напряженье ума непользительно—

тѣмъ не менѣе сдѣланное въ нихъ противопоставленіе между Россіей и Западомъ представляется весьма характернымъ.

Относящееся къ тому же 1874 году массовое «хожденіе въ народъ», репрессіи противъ его участниковъ, начало цѣлаго ряда политическихъ процессовъ усилили душевную боль поэта-народолюбца, къ которому, къ тому же, медленными, но вѣрными шагами уже подкрадывался неумолимый недугъ. Хотѣлось въ пламенныхъ стихахъ выразить сочувствіе «честнымъ и доблестно павшимъ», хотѣлось на вѣчныя времена заклеймить торжествовавшій побѣду обскурантизмъ, но надъ устами поэта тяготѣлъ неумолимый цензурный запретъ. «Трудно измыслить что-нибудь цензурное», писалъ Некрасовъ въ началѣ 1876 года въ редакцію «Новаго Времени», и въ этой простой фразѣ заключается цѣлая повѣсть о мукахъ невысказанныхъ словъ.—Сходнымъ мотивомъ заканчивается написанное лѣтомъ того же года, въ «полное собраніе» не вошедшее стихотвореніе «Угомонись, моя муза задорная». Заявляя родинѣ, что онъ не боится ея «суда строгаго», поэтъ продолжаетъ:

„Чистъ предъ тобою я, мать,
Въ томъ лишь виновенъ, что многаго, многаго
Здѣсь мнѣ не дали сказать".

Кой-что, правда, Некрасову все-таки удалось сказать, но сказанное является, безъ сомнѣнія, лишь блѣдною тѣнью того, что просилось на уста. Однако, и за эту «блѣдную тѣнь» цензурное вѣдомство заставило испить умирающаго поэта горькую чашу униженій, о которыхъ подробно повѣствуетъ въ неизданныхъ замѣткахъ А. А. Буткевичъ. Вотъ что писала въ одной изъ нихъ сестра поэта, отвѣчая на вопросъ, «почему многіе стихи Некрасова не вошли при жизни его въ «Послѣднія пѣсни» и почему нѣкоторые изъ вошедшихъ были сокращены»: «издавая «Послѣднія пѣсни» въ послѣдній годъ своей жизни, братъ выпустилъ изъ нихъ все, что хоть сколько-нибудь могло быть поводомъ къ столкновенію съ цензурой, относившейся къ нему, во время

болѣзни, крайне придирчиво. Онъ помѣстилъ только самое, по его мнѣнію, невинное, боясь, чтобы книги не подверглись аресту — выдержавъ только что цензурную бурю. Не смотря на всѣ усилія отстоять только что написанную имъ въ Крыму новую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо»—«Пиръ на весь міръ», усилія не увѣнчались успѣхомъ: «Пиръ», напечатанный уже въ «От. Зап.», былъ, по распоряженію предсѣдателя ценз. ком. Григорьева, вырѣзанъ. Я помню канунъ этого дня. Когда № «От. Зап.» былъ арестованъ въ типографіи за стихотвореніе Некрасова, братъ послалъ за цензоромъ Петровымъ и битыхъ два часа доказывалъ ему всю несообразность такихъ на него нападокъ. Онъ указывалъ на множество мѣстъ въ предшествовавшихъ частяхъ той же поэмы, которыя, съ точки зрѣнія цензоровъ, скорѣе могли бы подвергнуться запрещенію; разъяснялъ ему чуть не каждую строчку въ новой поэмѣ, то подсмѣиваясь надъ нимъ ядовито, то жестоко пробирая и его, и всю клику... Петровъ выслушивалъ всѣ упреки терпѣливо: понималъ ли онъ всю скорбь поэта, которому заботливая цензура, напутствуя его въ вѣчность, въ послѣдній разъ залѣзла въ мозгъ со своими адскими ножницами, чтобы очистить мысли отъ «*Канупера*» *), или просто томился безплодностью преній, зная напередъ, что: «хотя ты сейчасъ умри, а мы все-таки не пропустимъ». Петровъ пыхтѣлъ, сопѣлъ и отиралъ потъ съ лица, какъ послѣ жаркой бани, и только по временамъ мычалъ отрывистыя фразы: «да успокойтесь, Н. А.», или «вотъ поправитесь, передѣлаете,—тогда и пройдетъ».

Чѣмъ-то прямо-таки трагическимъ вѣетъ отъ этой сцены объясненія между одолѣваемымъ невыносимо-мучительной болѣзнью поэтомъ, который давно уже опредѣлилъ свое отношеніе къ краснымъ крестамъ гг. цензоровъ яркими словами: «это кровь моя проливается» (см. стих. «О погодѣ»), и твердокаменнымъ охранителемъ основъ. Однако, цензурныя мытарства умирающаго Некрасова не кончились этой сценой. Въ 20-хъ числахъ марта 1877 г.

*) Кануперъ—названіе сильно пахнущаго растенія; это слово употреблено, между прочимъ, въ стих. Некрасова „Газетная“, отставной цензоръ разсказываетъ здѣсь своему собесѣднику:

„Напримѣръ, Вальтеръ Скотъ или Куперъ
Ихъ на вѣру иной пропускалъ,
Но и въ нихъ открывалъ я *Канупера!*
(Такъ онъ вредную мысль называлъ)“.

выяснилось новое очень непріятное для Некрасова обстоятельство, о которомъ мы передаемъ словами той же Буткевичъ: «Отпечаталась 7-ая часть «Послѣднія пѣсни» и должна была до Святой поступить въ цензуру, но, сверхъ ожиданія, пріемъ былъ прекращенъ раньше, и дѣло откладывалось до Фоминой недѣли. Братъ былъ очень разстроенъ — выходъ книги отстрочился на три недѣли.

«Для меня,—говорилъ онъ,—это цѣлая вѣчность, когда каждый день можетъ быть послѣднимъ. Я хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, успокоиться на счетъ судьбы моей книги. «Пошли,—сказалъ онъ мнѣ,—за Скороходовымъ, вели ему съѣздить къ цензору Лебедеву и попросить, нельзя ли принять не въ очередь и пересмотрѣть».

Но Лебедевъ сказалъ, что безъ разрѣшенія Петрова онъ не можетъ ничего сдѣлать. Братъ продиктовалъ мнѣ письмо къ Петрову, гдѣ просилъ его разрѣшить Лебедеву просмотрѣть частнымъ образомъ, но передумалъ послать письмо: «Не хочу я у нихъ ничего просить. Пусть будетъ, какъ будетъ».

На столѣ лежали только что «записанные мною стихи: «Черный день». Братъ взглянулъ на нихъ: поправь, пожалуйста, тамъ—напиши: «друзей, враговъ и цензоровъ».

На слѣдующій день—это было 25 марта—Анна Алексѣевна рѣшилась, не говоря брату, одна попытать счастья и попросить лично Петрова. «Я пріѣхала къ нему, разсказываетъ она, около одиннадцати часовъ, онъ только что воротился изъ церкви. Я воспользовалась этимъ, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло; сказала, что долгъ всякаго христіанина, если ему представляется возможность, успокоить умирающаго, что всѣ стихи уже были предварительно помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ началъ перелистывать книгу и остановился на послѣднемъ стихотвореніи *), надъ этой отходной, которую братъ написалъ себѣ. Я слѣдила за выраженіемъ его лица (цензора). Я думала: «не можетъ быть, чтобы у него не дрогнуло сердце», но ни одинъ мускулъ не шевельнулся на его мясистомъ лицѣ. Передо мной сидѣлъ цензоръ и пережевывалъ каждое слово. Наконецъ, причмокнувъ своей толстой губой: «А что это значитъ: «еще вчера мірская злоба»... какая эта злоба?» Я очень хорошо знала, къ чему это относилось. Но я это скрыла и объяснила, что такіе люди, какъ Некрасовъ, имѣютъ много враговъ, не разъ уже на него клеветали, теперь, можетъ быть, взвели

*) „Баюшки-баю“.

какую-нибудь небылицу. «Да, объ немъ говорятъ много нехорошаго, но неужели онъ читаетъ, что объ немъ пишутъ?»—Нѣтъ, но, можетъ, случайно попало что-нибудь,—отвѣчала я... Онъ обѣщалъ, что если книга не представляетъ ничего зловреднаго, выпуститъ ее черезъ нѣсколько дней. Я пріѣхала къ брату; такъ какъ онъ былъ въ спокойномъ состояніи, то ему и сказала, что я была у Петрова и что онъ обѣщалъ исполнить его желаніе».

Вотъ тѣ факты, которые дали А. А. Буткевичъ право уже послѣ смерти Некрасова въ неизданномъ письмѣ къ Пономареву (отъ 5 іюля 1878 года) говорить: «Вы не повѣрите, какъ страшно цензура тѣснила его въ послѣдній годъ его жизни. Боялась ли она вліянія Некрасова на молодежь, которое дѣйствительно замѣтно возрастало?..».

Вѣрность нарисованной Буткевичъ картины подтверждается и дневниками Пыпина («Современникъ», № 1, 1913 г.), и воспоминаніями Бѣлоголоваго. Послѣдній разсказываетъ, между прочимъ, что Некрасовъ, для котораго невозможность напечатать «Пиръ на весь міръ» являлась «неожиданнымъ ударомъ», встрѣтилъ его словами: «Вотъ оно наше ремесло литератора. Когда я началъ свою литературную дѣятельность и написалъ первую свою вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами; прошло съ тѣхъ поръ 37 лѣтъ, и вотъ я, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе и опять таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами!» Какъ ни старались успокоить его друзья, онъ очень горячился и нѣсколько разъ принимался за передѣлку поэмы, пользуясь короткими промежутками между страшными болями и записывая стихи на отдѣльныхъ листахъ бумаги».

Можно себѣ представить, насколько тяжело давалась поэту необходимость у самаго преддверія могилы кромсать свое послѣднее дѣтище, стараясь приспособить его къ требованіямъ цензуры, т. е. вновь прибѣгать къ тѣмъ компромиссамъ, которые отравили всю его жизнь».

Таковы были послѣднія впечатлѣнія отъ продолжавшагося почти сорокъ лѣтъ общенія одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей нашей литературы съ цензурнымъ вѣдомствомъ. Если въ исторіи русской общественности XIX вѣка повелось говорить о «позорной памяти крѣпостномъ правѣ», то въ лѣтописяхъ русской литературы съ неменьшимъ основаніемъ слѣдовало бы употреблять выраженіе: «позорной памяти отечественная цензура». Помѣщики-

крѣпостники любили въ свое оправданіе ссылаться на то, что власть ихъ надъ крестьянами основывается на ихъ культурномъ превосходствѣ; что же касается россійской цензуры, то она не могла прибѣгнуть даже и къ этому софизму, такъ какъ вся ея сущность сводилась къ опекѣ надъ наиболѣе интеллигентной и даровитой частью русскаго общества со стороны, въ большинствѣ случаевъ, невѣжественныхъ и недоброжелательныхъ чиновниковъ-рутинеровъ, поставленныхъ силою судебъ въ положеніе Вольтеровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ автора. 1

Изъ жизни Н. А. Некрасова.

I. Изъ семейной хроники рода Некрасовыхъ. 1
II. Некрасовъ и его отецъ. 17
III. Гимназическіе годы Некрасова. 54
IV. Некрасовъ въ началѣ 40-хъ годовъ. 87
V. Некрасовъ въ роли редактора-издателя «Современника». 120

Н. А. Некрасовъ и русская общественность.

I. Народолюбіе Некрасова и его источники. 143
II. Некрасовъ — пѣвецъ героическихъ порывовъ русской интеллигенціи. 191
III. Некрасовъ и современныя ему реакціонныя теченія. . 215
IV. Изъ исторіи отношенія къ Некрасову интеллигентнаго общества и учащейся молодежи. 249
V. Некрасовъ и читатели изъ народа. 266
VI. Цензурныя мытарства Некрасова. 296

Некрасовъ Николай (сынъ) Маиора Алексѣева.

Мѣсяцы	Закон Божий		[illegible]		[illegible]		[illegible]		[illegible]		Географія		Исторія и Статистика		Нѣмецкій языкъ		Французскій языкъ		[illegible]		Поведеніе					
	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи	прилежаніе	успѣхи						
Сентябрь	4	4	2	2	3	3	3	3	3	3	2	3	4	3	2	2	4	3	1	1	хорошего	—		—	—	
Октябрь	4	4	2.	2.	3	3.	3.	3.	3.	3.	2.	2.	4.	4.	2.	2.	4.	3.	1.	1.	хорошего	96.	—	—	1.	
Ноябрь	4.	4	2.	2.	2.	2.	1.	1.	3.	3.	2.	2.	4.	4.	1.	1.	3.	4.	2.	3.	изряднаго	88.	1	1	1.	
Декабрь	4.	4.	2.	2.	3.	3.	3.	3.	1.	2.	2.	2.	3.	3.	2.	2.	3.	3.	2.	2.	изряднаго	70.	6	—		
Январь	3.	3.	2.	2.	3.	3.	3.	3.	2.	2.	2.	2.	3.	3.	1.	1.	3.	3.	2.	2.	изряднаго	76.	4	12	—	
Февраль	4	4	[illegible]	3	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	3	2	2	3	3	1	1	[illegible]	3	2	2	[illegible]	74.	34	—	—	
Мартъ	4	4	3	3	2	2	3	3	2	2	3	3	3	3	2	2	2	2	2	2	[illegible]	66.	19	—	—	
Апрѣль	4	4	3	3	2	2	2	2	3	3	1	1	3	3	3	3	4	4	2	2	[illegible]	40.	—		1.	
Май	4	4	3	5	1	1	2	2	3	3	2	2	3	3	3	3	3	3	2	2	хорошаго	90.	—	1	1.	
Іюнь	4	4	3	3	1	1	2	2	2	2	2	2	3	3	2	2	3	3	1	2	хорошаго	66.	5	—		
		4.		2.		2.		2.		2.		1.		3.		3.		3.		2						
	43		27		24		26		23		22		35		22		34		21			646.				

Некрасовъ Николай (сынъ) Маиора Алексѣева. Поступилъ въ Гимназію Январѣ 183[illegible] г.

Мѣсяцы																							Поведеніе
Сентябрь	2	2	2	2	—	..	2	2	3	3	2	2	—	..	3	2	2	2	2	1	1		хорошаго
Октябрь	3	3	3	3	3	3	2	2	2	2	3	3	—	..	3	3	2	2	2	2	1	2	хорошаго
Ноябрь	3	3	3	3	3	3	2	2	2	2	.	[illegible]	—	..	2	2	2	3	2	2	2	2	хорошаго
Декабрь	3	3	4	4	3	3	2	2	3	3	3	3	—	..	2	2	3	3	2	2	2	2	хорошаго
Январь	2	2	3	3	3	3	2	2	2	2	2	2		..	2	2	2	2	2	2	2	2	хорошаго
Февраль	3	3	3	3	4	4	2	2	2	2	2	2		..	2	2	2	2	2	2	2	2	хорошаго
Мартъ	3	3	3	3	3	3	2	2	1	1	1	1	—	..	2	2	3	3	2	2	2	2	хорошаго
Апрѣль	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	..	..		..	2	2	2	2	2	2	2	2	хорошаго
Май	3	3	3	3	3	3	1	1	2	2	3	3	—	—	1	1	3	3	1	1	2	2	
Іюнь	3	3	2	3	2	3	1	2	3	3	2	2	—	—	1	2	3	3	1	1	1	2	
Экз.																							
Всего																							

Некрасовъ Николай (сынъ) Маиора Алексѣя. Поступилъ въ Гимназію 1832 Августа 17 дня.

Мѣсяцы																							Поведеніе						
Сентябрь	3.	3.	3.	3	—	..	2.	2	2	2.	3	3	—	..	3.	3	2	2.	2	2	2	2	изряднаго	65	—	—	—	—	—
Октябрь	3	3	3	3	—	..	2	2	2	2	3	3	1	1	3	3	1	1	3	3	2	2	изряднаго	82.	—	—	—	1.	
Ноябрь	3	3	4	3	4	3	1	2	2	2	2	2	1	2	3	3	2	2	2	2	2	2	изряднаго	88	2	—	—	4.	2
Декабрь	[illegible]																							56	32	—	—	~~4~~	2
Январь	[illegible]																							71.	71.	—	—	—	—
Февраль	[illegible]																							38.	24	—	—	—	—
Мартъ	[illegible]	[illegible]	3	[illegible]	2	[illegible]	[illegible]	[illegible]	2	[illegible]	[illegible]	2			[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	изряднаго	52.	6.	2.	6.	2.	
Апрѣль	небо ыль		2	2	2	2	1	1	1	1	.	3			[illegible]								изряднаго	46	4	206.	2.	—	
Май	2	2	3	3	3	3	1	1	1	1	3	3	—	..	2	2	2	2	2	2	2	2	изряднаго	80		—	..	—	
Іюнь	2	2	3	3	3	3	1	1	1	1	3	3	—	..	2	2	2	2	2	2	1	2	[illegible]	67			3.		
Экз.	2.		2		2.		1		1		3		—		2		2		2					65	[illegible]	[illegible]	2	[illegible]	
	18		213		15		12.		12.		22		— ..		19.		11.		17										

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА,

Тверская, д. 29, кв. 46. Телефонъ 338—45.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. I. Пер. съ франц Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. II. Ц. 2 р.

П. Моранъ. Павелъ I до воцаренія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Ц. 3 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. I. Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Ц. 2 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. II. (печатается).

Шуазель Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. съ франц. З. Мировичъ. Вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Біографическій очеркъ. Цѣна 40 к.

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Ц. 50 к.

В. Брусянинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Ц. 50 к.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Ц. 60 к.

Бекфордъ. Ватекъ. Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватека“ П. Муратова. Цѣна 80 к.

Ф. Кроммелинкъ. Ваятель масокъ. Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Ц. 50 к.

Кристоферъ Марло. Трагическая исторія доктора Фауста. Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. Ц. 80 к.

Ф. М. Клингеръ. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣм. со вступ. статьей и примѣчаніями А. Лютера. Ц. 1 р. 80 к.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. Переводы и характеристики П. Муратова. *Томъ I. Часть I. Новеллисты Треченто:* „Новеллино“—„Цвѣточки св. Франциска Ассизскаго“—Боккаччіо—Франко Саккетти—Серкамби—Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты Кватроченто.* Новелла о Столярѣ—Св. Бернардинъ Сіенскій—Илличини—Сермини—Мазуччіо—Корнаццано. Цѣна 2 р. 50 к.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. *Томъ II. Часть III. Новеллисты Чинквеченто.* Мольца — Банделло—Аньоло Фиренцуола —Граццини—Дони - Фортини—Джиральди—Парабоско —Де Мори—Страпарола—Малеспини—Баргальи. Ц. 2 р. 50 к.

Жераръ де Нерваль. Сильвія. Октавія. Изида. Аврелія. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 руб.

Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ норвежскаго Р. Тираспольской. Вступительная статья гр. Де-ла-Бартъ. Т. 1 и 2. Цѣна каждаго тома 1 р.

Рихардъ Демель. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ дополненіями автора для русскаго изданія. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. 1-й. Автобіографія. Спутникъ человѣческій. Трагизмъ и драма. Т. 2-й. Странички жизни. Новеллы. Пер. съ нѣм. Л. Горбуновой. Цѣна каждаго тома 1 р. 20 коп.

Г. Жулавскій. Собраніе сочиненій. Т. I. На серебряномъ шарѣ. Ром. Пер. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Г. Жулавскій. Собр. соч. Т. II. Побѣдитель. Ром. Перев. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Ж. К. Гюисмансъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Тамъ внизу (Бездна). Перев. Ю. Спасскаго. (Наложенъ арестъ). Цѣна 1 р. 25 коп. Т. 2. Въ пути. Цѣна 1 р. 50 к. Т. 3. Парижскіе арабески. Цѣна 1 р.

Е. Милицина. Разсказы. Томъ III. Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Русовъ. Озеро. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изданіе второе. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Любовь возвращается. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Русовъ. Повѣсти. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Въ старой усадьбѣ. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ. Цѣна 60 к.

Н. Клюевъ. Лѣсныя были. Книга 3. Ц. 60 к.

Н. Клюевъ. Сосенъ перезвонъ. Изданіе 2-е. Цѣна 60 к.

В. Эльснеръ. Современные нѣмецкіе поэты. Цѣна 1 руб.

Н. Дружининъ. Право и личность крестьянина. Цѣна 1 р. 20 к.

Церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. Объяснительная статья Н. Первухина. Фотографіи И. Лазарева, П. Мосягина и С. Шитова. Рисунокъ обложки С. Малютина. Ц. 16 р.

Райнеръ Марія Рильке. Замѣтки Мальте Лауридсъ Бригге. Цѣна за 2 томика 1 р. 30 к.

Аббатъ Жоржель. Путешествіе въ Петербургъ въ царствованіе Императора Павла I. Перев. Н. Соболевскаго. Ц. 1 р 20 коп.

Просперъ Мериме. Избранные разсказы. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 р. 25 к.

С. Ауслендеръ. Послѣдній спутникъ. Романъ въ 3 частяхъ. Цѣна 1 руб.

Романъ Тристана и Изольды. Въ изложеніи Ж. Бедье. Переводъ Е. С. Уреніусъ. Цѣна 1 р.

Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти, разсказанная имъ самимъ. Пер. В. Г. Малахіевой—Мировичъ. Подъ редакціей Бор. Зайцева. Вступительная статья А. А. Андреевой. Ц. 2 р. 50 к.

Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленіи отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями П. Н. Сакулина. Цѣна 90 к.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы, книга четвертая. Цѣна 1 р. 50 к.

Павелъ Сухотинъ. Стихотворенія. Цѣна 75 к.

ДОИЗ
ДЕШЕВАЯ КНИГА
К. 2 Р. 50 К.

XLIX.

ЦѢНА 2 Р.